

КАМИЛЛА ГРЕБЕ

«Гребе удалось создать универсальный сюжет, в котором, как в античной трагедии, человек подчиняется судьбе и безжалостному року».

Politiken

ОХОТА НА ТЕНЬ

18+

Annotation

1944 год. Стокгольм. В районе, пользующемся дурной славой, совершено жестокое убийство. Одной из первых на место преступления прибывает Элси Свеннс, молодая девушка, недавно поступившая на полицейскую службу. Убийца не торопится бежать от стражей порядка, и когда Элси оказывается у него на пути, ее участь уже предрешена...

Тридцать лет спустя Бритт-Мари Удин, одна из первых женщин-детективов в Швеции, начинает расследование запутанного дела. От места преступления ее бросает в дрожь: все слишком напоминает кошмар ее прошлого: много лет назад в этих трущобах, прозванных в народе Болотом, погибла ее мать. Преступник во всем остался верен своему стилю. Но только на этот раз жертва выжила.

Коллеги не воспринимают Бритт-Мари всерьез, но она обладает силой, с которой стоит считаться, и кажется, что она вот-вот приблизится к разгадке. Однако ее упорства оказывается недостаточно, чтобы вступить в схватку с безжалостным убийцей. Преступник ускользает, а вместе с ним пропадает и Бритт-Мари.

В 80-е годы ее загадочное исчезновение начинает вызывать вопросы. Кажется, так называемый Болотный Убийца вновь напомнил о себе. Очередное убийство, после стольких лет. Полицейские обращаются к Ханне, профайлеру, надеясь, что она поможет выйти на след преступника. Но все безрезультатно, убийца неуловим.

И вот уже 2019 год. За дело берется Малин Брундин, она верит, что ей удастся остановить Болотного Убийцу, который столько лет ускользал от правосудия.

Ведь на протяжении стольких лет женщины, которые отвоевывали свое место в мире, безраздельно принадлежащем мужчинам, в одиночку ведут охоту на тень. Неужели убийца вновь ускользнет?

-
- [Камилла Гребе](#)
 -
 - [Элси](#)

- 1
- Бритт-Мари
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
 - 12
 - 13
 - 14
 - 15
 - 16
 - 17
 - 18
 - 19
 - 20
 - 21
 - 22
 - 23
 - 24
 - 25
 - 26
 - 27
 - 28
 - 29
 - 30
 - 31
 - 32
 - 33
 - 34
 - 35
 - 36

- [37](#)
- [Малин](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
- [Охотник за тенью](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
- [От автора](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

- [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
-

Камилла Греббе

Охота на тень

Посвящается Катарине

*Nolite te bastardes carborunorum.
Не позволяй ублюдкам растоптать тебя.*

Маргарет Этвуд. «Рассказ служанки»

Camilla Grebe
SKUGGJÄGAREN (THE SHADOW HUNTER)

© Camilla Grebe, 2019
© Николаева М., перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Способны ли слова унимать боль и исцелять?

Возможно ли облечь в слова непостижимое? Чтобы взглянуть со стороны, понять, и даже однажды оставить позади? Словно место, где провёл много времени, но после долгих раздумий всё же решил покинуть?

Если я стану складывать слова в предложения и мне удастся вдохнуть искру жизни в свой рассказ — вывезет ли меня этот плот из кромешной тьмы?

Я буду стараться.

Вот мой рассказ, мой спасательный плот. Вначале я расскажу об Элси Свеннс.

Она, если хотите, первая героиня этой книги. А ещё — первая жертва. Очевидно, Элси не подозревала об этом в 1944 году, поздним февральским вечером, сидя на корточках перед маленьким мальчиком в полицейском участке Клары.

Элси

Стокгольм, февраль 1944 года

Мальчишка, не больше пяти лет от роду, был одет в рванину, и вшей у него было полно. В давно невымытых волосах они просто кишели.

— Где живет твоя тётя? — сделала очередную попытку Элси.

Мальчишка не издавал ни звука. Он упрямо сжал губы и глядел вниз, на свои стоптанные башмаки.

Мать мальчонки, Шальная Сара, спала пьяным сном в женской предварилровке, а отца у него и вовсе не было, насколько было известно Элси и констеблям, доставившим Сару в участок на улице Самюэльсгатан менее часа назад.

Двое мужчин в гражданском вошли в узкий коридор, который вел в казарму к неженатым полицейским. Одного из них Элси смутно припоминала. Ходили слухи, что он из Службы. Там борются с угрозами государственной безопасности. Только о таком вслух не говорят, даже в полицейском участке.

Позади себя мужчины оставили едва уловимый запах сигаретного дыма. Мальчишка вдруг зашаркал ногами по полу, и Элси тяжело вздохнула. Она уже всё перепробовала — прямо ужом перед ним вилась. Налила теплого молока, даже не пожалела для него кусок марципана, который констебли добыли поутру в кондитерской лавке на Дроттнингсгатан. Всё без толку.

Глядя на этого малыша, Элси задумалась о той семье, какая могла бы быть у неё.

У Элси был жених, Аксель. Он был родом с севера — огромный, как медведь. И сердце у него было золотое.

Четыре года назад перевернулся и затонул паром, который должен был переправить два взвода солдат Боденского инженерного полка через озеро Армашерви в Турнедален. Вода была ледяной, а солдаты — в полной амуниции. У Аксея не было ни единого шанса, таким он был большим и тяжелым.

А спустя всего месяц после его гибели Элси поняла, что ждет ребенка. Слишком поздно было что-то предпринимать по этому поводу. В любом случае Элси не хотела обращаться в подпольный

абортарий — велик был риск истечь кровью на полу в каком-нибудь подвале.

Следующей весной Элси без лишнего шума родила дочь. Среди её знакомых нашлась женатая пара — Вальдемар и Хильма — которые согласились позаботиться о малышке Бритт-Мари, по крайней мере, до тех пор, пока Элси не встанет на ноги. «Встать на ноги» на практике должно было означать замужество. Но у Элси больше не было жениха, так что, оставляя свою крошку вместе с нехитрым приданым — помолвочным кольцом, которое ей подарил Аксель — на попечение Хильмы и Вальдемара, Элси знала, что, вероятно, никогда не сможет забрать Бритт-Мари.

С тех пор не проходило и дня, чтобы Элси не тосковала по Акселю и Бритт-Мари, по семье, иметь которую ей не позволила судьба. Но Элси сумела сделать шаг вперед. Жизнь продолжалась, ибо именно этим жизнь и занимается. Элси неплохо устроила свой быт, уехав далеко от шведской деревушки Корсхольм в финском Эстерботтене, где она родилась.

Теперь Элси служила полицейской сестрой в Кларе и снимала комнату у одной вдовушки в новом многоквартирном доме на улице Корсбэрсвеген у таможи Рослагстуль. В этом доме были собраны все современные блага, включая ванну и электрическую плиту, которая включалась, когда скормишь ей жетон. Здесь всё было иначе, совсем не так, как в ночлежке на Вальхаллавеген, где прежде обитала вдова со своими тремя детьми. [\[1\]](#)[\[2\]](#)

Каждый день Элси ездила на трамвае от Восточного вокзала до площади Норрмальмсторьет, а затем короткой тропой бежала в полицейский участок на улице Самюэльсгатан.

Очень достойная жизнь.

Неизмеримо лучше, чем была у её матери или бабушки. Непросто было осознать, что теперь женщины могли делать практически всё то же самое, что и мужчины, — работать, голосовать, самостоятельно заботиться о себе и жить независимо. И даже служить в полицейском участке — в самом сердце мужского мироздания.

Мерта Карлссон поднялась со своего места за столом в трактире «Три рёмера» на углу Регерингсгатан. Покачнувшись, она схватилась за спинку стула, чтобы удерживаться на ногах. Потом украдкой потянулась к корзинке и тихонько сунула хлеб себе в сумочку.

Её подждал мужчина в пальто и шляпе, в руках у него был портфель светлой кожи. Он взял Мерту под руку, и они стали нетвердым шагом пробираться между столиками к выходу.

Мерте сегодня подфартило, да ещё и как. Этот мужчина — птица высокого полёта, могущественный и — что самое главное — состоятельный. И платил он щедро, с некоторых пор Мерте это было известно. Ко всему прочему, он не затягивал свое дело, да ещё и пах хорошо. Ни от его тела, ни из его рта не исходил этот противный дух, который Мерта не выносила.

— Могу я угостить даму сигаретой? — поинтересовался спутник, когда они с Мертой выбрались на воздух.

Она плотнее запахнула плащ и, ища опоры, схватилась за фонарный столб — Мерте казалось, что земля под ногами качается. Однако прикосновение к ледяному железу словно огнём обожгло руки. Мерта отдернула их и попыталась согреться, растирая ладони.

Её спутник вынул из кармана серебристый портсигар с гравировкой в виде щита на крышке, но мир благородных господ был страшно далёк от мира Мерты, и та понятия не имела о том, что это за герб. Ей даже не было любопытно. Она взяла предложенную сигарету и наклонилась вперед, когда её спутник привычно щёлкнул зажигалкой. Мерта втянула дым в лёгкие.

— Чёрт побери, — пробормотала она, — настоящий табак. Уже позабыла его вкус.

Мерта широко улыбнулась, слегка отвернув голову в сторону, чтобы мужчина мог видеть только левую половину её рта, где еще находились все зубы.

Спутник Мерты тоже закурил.

— Не пора ли нам? — спросил он, указывая на вымощенную булыжником мостовую, которая расстилалась перед ними в темноте.

Мерта кивнула, и они направились в сторону её жилища на Норра Смедьегатан. Повсюду в темноте они натыкались на небольшие компании. Один мужчина, двигавшийся по тротуару им навстречу,

приветственно кивнул и приложил руку к шляпе. Спутник Мерты поспешно отвёл взгляд.

— Тшш, — предупредительно шепнула Мерта, когда они пришли на место и вошли с улицы в подъезд.

— Обещаю вести себя тихо как мышь, — шепнул он в ответ, положив руку ей на ягодицу.

Мерта фыркнула и потянула его вслед за собой через внутренний двор к дому на второй линии. Снежинки ложились ей на волосы, и Мерта постоянно смахивала их свободной рукой, чтобы старательно накрученные локоны не намокли.

На втором этаже она достала ключ и отперла маленькую дверцу, за которой оказалась крошечная каморка.

Как только они вошли внутрь, Мерта сразу заперла дверь и спрятала ключ в щель между половицами — бывало, что её клиенты пытались ускользнуть, не заплатив.

Мужчина подошел к ней сзади и грубо вцепился руками ей в груди. Он стал их мять и сжимать. Мерте пришлось прикусить язык, чтобы не застонать от боли. Она выждала пару мгновений, а затем вывернулась из его захвата и зажгла светильник у входа.

Вся обстановка комнатёнки, в которой едва удавалось встать в полный рост, состояла из лавки и стула. В ней не было окна, но зато прямо под крышей в одной стене было проделано отверстие. На полу у стены стоял мешок с картошкой, а рядом с ним валялась пара поломанных деревянных ящиков, которые Карл, муж Мерты, обещал починить. Прямо напротив входной двери была другая — та, что вела в комнату, где Мерта обитала с мужем и детьми. Эта дверь была такой низкой, что пришлось бы согнуться пополам, чтобы протиснуться в проём.

С другой стороны двери донесся детский плач.

Это Хольгер, её младшенький.

Вот уже две недели его мучила лихорадка и он кашлял кровью, а Мерта и не знала, что с этим поделать. У нее не хватало денег, чтобы отвести его к доктору, а просить помощи у сестер милосердия она не осмеливалась — они и так уже решили между собой, что Мерта не способна позаботиться о собственных детях.

«Хоть бы он остальных не разбудил», — подумала Мерта. Плач захлебнулся. Наверное, уснул.

Она скинула свои не по погоде тонкие туфли и положила плащ на стул. Повернулась к гостю. Сняла с него шляпу и пальто, и положила поверх своего плаща на стул. Затем привычными движениями расстегнула его ремень и пуговицы на брюках.

Брюки упали на пол, и остались лежать у его бледных ног.

Протянув руку, Мерта констатировала, что член у него слишком вялый.

Она тихонько хихикнула.

— Кто-то здесь приуныл.

— Прости?

— С таким настроем особенно не порезвишься.

Мерта засмеялась в голос, до хрипоты.

— У тебя слишком холодные руки, — ответил гость, отступая на шаг.

— Раньше никто не жаловался, — фыркнула она. Она стояла своих денег, пусть он знает, даже если ничего не выйдет.

Несмотря на то, что света от стеариновой свечи было немного, Мерта заметила, как изменилось выражение его лица. Глаза сузились, зрачки расширились, рот искривился в ухмылке. Он сделал шаг, схватил её за запястья и зашипел:

— Я не позволю какой-то шлюхе так со мной разговаривать.

Капельки его слюны брызнули ей прямо в лицо, и Мерта попыталась отвернуться.

— Ай, пусти!

Он отвесил ей такую пощечину, что Мерта потеряла равновесие и упала на пол.

— Ты просто маленькая грязная шлюшка. Понимаешь?

Мерта была скорее удивлена, чем напугана. Они ведь уже встречались прежде. Он из благородных, из знати, а такие не дерутся, и не пьют беспробудно, и всегда платят по счетам.

Гость наградил Мерту тычком под ребра, не особенно сильным, но содержимое её желудка немедленно фонтаном поднялось к нёбу. Рвотные массы перекрыли дыхание, и Мерта попыталась продуть нос.

Она так привыкла к побоям и от рук мужа, и от клиентов, что практически утратила чувствительность. А вот рассудок остался при ней — в этом ремесле без него никак, или долго не протянешь.

Мерта отползла к низкой дверце, что вела в её жилище, и распахнула её, а потом на четвереньках влезла в кухню.

Хольгер сидел на полу у плиты и глядел прямо на неё своими большими светлыми глазами. Из рукавов сорочки торчали тощие, отливающие синевой ручки. Взгляд Мерты зацепился за какое-то пятно у него на груди. Поначалу она решила, что это кровь, но, приглядевшись внимательнее, поняла, что малютку вырвало.

— Хольгер, — выдохнула она. — Тебе надо...

В следующее мгновение гость схватил Мерту за щиколотки и дёрнул назад. Ударившись головой об пол, она осеклась. Мерта принялась шарить в воздухе руками, пытаясь нащупать хоть что-нибудь, за что можно было бы схватиться, но ей попало лишь кухонное полотенце, край которого свисал с лавки, стоявшей у плиты. Мерта ухватилась за ткань, и вместе с полотенцем потянула за собой разложенную на нём для просушки посуду, когда гость вновь рывками стал тащить её назад, в каморку. Посуда разлетелась вдребезги, и осколки рассыпались по полу.

Мерта всё ещё не чувствовала страха.

Она думала о хлебе, что прихватила в трактире. «Нужно обязательно потом отдать его Хольгеру. Раз его вырвало, ему непременно нужно хоть чуть-чуть поесть».

— Хольгер! — закричала Мерта.

Гость тем временем сантиметр за сантиметром втаскивал Мерту обратно в каморку. Личико Хольгера с глубоко запавшими глазами и пятно рвоты у него на груди исчезли из вида. Мерта ничего не могла сделать, только упрямо цеплялась за полотенце и волочила его за собой, вместе с деревянной поварешкой и осколками посуды.

Гость захлопнул дверь, наклонился и достал из своего портфеля какой-то металлический предмет.

— На спину! — прорычал он.

Когда она отказалась подчиниться, он ударил её ногой в живот. Удар был такой силы, что у Мерты перехватило дыхание.

Он рывком перевернул несчастную лицом к себе и свободной рукой схватил её за волосы, а затем с силой ударил головой об пол.

Бум. Бум. Бум.

Вот теперь Мерта завопила как безумная от невыразимого ужаса.

Впервые ей стало по-настоящему страшно — потому что в неверном свете стеариновой свечи она разглядела, что за предмет держал в руках её гость.

* * *

— Фрёкен Свеннс?

Элси поспешно вскочила с места и сделала небольшой книксен. Одёрнула форменную юбку, которая была ей тесновата.

— Да, старший констебль?

Широко расставив ноги, в дверном проёме стоял Седерборг, держа в руках старый номер «Полицейских Расследований». После секундного колебания он сощурил глубоко посаженные глаза и заговорил:

— Фрёкен Свеннс может сопровождать констеблей Буберга и Старка на улицу Норра Смедьегатан. Мы получили сообщение о серьёзном скандале в одной из квартир, но все оборудованные радиосвязью автомобили заняты, и я не могу переговорить с Обергом и Цеттерквистом.

Оберг и Цеттерквист сегодня вечером осуществляли пешее патрулирование третьей линии. Очевидно, они не заметили мигания лампочки на пожарном извещателе, и потому не телефонировали в участок. А радиомобили в последние дни всё чаще выезжали на вызовы, тем более что на весь Стокгольм таких машин было только восемь.

— Чёрт знает, где их носит, — пробормотал старший констебль. — Небось стоят и курят себе на каком-нибудь крыльце, как обычно. Шалопаи, вот они кто.

Едва он договорил, как Элси поспешно схватила со стула пальто и перчатки. Её сумочка при этом свалилась на пол и раскрылась, и оттуда вылетели несколько продуктовых талонов.

— Если, конечно, у фрёкен Свеннс нет более важных дел, — сухо закончил старший констебль.

Элси залилась краской и в спешке сгребла в кучу свои вещи.

— А мальчик? Что с ним делать?..

— Он побудет пока в предвариловке, вместе с мамашей, — нетерпеливо прервал её Седерборг. — В той квартире на Норра Смедьегатан как пить дать кишмя кишит малышня, так что я хотел бы, чтобы туда отправилась фрёкен Свеннс.

— Так точно, старший констебль.

— И будьте осторожны!

Элси подняла взгляд на начальника и серьёзно кивнула. Она надела пальто и бросила последний взгляд на маленького мальчика, теребившего край плотной бумаги, которая в целях затемнения была прикреплена к оконной раме кнопками. Взгляд его будто остекленел, а из груди внезапно вырвался хриплый кашель. На кончике маленького носа каплей повисла сопля, в свете лампы казавшаяся ярко-жёлтой.

Буберг и Старк уже поджидали её в сумерках снаружи. Редкие снежинки тут же подхватывал порывистый ветер и уносил прочь.

— Фрёкен Свеннс, — просиял констебль Буберг.

Буберг был Элси по нраву. Он всегда был приветлив, и частенько угощал её сигареткой или чашечкой суррогатного кофе. Можно было даже подумать, что Буберг питал к Элси тот самый интерес.

Вот только он женат и у них был малыш.

Буберг снова улыбнулся и потёр покрасневший нос. Взглянув в его добрые глаза, Элси почувствовала, как заныло сердце от тоски по тому, что могло бы сбыться, если бы не эта ужасная война. Она привыкла к затемнению, продуктовым талонам и палёному кофе. Элси научилась обходиться без горячей воды и новой одежды. И даже ужасные толстые трубы, которые повсеместно лежали в парках, чтобы те, кому не посчастливилось спрятаться в бомбоубежище, могли во время авианалёта укрыться под их защитой, — даже эти уродливые трубы не беспокоили Элси. Но тоска по утраченному будущему, которое принадлежало им с Акселем и их малютке-дочке, не отпускала ни на мгновение. Эта тоска точила её душу по ночам и следовала за нею по пятам днем, словно маленький злобный зверёныш, непрощенный и нежеланный питомец, которого по непонятной причине ей приходилось кормить.

Вместе они быстро миновали небольшой участок пути до Дроттнинггатан и свернули направо. В сумерках мимо проехал омнибус. Вплотную к фасадам домов примыкали аккуратно сложенные штабеля дров, за которыми вольготно обитали жирные городские

крысы. Компания перевозбужденной свингующей молодежи направлялась, по всей видимости, в какое-то заведение или даже подпольный клуб. Несмотря на явный мороз, полы их пальто были распахнуты, и узкие черные галстуки развевались на ветру, как флаги. Каждый из них одной рукой удерживал на затылке широкополую шляпу, чтобы её не унесло ветром.

У входа в гостиницу «Хотель де Суэде» сгрудилась кучка пёстро одетых гуляющих, а водитель стоящего поблизости такси возился с газогенератором. С другой стороны улицы сияли стеклянные эркеры гостиницы «Хотель Регинас» и её массивные, отполированные добела латунные двери. Аксель, бывало, отпускал шутку, что брачную ночь нужно провести в этой гостинице, и причём в том самом номере, где в 1917 году ночевал Ленин.

Ветер трепал старую листовку. «Русские бомбят Стокгольм», с ужасом прочитала Элси заголовок.

Еще и недели не прошло с тех пор, как русские действительно бомбили шведскую территорию. Может быть, по ошибке, а возможно — вполне намеренно, здесь мнения людей разнились. В Эриксдале пострадала насосная станция, а на улице Рингвеген взрывная волна раскрошила, словно тонкий лёд, все оконные стёкла.

— Фрёкен Свеннс лучше держаться на шаг позади, когда мы войдем, — сказал Буберг. — Гражданин, который звонил нам, предупредил, что в квартире была какая-то бойня. Звуки были такие ужасные, что соседи решили — дом рухнет.

— Хорошо, — отозвалась Элси, ощущая прилив благодарности к двум крепким констеблям. Она не так уж часто принимала участие в подобных заданиях, особенно теперь. Да и не пристало женщине в одиночку шляться по Болоту (так ещё называют район Клара) в такое позднее время.

Они спустились по Хамнгатан. Впереди уже можно было различить силуэты универмага Сиденхюсет и театра Бланш. Со стороны доносился скрип трамвая, подъезжавшего к площади Норрмальмсторьет.

Мороз кусал за щеки, так что Элси зарылась лицом в воротник и нахохлилась. Им оставалось только повернуть направо, к Норра Смедьегатан.

— Его зовут Карл Карлссон, — сообщил Старк, который до того не произнес ещё ни слова.

Старк обычно бывал суров и молчалив, и Элси до сей поры так и не разгадала, стеснение ли было тому виной или же попросту дурное воспитание. Возможно, причина крылась и в том, и в другом. Или же он был одним из тех, кто считает, что женщинам не место на полицейской службе.

— Карлссон? Снова он? — переспросила Элси.

Карл Карлссон — известный пьяница и бузотёр. В последний десяток лет он только и делал, что как маятник возвращался в стены Лонгхольмена. Его жена, Мерта Карлссон, тоже попадала в поле зрения правоохранителей. Она, как и муж, дружила с бутылкой, а ещё вела распутный образ жизни и даже была осуждена за проституцию и бродяжничество.^[4]

Через несколько минут они были на месте.

— Вот и пришли, — констатировал Буберг и распахнул входную дверь. Они оказались на неосвещенной лестнице и на мгновение остановились, чтобы прислушаться. Единственными звуками, которые доносились до них из-за толстых каменных стен, были приглушённый кашель и детский плач.

— Кажется, всё спокойно, — пробормотал Буберг.

В тот же миг зажётся свет, и на лестницу вышел мужчина. Маленький, сгорбленный, одетый в полосатую рубаху без ворота и грубые рабочие штаны. Он представился сторожем и сказал, что его зовут Стаке. Это он телефонировал в полицию по поводу скандала. Стаке открыл дверь во внутренний двор и обернулся к Бубергу.

— Остерегайтесь Карлссона, господа констебли. Когда он выпивши, с ним не сладить.

На тонком слое снега чернела цепочка следов. Сложенные дрова подпирали стены дома, велосипед с искривленным передним колесом был прислонён к водосточной трубе. Осыпавшаяся кое-где штукатурка придавала дому израненный вид, и в целом он был похож на старую больную дворнягу.

Они вошли в дом. Потолки здесь оказались ниже, и в воздухе стоял тяжёлый дух — помоев, дыма и протухшей еды.

— Второй этаж, — вполголоса сообщил Старк, и первым пошёл вверх по узкой лестнице.

Элси отступила в сторону, чтобы констебль Буберг мог пройти вперёд. Тот резво зашагал через две ступеньки, так что зазвенел штык в черных ножнах на его португее. На первом этаже у входа стояли инструменты — тиски, лопата и кирка, острым концом кверху.

Полицейские поднялись на второй этаж. Старк постучал в дверь, но ничего не произошло. Они с Бубергом переглянулись, и Старк наудачу нажал на ручку двери. Та со скрипом отворилась.

Комната оказалась тесная и сырая, внутри воняло рвотой и мокрой шерстью. В тусклом свете керосиновой лампы, стоявшей на столе у плиты, Элси разглядела жавшихся на полу детей. Их была целая куча, она насчитала семерых, всем не было и десяти лет. Пара волосяных матрасов да несколько потрепанных одеял лежали горой. Осколки разбитой посуды покрывали пол у дровяной плиты.

— Что здесь произошло? — спросил Буберг, снимая с головы каракулеву шапку с золотой кокардой.

Дети молчали. Только сбились в кучку еще ближе друг к дружке, став похожими на бесформенное вихрастое существо.

Буберг со Старком принялись оглядывать тесное жилище, а Элси опустилась на корточки подле детей.

— Добрый вечер, ребята, — сказала Элси. — Меня зовут Элси Свеннс, я работаю полицейской сестрой. Что у вас здесь случилось?

Дети молча глядели на неё тёмными испуганными глазищами. Они были растеряны, совсем как мальчонка в полицейском участке. Элси снова попыталась до них достучаться, но дети не хотели разговаривать. Может быть, были сильно напуганы, а может, попросту не желали якшаться с блюстителем порядка, как и многие другие обитатели Болота.

Элси встала на ноги — она хотела осмотреться, попытаться отыскать ниточку, которая могла бы привести к разгадке случившегося. На полу рядом с дровяной плитой сидел малыш, на вид не старше двух лет. Черты лица было не разглядеть — до того чумазый. Длинные спутанные пряди волос спадали на неестественно худые плечики. Одежонка на нём была нестиранная, заляпанная и зияла огромными дырами. Малыш — непонятно даже, какого пола — сосал тряпицу, обвязанную вокруг большого пальчика.

Слева в кирпичной стене обнаружилась маленькая дверца, высотой взрослому человеку чуть выше пояса. Должно быть, старая

кладовка.

Элси осторожно отворила дверцу, наклонилась вперед и пролезла в проём.

В тёмной камере не было окон, если не считать отверстия в стене под самым потолком. Элси моргнула, чтобы глаза поскорее привыкли к темноте. Наконец она смогла разглядеть лавку и стул. Но затем её взгляд упёрся в нечто столь ужасное, что волосы встали дыбом. В панике Элси принялась судорожно хватать ртом воздух и с громким стуком уронила на пол сумочку.

На полу камеры навзничь лежало женское тело с раскинутыми в стороны руками. Подол был задран до самого пояса, оголяя лобок. Из рта что-то торчало. Выглядело это так, будто кто-то воткнул деревянную поварешку несчастной в горло. Тоненькая струйка крови запеклась на подбородке. Руки женщины были перепачканы кровью, и что-то странное — уж не шляпки ли гвоздей? — возвышалось над её раскрытыми ладонями, будто кто-то прибил её к полу молотком, распял на этих ветхих, полусгнивших половицах. Глаза женщины потускнели, словно покрытые тончайшим слоем пыли.

Едва только Элси собралась наклониться, чтобы проверить, есть ли у несчастной пульс, как в камеру вслед за ней протиснулся Буберг и отодвинул Элси в сторону.

— Спаси нас Господь, — пробормотал Буберг, наклонившись над головой женщины.

Приглушённым голосом он сообщил:

— Мерта Карлссон. Мертва, как камень.

И в следующий же миг раздался вопль Буберга:

— Берегись!

Элси слишком поздно заметила тёмный силуэт, приближавшийся из дальнего угла камеры. Сгусток крошечной тьмы, оживший в окружающем мраке.

— Беги! — скомандовал Буберг, и Элси подчинилась. Она согнулась пополам и выскочила наружу через низкую дверцу; минуя детей и констебля Старка, Элси помчалась к выходу. Но форменная юбка стесняла движения, и Элси всё отчётливее слышала за спиной стук приближающихся шагов.

Чёрный человек был очень быстр, гораздо быстрее Элси. Он настиг её на лестнице. Элси почувствовала, как ноги её отрываются от

земли, а в следующий миг она уже кубарем летела вниз по каменным ступеням, безвольно, словно тряпичная кукла. Локти больно стучали об пол, челюсти непроизвольно смыкались и размыкались, пока наконец Элси с треском не влетела носом в стену, и её падение завершилось ударом затылка о каменный пол. Волна боли захлестнула её, а чёрный человек тем временем успел спуститься вниз. Взглядом тёмных глаз он обшарил Элси, и она ещё успела различить исходивший от него алкогольный дух.

Он мог бы оставить её там, бежать дальше, скрыться в Болоте под покровом темноты — ведь Элси едва ли могла бы его задержать. Но чёрный человек поступил иначе. Он схватил Элси за плечи, рывком поднял, заглянул ей в глаза, а затем резким движением отпустил.

Элси услышала треск и почувствовала, как что-то холодное впивается ей в затылок.

В то же мгновение пришла боль и одновременно осознание — чёрный человек, должно быть, насадил её затылок прямо на острый конец кирки, которая стояла здесь, у входа, прислоненная к стене. Картинка перед взором Элси стала блёкнуть, и боль отступила.

Рядом с Элси внезапно возник Буберг, на лице которого читались недоверие и страх. И тут Элси увидела молодую пару в парке Мосебакке — они курили одну сигарету на двоих. Баржи с лесом вытянулись вереницей вдоль променада Страндвеген. Бритт-Мари сладко спала в своей кровати, а Вальдемар как раз собирался сделать глоток сваренного Хильмой кофе. Элси как на ладони увидела весь Стокгольм — всех живущих и всех живших там прежде людей.

А в центре этой картины была её мама, умершая от испанского гриппа. Рядом с мамой — Аксель, в обнимку с одной из старых высокогорных коров, которых до войны разводила его семья. Аксель был молод, силён, и широко улыбался Элси.

Он протянул ей руку, и Элси приняла её.

Вот так в холодное, голодное и страшное время в стокгольмском районе Клара встретила свою смерть Элси.

Она превратилась в тень и отправилась в страну вечного забвения.

Но в тот же миг, когда закончилась её история, уже началась другая. В некотором смысле смерть Элси — это начало всего, волшебное семечко, из которого суждено было вырасти могучему дереву.

Потому что нет конца историям, и новые берут начало там, где находят покой уже рассказанные.

Элси похоронили в начале марта. Вдова со своими тремя детьми, Хильма и Вальдемар, несколько констеблей из участка, да ещё одна полицейская сестра пришли с нею проститься.

Следующей весной кончилась война. Мир принялся зализывать кровоточившие раны, пытаюсь осознать, что же с ним такое произошло. Впоследствии окажется, что времени на это потребуется больше, чем кто-либо тогда мог предположить.

У констебля Буберга родился второй ребёнок. Он всё реже думал об Элси, даже несмотря на повторявшийся время от времени кошмар, в котором та умоляла его вытащить кирку из её затылка. Несмотря на это, Буберг не забыл, как однажды в участке Элси тихонько играла в уголке с маленькой девочкой, чья мама попала под трамвай. Это событие оставило след в его душе — возможно потому, что и сам Буберг потерял мать в детстве.

На смену весне приходило очередное лето, а на смену осени — зима. Перелистывая страницы календаря, шли годы.

В стокгольмском Болоте, в районе Клара, не осталось и следа от прежней нищеты. Старую застройку постепенно сменили высокие, светлые, стремящиеся к небу дома.

Не было больше никаких голодных малышей, умирающих от кори или чахотки. Давно развеялось зловоние помоев и переполненных выгребных ям.

В конце пятидесятых годов двадцатого века появились первые женщины-полицейские, и по чистой случайности женское подразделение было размещено именно в Болоте, так как в других полицейских округах не было «удобств» для женщин. «Юбочный патруль», как их прозвали, вызвал в обществе переполох. Женщин-полицейских наделили ровно теми же полномочиями, что были у их коллег-мужчин, разве что вместо штыков их вооружили дубинками.

Старший констебль Седерборг, как и множество его коллег, презирал женщин на полицейской службе. К тому же, он никак не мог взять в толк, почему именно Кларе выпало столь тяжкое бремя — ведь очевидно, что это было совершенно несправедливо со стороны прочих полицейских участков. Ведь и профсоюз полицейских Стокгольма — Товарищество — продолжал упрямо гнуть свою линию: женщинам в

полиции не место. Во всяком случае, должности констеблей — не для них. И уж тем более — патрульных, очевидно, по причине недостатка физической силы. И ещё нельзя позволять им водить радиомобили, ведь это может отвлечь водителей-мужчин. Что скажут люди, когда кто-нибудь из полицейских съедет в кювет из-за того, что загляделся на коллегу?

Но сделать пешее патрулирование прерогативой мужчин, а женщинам оставить внутреннюю службу — тоже не выход. Это было бы несправедливо по отношению к мужчинам, которым приходилось, как минимум, лет по семь кряду стаптывать туфли, чтобы только получить надежду на повышение. Вот поэтому наилучшим выходом представлялось вовсе запретить женщинам службу в полиции.

Однажды в минуту сильной ажитации старший констебль Седерборг заявил подчинённым, что скорее съест свой старый шлем, чем позволит ещё хоть одному полицейскому в юбке ступить на порог четвертого полицейского участка.

Но Седерборгу так и не довелось отведать свой шлем на вкус. В декабре 1961 года в радиомобиль, за рулём которого находился Седерборг — Форд Кастомлайн 1958 года выпуска, — врезался фургон, перевозивший стальные трубы для строительства Вэллингбю-центра. В результате столкновения одна из труб пробила ветровое стекло радиомобиля и насквозь прошила грудь старшего констебля. Водитель фургона чудом выжил, однако Седерборг скончался на месте происшествия, не приходя в сознание.

Бритт-Мари — ребёнок, которого Элси вынуждена была отдать на воспитание — росла и расцветала в доме Вальдемара и Хильмы. Они обещали друг дружке, что однажды откроют ей правду, ведь это решение представлялось им единственно верным.

Однако это событие всё время откладывалось.

Раз за разом они принимали решение еще немного подождать — ведь говорить правду не всегда легко.

Весной 1959 года Бритт-Мари исполнилось восемнадцать лет, и Хильма с Вальдемаром поняли, что дольше тянуть с признанием нельзя. Они рассказали Бритт-Мари об Элси и передали ей помолвочное кольцо, которое Аксель однажды подарил своей невесте.

Бритт-Мари повесила колечко на тонкую золотую цепочку, и с тех пор не снимая носила на шее. Это было единственное, что досталось

ей от матери, и это сокровище Бритт-Мари берегла как зеницу ока.

Может быть, на её решение повлияла трагическая судьба Элси, напоминавшая о себе тяжестью золотого колечка в шейной впадинке. Может быть, виной тому послужили многочисленные газетные репортажи об «этих полицейских в юбках», только в том же году Бритт-Мари приняла решение поступить на службу в полицию. Хильма и Вальдемар, которых планы дочери вовсе не привели в восторг, уговорили её позаниматься для начала обычной работой, так что Бритт-Мари устроилась продавцом в магазин швейных принадлежностей.

Работа оказалась, как и предполагала Бритт-Мари, скучнее некуда, так что в 1967 году она решила получить образование, необходимое для службы в полиции, даже несмотря на то, что Вальдемар на своём смертном одре умолял её этого не делать.

Формальные требования она выполнила с лихвой: её сто семьдесят сантиметров роста были на целых пять сантиметров выше, чем требовалось. К тому же, на руках у Бритт-Мари была медицинская справка о том, что она имеет подходящее для службы телосложение. Она умела водить машину и печатать на машинке, а в довершение, словно всего перечисленного было недостаточно, Бритт-Мари ещё умела плавать и имела высокий средний балл в аттестате.

Мужчина, который проводил собеседование с Бритт-Мари, носил очки в роговой оправе, и в течение всего разговора не переставал улыбаться. Бритт-Мари никак не могла распознать его истинный настрой и стала нервничать и потеть.

Мужчина, однако, благосклонно кивал на все её ответы и попутно делал записи, которые она без труда могла прочесть со своего места.

«Слишком велика для женщины, однако прекрасно подходит для полицейской службы», — записал он в своём формуляре.

Бритт-Мари приняли на службу в качестве полицейского стажёра, и той же осенью ей предстояло пойти на офицерские курсы. Из двух сотен стажёров набралось всего пять женщин, однако они вскоре освоились. Бритт-Мари выучила, как следует отдавать честь, будучи одетой по форме, — женщинам, которые не проходили армейскую службу, приходилось долго упражняться. Она научилась обращаться с табельным оружием, получила опыт регулировки дорожного движения, а также наловчилась лихо маневрировать между конусами

на автодроме за рулем чёрного «Крайслер Вэлиант», принадлежавшего полицейской школе.

После обязательного сорокандельного курса обучения Бритт-Мари должна была приступить к службе в должности постового. Однако все её планы рухнули, так как внутри ведомства начались жаркие дискуссии. Действительно ли женщинам подходит наружная полицейская служба, предполагающая ношение формы, учитывая высокие требования к физической силе и выносливости, а также психической стабильности?

В 1969 году вновь избранное руководство Главного полицейского управления совместно с Шведским Профсоюзом Полицейских приняли решение о командировании по завершении обучения всех прошедших экзамен женщин-полицейских на службу в следственные и секретные подразделения.

Другими словами, женщинам более не дозволялось носить форму, так что Бритт-Мари предстояло заняться кабинетной работой. Она была разочарована, но в её жизни происходило столько всего сразу, что она не позволила себе впасть в уныние. Бритт-Мари получила назначение в местечко Суллентуна в предместье Стокгольма, где стала снимать комнату у престарелой учительницы. Там у неё появились новые друзья и товарищи по службе.

Так что если Элси была семечком, то Бритт-Мари стала деревом. Центром, вокруг которого завертится эта необычная история.

История эта началась одним теплым вечером где-то среди черёмух и сирени, между городом и деревней, в промежутке между беззаботным девичеством и семейной жизнью.

Вскоре Бритт-Мари предстояло включиться в охоту за Болотным Убийцей.

Но ей это пока было неведомо...

Бритт-Мари
Эстертуна, 1971–1974

Косые лучи вечернего солнца насквозь пронизывали кроны сосен, и ажурные, кружевные тени ложились на грунтовую дорогу, лента которой расстилалась под колесами велосипеда Бритт-Мари, возвращавшейся со стрельбища Йервафэльтет. В прохладном лесном воздухе стоял дух хвои и влажной земли.

Мышцы ног заныли от напряжения, когда Бритт-Мари верхом на своем велосипеде принялась форсировать холм, в низине, за которым лежала Эстертуна.

До маленькой уютной комнаты, которую Бритт-Мари снимала в Хеленелунде, оставалась всего пара километров.

В ушах до сих пор звенело — она провела несколько часов на стрельбище, но хотя, подобно большинству своих сослуживцев, использовала пустые гильзы в качестве берушей, это не помогло. Были и другие способы приглушить шум стрельбы. Сольвейг, например, использовала промасленную вату. Но парни никогда не подумали бы разгуливать с ватой в ушах, а Бритт-Мари ни в чем не желала им уступать.

Она знала, что к вечеру звон в ушах уже станет тише, а наутро от него вообще останется лишь слабый отголосок — еле слышный шёпот, напоминающий о вчерашнем занятии.

Бритт-Мари хорошо стреляла, в своей группе она была одной из лучших. Летом она планировала вступить в стрелковый клуб. Бритт-Мари хотела участвовать в соревнованиях — она знала, что могла бы занимать призовые места, нужно только почаще упражняться.

Добравшись до вершины холма, Бритт-Мари на мгновение залюбовалась панорамой Эстертуны, расстилавшейся у его подножия, но внезапно её ослепил луч заходящего солнца, и Бритт-Мари инстинктивно зажмурилась. Может быть, потому она и не заметила тот камень на самом краю дороги. Камень был небольшой, но и такого хватило, чтобы потерять равновесие. Велосипед вильнул и полетел в канаву.

Бритт-Мари выругалась сквозь стиснутые зубы, выбралась из канавы и принялась отряхивать с одежды хвою и комья влажной

земли.

Особенной боли она не почувствовала, но джинсы на одном колене были разорваны в пух и прах, и на светло-голубой ткани расплывалось тёмное пятно крови.

Бритт-Мари бросила взгляд на свой велосипед. Цепь слетела, но в целом он выглядел удовлетворительно. Колёса не перекошились, и когда Бритт-Мари в качестве эксперимента провела велосипед несколько метров по обочине, никаких других дефектов не обнаружилось.

Бритт-Мари опустилась на колени и принялась руками прилаживать покрытую мазутом цепь на место, но вскоре поняла, что ей с этим не справиться.

— Не нужна помощь?

Бритт-Мари вскочила и обернулась на голос.

Он, должно быть, был на несколько лет её старше. Худощавый, с широкой улыбкой. Длинные волосы цвета спелой пшеницы свисали на лицо, закрывая один глаз, руки — в карманах джинсов-клёш.

— Сдается мне, что для ремонта потребуются инструменты, — отозвалась Бритт-Мари.

— Всё в порядке? — спросил он, указывая на её колено.

— В полном. Это всего лишь царапина. Меня больше беспокоит велосипед.

— Хмм, — задумался он, сделав несколько шагов навстречу и присев на корточки возле велосипеда. Он немного потыкал в цепь пальцем, который и так выглядел не слишком чистым, и кивнул.

— Пойдем со мной, — скомандовал он, поднимаясь на ноги.

— Куда?

Он забрал велосипед из её рук и зашагал по направлению к Эстертуне.

— Ко мне на работу, — ответил он с улыбкой. — Там я смогу его починить. Это займет не больше минуты.

В обычном случае Бритт-Мари и не подумала бы идти куда-либо с незнакомцем, которого повстречала в лесу. Но у него оказались такие обезоруживающие манеры, такая открытая улыбка, и к тому же, велосипед нуждался в починке, так что Бритт-Мари отбросила сомнения.

— Меня зовут Бьёрн, — представился он.

— Бритт-Мари.

— Куда ты ехала?

— В Хеленелунд, я там живу. Я ехала со стрельбища.

Бьёрн удивлённо поднял бровь и немного сбавил обороты.

— Стрельбище. Мне уже нужно бояться?

— Всё зависит от тебя. Я из полиции.

Его улыбка стала ещё шире.

— Вот чёрт. Никогда бы не подумал.

— Да? А о чём же ты тогда подумал? — поинтересовалась Бритт-Мари, смахивая с лица нескольких надоедливых мошек, которые упрямо кружились вокруг неё.

Бьёрн встретился с ней взглядом, пожевал губами, но так ничего и не ответил.

Рабочим местом Бьёрна оказалась автомастерская на окраине Эстертуны. Как он и обещал, починка велосипеда отняла не больше пары минут.

— Как новый, — отрекомендовал он, похлопав велосипед по седлу мозолистой ладонью, на которой старые, въевшиеся пятна мазута теперь перемежались свежими.

— Огромное спасибо. Не знаю, как тебя благодарить.

Бьёрн снова приподнял одну бровь, и Бритт-Мари, к собственному удивлению, поняла, что уже вполне по-свойски воспринимает эту его привычку.

— Зато я знаю, — выпалил он.

Она не успела ничего ответить, как он снова заговорил:

— Поехали со мной завтра купаться на озеро Тунашён. Будет жарко.

Она заколебалась.

— Даже не знаю.

— Ты завтра работаешь?

— Нет, но...

На самом деле она хотела сказать, что они ещё совершенно не знают друг друга, но, встретив его сияющий взгляд, растерялась.

— Встречаемся здесь в десять, — скомандовал Бьёрн, указывая на парковку возле автомастерской, где в ожидании ремонта или обслуживания выстроились шеренги автомобилей. Потом он развернулся и пошёл прочь, не дожидаясь её ответа. Он принялся

насвистывать мелодию, которая показалась Бритт-Мари знакомой, а потом исчез из виду среди домов.

По пути домой Бритт-Мари думала о Бьёрне. О его мускулистых ногах и дочерна загорелых руках. О его волосах, растрёпанных, как мочало — так сказала бы мама, — и о лукавом взгляде его глаз из-под приподнятых бровей.

Воздух к вечеру стал прохладнее, но несмотря на это, кожа Бритт-Мари пылала. Она решила, что, должно быть, обгорела на солнце.

Бьёрн кого-то ей напоминал, только кого?

Проезжая мимо раскрытого окна, она услышала хорошо знакомый мотив, и сразу всё поняла.

Бьёрн Скифс. ^[5]

Он выглядел точь-в-точь, как Бьёрн Скифс.

Они лежали на одеяле на берегу озера Тунашён.

Сегодня общение складывалось более гладко. Ручеёк беседы плавно вился, словно эти двое были знакомы уже давно. Словно позади осталось уже много часов таких разговоров, и они были уже достаточно близки, чтобы заслужить доверие друг друга, несмотря на то, что на пляже провели не более часа.

У кромки воды резвились несколько ребятишек, а на лугу, который раскинулся между пляжем и лесом, отдыхающие расстелили разноцветные пледы и разложили еду для пикника.

Бритт-Мари была рада, что взяла бутерброды, потому что всё, что прихватил с собой Бьёрн, это пиво. Несмотря на то, что пиво ей тоже нравилось, сыт им точно не будешь.

— Держи, — сказала она, протягивая Бьёрну аккуратно завернутые в пергаментную бумагу бутерброды с колбасой.

— Вот спасибо, — обрадовался он, и в ответ протянул ей ещё бутылочку пива.

Он продолжал свой рассказ:

— Потом я вернулся обратно в подвал маминого таунхауса, где, собственно, мне живется совсем неплохо. Во всяком случае, побуду там, пока не подыщу себе что-нибудь другое. Не по таким заоблачным ценам. А что твои родители?

— Хильма и Вальдемар — мои приёмные родители, — отозвалась Бритт-Мари, и сама удивилась, с какой лёгкостью она это сказала. Как будто быть приёмным ребенком — самая обыденная вещь на свете.

Если Бьёрн и был удивлён, сейчас он этого не показывал.

— Ясно, — отозвался он.

— Папа умер несколько лет назад.

Бьёрн промычал что-то невнятное в ответ, подхватил пустую бутылку и одной рукой отправил её в мусорку, стоящую поодаль. Бутылка перелетела через пункт назначения, и Бьёрн подавил разочарованный вздох, но не предпринял попытки подобрать её.

— А твоя мать? Она здесь живёт? — спросил он.

— Нет, после папиной смерти она перебралась в Хёганэс.

Бритт-Мари задумалась о своей маме и прикрыла глаза, подставив лицо лучам солнца.

Прошло уже больше десяти лет с тех пор, как Бритт-Мари узнала о том, что родители её удочерили. Несмотря на то, что она продолжала любить мать так же сильно, невозможно было отрицать тот факт, что в их отношениях что-то изменилось, когда Бритт-Мари узнала правду об Элси. Бритт-Мари казалось, что больше она не могла положиться ни на кого и ни на что.

Словно в мире не осталось ничего по-настоящему незыблемого, постоянного.

Отголоски этого открытия теперь звучали в отношениях Бритт-Мари с матерью. Бритт-Мари больше не могла вести с ней такие же долгие доверительные разговоры, как бывало до, ибо правда — или скорее ложь — заставила их отдалиться друг от друга.

Это не изменилось, даже когда мама заболела.

Пару лет назад ей диагностировали рак груди, и несмотря на то, что врачам удалось сдержать прогрессирование болезни, исход всё ещё оставался неясным. Бритт-Мари переживала за неё и несколько раз пыталась ей об этом сказать. Но у неё ничего не вышло, потому что всякий раз, как Бритт-Мари предпринимала очередную попытку, она никак не могла избавиться от образа Элси, и думала лишь о том, как долго мама с папой скрывали от неё правду.

Бьёрн повернулся и положил руку ей на бедро.

У Бритт-Мари сладко заныло где-то в животе и кожа зажглась от его прикосновения. Она пододвинулась поближе, закинула нагретую

солнцем ногу поверх его ноги, и заглянула в его ясные голубые глаза.

Не отводя взгляда, он медленно поднял руку и, лаская, провёл указательным пальцем по её груди.

Его прикосновения пробудили к жизни давно подавленное желание.

Прошло уже два года с тех пор, как Бритт-Мари порвала с Эйнар, и теперь, спустя столько времени, она не могла понять, почему так долго тянула с разрывом. Эйнар был до чрезвычайности скучен: единственное, что его интересовало в жизни — собственная коллекция марок. А после Эйнара Бритт-Мари не встречала никого, кто мог бы заставить её что-то почувствовать.

До сих пор. До сегодняшнего дня.

— Поедешь со мной? — спросил он, задержав палец на кончике её соска.

Волна желания поднялась внутри неё.

Бритт-Мари без колебаний ответила согласием. Словно ответ только и ждал того, чтобы сорваться с языка. Словно всю свою жизнь она ждала этого вопроса. От него.

Да, да.

Четырьмя месяцами позже они поженились и стали ожидать появления на свет ребёнка.

Бритт-Мари стояла в кухне маленькой двухкомнатной квартиры, которую их молодой семье предоставило жилищное агентство. Поставив в сумку контейнер с едой, она бросила взгляд на Эрика, на первый взгляд, бесцельно копошившегося на полу среди игрушек.^[6]

Бритт-Мари обернулась к Бьёрну.

— Вы справитесь?

Бьёрн промолчал.

По радио диктор монотонно зачитывал новости. Хотя ничего нового не было: феномен Баадера-Майнхоф, ИРА, Вьетнам.^[7]

Бритт-Мари начало казаться, что война во Вьетнаме идет уже целую вечность. Сводки с далеких полей брани долетали до слушателей уже несколько лет.

«В каком страшном мире мы живём», — подумала Бритт-Мари, и в который раз напомнила сама себе, какой счастливый ей выпал жребий: жить под мирным небом, иметь крышу над головой, и прежде всего — быть вместе со своей семьёй.

Наконец-то у неё была собственная семья, настоящая. Теперь уже не имели никакого значения все прошлые беды и трудности — её жизнь в приёмной семье, вся эта ложь, папина смерть.

А сейчас Бритт-Мари собралась выходить на работу, да не куда-нибудь, а в полицейский участок Эстертуны.

По правде говоря, этот факт радовал Бритт-Мари значительно больше, чем она готова была признать, — ибо несмотря на то, что ей нравилось быть мамой, домохозяйка из неё вышла никудышная. Так что едва ей поступило предложение выйти на службу в участок, Бритт-Мари без промедления ответила согласием, невзирая на протесты мамы, которая считала, что выходить на работу до того, как ребенку исполнится три года, — совершенно недопустимо.

Бритт-Мари выключила радио, подошла к Эрику и приложила ладонь к его лбу.

Уж не поднялась ли у него температура?

С тех пор как у мамы нашли рак, Бритт-Мари стала чересчур много думать о болезнях. И эта тревога лишь возрастала сообразно

переменам в её жизни — знакомству с Бьёрном, замужеству, материнству. Теперь слишком многое было поставлено на карту, слишком многое могло в любой миг пойти прахом.

— Ты что-то сказала? — сонно промямлил Бьёрн.

— Я спросила, справитесь ли вы?

— Конечно, — отозвался Бьёрн, не отрываясь от газеты. — Она вот-вот придёт.

Она — это Май, его мать.

Она должна будет присматривать за Эриком, пока Бритт-Мари на работе. Май сама предложила забирать Эрика на день к себе, и конечно, в её таунхаусе ему будет гораздо лучше — ведь там гораздо просторнее и есть собственный сад.

Помощь Май — вынужденная мера в ожидании места в детском саду, в этом были согласны оба — и Бьёрн, и Бритт-Мари. Альтернативой для неё было стать домохозяйкой, но сама мысль о таком исходе заставляла её нервно поёжиться.

Пот капал со лба и капли сбегали вниз, между грудей — не только из-за жары, но и потому, что Бритт-Мари пришлось пробежаться, чтобы успеть вовремя. К тому же, она нервничала из-за температуры у Эрика.

В то же время, во всем теле ощущалось радостное щекотание в предвкушении нового жизненного этапа.

Наконец-то Бритт-Мари сможет начать работать.

— Добро пожаловать, — произнесла женщина в приёмной, которая представилась, как Сив. У неё была такая широкая улыбка, что заметно было, как сверкают золотые коронки на верхней челюсти. — На прошлой неделе мы разговаривали по телефону. Отдел по расследованию насильственных преступлений, верно?

— Верно, — согласилась Бритт-Мари, выпрямляя спину и в очередной раз наказывая себе не сутулиться. Было время, когда Бритт-Мари стеснялась своего стасемидесятисантиметрового роста, заставлявшего её чувствовать себя неуклюжей и неженственной. Но на полицейской службе высокий рост давал свои преимущества: все думают, что ты сильная, и даже если на самом деле это не так, правонарушителям это внушает почтение.

До той степени, до какой в наше время мужчина ещё мог испытывать почтение к женщине.

— Как чувствует себя маленький? — прочиркала Сив.

— Отлично. Скоро выживет нас из дому.

Сив улыбнулась и поправила на своей пышной груди чересчур тесную блузку горчично-жёлтого оттенка.

— Я сейчас позвоню комиссару Фагербергу, — сообщила она, бросив тоскливый взгляд на коробочку «Принца», лежавшую рядом с серым телефонным аппаратом.^[8]

— Простите, но у меня тоже назначена встреча с комиссаром Свеном Фагербергом.

Бритт-Мари обернулась на голос, и обнаружила у себя за спиной улыбающегося незнакомца. На нём была тесная рубашка, воротник которой отличался удлинёнными концами, галстук в коричневую полоску и коричневый пиджак. Вьющиеся каштановые волосы незнакомца были коротко пострижены, отчего его рыжеватые бакенбарды казались ещё длиннее — они висели, как два беличьих хвоста, возле ушей. Веснушки разного размера были беспорядочно разбросаны по его лицу, словно острова в океане. Над переносицей угнездилось особенно крупное пятно — оно навело Бритт-Мари на мысль о континентах на карте мира, вот только она не могла вспомнить, на который из них оно было похоже.

География никогда не была её коньком.

— Рогер Рюбэк, — представился незнакомец. — Инспектор уголовной полиции Рюбэк, — добавил он. — С сегодняшнего дня я здесь работаю.

— Вот оно что! В таком случае, добро пожаловать! — расплылась в улыбке Сив, бросив быстрый взгляд в сторону Бритт-Мари.

Рогер тоже посмотрел на неё. Они пожали руки и представились друг-другу по форме.

— Я из Фалуна, — пояснил он, когда Бритт-Мари отметила, что его речь не похожа на местную.

Бритт-Мари заинтересованно кивала, пока он рассказывал о своём переезде и о семье, которая осталась в Даларне. В столице ощущалась сильная нехватка полицейских кадров, так что никому не была в новинку практика командирования полицейских с территорий в Стокгольм для замещения вакантных должностей.

Дверь за стойкой приёмной распахнулась, и оттуда вышел мужчина, одетый в серый костюм. Издалека он мог показаться

худощавым и тщедушным, но как только он приблизился, стало очевидно, что тело у него жёсткое и поджарое, а на бледном лице отчётливо проступали волевые черты.

Вошедший представился. Он оказался комиссаром Фагербергом. Его взгляд задержался на Бритт-Мари, возможно, чуть дольше необходимого, прежде чем он сделал обоим новичкам приглашающий жест рукой.

— Предлагаю пройти внутрь, — сказал он и направился к лестничной клетке, игнорируя лифты.

— Отлично, — отозвался Рюбэк, словно это был вопрос, а не констатация. Бритт-Мари утвердительно кивнула в спину Фагербергу.

Тремя лестничными пролётами выше они оказались в отделе по расследованию насильственных преступлений. Бритт-Мари вытерла со лба пот и поправила каштановую чёлку.

Помещения в отделе выглядели современно, пол в коридоре покрыт оранжевым ковролином, а филенчатые двери кабинетов были из тёмного дерева. Рядом с каждой дверью в стене имелись стеклянные вставки, так что заглянуть в кабинет можно было прямо из коридора. В дальнем конце коридора располагались туалеты и небольшой буфет с кофеваркой и крошечным холодильником.

Они поздоровались с парой коллег. Первым был Кроок, приземистый финн лет пятидесяти на вид, с потными руками и слезящимися глазами. Он заявил, что новички могут звать его Пеккой. Второй оказалась фру Лагерман, секретарь.

Фагерберг никого не называл по именам, что заставило Бритт-Мари сделать вывод о том, что «ты-реформа» прошла мимо него незамеченной.

Фру Лагерман на вид тоже можно было дать около пятидесяти. На ней были поло и жёлтое платье без рукавов с широким поясом. На волосах начёс, и уложены они старомодно, как носили во времена молодости Элси, о чём Бритт-Мари тут же подумала. На кончике носа фру Лагерман балансировали массивные очки с коричневыми пластиковыми дужками.

Дальше по коридору располагались ещё три кабинета. Однако следователей (во всех трех случаях — мужчин) на местах не оказалось.

Наконец Фагерберг привёл новичков в кабинет, где стояли два одинаковых письменных стола. Вдоль одной из стен расположился

массивный металлический картотечный шкаф, крашенный в серый цвет. Из окна открывался вид на центральную площадь Эстертуны, где зелёным неоновым светом горели вывески на кинотеатре и универмаге «Темпос».

— Кабинет, — коротко пояснил Фагерберг. Инспектор Удин может расположиться за столом слева.

Фагерберг указал на один из столов. Помимо электрической печатной машинки и телефона на столе лежала толстая папка с бумагами.

Бритт-Мари кивнула и направилась к предназначенному ей конторскому креслу, спинка и сиденье которого были обтянуты вельветом.

— Инспектор Удин, для начала я предлагаю вам ознакомиться с документами на вашем столе, — продолжал Фагерберг. — Их необходимо разложить по соответствующим папкам в сейфе. Если возникнут сложности, обращайтесь к фру Лагерман. Инспектора Рюбэка попрошу следовать за мной.

Рюбэк бросил взгляд в сторону Бритт-Мари, виновато улыбнулся и слегка пожал плечами, а потом, ступая по ковролину, последовал за Фагербергом.

Бритт-Мари занялась оставленной для неё папкой. Занятие было не из самых сложных и интересных, но монотонная работа, по меньшей мере, помогала убить время. Пухлая папка худела, и после перерыва на ланч Бритт-Мари обнаружила, что остаток её не толще утренней газеты.

Где-то внутри у неё поселилось гложущее ощущение дискомфорта. Даже если Бритт-Мари не хотела признаваться в этом самой себе, она, тем не менее, почувствовала себя нежеланной гостьей здесь, на третьем этаже полицейского участка. Но едва эта мысль всплывала в её сознании на поверхность, Бритт-Мари беспощадно её топила. Смахивала прочь, словно катышки с одежды. Пыталась убедить себя, что ей повезло: не нужно ходить в пеший патруль в этой нелепой юбке-брюках со специальным карманом для дубинки, не нужно ловить пьяниц в парке, а потом, пытаясь запихнуть их в полицейскую машину, подвергаться домогательствам с их стороны. Бритт-Мари напоминала себе, какая на её долю выпала удача — оказаться среди первого в истории поколения женщин, которым

дозволено служить в полиции, несмотря даже на наличие семьи, — роскошь, которая для Элси была недоступна. Бритт-Мари вспоминала, что точно так же чувствовала себя не в своей тарелке в первые дни на службе, пока до неё наконец не дошло, что мужчины в полицейской форме ничем не отличаются от мужчин в обычной одежде, помимо того, что носят форму.

Обо всём этом Бритт-Мари успела передумать, пока стрелка часов медленно ползла к двенадцати.

В конце концов Бритт-Мари решительно встала, потянулась, и отправилась в буфет, чтобы сварить себе кофе и съесть принесённую в контейнере еду: жареную колбасу, картофель и тушёный горошек с хреном. Когда она подошла к кабинету секретаря, доносившийся оттуда стук клавиш пишущей машинки стал громче. Фру Лагерман помахала ей через окошко в стене, и Бритт-Мари с улыбкой махнула в ответ.

Проходя мимо кабинета комиссара, Бритт-Мари на мгновение притаилась. Заглянув в окошко, в сигаретном дыму она различила, что Фагерберг сидел напротив инспекторов Кроока и Рюбэка. На первый взгляд, они были полностью поглощены предметом своей беседы. На столе перед ними были разложены документы, а пустые чашки из-под кофе пирамидой громоздились друг на друге возле большого катушечного магнитофона. Пепельница до краёв была полна окурков. Кроок закатал рукава сорочки и живо жестикулировал, держа зажжённую сигарету между указательным и средним пальцами правой руки. Рюбэк расстегнул ворот рубашки и ослабил узел широкого полосатого галстука. Теперь галстук висел на его шее, словно мёртвый зверь — охотничий трофей, добытый на третьем этаже полицейского участка Эстертуны.

В комнате раздался раскатистый хохот. Бритт-Мари покосилась на маленькие лампочки на стене возле двери. Красная — «занято», жёлтая — «ожидайте», зелёная — «входите».

Горела красная.

В следующее мгновение её заметил Фагерберг. Его каменное лицо абсолютно ничего не выражало, когда глядя на Бритт-Мари он поднялся со своего места и подошёл к окошку. Потом он поднял руку, и Бритт-Мари отчего-то решила, что он сейчас тоже ей помашет, как фру Лагерман. Она уже подняла руку, чтобы поприветствовать его в

ответ, но в тот же миг прямо у неё перед носом на окно опустилась шторка.

Едва только пробило полшестого, как Бритт-Мари уже собрала вещи. Она не видела причин задерживаться, несмотря на то, что Рюбэк всё еще пропадавал в прокуренном кабинете комиссара в обществе инспектора Кроока, занятый обсуждением чего-то настолько важного, что нельзя даже упоминать в её присутствии.

Она не стала ни с кем прощаться.

Когда Бритт-Мари уже распахнула дверь на лестницу, кто-то внезапно взял её за плечо. Это оказалась фру Лагерман.

— Не переживай из-за мальчишек, — сказала она, понимающе улыбаясь и поправляя на носу массивные очки. — Они просто хотят узнать друг друга получше. У них ведь такая тяжёлая работа, подумай, сколько им приходится видеть зла.

Фру Лагерман ненадолго прервалась, а потом снова заговорила:

— Фагерберг совсем не так безнадёжен, как может показаться. А Кроок — тот вообще душка, когда в настроении.

Бритт-Мари сделала попытку улыбнуться, но во рту у неё пересохло и в груди было тесно, словно ей только что пришлось съесть все те документы из папки, вместо того, чтобы их сортировать.

— Кстати, — не унималась фру Лагерман, легонько сжав её предплечье. — Меня зовут Алиса, милочка. Зови меня Алисой.

Когда тем вечером Бритт-Мари пришла домой, она впервые задумалась о том, что, возможно, допустила ошибку при выборе профессии. Возможно, лучше было стать учительницей, как Гуннель. Потом Бритт-Мари подумала об Аните, своей подруге, которая недавно получила премию «Фемина» за свой рассказ. Может быть, она даже станет настоящей писательницей. ^[9]

Бритт-Мари с удвоенной силой ощутила приступ тошноты.

Нет, она не завидовала Аните, совсем нет. Анита всегда мечтала писать книги, и Бритт-Мари искренне желала ей успеха.

Просто её собственная новая работа оказалась донельзя скучной и монотонной.

«Может, и я когда-нибудь решу что-то написать», — подумала Бритт-Мари, однако быстро отогнала эту мысль. О чём ей писать?

Что из её опыта и переживаний может быть кому-то интересно?

— Как всё прошло?

В голосе Бьёрна звучали искреннее тепло и заинтересованность.

Бритт-Мари сбросила туфли, повесила пиджак на вешалку и прошла в маленькую гостиную.

Бьёрн сидел на диване и улыбался. Три скомканных жестяных банки из-под пива валялись подле него на журнальном столике, но у Бритт-Мари не нашлось сил это комментировать.

— А где Эрик? — спросила она вместо этого.

Бьёрн взял с пола непечатую банку пива. Ловким привычным движением он выдернул жестяной язычок, и банка послушно звякнула и зашипела.

— Мама ещё не привела его обратно. Они явно решили пойти через парк.

Бритт-Мари кивнула.

Тепла и нежности в матери Бьёрна было столько же, сколько, скажем, в рептилии, однако поддерживать порядок в доме и присматривать за ребенком она была вполне способна. Прежде чем она вышла замуж и родила Бьёрна, Май успела поработать медсестрой. Когда Бритт-Мари с ней только познакомилась, у неё сложилось впечатление, что свекровь поймёт желание невестки продолжать работать и после рождения Эрика, однако это впечатление оказалось ошибочным. Май относилась к той категории людей, которые твёрдо убеждены, что замужним женщинам работать не пристало.

И уж точно нечего делать на работе замужним женщинам с маленькими детьми.

Бритт-Мари считала Май человеком сложным для общения, но иногда они всё же разговаривали об Элси. Май была крайне заинтригована историей полицейской сестры, вынужденной отдать собственного ребёнка на воспитание. Может быть, эта история произвела на неё такое сильное впечатление, потому что события происходили во времена юности самой Май.

Бритт-Мари присела на диван рядом с Бьёрном. Он погладил жену по спине своим особым способом, как делал только он; осторожно и

немного рассеянно.

Бьёрн походил на хиппи — его русые волосы были такой длины, что можно было носить их убранными в конский хвост, а джинсы-клёш сползли с талии вниз. Бритт-Мари нравилось, как он выглядит. На самом деле, она тоже с удовольствием влезла бы в подобные джинсы, но ходить на работу в таком виде ей было нельзя. К тому же, она пребывала не в той физической форме. Чтобы носить такие джинсы, нужно быть тощей, как Твигги, а Бритт-Мари была... Да, какой? Её фигура больше напоминала катушку. Мягкий живот, чересчур широкая задница, да ещё и под первым подбородком притаился второй, эдакий младший братец, колыхавшийся в такт старшему.

Нет, никогда ей не стать Твигги.

Но Бритт-Мари знала — Бьёрн всё равно её любит, и счастлива была иметь всё, чем жизнь её наделила — во всех отношениях замечательным ребёнком, современным жильём, работой, которую Бритт-Мари всё-таки любила, и привлекательным мужчиной, с которым, к тому же, было весело. Какое всё-таки чудо, что они встретились и у них появился Эрик. Родив Эрика в свой тридцать один год, Бритт-Мари уже не считалась молодой мамочкой.

Бритт-Мари провела рукой по лицу мужа, отодвигая со лба прядь длинных пшеничных волос, чтобы ещё раз внимательно осмотреть красное пятнышко, которое появилось там некоторое время назад. Оно было шершавым на ощупь и немного шелушилось.

— Наверное, лучше тебе показаться доктору, — сказала она. — Вдруг это что-то серьёзное?

Он развеселился.

— Ты шутишь? Я должен пойти к доктору и пожаловаться на комариный укус?

— Это совсем не похоже на комариный укус.

— Ой, отстань, — отмахнулся Бьёрн, закрывая жене рот поцелуем. Поцелуй вышел со вкусом пива.

Она взглянула на пустые банки.

Одно время Бритт-Мари брала мужа всякий раз, находя пиво в холодильнике. Но это привело лишь к тому, что банки исчезали из холодильника, а потом обнаруживались пустыми в самых

неожиданных местах — под кроватью, или в бельевой корзине, или вообще на крыше буфета.

Бьёрн не был алкоголиком.

Однако он много пил, и это стало беспокоить Бритт-Мари.

Но не станешь ведь вечно спорить обо всём! К тому же, его положительные стороны более чем полностью компенсировали употребление пива, что само по себе было занятием вполне безобидным.

— Расскажи про работу! — воскликнул он.

И Бритт-Мари рассказала Бьёрну о документах, которые ей целый день пришлось раскладывать по папкам, в то время как у остальных было важное совещание. О Фагерберге, человеке с каменным лицом, и о веснушчатом даларнце, который вроде бы должен работать в одном кабинете с Бритт-Мари, однако за весь день и носа туда не сунул. И ещё про зови-меня-Алисой, единственную из новых коллег, продемонстрировавшую человеческие качества.

— Всё это глупо, — подытожила Бритт-Мари дрожащим от гнева голосом. — Я, может быть, лучший стрелок лена, я быстро всё схватываю, и уж точно ничего не боюсь. Я могла бы приносить пользу на своём месте, а вместо этого меня заставляют целый день перекладывать бумажки.

— Не переживай, завтра всё наладится, вот увидишь, — отозвался Бьёрн, зажигая сигарету. Он взглянул в окно — августовское небо было ярко-голубым. Бьёрн медленно выпустил дым, серые завихрения которого потянулись к потолку. Из открытой балконной двери тянуло тёплым воздухом, но кожа Бритт-Мари покрылась пупырышками, хоть ей и не было холодно.

— А у нас с сегодняшнего дня новый начальник, — сообщил Бьёрн и, прищурившись, взглянул на Бритт-Мари.

— Правда?

— Это тёлка.

Бьёрн закатил глаза и фыркнул.

— Ясно.

— Я хочу сказать, каким, чёрт подери, образом она собирается разобраться в том, для чего нужны все эти запчасти? И как она будет общаться с клиентами? Не говоря уж о ребятах на предприятии.

Бьёрн вот уже год как работал продавцом в компании, которая занималась торговлей автозапчастями. Клиентами у них в основном были автомастерские. Насколько было известно Бритт-Мари, женщин на рабочем месте Бьёрна не было, по крайней мере, до настоящего времени, пока не появилась эта новая начальница.

Бритт-Мари знала, что Бьёрн хорош в своём деле, она много раз слышала об этом от его коллег, и никак не могла перестать гордиться мужем.

Бьёрн допил пиво и одним движением смял очередную жестянку.

Бритт-Мари оказалась в замешательстве. С одной стороны, она сочувствовала мужу. Она знала, как Бьёрн стремился попасть на эту должность. Не просто стремился, он фактически уже ждал, когда его переведут. Ему пообещали. С другой стороны, Бритт-Мари невольно симпатизировала несчастной женщине, которой придётся взять на себя руководство Бьёрном и его коллегами. Бритт-Мари сама бывала у мужа на работе и общалась там с ребятами, и своими глазами видела загаженные туалеты, и горы окурков, и сваленные в кучу номера мужской газеты «Люди в картинках».^[10]

Нет, новой начальнице Бьёрна точно не позавидуешь.

Открылась входная дверь, и в прихожую вошла Май, ведя за ручку Эрика.

Бритт-Мари приветственно помахала Май рукой, поспешила к ним и присела на корточки перед Эриком.

— Здравствуй, мой хороший! Поцелуешь мамочку?

Эрик потянулся вперед и запечатлел мокрый чмок прямо на её губах.

— Пойдем гулять в пайк! — проговорил он, указывая пальчиком на дверь.

— Нет, сейчас мы будем готовить ужин, — сказала Бритт-Мари, и потрепала сына по голове.

— Неееет!

Личико Эрика сморщилось, как изюмина, и он пронзительно закричал. Май взяла его за плечи и встряхнула.

— А ну, живо снимай обувь!

На Май было плотное голубое платье-рубашка из хлопка. Короткие седые волосы уложены в идеальные завитки по моде пятидесятых, тело благоухало мылом и фиалками.

— Поцелуй мамочку ещё разок! — воскликнула Бритт-Мари, протягивая к сыну руки.

— О боже мой, — закатила глаза Май. — Ты слишком над ним кудахчешь.

— С утра у него был жар, — отозвалась Бритт-Мари, пропустив мимо ушей комментарий свекрови. — Как у вас прошёл день?

— Жар?

Май удивлённо наморщила лоб.

— Более здорового мальчика ещё нужно поискать.

Затем взгляд Май упал на Бьёрна, лежавшего на диване.

— Вставай сейчас же, лентяй, — проворчала Май. — Что за мода валяться на диване и глушить пиво в будний день?

— Да, мама, — вскакивая на ноги, согласился Бьёрн, потому что уважал свою мать. Бритт-Мари подозревала, что на самом деле Бьёрн её просто побаивался. Обычно он принимал все возможные меры, чтобы мать даже не заподозрила, что он пил пиво.

Бьёрн сноровисто сгрёб пустые банки в охапку и засунул под стол. Затем поспешил в ванную. Бритт-Мари услышала звук льющейся воды и поняла, что Бьёрн чистит зубы.

Отношения Бьёрна с Май можно было назвать сложными, это Бритт-Мари поняла достаточно скоро. И всему виной было то «ужасное лето», как называл его Бьёрн. Когда ему было пять лет, его отец заболел, и Май пришлось найти вторую работу, чтобы обеспечивать семью. На лето она отослала Бьёрна к тётушке и её мужу в Ничёпинг. Очевидно, она ничего не знала о том, что тётушка изрядно закладывала за воротник, а её муж был обыкновенным садистом, который каждый день избивал маленького Бьёрна.

В итоге, когда папа Бьёрна скончался, она забрала мальчика домой. Две недели он не мог выдать из себя и слова, зато потом никак не мог остановиться, рассказывая матери подробности многонедельных издевательств, которые претерпел в тётушкином доме. И Май пришлось справляться с последствиями. Она оставила работу, и всё свое время посвятила Бьёрну, выживая на мизерную вдовью пенсию.

Однако вред уже был нанесен. «Ужасного лета» уже ничем было не исправить и не загладить.

Бьёрн вернулся из ванной.

— Мне нужна помощь, Бьёрн, — сказала Май. — Нужно распилить сосну, которая упала весной.

— Без проблем, — отозвался Бьёрн.

— И нарубить дров.

— Как скажешь.

Бьёрн был силен и умел делать почти всё, так что часто брал на себя тяжёлую работу в доме матери.

— И не забудь постричься, — продолжала Май. — А то ты уже выглядишь, как один из тех коммунистов, которые протестуют против Вьетнама.

— Они протестуют не против Вьетнама, мам. Они выступают против войны во Вьетнаме.

— Не придирайся к словам! — отрезала Май.

— Май, спасибо огромное за помощь, — вмешалась Бритт-Мари, которая уже поняла, какой оборот принимает беседа. — Увидимся завтра.

Позже, когда сумерки сменились бархатной чернотой ночи, а Эрик крепко спал, они любили друг друга. Вернее сказать, они предприняли попытку, но мысли Бьёрна были где-то далеко. Отстранившись от неё и перевернувшись на спину, он издал тяжкий вздох.

— Прости, — шепнул Бьёрн. — Прости меня.

— Ничего, — заверила его Бритт-Мари, и погладила по щеке.

— Это всё... Работа, понимаешь. Она заставляет меня нервничать. Она заставляет.

— Кто? — шёпотом спросила Бритт-Мари, глядя как Бьёрн прикуривает сигарету.

Бьёрн глубоко затянулся, и темноту озарил оранжевый огонек. Сигарета еле слышно шипела, когда огонь пожирал её табачное нутро. Эрик, спавший в своей кровати у двери, захныкал во сне.

— Биргитта. Та тёлка. Она решила, что ей там всё теперь принадлежит.

Бритт-Мари вместо ответа чмокнула его в щеку и тоже разок затянулась.

Когда сигарета погасла, они уже лежали молча. Через какое-то время дыхание Бьёрна стало ровнее. Бритт-Мари прикрыла глаза, прислушиваясь к звукам, которые издавала её маленькая семья: тоненькому сопению Эрика и тяжким, нерегулярным вздохам Бьёрна.

Всё, чего она когда-либо желала, было здесь, в темноте. Всё, что нужно было Бритт-Мари на этом свете.

Она снова подумала о родителях.

Они тоже когда-то были её семьёй, да и сейчас были ею — она и мама. Несмотря на то, что всё было построено на лжи. Бритт-Мари не стала их меньше любить, только вот все её воспоминания обесценились. Это словно подняться ввысь над дивным садом и увидеть, что он разбит посреди помойки.

Бритт-Мари вспомнился выпускной — в тот день директор вручал ей диплом за победу в школьных соревнованиях по лёгкой атлетике. Неужели это было весной 1955 года? Мамины заплаканные глаза на

счастливым лице, папина сухая рука, неловко гладившая Бритт-Мари по щеке.

— Это моя девочка! Моя!

Тётушка Агнес — мамина сестра — тоже пришла на выпускной. Она кивала и махала им руками со своего места — в актовом зале она сидела на скамье чуть поодаль.

Потом директор подошёл прямо к ним и лично поприветствовал маму с папой рукопожатием.

— Поздравляю!

Он широко улыбнулся маме, подмигнул Бритт-Мари и продолжил:

— Сегодня Бритт-Мари так похожа на свою мать!

Мама заулыбалась, папа тоже. А тётушка Агнес задумчиво кивнула.

— Конечно, — сказал папа, обнимая Бритт-Мари за плечи. — И это большая удача — было бы печально, будь она похожа на меня.

Так очевидно.

Они все знали. Ну, кроме директора, разумеется. Но вот мама, папа и тетя Агнес...

И всё равно притворялись, что в жилах Бритт-Мари на самом деле течёт их кровь.

Прошёл час, а Бритт-Мари всё еще не могла уснуть. Тогда она тихонько встала и на цыпочках вышла из спальни. Она устроилась в кухне, и достала блокнот из тайника, которым служила жестяная банка из-под печенья. Бритт-Мари открыла первую страницу и прочла заглавие, которое позавчера сама же записала.

ЭЛСИ. Стокгольм, февраль 1944

Бритт-Мари взглянула на фото Элси цвета сепии — единственное, что осталось от её матери — и задумалась, а потом поднесла ручку к бумаге.

Слово за слово складывался рассказ об Элси, о матери, с которой ей не довелось встретиться. И мама, и папа пересказывали эту историю Бритт-Мари так часто, что она знала её наизусть. А ещё Бритт-Мари специально ходила в библиотеку — искала старые газетные статьи о Болотном Убийце.

Тем не менее, Бритт-Мари пришлось кое-что сочинить. Как на самом деле выглядел тот дом на Норра Смедьегатан? И как звали констеблей, сопровождавших Элси в тот вечер?

Бритт-Мари продолжала писать, пока в глазах не защипало, а руку не свело судорогой. Тогда она отложила блокнот и оставила его на столе. Тихонько прокралась обратно в спальню и скользнула в постель, под тёплый бок мужа.

«Я это сделала», — подумала она, засыпая.

«Я начала писать!»

«Я не собираюсь участвовать ни в каких писательских конкурсах, но может быть, кто-нибудь когда-нибудь прочтёт историю Элси. Кто-то, кому это действительно будет интересно. Может быть, это будет Эрик. И к тому моменту всё уже будет записано».

Когда следующим утром проснулась Бритт-Мари, Бьёрн был уже на ногах. Он что-то насвистывал, и до Бритт-Мари доносилось радостное лопотание Эрика. Но тут она услышала ещё один голос. Тягучий хриплый голос, который был ей слишком хорошо знаком.

Бритт-Мари накинула халат, тщательно затянув пояс, и направилась в кухню.

— Здравствуй, красавица моя, — поприветствовал её Бьёрн, когда Бритт-Мари показалась на пороге кухни.

— Привет, — бросила она не глядя. Её внимание было обращено к крупному мужчине, который, развалившись, сидел на стуле напротив Бьёрна, держа в руке бутерброд с ливерной колбасой.

Судден запихал остатки бутерброда в рот и отбросил со лба жидкие светлые волосы. Потом он указал пальцем на блокнот, который в раскрытом виде валялся на столе.

— Никак писать решила? — пророкотал он.

Бритт-Мари подошла к столу и решительно схватила блокнот.

— Нет.

— Довольно жуткая история, — не унимался Судден. Подавив отрыжку, он начал медленно подниматься.

Бритт-Мари молчала.

— Что ж, пора, наверное, мне уже домой, — заявил гость.

Он кивнул Бритт-Мари и медленно побрёл в сторону прихожей.

Бритт-Мари скрестила руки на груди и метнула в Бьёрна злобный взгляд. Тот лишь пожал плечами. Едва услышав звук захлопнувшейся

двери, Бритт-Мари зашипела:

— Что, чёрт возьми, он здесь делал?

— Просто проходил мимо.

— В семь часов утра?

Бьёрн развёл руками.

— Он шёл домой.

— В такое время? Где он шлялся всю ночь?

— Почём я знаю? Я же ему не мать.

Судден — один из приятелей Бьёрна, которого Бритт-Мари на дух не выносила. Помимо того, что он был странным, если не сказать маргинальным, Судден к тому же нигде не работал, и насколько понимала Бритт-Мари, в жизни его главенствовали два интереса — глушить пиво в старом дачном домике своей матери да ещё играть на скачках.

— Сматьите! — воскликнул Эрик, держа в руках столовый нож.

На кончике ножа был наколот кусочек сыра.

— Ой, какой же ты у нас умница, — промурлыкала Бритт-Мари, направляясь к кофеварке, чтобы сделать себе чашечку кофе.

— Не могли бы мы договориться не принимать гостей до девяти утра? — так спокойно, как только могла, произнесла Бритт-Мари.

— Так ведь его никто и не приглашал.

Бритт-Мари долгим взглядом поглядела на мужа и поставила чашку на столешницу. Затем достала из холодильника яйца и ветчину.

— Надеюсь, сегодня на службе тебе выпадет работёнка повеселее перекладывания бумажек, — сказал Бьёрн, надкусывая бутерброд с сыром.

— Вне всяких сомнений, — пробормотала Бритт-Мари.

Однако, придя на службу, она обнаружила у себя на столе новую стопку документов. Эта новая стопка, как минимум, была такой же величины, как вчерашняя. Бритт-Мари опустилась на стул, ощущая, как внутри неё вновь поднимается раздражение.

В кабинет вошёл Рогер Рюбэк. Сегодня он оделся чуть свободнее, сменив пиджак на кожаную куртку длиной до талии.

Этот даларнец уже чувствовал себя здесь, на третьем этаже полицейского участка Эстертуны, как дома. «Он точно знает, что принадлежит этому месту. Ему никогда не придётся просиживать целыми днями над грудями бумаг».

— Здорово! — произнес Рюбэк, оглаживая рукой свои беличьи хвосты. — Как жизнь?

— Спасибо, всё в полном порядке, — за неимением альтернативы отозвалась Бритт-Мари. Не могла же она сказать ему, как на самом деле себя чувствует. Как гнев скребётся и царапается у неё под ребрами, словно запертый в клетке зверь; словно на завтрак она наелась битого стекла, а не яичной болтушки с ветчиной.

Рюбэк стащил свою кожанку, уселся на стул и снова заговорил:

— Я не имею понятия, почему он так поступает.

— Я тоже.

— Это довольно странно. Учитывая нехватку кадров в полиции. Такую работу вполне можно было поручить этой фру Лагерман.

— Угу, — невнятно отозвалась Бритт-Мари, старательно отводя взгляд от кучи бумаг. Она отвернулась к окну, обшаривая улицу взглядом, лишь бы не глядеть ни на что в этом кабинете, лишь бы оказаться подальше от этого унижения — быть незваной и нежеланной. Под конец взгляд её, словно заблудившаяся пичужка, задержался на здании кинотеатра прямо напротив участка.

— Не хочешь выпить кофе?

Бритт-Мари выпрямилась и заставила себя перевести взгляд с кинотеатра на дружелюбную физиономию даларнца. Рюбэк улыбнулся, кожа на его щеках пошла морщинками, и веснушки собрались в кучу, словно стая рыб, попавшая в сеть.

— Да, спасибо. С удовольствием.

Когда Рюбэк скрылся в коридоре, Бритт-Мари наскоро поправила чёлку и нанесла немного крема «Нивеа» на губы. Уже завинчивая крышку плоской баночки, она внезапно осознала, как глупо себя вёдет. Она ли это? Сидит и прихорашивается ради сослуживца только потому, что он продемонстрировал порядочность, и не повёл себя, как скотина? Она, взрослая женщина, к тому же замужем за привлекательным мужчиной, с которым ещё и весело?

Бритт-Мари от души поблагодарила Рюбэка, когда тот вернулся с двумя чашками кофе, сел за свой стол и зажёл сигарету. Слегка покачиваясь из стороны в сторону в кресле, Рюбэк принялся разглядывать напарницу. Потом легонько постучал кончиком сигареты по краю блюдца с оттиском «Чинзано», стряхивая пепел.

— Сдаётся мне, в Эстертуне житьё спокойное. Фагерберг называет её компактным РЖЦ-городком. Что это значит?^[11]

— Работа, жильё и центр. Всё в одном месте.

— А я подумал, «ж» — значит жулик, — пошутил Рюбэк, гася окурок.

Бритт-Мари засмеялась.

— Ну уж нет, — возразила она. — Здесь, в Эстертуне, преступность практически отсутствует.

Бритт-Мари взглянула в окно. Высокое чистое голубое небо сияло над городом.

Рюбэк поднялся и взял со стола кипу бумаг.

— Мне нужно к Фагербергу, — пояснил он.

— Я пойду с тобой.

Рюбэк скептически взглянул на Бритт-Мари, но так ничего и не сказал, пока они шли по длинному коридору.

Фагерберг и Кроок уже сидели в кабинете и курили, когда туда вошли Бритт-Мари с Рюбэком. Солнечный луч проник в окно, и Бритт-Мари обратила внимание, как в узкой полосе света медленно поднимается к потолку табачный дым.

— Доброе утро, — сказала Бритт-Мари, занимая один из свободных стульев.

Фагерберг ничего не ответил.

— Я сказала «доброе утро», — повторила она, выдавив из себя улыбку.

Фагерберг не спеша положил сигарету на блюдце, откинулся на спинку кресла и сложил руки на коленях. В кресле что-то хрустнуло, когда он, слегка оттолкнувшись, отъехал немного назад.

— Инспектору недостаточно работы с документами?

— Я могу принести больше пользы здесь.

В полной тишине комиссар несколько мгновений пристально изучал Бритт-Мари, облизывая тонкие губы кончиком языка.

— Я определяю, где инспектор может принести больше пользы.

— Но...

Бледное лицо Фагерберга залилось краской, а зрачки сузились. Он вскочил так внезапно, что ударился о край стола, и задел блюдце, уронив его на пол. Окурки разлетелись по ковровину, оставляя за собой уродливые дорожки пепла.

— Вон! — проревел комиссар, указывая одной рукой на дверь. — Если инспектор Удин желает продолжить работу в моём отделе, ей следует научиться исполнять приказы.

Через неделю гнев Бритт-Мари утих. Но не потому, что она наконец получила какое-то иное задание, нет, просто она была по горло сыта этим чувством. Точно так же, как любой человек не способен каждый день есть одинаковую пищу, и у Бритт-Мари уже не хватало сил возмущаться. Место гнева в её душе заняло какое-то подобие смирения, жуткая пустота, которую сама она едва ли могла осознать. Возможно, эта пустота образовалась от утраты всех надежд, которые Бритт-Мари связывала с выходом на работу в то время, когда ещё сидела дома с Эриком. Разбитые мечты о наполненной смыслом, содержательной жизни на другом берегу декретного отпуска. Или же она попросту свыкла с мыслью о том, что её место действительно в этом кабинете с двумя письменными столами, из которых один вечно пустует — ведь инспектор Рюбэк обычно занят совещаниями или другими служебными делами.

Три следователя, с которыми ей не удалось познакомиться в первый день на службе — Олссон, Свенссон и Петерссон, — все оказались мужчинами средних лет и, насколько могла видеть Бритт-Мари, все они были настроены дружески по отношению к ней. Только Фагерберг, своей железной рукой заправлявший всем в отделе, поручил им другие расследования, и Бритт-Мари редко с ними пересекалась.

Комиссар Фагерберг больше не демонстрировал открытой неприязни, лишь сдержанную незаинтересованность. Практически всё время, что Фагерберг проводил в своём кабинете, на стене перед ним горела красная лампочка «занято».

Но у него, вне всяких сомнений, было много дел. Несмотря на то, что Эстертуна со стороны выглядела идиллически, в этом тихом омуте происходили ужасные вещи — пьяные драки, домашнее насилие, самоубийства. А всего несколько дней назад практически в центре города торговец из автолавки был ограблен человеком в маске и лишился всей своей дневной выручки.

Зови-меня-Алисой изо всех сил старалась сделать пребывание Бритт-Мари в отделе более комфортным. Да и Рюбэк был почти что

чересчур любезен, словно стараясь компенсировать скотство старших коллег.

Однажды, когда Рюбэк явился в кабинет с кофе и булочками с корицей, Бритт-Мари вспомнила, что забыла дома контейнер с едой. Это, конечно, не трагедия — вокруг центральной площади полно лавок и ресторанчиков, но у Бритт-Мари, как обычно, было туго с деньгами. К тому же, её раздражал тот факт, что контейнер с жареной икрой трески и картофелем так и простоит без всякой пользы в холодильнике.

— Большое спасибо, — сказала она, видя, что Рюбэк ставит чашку кофе и кладет для неё булочку рядом с пишущей машинкой. — Только с перекусом придётся подождать. Мне нужно забежать домой и забрать свой обед.

— Я могу пригласить тебя на ланч, — ответил Рюбэк, и взгляд его игриво заблестел. Бритт-Мари словно пригелась под этим взглядом, как будто свет из его глаз нашёл каким-то образом дорогу к её сердцу, и растопил в нём лёд ненужности.

— Я живу всего в пяти минутах ходьбы, — пробормотала она, вскочила, схватила сумочку и поспешила прочь.

До дома и вправду было недалеко.

Миновав винный магазин «Сюстембулагет», она свернула на Бергсгатан, откуда направилась напрямиком в парк Берлинпаркен, который на самом деле не имел никакого отношения к городу Берлину. Парк назвали в честь скульптора, который создал бронзовую статую кормящей матери. Она стояла возле больших качелей. Парк был окружён трёхэтажными домами с плоскими крышами и маленькими балкончиками, откуда открывался прекрасный вид на его зеленые насаждения.

В любом другом случае Бритт-Мари сократила бы путь через парк, но сейчас в задней его части зияла огромная рана — на месте большого котлована скоро должны были построить многоуровневый гараж.

Быстрым шагом, переходящим в бег, Бритт-Мари миновала огороженную стройплощадку, прикрывая рукой ухо в надежде хоть немного приглушить шум отбойных молотков. Потом она вышла на Сигтунагатан, откуда до покрытого жёлтой штукатуркой дома

оставалось уже совсем немного. Бритт-Мари скользнула во входную дверь и взбежала вверх по лестницам.

Едва распахнув дверь, она сразу поняла — что-то не так. Монотонный голос доносился из глубины квартиры, а в воздухе тяжёлой пеленой висел табачный дым.

Но дома должно было быть тихо и пусто. Бьёрн на работе, а Эрик — как обычно, у Май.

Бритт-Мари скинула сандалии, поставила сумочку на стул у двери и прошла в гостиную.

На диване навзничь лежал Бьёрн, и из его открытого рта раздавался храп. Тонкая нить слюны свисала с подбородка. На журнальном столике в ряд выстроились пустые банки из-под пива, пепельница переполнена. Один окурок вывалился из неё на столешницу старого тикового стола, который достался им от Хильмы, и прожёл в ней уродливую дыру. Старое транзисторное радио было включено, и серьёзный голос вещал о том, что Джеральд Форд должен сменить Ричарда Никсона на посту президента, а ещё о том, что Пиночет ввёл ещё более суровые законы против инакомыслящих граждан.

Бритт-Мари вспомнила, что прошлый вечер Бьёрн провёл в компании Суддена. Он был, очевидно, пьян в стельку, но обычно это не мешало ему на следующее утро пойти на работу. К тому же, когда она утром уходила, Бьёрн был на ногах, успел позавтракать и принять душ. Но что же произошло потом? Он что, продолжил пить, вместо того, чтобы пойти на работу?

Как алкоголик.

Или он побывал на работе, а потом вернулся? Может быть, повздорил со своей новой начальницей, которую настойчиво продолжал называть тёлкой?

Бритт-Мари выключила радио и приблизилась к Бьёрну. Некоторое время она стояла молча, ощущая, как гнев пульсирует в её сжатых кулаках, а проклятия готовы сорваться с кончика языка. Злоба, происхождение которой Бритт-Мари было непонятно, затопила её существо. Не то чтобы у неё не было причины злиться, просто обычно она пребывала в каком-то странном... спокойствии.

Да, обычно Бритт-Мари реагировала на всё спокойно.

Но теперь спокойствию пришёл конец. Очевидно, все произошедшие с ней за последнее время несправедливости подточили запас её терпения, как голодные крысы. И теперь на месте терпения зияла пустота, а единственное, что Бритт-Мари хотелось сейчас сделать, так это врезать своему привлекательному супругу по роже. Но было и ещё кое-что. Молчаливая ярость от того, что он посмел рисковать единственным и самым важным, что у них было. Семей, которую они построили вместе; семей, которой, как думала Бритт-Мари, у неё никогда не будет.

Бритт-Мари больно ткнула мужа в бок.

— Чёткое? — пробормотал Бьёрн и облизал пересохшие губы.

— Почему ты дома? Ещё даже нет двенадцати.

Бьёрн мешкал с ответом.

— Тёлка отправила меня домой.

Бритт-Мари ощутила, как в груди разливается холод.

— Скажи всё как есть, Бьёрн. Она отправила тебя домой, потому что ты напился?

Бьёрн отвернулся от жены, накрыл голову вышитой диванной подушкой и пробормотал что-то нечленораздельное. Бритт-Мари наградила его ещё одним тычком, на этот раз в спину.

— Какого чёрта! Отвали! Или ты тоже начнёшь?

Бритт-Мари ничего больше не сказала. Вместо этого она метнулась в прихожую, схватила свои вещи и выскочила из квартиры. О контейнере с жареной икрой она и не вспомнила, но теперь это не имело никакого значения — аппетит у неё пропал.

Когда Бритт-Мари вернулась на работу, на часах было тринадцать минут первого. Она рухнула на своё место за столом в пустом кабинете. Гора бумаг перед ней существенно уменьшилась, однако работы было ещё на несколько часов.

В дверном проёме возникла жилистая фигура Фагерберга. В холодном свете люминесцентной лампы его кожа казалась сделанной из наждачной бумаги, а глубокие борозды, протянувшиеся от носа к кончикам губ, походили на лезвия топорща.

— Идём, — сказал он и исчез так же внезапно, как появился. Мгновение спустя Бритт-Мари услышала его окрик из глубины коридора:

— Сейчас, инспектор Удин!

Бритт-Мари ничего не оставалось, кроме как бросить своё занятие и последовать за Фагербергом.

Рюбэк, поджидавший их у наружной двери, неуверенно улыбался ей.

— Возможно, у нас изнасилование, — сообщил Фагерберг, распахивая дверь на лестничную клетку. — Женщина, до тридцати, обнаружена в собственной квартире на Лонггатан со следами побоев. Возможно, будет лучше, если с ней поговорите вы, инспектор Удин.

И Бритт-Мари стало всё ясно.

Она поняла, почему ей наконец дозволено высунуть нос из кабинета, в котором никогда не переставала расти гора документов: преступления в сфере половой неприкосновенности — это женская епархия. Во всяком случае, такая маленькая деталь, как опрос потерпевшей. Потому что кто же лучше сможет понять женщину, как не другая женщина? Кто поможет жертве отыскать в себе мужество и рассказать все самое страшное в подробностях? Кто возьмёт за руку и вытрет слёзы, не уронив при этом свой авторитет и достоинство?

— Да, — отозвалась Бритт-Мари. — Этим лучше заняться мне.

Когда они оказались на месте, возле многоквартирного дома по улице Лонггатан уже стояла карета скорой помощи. У ворот собралась толпа зевак. Они с жадным любопытством уставились на Бритт-Мари и её коллег.

— Полиция. С дороги, — бросил Фагерберг, и люди послушно расступились в стороны, словно кучка овец.

Прибывшие вошли в дом и поднялись по лестнице.

Возле распахнутой двери квартиры на третьем этаже стояла пожилая женщина, держа на руках маленького мальчика. Тот по виду был ровесником Эрика. Женщина, ростом примерно такая же, как в ширину, своим видом напомнила Бритт-Мари шкаф. Шкаф, одетый в фартук. С папильотками в волосах. Лицо мальчика покраснело от натуги, он истошно вопил, тыча пальчиком в открытую дверь. Маленькие ладошки были перепачканы чем-то красным и липким. Кровью?

— Мааамааа!

Рядом, опершись о дверной косяк, стоял фельдшер из скорой. На лице его читалась смесь отчаяния с сумятицей, как будто он в данный момент пытался найти решение сложной математической задачи.

В паре метров от них у стены стоял полицейский в форме. В руках он держал голубую папку с бланками для рапортов и совершенно отрешённым взглядом глядел мимо пришедших.

Бритт-Мари узнала постового и поздоровалась, но тот не ответил. Фагерберг подошёл к нему и слегка потряс за плечи.

— Что здесь произошло?

Тот снова ничего не сказал.

— Ты что, язык проглотил, приятель?

Встряска Фагерберга заставила постового закачаться взад-вперед, так что белый каучуковый жезл застучал об стену.

Из глубины квартиры послышался сдавленный стон.

— Нам нужно везти её в больницу, но мы не можем, — попытался объяснить фельдшер.

— Не можете? — переспросил Фагерберг. — Что вы имеете в виду?

— Она...

Голос его сорвался, и фельдшер поскорее прикрыл рукой рот, словно ему внезапно сделалось дурно.

Фагерберг, изрядно уставший от излишне робких полицейских и медработников, издал глубокий вздох. Он натянул бахилы и скользнул в открытую дверь. Бритт-Мари с Рюбэком проделали то же самое.

В тесной прихожей на крючке висело пончо и женская сумочка с бахромой. На полу стояли несколько пар поношенной детской обуви и пара красных сабо взрослого размера. На линолеуме повсюду были разбросаны игрушки: вошедшим пришлось переступить через детальки конструктора «Лего» и маленького тролля с ярко-рыжими волосами.

Они направились в гостиную. За их спинами кто-то захлопнул входную дверь, и непрерывный детский крик сразу стал глуше.

На полу перед окровавленной женщиной на коленях сидел ещё один фельдшер. Она лежала навзничь, раскинув руки в стороны и, не считая сорочки, сбившейся на ней в бесформенный комок ткани, была обнажена. Солнечный свет, льющийся в окно, заключил фельдшера и женщину в идеальный прямоугольник, словно титанический прожектор, освещающий театральную сцену. Бритт-Мари не могла избавиться от ощущения, что всё это выглядит срежиссированным — эдакий гротескный натюрморт из женской плоти и крови.

Фельдшер поднял взгляд. На его лице читалась искренняя беспомощность, и только сейчас Бритт-Мари обратила внимание на то, что слышит плач: распластанная на полу женщина тихонько скулила, словно раненый зверёк. В тот же миг Бритт-Мари вдруг ощутила запахи пота, крови и мочи, пропитавшие воздух в комнате.

— Как она? — спросил Фагерберг, в два широких шага преодолев расстояние от прихожей до лежавшей на полу женщины.

— Она жива, — невнятно произнес фельдшер. — Я только ума не приложу, что с ней делать. У нас нет инструментов.

— Инструментов? — выдохнул Фагерберг, в устах которого это простое короткое слово каким-то невероятным образом зазвучало оскорбительно.

Фельдшер указал на ладонь женщины, и Бритт-Мари наконец увидела.

«Это невозможно», — подумала она, и инстинктивно отшатнулась прочь.

Но затем заставила себя вновь обратить взгляд на женщину.

Маленькие серые металлические шляпки торчали, словно клыки, из обеих ладоней несчастной. Кто-то пригвоздил её к полу.

Зрелище распятой молодой женщины заставило ноги Бритт-Мари подкоситься. Жуткий способ, которым нападавший расправился со своей жертвой, был до боли ей знаком — но мог ли это на самом деле вновь оказаться Болотный Убийца?

Чтобы справиться с потоком мыслей, Бритт-Мари принялась за не терпящие отлагательства дела: накрыла женщину одеялом, чтобы она не лежала нагишом, и помогла Рюбэку установить ограждения, пока Фагерберг отлучился, чтобы позвонить криминалистам и пожарным. У тех уж точно должно было оказаться необходимое снаряжение, чтобы освободить несчастную и вынуть гвозди из её ладоней.

Когда Рюбэк вышел, чтобы опросить соседку, которая всё еще качала на руках плачущего ребёнка пострадавшей, Бритт-Мари решила попытаться поговорить с ней. Она присела на корточки подле дрожащей, истекающей кровью женщины, зафиксировав взгляд на участке линолеума в нескольких десятках сантиметров от разбитого лица пострадавшей.

— Можешь рассказать, что случилось? — спросила Бритт-Мари. У неё мелькнула мысль, что надо бы установить с пострадавшей физический контакт, чтобы придать ей сил. Но та была избита до синевы, и Бритт-Мари так и не осмелилась до неё дотронуться, опасаясь причинить ещё больший вред.

Вокруг прибитых к полу ладоней образовались лужицы крови. Женщина зашлась кашлем, и из её рта на грязно-серый пол полетели алые капельки.

— Ты его знаешь? — продолжала Бритт-Мари, внезапно испугавшись, что женщина умрёт до того, как она успеет задать все важные вопросы.

Женщина, преодолевая боль, покачала головой и встретилась взглядом с Бритт-Мари.

— Лицо, — прошептала она. — У него было что-то на...

— Он замаскировался? Был переодет?

Женщина вместо ответа кивнула, всем своим видом давая понять, что хочет сказать ещё кое-что. Растрескавшиеся губы беззвучно

произнесли какое-то слово. Бритт-Мари пришлось наклониться к самому полу, чтобы расслышать. На своей щеке она ощутила влажное дыхание женщины.

— Даниэль, — выдохнула та.

— Его имя — Даниэль?

Женщина вновь покачала головой, и Бритт-Мари сообразила.

— Твой сын? С ним всё в порядке. Он здесь, за дверью.

— Видел. Всё.

Голос несчастной был еле слышен. Он вовсе затих, когда из прихожей донеслась уверенная речь Фагерберга. Тем не менее, Бритт-Мари смогла различить её слова. Пребывая в потрясении, она решила переспросить.

— Хочешь сказать, он видел, как тебя мучили? Как он...

Голос выдохнул:

— Всё.

В доме 23 на Лонггатан они провели почти два часа. Приехали пожарные и избавили Ивонн Биллинг — так звали пострадавшую женщину — от вбитых в ладони гвоздей, и карета скорой смогла наконец забрать её в больницу.

Рюбэк с Бритт-Мари опросили соседей и прохожих, но без особого успеха.

Никто, за исключением пары престарелых соседей Ивонн, проживающих на одном с ней этаже, ничего подозрительного не видел и не слышал. Они же показали, что «среди ночи» услышали шум, доносившийся из квартиры Ивонн. Когда сосед забарабанил в её дверь с требованием соблюдать тишину, шум прекратился. На вопрос о том, чем, на его взгляд, там могла заниматься Ивонн, он ответил, что не имеет ни малейшего понятия, только шум в квартире стоял «дьявольский».

Сосед вернулся к себе домой, так и не увидев подозреваемого. Супруга подтвердила его рассказ.

Бритт-Мари знала, что обязана доложить Фагербергу об известных ей событиях в Кларе, только никак не могла придумать, как описать шефу это необычайное совпадение, не вдаваясь в излишние подробности об истории своей семьи.

— Скоро я начну думать, что она сама прибила себя к полу, — сухо констатировал Фагерберг, когда, собравшись в крошечной кухне Ивонн, они закончили обмен информацией. — Неужели у людей совсем нет глаз?

Бритт-Мари тоже считала это странным. Даже та соседка, которая обнаружила Ивонн, не смогла добавить ничего ценного к имеющейся у них информации. Незадолго до обеда она услышала детский плач из-за двери квартиры Ивонн и постучалась. Когда никто не открыл, соседка наудачу толкнула дверь. Та оказалась не заперта. Женщина вошла внутрь и обнаружила распятую на полу Ивонн. Малыш сидел рядом с ней и плакал.

По словам соседки, фрёкен Биллинг была «девушка работающая, скромная, и никогда не доставляла беспокойства прочим жильцам». Женщина не смогла припомнить возраст Ивонн, но сообщила, что та работает секретарем в Национальном агентстве по планированию. Ранее Ивонн работала в Комиссии по переходу на правостороннее движение. Её сыну Даниэлю оказалось два года, а кто его отец, женщина не знала.

— Да мне это и не интересно, — отрезала она, когда Бритт-Мари задала ей вопрос. — Я не сую свой нос в чужие дела, и жду от людей того же по отношению к себе.

Вообще-то вспыльчивый характер соседки бросался в глаза — она походила на злобный шкаф в фартуке и папильотках. Но учитывая, что здесь только что произошло, сложно было её в этом винить.

Около трёх часов пополудни Бритт-Мари, Фагерберг и Рюбэк пешком отправились обратно. Не было необходимости брать машину — улица Лонггатан была всего в паре минут ходьбы от полицейского участка.

Августовское солнце висело низко, и маленькие лохматые белые облака неспешно тянулись друг за дружкой у самого горизонта, словно овечки на пути к пастбищу. В отдалении слышен был неумолкающий гул шоссе, соединяющего столицу с северными предместьями.

— Так вот, — собралась с духом Бритт-Мари. — Я хотела сказать, что похожее преступление было совершено в сороковые годы, в стокгольмском районе Клара. Моя... дальняя родственница служила тогда полицейской сестрой и присутствовала при обнаружении тела

убитой женщины. Эта женщина была распята на полу, в точности, как Ивонн Биллинг.

— Хмм, — промычал Фагерберг. — Когда это случилось?

— Зимой 1944 года. В феврале или марте, насколько я помню.

— Мы это выясним, — ответил Фагерберг. — Но прошло уже тридцать лет, так что маловероятно, что мы имеем дело с тем же самым преступником.

— Очевидно, нет, — согласилась Бритт-Мари с облегчением, так как ей не пришлось отвечать ни на какие вопросы о своей родственнице.

Когда они вышли на площадь, Фагерберг внезапно замешкался, потёр свой похожий на ястребиный клюв нос большим и указательным пальцами, и стал шарить взглядом по вывескам кафе и гастрономов на противоположной стороне. Потом он обернулся к своим спутникам.

— Я чертовски голоден. Инспектор Рюбэк, не хотите поесть, прежде чем мы вернемся к работе?

Рюбэк тут же повернулся к Бритт-Мари.

Солнце золотило густые бакенбарды, а курчавые волосы обрамляли его веснушчатое лицо, словно нимб. На лице Рюбэка застыло несчастное и виноватое выражение, как будто он каким-то образом мог быть в ответе за отсутствие такта, коим грешил их общий шеф.

Бритт-Мари догадалась, что он хотел сказать, и предупредительным жестом подняла ладонь.

— Мне нужно забежать на почту до закрытия. Увидимся на службе.

Потом она развернулась и с пылающими от унижения щеками пошла прочь. Бритт-Мари вновь напомнили о её неполноценности — в последние недели мысли об этом стали постоянными спутниками Бритт-Мари. А избавиться от них она не могла по той простой причине, что речь не шла о том, что и как она делала, а лишь о том, кем она являлась.

Она отправилась на почту.

Ноги всё еще дрожали, и Бритт-Мари не смогла бы сама ответить, было то следствием ужасного зрелища или её собственных умозаключений по поводу убийства тридцатилетней давности.

Смахнув слезу, Бритт-Мари вспомнила, что ей на самом деле необходимо решить пару вопросов, так почему не сделать этого сейчас, если Фагерберг всё равно любой ценой решил от неё избавиться.

В почтовом отделении было прохладно и на редкость немногочленно. Из большого портмоне, которое Бритт-Мари хранила в банке из-под печенья под блокнотом с рассказом об Элси, она извлекла счета. Не моргнув и глазом, кассирша приняла у неё квитанции. Через пару мгновений она сообщила, откашлявшись:

— С вас двести три кроны и пятнадцать эре.

Бритт-Мари принялась отсчитывать банкноты, однако к собственному удивлению заметила, что в портмоне не хватает нескольких сотен крон.

— Ничего не понимаю.

— Двести три кроны пятнадцать эре, — механически повторила кассирша.

— Но, — заикаясь, выговорила Бритт-Мари, — у меня же не хватает как минимум трёхсот крон.

— Что ж, — кисло промолвила кассирша, — к сожалению, я не в силах помочь вам уладить это небольшое недоразумение.

Когда Бритт-Мари вернулась в участок, возле кабинета Фагерберга горела красная лампочка, но Рюбэк помахал ей рукой через окошко, приглашая войти. Бритт-Мари на миг замешкалась, но затем решительно вошла в кабинет шефа — если бы она осталась ждать снаружи, всё стало бы только хуже.

Фагерберг мог лишить её чего угодно, но только не собственного достоинства. С каменным лицом он наблюдал за ней сквозь завесу табачного дыма. Инспектор Кроок скользнул по ней незаинтересованным взглядом, а его вечно слезящиеся глаза заставили Бритт-Мари подумать о тряпке для вытирания посуды. Рюбэк, разумеется, улыбался. Возможно, слишком широко. Бритт-Мари вновь ощутила, как к щекам приливает кровь.

— Садитесь, инспектор Удин, — велел Фагерберг.

Она без единого слова опустила на стул.

Фагерберг подался вперёд и уставился на Бритт-Мари. Она, тем временем, размышляла, были его худое лицо и жилистая шея следствием аскетизма или же попросту отражали безрадостное

отношение к жизни. Бритт-Мари больше склонялась ко второму варианту.

— Итак, — заговорил Фагерберг, затем выдержал театральную паузу и продолжил. — Мы не продвинулись ни на йоту. Никто ничего не видел. Никто ничего не слышал. Результатов технического исследования ещё предстоит дожидаться. Сама фрёкен Биллинг сейчас явно не в состоянии отвечать на вопросы. Однако медики сообщили нам, что она не была изнасилована — только жестоко избита. Так или иначе. Исходя из того, что она вам сказала, можем ли мы сделать вывод о том, что она не знала нападавшего, и он, к тому же, был замаскирован?

— Всё так, — согласилась Бритт-Мари.

Фагерберг кивнул.

— Как только фрёкен Биллинг станет чувствовать себя лучше, я хочу, чтобы вы отправились в больницу и допросили её.

— Так точно, — ответила Бритт-Мари.

— Чёрт возьми, распутать это дело будет очень непросто, — пробормотал Фагерберг. — Полная засада.

— А что с тем убийством сорок четвёртого года? — поинтересовался Рюбэк.

— Да, — задумчиво отозвался Фагерберг. — Определённо, сходство весьма значительное. Я связался с одним бывшим коллегой. Он сейчас на пенсии. Он подтвердил слова инспектора Удин. Однако виновный был изобличён. Супруг жертвы, некий Карл Карлссон, был осуждён за убийство, так что совпадения с нашим сегодняшним случаем должны быть чистой случайностью.

Бритт-Мари выпрямила спину.

— Разве не может один преступник скопировать другого? — спросила она.

Фагерберг потёр нос костлявым пальцем.

— Это возможно. Но о том убийстве не написал только ленивый, так что нам это вряд ли что-то даст. Кто угодно мог прочесть всё это и... — Фагерберг сделал паузу, — ...вдохновиться.

Тем вечером Бритт-Мари заработалась допоздна. К тому времени как она наконец покинула участок, маленькие невинные облачка на горизонте успели превратиться в тёмную клубящуюся стену, которая с тревожной скоростью надвигалась на Эстертуну. Туча, увлекаемая порывами ветра, который нес с собой пыль и сор, накрыла крышу кинотеатра. Ветер стал трепать зелёную неоновую вывеску универсама «Темпо». Когда Бритт-Мари в темноте подходила к парку, уже начали падать первые маленькие хлесткие капли дождя. Похожие на мелкую металлическую стружку, они взвесью стояли в воздухе, сглаживая видимые контуры огромного котлована, которому вскоре суждено было вырасти в многоуровневый гараж.

Однако Бритт-Мари словно не замечала непогоды. Даже не почувствовала, как порыв ветра задрал ей юбку, обнажив крепкие бёдра.

Она не могла отделаться от мыслей о распятой женщине.

Если бы только Бритт-Мари смогла помочь ей, если бы Бритт-Мари смогла помочь хоть одной такой же несчастной жертве, вот тогда её жизненный выбор был бы полностью оправдан, как и выбор Элси. Тогда и гибель Элси, и вся бесполезная бумажная работа, и все колкости Фагерберга были бы не напрасны. Тогда Бритт-Мари ничего не имела бы против того, чтобы после полного рабочего дня заниматься ещё и домом.

Тогда Бритт-Мари было бы по силам всё, и даже немного больше.

Но как найти преступника в отсутствие свидетелей и улик? И каким образом она, Бритт-Мари, которой доверяли лишь перекладывание бумажек, могла бы помочь Ивонн Биллинг, распятой женщине?

Отпирая входную дверь, она вдруг вспомнила слова Фагерберга:

— Супруг жертвы, некий Карл Карлссон, был осуждён за убийство, так что совпадения с нашим сегодняшним случаем должны быть чистой случайностью.

Уверенность в его взгляде подтверждала сказанное. А если уж Фагерберг, всю свою жизнь прослуживший в полиции, уверен в том,

что преступник был схвачен, значит, так оно и было.

— Ау! — воскликнула Бритт-Мари, войдя в прихожую.

Не дождавшись ответа, она скинула туфли и прошла в гостиную. Там работал новый цветной телевизор, и Бритт-Мари узнала музыкальную тему сериала «Линия Онедина».^[12]

На ковре перед телевизором сладко спал Эрик, засунув в рот большой пальчик. Бьёрн лежал на диване и раскатисто храпел. На столе валялись две смятые банки из-под пива и стояла пустая четвертушка из-под креплёного вина.

Бритт-Мари выключила телевизор ровно в тот момент, когда могучий нос парусника прорезал толщу воды, а капитан поднял к небу свой секстант.

Бритт-Мари ощутила, как в ней поднимается волна гнева. Ей до смерти захотелось ударить Бьёрна по лицу, но она этого не сделала. Вместо этого она аккуратно подняла Эрика с пола и тихонько отнесла в кроватку. Стащила с него штанишки. Проверила подгузник — по крайней мере, он оказался сухим. Пощупала лобик — вдруг температура? И наконец прикрыла сына собственноручно сшитым лоскутным одеяльцем. Потом сгребла пивные банки, окурки и пустую бутылку в кучу, вытерла старый тиковый столик посудной тряпкой — той самой, серый оттенок которой напоминал ей о слезящихся глазах инспектора Кроока — и распахнула балконную дверь, чтобы поскорее выветрить застоявшийся дух табачного дыма и спирта.

Напоследок она подошла к Бьёрну, с большим трудом придала ему полусидячее положение и взвалила его руку себе на плечи.

— Вставай, — коротко сказала она. — Тебе лучше пойти лечь в кровать.

Бьёрн зачмокал губами и замотал головой.

— Они себе не представляют... — невнятно пробубнил он. — Я вообще-то могу с закрытыми глазами отличить G325 от Y37.

— О чём ты?

Она рывком поставила Бьёрна на ноги. Чтобы удержать его, Бритт-Мари приходилось напрягать каждый мускул в теле.

— G325, — бормотал он, делая неловкие, вихляющие шаги.

— Не понимаю.

— Стеклоочиститель. Дворник. С продолговатым рычагом. Я... Я... могу разобрать машину и собрать её заново с закрытыми глазами.

И... Но... Всё, что они могут — просиживать там свои жирные задницы и считать деньги.

Бьёрн затих, но через мгновение пронзительно завопил обиженным голосом:

— Мои деньги! Меня выгнали.

Бритт-Мари замерла. Он что, потерял работу? Как же им теперь быть? Он поэтому два раза за день напился до бесчувствия? Бритт-Мари стала обдумывать, как припереть Бьёрна к стенке, но быстро оставила эту идею — бесполезно было ждать от него осмысленных слов сейчас. Так что она довела Бьёрна до кровати, где с облегчением отпустила. Потом ушла в гостиную, опустилась на диван и стала слушать, как дождь барабанит по подоконнику.

Голова раскалывалась, в глазах щипало, желудок скрутило. У Бритт-Мари с самого утра не было во рту ни крошки, но единственное, что оставалось сейчас, — парализующая усталость. Каждая мышца, каждая клеточка в её теле ныли, и Бритт-Мари ощущала всепоглощающее бессилие. Но за маской вселенской усталости пряталось другое чувство — более сильное, и гораздо более пугающее.

Бритт-Мари обвела комнату взглядом. По полу были разбросаны игрушки, с диванного подлокотника свисала кофточка Эрика.

Ей вспомнились мамины слова.

Счастье так хрупко.

Когда Бритт-Мари была маленькой и они ещё жили в Эншеде, в доме по соседству с ними жила одна семья. Это был белый деревянный дом с зелёными наличниками и тёмно-голубым фундаментом. Как была их фамилия? Лундин? Кажется, да.

У Лундинов было двое детей — Фредрик, ровесник Бритт-Мари, который в детстве переболел полиомиелитом и мог передвигаться только в инвалидной коляске, и ещё Франс, младшенький, который страдал от тяжёлых приступов астмы, и к тому же был немного не от мира сего, как говорил папа.

Папа ещё говорил, что ему жаль Лундинов — такое несчастье, когда сразу двое детей больны.

Но вот однажды ранним мартовским утром в начале пятидесятых всех разбудила пожарная сирена. Сцена, которая предстала их глазам, заставила всех изменить свои взгляды на истинное горе.

Дом Лундинов горел ярким пламенем, и к рассвету от него остались лишь несколько обугленных брёвен да голубой фундамент.

В пожаре погибла вся семья.

«Да, счастье и вправду хрупко», — согласилась Бритт-Мари, и в ней вновь поднялась волна злобы. За несчастья и болезни человек не в ответе, но как можно допитья до того, чтобы потерять работу и рисковать семьёй?

«Нам нужно всё прояснить, — подумала она. — Нужно поговорить друг с другом, откровенно поговорить. Нужно быть честными и ответственными, ради Эрика. Я поговорю с ним завтра, попытаюсь до него достучаться. И ещё нужно спросить его, куда пропали деньги из портмоне, даже если он разозлится».

Но утром Бритт-Мари обнаружила у Бьёрна букмекерские купоны, и поняла, что время задавать вопросы упущено.

Купоны лежали в кармане джинсов Бьёрна. Они обнаружились, когда Бритт-Мари подняла джинсы с пола ванной, где они валялись, сброшенные подобно змеиной шкуре. Бритт-Мари догадалась, что Бьёрн не смог натянуть джинсы обратно, после того как посетил туалет, поэтому просто оставил их лежать на полу. Когда Бритт-Мари подняла их, она услышала, как в кармане что-то шелестит, и инстинктивно запустила туда руку — Бьёрн частенько засовывал банкноты в карман, а Бритт-Мари по незнанию стирала их вместе с джинсами — и вытащила несколько маленьких квитанций.

Ей понадобилось некоторое время, чтобы разобраться, что именно она держала в руках. Конечно же, она слышала о новом тотализаторе — V65, — но Бьёрн ведь обещал никогда больше не играть на скачках! После того случая, когда он проиграл всю свою месячную зарплату. Если бы тогда она не носила под сердцем Эрика, Бритт-Мари, наверное, ушла бы от него.

Смяв купоны в кулаке, Бритт-Мари ворвалась в комнату, где ещё спали Бьёрн с Эриком. Она влепила спящему Бьёрну пощечину такой силы, что его голова мотнулась на подушке в другую сторону.

Он вскочил с кровати.

— Какого чёрта? Ты совсем рехнулась?

— Что это такое?

Не дожидаясь ответа, Бритт-Мари швырнула смятые бумажки Бьёрну в лицо.

Он поглядел на жену непонимающим взглядом, а потом потянулся за одной из скомканных бумажек и развернул её.

— Ты же обещал! — закричала она. — Я знаю, откуда ты взял деньги! Это были деньги на оплату счетов!

Она на мгновение замялась, но потом всё же добавила:

— И на отпуск на Мадейре!

Бритт-Мари подумала об открытке с Мадейры, которая украшала их холодильник. Эту открытку ей подарили в турбюро. Они с Бьёрном обещали друг другу, что обязательно туда поедут, как только смогут себе позволить.

— А теперь тебя ещё и уволили! — не умолкала Бритт-Мари. — Как же мы будем жить?

В следующий миг проснулся Эрик. Он заскулил, плач становился всё громче, и через короткое время он издавал уже настоящий вой.

— Ну вот, ты его разбудила, — констатировал Бьёрн, словно Бритт-Мари сама не заметила.

— Это твоя вина! — набросилась она на мужа. — Всё это — твоя вина.

Бритт-Мари подошла к кровати и подняла на руки плачущего сынишку. Прижала тёплое тельце к груди и стала его тихонько укачивать.

— Я всё возьму, — выдохнул Бьёрн со всхлипом. — И не моя вина, что меня выгнали с работы. Это сокращение. Я был согласен даже потерять в зарплате, только бы меня оставили, но они ответили, что это ничего не изменит.

И в этот миг, когда вся семья плакала и кричала, из прихожей донеслось покашливание.

Бритт-Мари обернулась и увидела Май, одетую в летнее платье и кофту. Глаза Май сверкали бесстыдным любопытством из-под седых кудрей. Аромат фиалковых пастилок донесся до спальни.

— Очевидно, я пришла в подходящее время, — сказала она, кивая головой, словно её догадки только что подтвердились.

На следующее утро Бритт-Мари в компании Рюбэка отправилась навестить Ивонн Биллинг в Каролинской больнице.

Бритт-Мари не нравились больницы. Больные здесь были ни при чём — ей доставляла дискомфорт мысль о миллиардах бактерий, которые множились и распространялись по длинным коридорам и неуютным палатам.

Кто знает, что там можно подхватить?

Сестра, которая проводила их в палату к Ивонн, положила руку на плечо Бритт-Мари и доверительно сообщила:

— Ей ввели болеутоляющее. И успокоительное, конечно. Она сейчас находится под действием лекарств.

Войдя в палату, где лежала Ивонн, Бритт-Мари ощутила, как сердце часто забилось в груди. Женщина на больничной койке выглядела такой хрупкой, такой пугающе маленькой и измождённой.

На Ивонн была белая больничная сорочка, а голова и руки были перевязаны. Из-под бинтов выбивались пряди русых волос, обрамлявшие разбитое до синевы лицо.

Когда вошедшие представились, Ивонн кивнула, и Бритт-Мари с Рюбэком заняли стулья подле кровати.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Бритт-Мари.

— Нормально, — медленно проговорила Ивонн, хотя было очевидно, что это не так.

Ивонн снова заговорила своим низким тягучим голосом:

— Врачи говорят, что мои руки полностью заживут и я снова смогу двигать пальцами.

— Рада это слышать, — ответила Бритт-Мари. — Как ты считаешь, сейчас ты в состоянии поговорить с нами о случившемся?

Рюбэк достал блокнот. Они заранее договорились, что вести опрос станет Бритт-Мари, а он займется записями.

Ивонн молча кивнула.

— В котором часу ты ушла с работы? — спросила Бритт-Мари, задавая направление разговору.

— Около половины пятого, — механически проговорила Ивонн. — Потом я забрала Даниэля из игровой группы.

— То есть прямо с работы ты отправилась в садик.

Ивонн снова ответила кивком.

— А после того, как ты забрала Даниэля, вы сразу пошли домой?

— Да. Вернее... По пути мы купили еды, в Консуме. Потом мы поужинали, поиграли немного. Я почитала Даниэлю книжку. «Спокойной ночи, Альфонс Оберг», кажется. Даниэль уснул в начале девятого.

— Вы с сыном не заметили ничего необычного по пути домой?

— Необычного?

— Может, какой-то человек шёл следом за вами, или ты обратила внимание на чье-то необычное поведение?

— Нет.

Ивонн прикрыла глаза, и долгое время не издавала ни звука. Бритт-Мари успела подумать, насколько же собранна эта маленькая женщина.

«Наверное, это всё лекарства, которые ей ввели», — решила она. Потому что сама Бритт-Мари не смогла бы рассказать о таком жутком происшествии, не расклеившись и не впадая в истерику.

— А в магазине?

Ивонн медленно покачала перебинтованной головой.

— Нет. Это был самый обычный день.

Она замолчала.

— Мой последний обычный день, — прошептала Ивонн, и Бритт-Мари увидела, как одинокая слеза стекает по её разбитой щеке.

Наступила тишина.

Лицо Ивонн расслабилось, и дыхание стало глубже. Бритт-Мари поначалу решила, что та уснула.

— Но, — внезапно очнулась Ивонн.

— Да?

— Был один человек. Мужчина. Он стоял в парке, когда вечером я выглянула в окно. Прямо перед тем как лечь спать.

— Мужчина? Как он выглядел? — Бритт-Мари заинтересованно подалась вперёд.

— Я не разглядела. Мне кажется, на нём был тёмный плащ. Больше ничего не было видно. Вы же не думаете, что...

Она замолчала на полуслове.

— Как думаешь, ты смогла бы его опознать?

Ивонн медленно покачала головой из стороны в сторону, и по её щекам снова потекли слёзы. Бритт-Мари дотянулась до лежавшего на ночном столике носового платка, и аккуратно промокнула слёзы на распухом лице Ивонн.

— Спасибо, — шепнула та. — Нет. Я не видела его лица. Это был он?

— Этого нельзя утверждать, — осмотрительно отозвалась Бритт-Мари. — Ты не помнишь, в котором часу его заметила?

— Точно не скажу. Около полуночи.

Бритт-Мари кивнула.

— Хорошо. Очень хорошо. Но что было потом? Когда ты уже легла в постель? Что произошло?

— Он просто появился там. В спальне.

— Можешь вспомнить, что тебя разбудило?

— Мне кажется, я слышала какой-то звук. Не знаю, что это было.

— А время? Ты не заметила, который был час?

— Должно быть, около трёх часов ночи, потому что позже, когда он оставил меня на полу, мне оттуда было видно будильник, и он показывал половину четвёртого.

При мысли о том, как ужасно испугалась Ивонн, когда проснулась и обнаружила в своей спальне незнакомца, по спине Бритт-Мари пробежала ледяная дрожь.

— Отлично, — бодро произнесла она. — Ты умница. Итак, ты проснулась около трёх часов ночи. Что произошло дальше?

Ивонн снова закрыла глаза, словно желая отгородиться от жестокой действительности.

— Он стоял прямо возле кровати и смотрел на меня.

— Как он выглядел?

Лицо Ивонн напряглось.

— Было ничего не разглядеть. На лице или на голове у него было что-то вроде маски. Может быть, чёрный чулок, я не знаю. И одет он был во всё темное. Я даже не рассмотрела, какого цвета у него волосы.

— Отлично, ты запомнила очень многое.

Перебинтованной рукой Ивонн смахнула с лица слёзы.

— Я запомнила его обувь. Грубые ботинки, рабочие. А в руке у него был нож.

Бритт-Мари переглянулась с Рюбэком. В его взгляде читались печаль и гнев.

— Можешь описать нож?

— Просто нож.

— Такой, каким режут хлеб, или нож для мяса? Или такой, каким строгают дерево?

— Нож для мяса, — шепнула Ивонн. — Он был похож на нож для мяса. С длинным и острым лезвием.

— Хорошо, — подбодрила её в очередной раз Бритт-Мари. — А мужчина? Какого примерно роста он был?

— Не знаю. Не высокий и не низкий.

— Среднего роста?

Ивонн почти незаметно кивнула.

— Он что-нибудь говорил?

— Нет. Только глядел. А потом схватил меня и сбросил на пол. Взобрался на меня верхом, и стал бить головой об пол. Я решила, что он хочет меня убить, и не могла понять, за что. Я не знаю никого, кто мог бы так сильно меня ненавидеть. Я никому не делала зла. Я...

Бритт-Мари накрыла руку Ивонн своей ладонью.

— Мы вообще так не думаем, — сказала она. — Что произошло потом?

— Мне кажется, я закричала, и тогда он наступил ногой мне на горло. Должно быть, я отключилась, потому что следующее, что я помню, — ужасная боль в ладони. И стук. И Даниэля, который стоял рядом и плакал. Я так сильно испугалась, что он причинит вред Даниэлю! Про себя я молилась, чтобы он убил меня, лишь бы не трогал сына. У меня болело горло, я даже закричать уже не могла. Я будто полностью онемела. Потом я снова потеряла сознание. Я очнулась, когда кто-то стал стучать в дверь.

— Тогда он сбежал?

Ивонн кивнула.

— Наверное, испугался. Он скрылся в прихожей. У него что-то было в руках — рюкзак или сумка. Я немного выждала, а потом попыталась встать с пола, только...

Ивонн осеклась, и на её лице появилось задумчивое выражение. Потом её черты исказила гримаса.

— Я догадалась, что он прибил мои руки к полу. Но всё равно не могла ничего понять. Я имею в виду... что за человек на это способен? И зачем это ему?

Бритт-Мари встретила взглядом с Ивонн, но ответа у неё не было.

«Да, что же это за человек?» — повторяла она про себя, поглаживая пальцем старое помолвочное колечко Элси, которое носила на цепочке вокруг шеи. Бритт-Мари в очередной раз дала себе зарок, что сделает всё, что будет в её силах, чтобы остановить это чудовище, ради Элси и ради Ивонн.

Тем вечером, вернувшись домой, Бритт-Мари обнаружила на своей кухне свекровь. Май деловито нарезала овощи. Эрик на полу возился с кубиками, в квартире пахло моющим средством. На холодильнике висела открытка с Мадейры. Бритт-Мари взглянула на высокие покрытые цветами горы, подножия которых спускались к самому морю, и на бесконечное небо.

Они никогда не смогут туда поехать.

— Я решила сварить овощной суп, так что тебе не придется сегодня готовить, — пояснила Май, одарив невестку одной из своих дежурных улыбок.

— Большое спасибо, не стоило, — ответила Бритт-Мари, испытывая, тем не менее, огромную благодарность. Разговор с Ивонн Биллинг вымотал её, и в одном виске пульсировала боль. Бритт-Мари прикинула, стоит ли комментировать ссору, свидетельницей которой утром стала Май, но пришла к выводу, что у неё на это просто нет сил.

— Тебе нужно поесть, — пробормотала Май, высыпая в кипящий бульон нарезанные кубиками брюкву и пастернак.

— Знаешь что? — неожиданно сказала Бритт-Мари. — Я очень рада, что ты нам помогаешь. Особенно сегодня, потому что на работе у меня выдался ужасный день.

Май посмотрела на неё долгим взглядом, но ничего не сказала. Вместо этого она взяла лук-порей, сделала надрез вдоль стебля и ополоснула его под краном. Потом водрузила его на разделочную доску и принялась рубить.

— На Лонггатан вчера была обнаружена женщина, распятая на полу, — продолжила Бритт-Мари свой рассказ.

Глаза Май расширились, рот приоткрылся.

— Совсем как...?

— Да. Совсем как было у Элси.

— О времена! Он что, вернулся, этот Болотный Убийца?

Бритт-Мари взвешивала, стоит ли делиться подробностями со свекровью, но сочла, что та не представляет угрозы. К тому же, Бритт-Мари хотела сделать над собой усилие и выстроить хоть какие-то взаимоотношения с матерью Бьёрна.

— Я подумала о том же. Но мой шеф, Фагерберг, поднял архивы и выяснил, что тот — убийца из сороковых — попался и сел за решётку.

— Таких совпадений не бывает. У меня есть свояк, который в те годы служил в полиции. Я с ним свяжусь.

— Я ничего не говорила Бьёрну, — помедлив, призналась Бритт-Мари. — Он стал бы переживать из-за меня.

Внимательно глядя на невестку, Май протянула руку за очередной морковкой.

— Наверное, он был бы прав, — сказала она, и принялась отточенными движениями чистить корнеплод.

Бритт-Мари выдавила из себя улыбку.

— Я сама могу о себе позаботиться.

— Я в этом не сомневаюсь, — сухо отозвалась Май, вытирая руку о фартук. — Только подходящая ли это работа для молодой матери? — глухим голосом продолжала она, не отрывая взгляда от моркови. Мышцы её жилистых рук ритмично сокращались под кожей, пока она резала и рубила. Наконец на разделочной доске выросла целая гора оранжевых кругляшей.

— Я люблю свою работу. И нам нужны деньги.

Бритт-Мари протянула руку, чтобы дотронуться до Май, но что-то в последний момент её остановило. Она так и осталась стоять, глядя на худую спину свекрови.

— Май, — наконец заговорила она. — Я знаю, что ты решила бросить работу, когда Бьёрн был малышом, и могу это понять, но сейчас всё иначе.

Май вдруг остановилась и уперлась взглядом в сливное отверстие раковины. Бритт-Мари было ясно, что она, возможно, слишком близко

подобралась к самой чувствительной теме. Это в семье Бьёрна не обсуждалось никогда. «Ужасное лето».

— Решила бросить работу, вот как ты думаешь? — спросила Май.

— Я думала, что...

— У меня не было выбора, девочка моя. Неужели тебе кажется, что мне не хотелось бы иметь работу, куда можно уходить по утрам, а возвращаясь, видеть прибранный дом? Еду, уже стоящую на столе к моему приходу? Кому не захотелось бы пожить так, как живут мужчины? И возможно, мне бы это удалось, если бы не родился Бьёрн и не умер Рагнар, и если бы всё не полетело к чертям собачьим тем ужасным летом.

Она умолкла.

— Прости меня. Я не хотела...

Май промолчала, но Бритт-Мари видела, что она изо всех сил сжала нож в кулаке. Костяшки побелели, рука немного дрожала.

В следующий миг распахнулась входная дверь и раздались шаги. В дверях кухни возникла физиономия Бьёрна.

— Привет!

Он по очереди поглядел на Май и на Бритт-Мари.

Улыбка Бьёрна погасла.

— У нас что-то случилось?

Дни складывались в недели, а дома у Бритт-Мари с Бьёрном царило хрупкое перемирие, нарушать которое ни у одного из них не было ни желания, ни сил. Иногда они разговаривали друг с другом, и Бьёрн всякий раз бывал полон раскаяния и обещал начать поиски новой работы. А ещё — вернуть деньги.

Бритт-Мари уже не знала, чему верить. Она больше не злилась на Бьёрна, скорее ощущала разочарование и ещё, возможно, удивление. Но прежде всего Бритт-Мари чувствовала усталость — от необходимости постоянно исполнять функцию жандарма, который пресекает любую шалость. А ещё от того, что постоянно приходилось подбирать и выносить окурки и банки из-под пива. Бритт-Мари напрягало, что Бьёрн вовсе не спешил ей рассказывать о том, что произошло у него на работе. Если это было сокращение, не должны ли были его предупредить заранее?

Однако у Бритт-Мари были и собственные тайны. Так ли справедливо было требовать от Бьёрна полной откровенности, когда сама Бритт-Мари предпочитала умалчивать о многом?

Может быть, исходя из этих соображений Бритт-Мари всё же решила рассказать мужу о распятой женщине, которую обнаружили вблизи парка Берлинпаркен.

Реакция Бьёрна оказалась вполне ожидаемой.

— Ты в своём уме? — воскликнул он. — А вдруг с тобой что-то случится? Вдруг он и тебя достанет?

Бритт-Мари спокойно и обстоятельно разъяснила ему, что большую часть дня проводит, стуча по клавишам печатной машинки, и в таких условиях вероятность того, что кто-то захочет или сможет ей навредить, стремилась к нулю.

Но Бьёрну явно было этого недостаточно.

— Ты должна подать рапорт о переводе, — заявил он. — Сможешь работать на другом направлении. Дорожно-транспортные происшествия, кражи... что угодно, только не это.

Бритт-Мари обещала ему поговорить на этот счёт с Фагербергом, но выполнять обещание не спешила.

Тем временем расследование нападения на Лонггатан, 23, шло полным ходом. Бритт-Мари отныне было позволено присутствовать на совещаниях в прокуренном кабинете Фагерберга. Однако её роль при этом была строго ограничена: ей дозволялось вести стенограмму совещания, чтобы затем перепечатать её начисто на пишущей машинке у себя в кабинете.

Бритт-Мари было отлично известно, что зови-меня-Алисой вполне могла бы справиться с этой работой, однако она не смела возразить шефу из страха быть опять сосланной на работы по разгребанию документальных материалов и раскладыванию их по папкам в огромном сером картотечном шкафу. Едва она подавала голос или каким-то образом высказывала возражение Фагербергу, её тут же посылали за кофе, или вообще в магазин за сигаретами.

Однажды Бритт-Мари раньше обычного справилась со своей печатной работой, но вместо того, чтобы выйти из кабинета и пообщаться с коллегами, она решила переписать начисто свой рассказ об Элси. Для неё это было желанной передышкой между вечными совещаниями и работой за печатной машинкой.

История обросла новыми подробностями, дома Бритт-Мари несколько дней подряд засиживалась допоздна, работая над ней. И теперь ей было жаль, что эта работа подходила к концу.

Бритт-Мари знала, что Фагерберг к ней несправедлив. Более того, эта несправедливость была просто необъяснима. Её каменнолицый шеф был ходячим анахронизмом. Швеция — современная страна, в которой только что на законодательном уровне разрешили аборт и ввели страхование на случай рождения ребёнка. Женщины теперь были вольны выбирать любую профессию, а любовь если и не стала свободна, то уж точно более раскрепощена, чем раньше, — всё благодаря противозачаточным таблеткам. ^[13]

Как всё это могло пройти мимо Фагерберга?

Он что, проспал все шестидесятые? И студенческие забастовки, и фестиваль Вудсток, и движение в защиту прав женщин, и знаменитый лозунг «личное есть политическое»? ^[14]

Похоже на то.

Но как бы ни обстояло дело с его отношением к равноправию, невозможно было поставить под сомнение профессиональную компетентность Фагерберга. Твёрдой рукой он направлял ход

расследования, и всё последнее время было посвящено скрупулёзному изучению занятий и привычек Ивонн, а также круга её знакомств. Они самостоятельно опросили всех соседей, а с помощью участковых полицейских постучались в дверь к каждому жителю во всей округе. Они опросили даже родителей детишек из группы Даниэля в детском саду. Но никто из опрошенных не замечал ничего подозрительного и не мог припомнить мужчину, которого Ивонн разглядела в парке возле статуи. Всё это Бритт-Мари педантично отражала в своих отчётах.

Её коллеги и не догадывались о том, что перепечатывание отчётов и протоколов стало для неё отныне не только служебной обязанностью, но и убежищем как от ледяного холода, поселившегося в её двухкомнатной квартире, так и от систематических унижений в кабинете Фагерберга. Ибо среди всех несправедливостей мира Бритт-Мари сумела отыскать свой способ не сойти с ума — облачившись в непроницаемые доспехи перфекционизма.

Работал способ безотказно. По крайней мере, так считала сама Бритт-Мари. Если Фагерберг и имел какое-то мнение на этот счёт, он его не озвучивал. А Кроок в основном издавал нечленораздельные одобрительные возгласы по поводу любого высказывания Фагерберга — когда присутствовал на совещаниях, конечно, потому что шеф поручил ему работу ещё над парой дел.

С другими коллегами по отделу Бритт-Мари виделась нечасто, но те всегда дружелюбно ей кивали, столкнувшись в коридоре.

С Рюбэком, конечно, всё обстояло иначе.

Тот часто комментировал неисправимое скотство Фагерберга, и когда он это делал, то всякий раз накрывал руку Бритт-Мари своей ладонью, словно придавая своим словам дополнительный вес.

Бритт-Мари всё это одновременно нравилось и не нравилось, потому что в её душе зарождалась печаль. Мучительная тоска накрывала её, когда Бритт-Мари честно признавалась себе, какие эмоции испытывает по отношению к Рюбэку, а какие — к собственному мужу, который вот уже неделю как перебрался спать на диван в гостиной.

Бритт-Мари закрывала дверь в спальню к себе с Эриком, прежде чем принять лёгкое успокоительное, которое прописал ей врач. Бьёрна, кажется, такая ситуация устраивала, или же он, подобно Бритт-Мари, нашёл способ примириться с положением дел. Он послушно спал на

диване и всё больше времени стал проводить в обществе Суддена в старом дачном домике на берегу озера Тунашён.

Бритт-Мари понятия не имела, чем они там занимались, но когда Бьёрн возвращался домой, от него разило выпивкой.

Иногда по утрам, когда Бритт-Мари просыпалась, Бьёрна всё еще не было дома. В таких случаях она чувствовала лишь облегчение. Когда же он предпринимал неловкие попытки сблизиться с ней в этом смысле, она его отталкивала. Как он вообще мог подумать об этом притом, какие между ними теперь были отношения?

И словно ситуация дома была недостаточно катастрофической, Бритт-Мари всё чаще стали посещать мысли о Рюбэке. В том числе в таких обстоятельствах, в которых им вовсе не стоило возникать.

«Что со мной такое?» — спрашивала она себя.

«Что творится с моей жизнью?»

* * *

В среду, четвёртого сентября, Маргарета Ларссон забрала свою дочь Лену из дома няни, которая жила в одной из новостроек возле водонапорной башни. На часах было начало восьмого, и у Маргареты только что кончилась поздняя смена в универмаге «Темпос» на центральной площади Эстертуны.

Вечер выдался тёплым и красивым, и она решила сделать небольшой крюк вокруг парка Берлинпаркен, чтобы подольше погулять. Шея и спина у неё ныли после целого дня работы на кассе, а ноги казались тяжёлыми и окостеневшими. Лена уснула в коляске ещё до того, как они добрались до детской площадки, что вообще-то было к счастью — иначе она непременно захотела бы пойти туда, несмотря на то, что уже темно и на площадке никого больше не осталось.

Маргарета распахнула калитку ворот у дома 10 на Берлингатан, протиснулась вместе с коляской во входную дверь, и припарковала транспорт под лестницей. Потом осторожно взяла на руки спящую дочь.

Шаги Маргареты эхом отдавались в пустом подъезде, пока она поднималась на третий этаж.

Ей удалось выудить из сумки ключи, не уронив Лену. Она отперла дверь, вошла в квартиру и сбросила сабо. Потом тихонько прошла в гостиную и положила девочку в красивую кроватку, которая досталась Лене по наследству от двоюродной сестры. Лена немного похныкала, но не проснулась.

Маргарета задумалась. Вообще-то не стоило позволять Лене заснуть сейчас, ведь в таком случае завтра она проснётся слишком рано. Но Маргарета так устала, а спина продолжала неумолимо ныть, несмотря на совершённую ими прогулку. Маргарета решила не будить дочь, хотя знала, что завтра спозаранку ей придется за это заплатить.

Она осторожно сняла с дочки крошечную вышитую крестиком курточку, чересчур дорогую даже несмотря на то, что была куплена на распродаже. Пошупала подгузник — тот был сух. Потом накрыла Лену одеяльцем и тихонько поцеловала в щёчку.

«Так удивительно», — подумала Маргарета.

Когда она носила ребёнка, то воспринимала свою беременность как катастрофу. Словно её жизнь закончилась. А теперь Маргарета не могла представить свою жизнь без Лены. Не могла представить, чему посвящала бы всё свое время, кому дарила бы всю свою любовь, если бы на свете не было этого маленького человечка.

«Может быть, когда-нибудь у нас получится найти тебе подходящего папу», — мечтала она. В Эстертуне живет много симпатичных и веселых ребят. Например, тот, что всегда выбирает её кассу в «Темпос». Он всегда покупает еду только на одного человека, выглядит уставшим и одет в тёмный костюм, как банковский служащий.

Вчера он интересовался её планами на выходные.

Или тот мужчина постарше, который всё время возникает неподалёку, когда Маргарета прогуливается вдоль озера. Они обычно беседуют друг с другом, идя рядом по берегу. Когда он уходит, то всегда улыбается, прикладывая руку к полям своей шляпы.

Маргарете вспомнился и парень, который на прошлой неделе помог ей нести сумки с продуктами — от самого центра до Берлинпаркен. Тот самый, с забавным выговором.

Он ведь тоже очень даже ничего?

Когда Маргарета погасила верхний свет, в парке за окном она заметила какой-то силуэт. Было похоже, что кто-то стоял,

прислонившись к дереву, почти вплотную к фонарному столбу. Но как только Маргарета подошла к окну, чтобы разглядеть получше, силуэт скользнул прочь и растворился в темноте парка.

«Должно быть, мне почудилось», — решила Маргарета, и отправилась на кухню. Там она поставила на плиту чайник и сделала себе бутерброд.

Она перекусила, а потом приняла душ — в квартире стояла духота, а после горячего чая она вспотела. Маргарета прикинула, нельзя ли тихонько включить в спальне телевизор, но решила не рисковать понапрасну: если Лена проснётся сейчас, пройдут часы, прежде чем она снова уснёт. А Маргарета должна быть на рабочем месте в четверть девятого вне зависимости от того, насколько она будет уставшей.

Маргарета немного приоткрыла балконную дверь, чтобы впустить в квартиру свежий воздух, и решила почитать в кровати. Но усталость взяла своё, и Маргарета, положив книжку на пол, погасила ночник.

Она сразу провалилась в сон.

Плечи расслабились, боль в спине отпустила, сменившись приятным ощущением невесомости.

Ей снилось, что Лена сидит в своём детском креслице и играет с дорогими наручными часами, которые Маргарета получила в подарок на Рождество от матери. Маленькими липкими пальчиками Лена цепко держала часы и громко стучала ими о свой столик.

Маргарета пыталась ей помешать, но всякий раз, как она протягивала руку за часами, та словно отказывалась ей подчиняться. Словно жалкие сантиметры, отделявшие кончики её пальцев от цели, на самом деле были непреодолимо огромным расстоянием.

Лена царапала часы о столешницу.

— Тщщщж.

Маргарета открыла глаза, и сон растаял.

— Тщщщж.

Сон как рукой сняло.

Этот царапающий звук. Он исходил не от Лены. Маргарета вгляделась в темноту, но ничего не увидела. В следующий миг раздался знакомый скрип балконной двери. Может быть, ночью она открылась? Когда Маргарета ложилась спать, ветра совсем не было, но в это время года погода так переменчива.

В темноте раздались другие звуки; они были больше всего похожи на шаги. Как будто кто-то крался по квартире. Потом из прихожей донесся какой-то приглушенный шлепок.

Она ещё спит? Может быть, она застряла во сне, и никак не может проснуться?

В дверном проёме возник силуэт, который был чернее окружающей темноты.

И Маргарета закричала.

Она закричала громко, изо всех сил, несмотря на то, что Лена могла проснуться. Потому что если это был сон, Маргарета хотела как можно скорее проснуться.

Обнажённое женское тело, лежавшее на полу с раскинутыми в стороны руками, было видно прямо из прихожей. Сердце Бритт-Мари заколотилось в груди — ей стало ясно, что их ждёт.

Они сделали несколько шагов вглубь комнаты, тщательно выбирая, куда поставить ногу, — множество липких кровавых отпечатков чьих-то подошв окружали тело.

Фагерберг присел на корточки, и Бритт-Мари последовала его примеру. Она сделала попытку взглянуть на женщину, заставить себя зафиксировать взгляд на разбитом до синевы лице и на длинном белом предмете, который торчал у покойной изо рта. Но взгляд не слушался Бритт-Мари, он упрямо ускользал в сторону колыбельки, вручную расписанной розами, на полу перед которой валялась скомканная одежда. Взгляд стремился дальше, к маленькому столику у стены, где стоял проигрыватель и лежала пачка сигарет. Взгляд пытался уцепиться за всё, что осталось в этой комнате нормального и ещё дышало жизнью.

Бритт-Мари вновь оглядела колыбельку. Должно быть, она принадлежала девочке, которая только что осталась без матери.

— Да уж, чёрт возьми, — пробормотал Фагерберг, потирая крылья своего крупного носа, словно желал убедиться, что тот по-прежнему находится на положенном месте. — Это снова он, и говорить не о чем.

Фагерберг натянул перчатки, немного пошевелил ногу женщины, и задумчиво хмыкнул.

— Посмотрим, что скажет патологоанатом, но сдаётся мне, что она мертва уже несколько часов.

— Что у неё во рту? — Бритт-Мари удивилась, как плохо слушался её собственный голос.

Фагерберг немного помедлил с ответом.

— Мне кажется, это ёршик для унитаза. Руки, инспектор Удин. Взгляните на руки.

Бритт-Мари, преодолевая себя, взглянула на руку покойной. Из окровавленной ладони торчала шляпка гвоздя.

Спустя час на место прибыли криминалисты. Бритт-Мари с Рюбэком уже огородили место преступления и опросили соседей.

— Маргарета Ларссон, — сообщил Рюбэк, затушив брошенный на тротуар окурок. Они вышли на воздух, чтобы сделать небольшой перерыв. — Двадцать пять лет. Работала кассиршей в универмаге «Темпос». Дочери пятнадцать месяцев, зовут Лена. Сейчас она у соседей, но социальные службы уже готовы её забрать.

Бритт-Мари кивнула.

Добытая ею информация в целом соответствовала.

— Кажется, никто ничего не видел.

Рюбэк прикурил ещё сигарету.

— Как, чёрт побери, он смог проникнуть внутрь незамеченным?

— Не имею ни малейшего понятия, — отозвалась Бритт-Мари, глядя в графитово-серое небо, по которому ползли тяжёлые дождевые тучи. Несмотря на погоду, было тепло, почти душно, и прохожие на улице были одеты сплошь в футболки и джинсы.

На выходе показался Фагерберг.

— Что у вас?

— Не так уж много, — ответил Рюбэк.

Фагерберг вздохнул, поднял взгляд к небу и водрузил шляпу на голову.

— Сложно расследовать убийство, когда вокруг одни слепые, глухие или умственно отсталые, — пробормотал он.

— Что будем делать? — спросил его Рюбэк.

— Что и всегда, — бросил Фагерберг, повернулся к ним спиной и зашагал в направлении центра.

Бритт-Мари встретила взглядом с Рюбэком.

Что и всегда.

Это означало поминутное документирование жизни жертвы за последнее время. Многочасовые беседы с друзьями и родственниками, изучение списков и выписок из регистров.

Это означало, что они будут хвататься за каждую соломинку, чтобы отыскать недостающие кусочки мозаики и выйти на след убийцы.

Однако уже на другой день стало ясно, что анализировать им практически нечего.

Было утро пятницы, времени — всего половина восьмого, но все уже были на своих местах на третьем этаже полицейского участка Эстертуны. Им нужно было составить отчёт, который Фагерберг позже собирался представить начальнику полицейского управления.

Даже зови-меня-Алисой была вызвана на работу пораньше, чтобы перепечатать текст начисто. Что было чудесно, потому что в таком случае Бритт-Мари могла не касаться этой работы.

Бьёрн вместе с Май собирались сегодня отвести Эрика в кондитерскую, что, по мнению Бритт-Мари, было просто замечательно. Ведь вместо того, чтобы напиться до полусмерти, Бьёрн станет есть булочки и пирожные.

За Эрика она почти не волновалась, во всяком случае, пока он был вместе с Май. Свекровь, возможно, не могла обеспечить удовлетворение всех его эмоциональных потребностей, но по крайней мере возвращала его в целостности и сохранности, и к тому же опрятным.

Единственное, что в данный момент беспокоило Бритт-Мари, — это кашель, который вот уже несколько дней донимал Эрика. Утром, приложив ухо к его маленькой грудке, Бритт-Мари заключила, что его дыхание стало довольно шумным, и после консультации с толстым справочником фельдшера, жившим у них дома на книжной полке, впала в сложно контролируемое состояние, близкое к отчаянию.

Воспаление лёгких. Астма. Круп.

А если это что-то серьёзное?

Но когда Бритт-Мари поделилась своей тревогой с Май, та скорчила мину и ответила, что дети время от времени кашляют, а Бритт-Мари стоило бы перестать себя накручивать.

Бритт-Мари бросила взгляд на свои новые светлые туфли на сдержанной, но всё же отчётливо заметной танкетке — слишком дорогие, но она решила, что в текущей ситуации может их себе позволить. К тому же, Бритт-Мари всё ещё испытывала радость по поводу того, что может ходить на работу, одетая как любой нормальный человек, не будучи связана необходимостью носить плохо сидящую форму, пошитую по мужским меркам.

Она окинула взглядом центральную площадь, по которой неспешно прогуливались легко одетые жители Эстертуны, наслаждаясь теплом бабьего лета. Бритт-Мари глядела на место, до сей поры бывшее для неё воплощением благополучия и уверенности, а

теперь ставшее гнездом беззакония и обмана. Кто угодно из этих мужчин мог оказаться убийцей — тот папа с коляской, рядом с которым шагала худая женщина в футболке без лифчика, или мужчина в выходном костюме, или бородатый толстяк-пьяница, которого Бритт-Мари каждый день видела у фонтана, тот самый, похожий на Беппе Вольгерса. [\[15\]](#)

Смогла бы она понять, что видит перед собой убийцу, стоя перед группой мужчин? Взгляд, поведение, манера держаться — что из этого может выдать притаившееся зло?

Бритт-Мари хотелось бы верить, что смогла бы. Она неплохо разбиралась в людях, и знала об этом. Но что бы ни двигало этим человеком, вероятнее всего, оно скрывается под личиной нормальности.

За спиной Бритт-Мари раздалось покашливание, и она обернулась на звук. На веснушчатом лице Рюбэка цвела широкая улыбка.

— Привет, — сказал он, снял кожанку, и плюхнулся на место Бритт-Мари.

Рыжеватые бакенбарды стали слегка короче, Рюбэк был свежевыбрит, из-за чего выглядел моложе.

Бритт-Мари с улыбкой засеменила ему навстречу. Улыбка никак не хотела сходить с её лица, хоть Бритт-Мари и пыталась с ней совладать. Потому что, если честно, Рюбэк был единственным взрослым человеком, с которым она в данный момент имела желание общаться.

— Уступить тебе моё место за печатной машинкой? — спросила она. — Тогда и ты сможешь заняться перепечаткой отчётов.

Рюбэк засмеялся и посмотрел ей в глаза.

— Нет, я подумал, что...

В это мгновение Бритт-Мари оступилась — она ещё не привыкла носить туфли на танкетке. На миг она потеряла равновесие, но Рюбэк успел схватить её за руку прежде, чем она упала. Он не делал резких движений и не дёргал руку Бритт-Мари, но, словно по иронии судьбы, она всё равно приземлилась прямо к нему на колени.

По выражению его лица Бритт-Мари поняла, что Рюбэк удивлён не меньше, чем она сама.

— Ой, я... я... — запинаясь, выговорила она, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

В этот миг внезапно распахнулась дверь кабинета, и внутрь вошёл их каменнолицый шеф, одетый в один из своих, на первый взгляд, одинаковых серых костюмов. Увидев их, он замер на месте с приоткрытым ртом, словно от удивления оставил приоткрытой дверцу в свой внутренний мир. В следующий миг дверца захлопнулась: рот Фагерберга вновь стал похож на белёсую ниточку, и он вышел из кабинета тем же путём, что и зашёл.

— Чёрт возьми, — выдавила Бритт-Мари, вскакивая с колен Рюбэка. Она быстро одёрнула юбку и пригладила чёлку.

Рюбэк тут же без лишних слов пересел на собственное место.

— Наверное, он решил, что... — тяжело выдохнула Бритт-Мари, опускаясь на свой стул. — Что нам теперь делать?

— Это был несчастный случай, — спокойно ответил Рюбэк, исподтишка разглядывая её туфли, но даже он выглядел обескураженным. Бледная кожа под веснушками приобрела тот же оттенок, что и каша с брусничным пюре, съеденная ею на завтрак, а взгляд его метался между Бритт-Мари и окном.

— Но ему это знать неоткуда, — возразила Бритт-Мари.

— Нам вовсе незачем ему что-то объяснять, — сказал Рюбэк. — Это сделает ситуацию ещё более...

Дверь распахнулась, и в неё вновь вошёл Фагерберг. Если он и был возмущён, то ничем этого не выдал, его лицо оставалось таким же бледным и бесстрастным, каким оно было всегда. Его взгляд упал на стопку бумаги рядом с пишущей машинкой.

Бритт-Мари сделала вид, что читает текст, но тут же осознала свою ошибку.

Элси. Стокгольм, февраль 1944.

— Что это? — спросил Фагерберг.

— Ничего, — жалко проблеяла Бритт-Мари, хватая пачку листов и пытаясь запихнуть их к себе в сумочку.

— В моём кабинете через пять минут, — отрезал Фагерберг.

Когда явились Бритт-Мари с Рюбэком, в насквозь прокуренном кабинете шефа уже вовсю дымили Фагерберг и Кроок.

Кроок принялся бесстыдным образом разглядывать Бритт-Мари, так что она сразу заподозрила, что Фагерберг уже всё ему рассказал.

Когда вошедшие сели, Фагерберг молча швырнул на стол вечернюю газету и выжидательно сложил руки на груди. Затем откашлялся и ткнул своим длинным костлявым указательным пальцем в газету.

Кроок с Рюбэком поднялись. Бритт-Мари незаметно одёрнула трикотажную водолазку и всем телом подалась вперед, чтобы разглядеть заголовок.

«Убийца распинает женщину в Эстертуне», — прочла Бритт-Мари.

О нападении на Ивонн Биллинг и её избиении пресса уже писала, однако до сих пор детали происшествия и методы преступника репортёрам не были известны.

— Перкеле, — невнятно пробурчал Кроок, запихивая окурок в переполненную пепельницу.^[16]

— Будем исходить из того, что никто из вас не стал бы якшаться с этими писаками, — сквозь зубы процедил Фагерберг, практически не открывая рта.

Все покачали головами.

— А если на одного из вас вышли бы репортёры, то вы держали бы свои языки за зубами, — продолжал он. — Я очень надеюсь, что так оно и есть.

Затем он повернулся к Бритт-Мари и снова откашлялся.

— Даже когда так хочется облегчить сердце перед кем-то, когда сталкиваешься со злом и смертью, а в особенности, когда всё это ещё в новинку, — даже тогда не нужно разевать свою пасть.

Взгляд Фагерберга так помрачнел, что у Бритт-Мари пошли мурашки по коже. Её обдало ледяным холодом, словно окатило январской водой. Презрение, отвращение и замешательство читались на его лице. Будто Фагерберг никак не мог взять в толк, как кто-то

вообще мог впустить такую, как Бритт-Мари, в его полицейский участок.

Она с такой силой сжала в руках блокнот и ручку, что побелели костяшки пальцев.

Зачем он так с ней?

Только потому, что она здесь новенькая?

Но ведь и Рюбэк здесь такой же новичок, как она. И в какой-то миг Бритт-Мари даже собралась высказать это Фагербергу. Но решимость её испарилась, как деньги в портмоне, как тот пузырящийся, щекотный восторг влюбленности, который Бритт-Мари однажды испытала с Бьёрном.

Она заторможенно кивнула.

— Да, комиссар.

Все взгляды были прикованы к ней, словно Бритт-Мари была обезьянкой в клетке.

— Чудесно. В таком случае, мы можем приступить к тому, ради чего сегодня собрались. Кроок, есть новости?

Кроок нехотя отвёл взгляд от Бритт-Мари, взял папку и стал листать её содержимое.

— Как вам известно, имя жертвы — Маргарета Ларссон. Дочь Лена пятнадцати месяцев от роду. Отца мы до сих пор не смогли установить. Также мы не смогли связаться с родителями жертвы, которые, согласно регистру, проживают в Смоланде. Тело Маргареты обнаружил рабочий, который пришёл латать трубу в ванной. У него был ключ, так как совсем недавно он занимался в её ванной более крупным ремонтом. И да, у него есть алиби. Я лично всё проверил.

Фагерберг громко стукнул ручкой об стол.

— Инспектор Кроок, я спрашивал, есть ли новости. Если бы мне необходимо было освежить в памяти то, что нам уже известно, я мог бы это прочесть.

Выцветшие глаза Кроока зашарили по кабинету, и наконец, взгляд его снова упёрся в Бритт-Мари.

Она сидела, уставившись в раскрытый блокнот у себя на коленях.

— О, — встрепенулся Кроок. — Я переговорил с владельцем недвижимости. Все ключи в наличии.

— Владелец — тот же человек? Что и в деле Биллинг?

— Да. У консьержа алиби на оба случая. Ещё я пообщался с криминалистами. В квартире обнаружилось множество отпечатков, но на предмете, который был во рту у жертвы, их не нашли. Это туалетный ёршик, кстати. Лично я думаю, что преступник был в перчатках, как и в случае с Ивонн Биллинг. Она ведь это заметила.

— Да, так она утверждает, — согласился Фагерберг. — Ещё что-то?

— Подтвердилось наличие следов спермы на и в теле жертвы. Также под ногтями у неё обнаружены кровь и частички эпителия.

— Кровь?

Фагерберг подался вперёд и упёрся взглядом в Кроока, тот неуверенно улыбнулся.

— Да, они смогли определить группу крови. Это третья положительная, если вас интересует.

— Отлично, — проговорил Фагерберг. — Замечательно. Третья положительная всего у двух процентов населения. Это нам на руку. Что насчёт ножа? Не нашли?

Бритт-Мари поёжилась, представив себе большой нож для мяса, о котором рассказывала Ивонн Биллинг.

— Нет, — отозвался Кроок. — Нож до сих пор не обнаружен. На теле жертвы нет ни порезов, ни колотых ран. Патологоанатом утверждает, что жертва была изнасилована, избита, возможно, ногами, но скончалась именно от последствий тупой травмы головы. Вероятнее всего, он многократно бил её головой об пол. Однако нож всё равно мог быть использован — например, чтобы контролировать поведение жертвы. Так он поступил с Ивонн Биллинг.

Кроок откашлялся и продолжил:

— Патологоанатом считает, что смерть жертвы наступила между тремя и шестью часами утра пятого сентября. Никто из соседей ничего не видел и не слышал, за исключением одного пенсионера с первого этажа, который показал, что видел, как ранним утром светлый «Вольво Амазон» в большой спешке отъезжал от дома. К сожалению, сосед не разглядел ни регистрационный номер, ни того, кто был за рулём. Никто из соседей также не замечал подозрительных мужчин в парке.

Фагерберг фыркнул.

— Того парня, которого, как она утверждает, видела Ивонн Биллинг, можно списывать со счетов. Даже если там кто-то и был,

нападение было совершено несколько часов спустя — он точно не имеет к этому никакого отношения.

Он замолчал, но вскоре заговорил снова.

— А вот автомобиль может представлять интерес. Нужно постараться отследить его передвижения. И дать об этом комментарий в прессу.

— Подождите, — подала голос Бритт-Мари. — Если она скончалась в промежутке между тремя и шестью часами утра, а рабочий обнаружил тело около четырёх часов пополудни... Она что, пролежала мёртвая двенадцать часов в одной комнате со своей маленькой дочкой?

— Кажется, так, — отозвался Кроок, шурша полосками бумаги, над которыми явно потрудился дятел — так они прозвали телетайп в кабинете зови-меня-Алисы.

— Итак, каков наш общий знаменатель? — спросил Фагерберг.

Кроок прикурил очередную сигарету и кивнул.

— Модус операнди, само собой, — ответил он, заходясь хриплым кашлем. — Исходя из способа действия можно предположить, что преступник — то же лицо, что и в случае двухнедельной давности. Между жертвами тоже прослеживается определённое сходство. ^[17]

— Подробнее, — скомандовал Фагерберг.

Бритт-Мари стенографировала так быстро, как только могла, чтобы не упустить никакой важной информации. Ручка плясала над страницами блокнота, покоившегося на её крепких бедрах. Ноги она как можно плотнее прижимала друг к дружке, чтобы создать о себе самое благопристойное впечатление, несмотря на то, что Фагерберг с Крооком, очевидно, уже составили о ней прямо противоположное мнение.

— Маловероятно, что жертвы были друг с другом знакомы, однако обе они были молодыми одинокими матерями, — заговорил Кроок. — Без высшего образования. Малообеспеченные. Обе получали поддержку социальных служб. А убитая, Маргарета Ларссон, даже квартиру возле Берлинпаркен получила благодаря им.

— Обе проживали вблизи Берлинпаркен, — вставила Бритт-Мари. — Это само по себе — тоже связь.

Бритт-Мари немедленно замолчала, когда Фагерберг одарил её одним из своих фирменных ледяных взглядов.

— И, — произнёс Кроок и взял театральную паузу, — обе они посещали «Гран Палас». И они определённо покидали его в обществе различных мужчин.

Фагерберг присвистнул.

— Вот оно как...

Их прервал короткий стук в дверь. Та приоткрылась, и в образовавшейся щели показалось улыбающееся лицо зови-меня-Алисы.

— Простите за беспокойство. Бритт-Мари, тебя просит к телефону дама по имени Май Удин.

— Передай ей, что я перезвоню, — отозвалась Бритт-Мари.

Алиса кивнула и дверь закрылась.

— Мне любопытно, как он проникает в квартиры? — задумчиво произнёс Рюбэк. — Дверь Маргареты Ларссон была закрыта на сувальдный замок, и если бы у обнаружившего её рабочего не оказалось дополнительного ключа, он не смог бы войти.

— Следы взлома? — спросил Фагерберг.

— Никаких. Отсутствуют повреждения как на двери, так и на замке. Жила она на третьем этаже, как и Ивонн Биллинг, так что через окно он тоже не мог забраться.

— Могла она его впустить? — предположил Кроок, разразившись приступом влажного кашля.

— Этот вариант нельзя списывать со счетов.

Фагерберг подался вперед и положил на столешницу локти, а потом саркастически медленно похлопал в ладоши.

— Или она вообще привела его с собой из «Гран-Палас». Всё ведь указывает на то, что она была из таких.

Бритт-Мари почувствовала, как кровь приливает к голове, и перед глазами у неё закружились мушки. Ей казалось, что на сером костюме Фагерберга пляшут белые хлопья, словно во время снежной бури.

— Но, — запротестовала она, — Ивонн Биллинг, первая потерпевшая, заявила, что замаскированный мужчина проник в квартиру среди ночи.

Фагерберг растянул губы в усмешке.

— Разве я спрашивал ваше мнение, инспектор Удин?

Бритт-Мари автоматически покачала головой, и тут же раскаялась в этом. Было слишком поздно. Она уже добровольно встала в

стройную шеренгу поддакивающих подчиненных Фагерберга.

— Женщина, которая водит домой мужчин из мест вроде «Гран-Палас», очевидно, имеет вполне обоснованную причину не распространяться об этом, — проговорил Фагерберг, делая ударение на каждом слове, словно имел в виду не только Ивонн Биллинг, но также и женщин, которые прямо на службе позволяют себе сидеть на коленях коллег мужского пола.

Он откинулся на спинку кресла и сложил руки на упакованной в пиджак груди.

— Да, — сказал он, кивая, — это вполне возможно. Они могли познакомиться со злоумышленником в «Гран-Палас» и привести его к себе домой.

— Они не могли быть в «Гран-Палас», — перебила Бритт-Мари. — У них дома были дети. Они...

— Вздор, — отрезал Фагерберг. — Такие женщины запросто могут оставить детей дома одних. Это я говорю, исходя из собственного опыта. Инспектор не может себе представить, сколько раз я наблюдал подобную картину.

Бритт-Мари взглянула на Рюбэка с Крооком: она искала их поддержки. Она жаждала убедиться, что не сошла с ума и этот разговор происходит на самом деле. В наши дни, когда и женщинам стало позволительно развлекаться, не подвергая себя риску быть причисленными к касте гулящих. Однако слезящиеся глаза Кроока высматривали что-то далёкое за окном, у самого горизонта, а Рюбэк, напряжённо наморщив лоб, внимательно разглядывал половицы.

— Нужно опросить персонал «Гран-Палас», — обращаясь к Крооку, сказал Фагерберг. — Возможно, они смогут вспомнить, посещали потерпевшие заведение в актуальные даты или нет.

Кроок кивнул.

В дверь снова постучали.

— Да! — с нескрываемым раздражением рявкнул Фагерберг.

В дверь заглянула зови-меня-Алисой. Улыбка исчезла с её лица, и она выглядела слегка смущённой.

— Прошу меня простить. Пришла фру Удин, свекровь Бритт-Мари. Она хочет поговорить со всеми вами.

Запах свежесглаженного льна проник в кабинет вместе с Май. Когда свекровь уверенной походкой вошла внутрь, раздался шорох накрахмаленной ткани. Это была походка человека, уверенного в собственной правоте, в отличие от Бритт-Мари, шаги которой всегда были немного извиняющимися. Сквозь стеклянное окошко в стене Бритт-Мари разглядела мирно спящего в коляске Эрика, накрытого лоскутным одеяльцем.

Май не изобразила и намёка на улыбку, приветствуя коллег Бритт-Мари.

— Фру Удин, у нас здесь проходит рабочее совещание... — заговорил Фагерберг.

— Да, предполагаю, что перерыв на кофе у вас не предусмотрен, — перебила его Май голосом, в котором явственно зазвучал металл. — Мне никогда не пришло бы в голову явиться сюда, не будь это действительно важно.

Фагерберг словно сдулся. Это было едва заметно, но от внимания Бритт-Мари не ускользнуло, и она искренне обрадовалась этой маленькой победе. Видеть то, как женщина — пусть даже это была одна из самых грозных женщин в Стокгольме — смогла поставить на место Каменнолицего, было весьма утешительно.

— Слушаю, — выдохнул Фагерберг.

— Я прочла в газете об убийстве, которое произошло поблизости от Берлинпаркен, — начала Май. — Известно ли вам о том, что в районе Клара в 1944 году было совершено практически идентичное преступление? И что совершил его некто, прозванный Болотным Убийцей?

Им это, конечно же, было известно. Но тем не менее, Фагерберг предложил Май сесть.

Рюбэк без промедления уступил ей своё место. Май аккуратно присела на край стула и, не поблагодарив Рюбэка, начала рассказ о событиях февраля 1944 года на Норра Смедьегатан. Она рассказала о прибитой гвоздями к полу женщине, а также о полицейской сестре, которая встретила свою смерть в грязном подъезде.

— А она, как вам, конечно, уже известно, была никем иной, как Элси Свеннс, — подытожила Май, кивая в сторону Бритт-Мари.

Фагерберг наморщил лоб, но, к облегчению Бритт-Мари, вопросов задавать не стал. Возможно, рассказ его не заинтересовал, а может быть, его просто немного пугала Май.

— Фру Удин, — заговорил он, потирая свой ястребиный нос. — Нам хорошо известны подробности этой истории. Убийца, Карл Карлссон, был схвачен через короткое время и позже осуждён за своё преступление. Впоследствии он скончался в тюрьме.

Май кисло улыбнулась.

— В таком случае, вам также должно быть известно и то, что Карл Карлссон был невиновен.

— Что?

Май открыла сумочку, которую держала на коленях, и вынула оттуда фотокопию газетной статьи, которую затем протянула Фагербергу.

— «Афтонбладет», тысяча девятьсот пятидесятый год, — пояснила она. [\[18\]](#)

Бритт-Мари прочла заголовок.

Начальник полицейского управления предостерегает: по делу Болотного Убийцы осужден невиновный.

— Карл Карлссон дал показания, в соответствии с которыми в день убийства он гостил у своей сестры в Умео, — пояснила Май. — Однако никто ему не поверил. А полиция в Умео, которой было поручено проверить алиби, не нашла никаких свидетелей его пребывания там, помимо сестры. Правосудие им не поверило, и Карл Карлссон был осуждён. Но несколько лет спустя обнаружилась фотография, на которой запечатлены сидящие в кафе в Умео Карлссон и его сестра. Как видите, он читает газету. Если внимательно изучить фотографию, можно различить заголовки и по ним определить дату. Таким образом подтверждается, что Карл Карлссон в день убийства действительно находился в Умео.

На лбу Фагерберга пролегла глубокая вертикальная складка.

— Но обо всём этом вам, вероятно, хорошо известно, — заключила Май.

Повисла тишина. Присутствующие были удивлены, обескуражены и в некоторой степени смущены.

Чтобы выйти из затянувшегося неудобного положения, Фагерберг отослал коллег по делам: Кроок был отправлен в Государственный полицейский архив на поиски информации о Болотном Убийце, а Рюбэку было поручено разыскать другие публикации на эту тему, а также лично побеседовать с констеблями, которые занимались расследованием убийства в сороковые годы.

Май встала и расправила подол. Серебристые локоны глянцево переливались в свете потолочных ламп.

— Связь между Элси и Бритт-Мари — просто необычайное совпадение, — добавила Май, слегка наклонив голову на бок.

— Совпадение? — переспросил Фагерберг.

— Ну да, ведь именно биологическая мать Бритт-Мари обнаружила жертву в 1944 году. И именно она погибла там.

«Нет», — отчаянно запротестовала про себя Бритт-Мари. «Нет! Зачем она это рассказывает?»

— Биологическая мать? — враспяжку произнёс Фагерберг, уставившись на Бритт-Мари.

— Да, — невозмутимо продолжала Май. — Вы не знали? Мать Бритт-Мари, Элси, жила одна и работала полицейской сестрой. Она не могла заботиться о Бритт-Мари, и отдала её на воспитание в приёмную семью.

Бритт-Мари в который раз ощутила, как кровь приливает к щекам, и поспешно встала со своего места.

— Спасибо, Май, — сказала она, глядя на Эрика, который всё еще мирно спал в коляске за дверью кабинета Фагерберга.

Май коротко кивнула, забрала коляску и с тем же достоинством, с каким вошла в него, покинула полицейский участок, шурша юбками.

Вечером по дороге домой Бритт-Мари терзали мысли о прошедшем дне. Она не могла перестать думать о неловкой ситуации, в которой их с Рюбэком застал Фагерберг, и о том, что теперь всем стало известно, кем была её мать, а ещё о предшествующей появлению Май дискуссии. Бритт-Мари отказывалась верить, что жертвы оставляли своих детей в одиночестве ради посещения «Гран-Палас». И ещё меньше верилось ей в то, что они добровольно водили к себе незнакомцев. Бритт-Мари не могла забыть разбитого лица и забинтованных рук Ивонн Биллинг. Ей всё ещё слышался слабый голос

Ивонн, а перед глазами стояло выражение её лица — на нём было написано отчаяние.

Нет, Бритт-Мари ни за что не поверила бы, что Ивонн солгала.

Тяжёлая, влажная мгла опустилась на Берлинпаркен к тому времени, как Бритт-Мари быстрым шагом подошла ко входу. Почва была мокрой от вечерней росы, запах земли и гниющих листьев смешивался с кухонным чадом из чьего-то распахнутого окна. Откуда-то доносилась музыка, отголоски которой тонули в зелёной массе. Ступни саднило, а пятки жгло после долгого дня в новых туфлях, из-за которых Фагерберг теперь, кажется, считал её распутницей. Ничем не лучше тех женщин, кто поздним вечером приводит домой мужчин, с которыми познакомились в ресторане.

Бритт-Мари зорко вглядывалась в тень густого кустарника, размышляя, мог ли преступник стоять прямо на этом месте, наблюдая за своими жертвами. Может быть, он стоял там и прямо сейчас, невидимый для неё, прислонившись к стволу дерева, и высматривал себе новую жертву.

Приблизившись к ограждению, Бритт-Мари через забор заглянула в строительный котлован. Там вскоре должен был вырасти многоуровневый гараж, который смог бы вместить автопарк растущего и расширяющегося предместья. Яма была глубокой, тёмной и на первый взгляд — бездонной, так что больше походила на могилу или даже туннель, протянувшийся к самому сердцу земли, чёрному и пульсирующему.

«Настоящая пропасть», — подумала Бритт-Мари, и на мгновение ей показалось, что тёмная бездна за ней наблюдает, словно хочет затянуть её в свои глубины. Словно это была душа Болотного Убийцы, а не самый обычный котлован в самом обычном предместье Стокгольма.

Бритт-Мари непроизвольно поёжилась и поскорее повернулась к нарядным домикам с маленькими балкончиками.

Не более чем в пятидесяти метрах от неё стоял дом, в котором располагалась квартира убитой. Притягивали взгляд пустые окна, черневшие на фасаде здания.

Бритт-Мари поглядела в другую сторону. Какая-то сотня метров отделяла её и от квартиры первой жертвы. В окнах там тоже было темно: Ивонн выписали из больницы, но она вместе с сыном уехала

в Суллентуну, к своей престарелой маме, потому что теперь боялась оставаться одна.

Кто стал бы её за это винить?

Бритт-Мари подумала, что страх отныне и до конца её дней станет вечным спутником Ивонн. Даже долгое время спустя, когда заживут раны на руках и исчезнут следы побоев на теле, страх, впившийся своими зубами в её душу, не ослабит своей хватки.

Взгляд Бритт-Мари заскользил вдоль шеренги домов с плоскими крышами и похожими на ящики балконами, контуры которых выступали из темноты.

В голове Бритт-Мари возникла одна мысль, и кажется, не собиралась никуда исчезать, хоть она, запахнув плотнее куртку, и поспешила прочь из парка, в сторону дома.

«Это не может быть случайностью», — пронеслось в голове у Бритт-Мари.

Придя домой, Бритт-Мари услышала, что в гостиной включен телевизор. Пахло жидким мылом, и в прихожую навстречу ей вышел Бьёрн с губкой для мытья посуды в руке. Бритт-Мари окинула беглым взглядом гостиную — там было прибрано, на столике — никаких пустых жестянок. Вместо пива там лежал раскрытый журнал «Дело» и целых две ручки.

— Чудесно, — сказала Бритт-Мари.

— Я прибрался.

— Замечательно! Где Эрик?

— Спит. Я накормил его и уложил.

Бьёрн несмело обвил её руками и осторожно обнял. Против воли она ответила на объятие. Его длинные волосы защекотали ей нос, и Бритт-Мари ощутила запах мыла и лосьона для бритья.

— Что с его кашлем?

Бьёрн удивлённо взглянул на жену.

— С кашлем?

— Ну да, он же кашляет.

— Прекрати себя накручивать. Он прекрасно себя чувствует. И даже если он кашлял, чего лично я не заметил, это не помешало ему умять в кафе два пирожных.

Бритт-Мари кивнула, подумав, что всё равно приложит ухо к груди Эрика, прежде чем лечь, так как на мнение Бьёрна в отношении

детских болезней она не полагалась. Потом она оглядела чистую гостиную.

— Май заставила тебя навести порядок?

— Нет, — с нажимом произнес он. — Я захотел сделать что-нибудь для тебя, я ведь был таким дураком. Я исправлюсь. Я найду новую работу и верну деньги.

Он на мгновение замялся, но договорил:

— И мы поедем на Мадейру, обещаю.

— Хорошо, — отозвалась Бритт-Мари, действительно желая ему поверить. Ибо могло ли быть на свете что-то более прекрасное, чем семья? Что-то столь же желанное и совершенное?

Однако мысли Бритт-Мари стремились в ином направлении. Они тянулись к домам возле Берлинпаркен, к тёмным окнам покинутых квартир на верхних этажах. Догадка, возникшая у Бритт-Мари, когда та глядела на контур крыш на фоне ночного неба, оформилась яснее. Внезапно Бритт-Мари ощутила на шее цепочку с кольцом Элси.

— Всё в порядке, — сказала она вслух, приняв решение прогуляться в выходные к этим домам, чтобы подтвердить или опровергнуть свои умозаключения.

Тем вечером ужином занимался Бьёрн. Они ели недоваренную картошку, которая осталась жёсткой внутри, жареные колбаски и консервированный горошек.

— Вкусно, — соврала она, чувствуя благодарность за внезапное рвение Бьёрна на ниве домашнего хозяйства. — И я рада, что ты начал искать работу.

Бритт-Мари не стала уточнять, что в общем-то это были минимальные требования к взрослому мужчине, учитывая, что Май всё ещё забирала Эрика на целый день.

Бритт-Мари отложила столовые приборы, раздумывая, стоит ли задавать вопрос, который давно не давал ей покоя. Она опасалась, что может испортить Бьёрну настроение, однако в конце концов решилась.

— Так что вообще произошло? У тебя на работе?

Бьёрн удивлённо посмотрел на жену, встретился с ней взглядом и отложил вилку на край тарелки.

— Я же говорил. Сокращение. Это было...

Он не договорил до конца и весь поник. Выглядел он несчастным.

— Может, попробуешь позвонить в автомастерскую у заправочной станции? Мне кажется, у них всегда много клиентов. По крайней мере, когда нам нужно обслуживать радиомобили.

Бьёрн кивнул, не поднимая взгляда от тарелки. Взял вилку и стал накалывать на неё отдельные горошины.

— Да, ты права. Так и сделаю.

Когда они убрали посуду, раздался звонок в дверь, и Бьёрн пошёл открывать. Из прихожей донесся его голос:

— Чёрт побери! Кто тебя так?

А в ответ до дрожи знакомый тягучий голос:

— Всё этот чёртов кустарник на мамашинной даче.

Бритт-Мари отправилась в прихожую.

— Тот, что у сарая, ты знаешь, — продолжал голос. — Я собирался отлить, и...

Когда в прихожей показалась Бритт-Мари, Судден осёкся. Он стоял, прислонившись к дверному косяку. Три длинных царапины прочертили его щеку наискось. В руках он держал пакет из Консума, по очертаниям которого нетрудно было догадаться, что тот набит пивными банками.

Судден кивнул Бритт-Мари.

— Здорово.

— Привет, — отозвалась она, косясь на его пакет.

— Ну так вот, — обращаясь к Бьёрну, продолжил Судден, — я собирался тебя спросить, не желаешь ли ненадолго составить мне компанию?

Бьёрн бросил быстрый взгляд на жену. Потом повернулся к Суддену.

— Не сегодня. Извиняй.

Бритт-Мари вернулась на кухню, взяла тряпку и принялась тщательно протирать стол.

В прихожей Судден расхваливал лошадь по кличке Голден Чайлд, на которую ставили десять к одному. Через минуту дверь захлопнулась, и Бьёрн вернулся на кухню.

— Спасибо, — сказала Бритт-Мари. — Спасибо, что решил сегодня остаться дома.

Той ночью ей приснился Болотный Убийца — безликий образ, сгусток тьмы, который похитил Эрика из кровати и исчез в ночи.

С рвущимся сердцем и болью в груди она помчалась следом — по тёмным улицам, через лес, а потом по самой кромке чёрной воды озера Тунашён.

Паника была такой всеобъемлющей, мука такой испепеляющей. Отчаяние таким взаврадашним.

«Эрик» — у неё осталась только одна мысль. «Я должна спасти Эрика».

Внезапно вдалеке она смогла разглядеть, как Болотный Убийца вбегает в чей-то дом. Прежде, чем за ним захлопнулась дверь, Бритт-Мари увидела маленькую пяточку Эрика, белевшую в темноте. Она закричала:

— Эрик!

Поднялся сильный ветер, и Бритт-Мари пришлось наклониться вперед, словно она пыталась пробиться сквозь смерч или плыть против течения. В конце концов она добралась до своей цели.

Бритт-Мари стояла и смотрела на тлеющие обугленные доски, которые торчали из голубого фундамента дома семьи Лундинов.

В следующую секунду она почувствовала, что Бьёрн держит её в объятиях, и услышала его голос прямо у себя над ухом:

— Это всего лишь кошмар, любимая. Спи. Я побуду рядом.

Субботним утром кошмар рассеялся, а Бьёрн проснулся в супружеской постели.

Это было превосходное утро. Словно в каком-нибудь английском постановочном кино: в окно лился солнечный свет, широкими мазками покрывая золотом их кровать, и в его лучах клубился и таял пар от чашки с кофе. Совсем рядом в своей кроватке спал малютка Эрик. Влажные завитки его светло-русых волос прилипли к вискам, ротик приоткрылся во сне.

Бритт-Мари сделала глоток кофе, который смолот, сварил и принес ей в постель Бьёрн.

Он рано встал и успел не только приготовить завтрак, но и сдвинуть с места старую тяжелую ванну — Бьёрн собирался прочистить слив. Бьёрн был силён, и у него всё замечательно получалось, когда он того хотел.

Бритт-Мари размышляла, стоит ли поделиться с мужем подробностями о ходе расследования, но решила этого не делать. Она была убеждена, что Бьёрн умеет держать язык за зубами, даже когда пьян, но не хотела вновь выслушивать его уговоры о переводе на другое место службы. Ещё Бритт-Мари не хотела, чтобы Бьёрн переживал за неё. А именно это он и делал: без всякой нужды за неё волновался, словно Бритт-Мари была не высокой сильной женщиной со средним полицейским образованием, а какой-нибудь хрупкой престарелой дамочкой.

Однако, к удивлению Бритт-Мари, Бьёрн сам завёл разговор на эту тему.

— Мама рассказала, что человек, которого в сороковые годы объявили Болотным Убийцей, был невиновен, — сказал Бьёрн, осторожно глядя её по животу кончиками пальцев.

Бритт-Мари прикрыла глаза, наслаждаясь осенним солнцем, которое ласково согревало её обнажённую кожу.

— Возможно, что и так, — отозвалась она.

— К чему бы ей выдумывать?

— То, что пишут в газетах, совсем не обязательно должно быть правдой.

— Мать сказала, что это Болотный Убийца вернулся, — продолжал Бьёрн, не обращая внимания на комментарий жены.

Бритт-Мари молчала. В тишине раздался щелчок зажигалки, а потом, когда Бьёрн затянулся, — еле слышное шипение тлеющей сигареты.

— А она не из паникёров, — сказал Бьёрн. — Не из пугливых.

Но Бритт-Мари, вспоминая жёсткие седые локоны свекрови, её худые, но сильные руки и взгляд, твёрдый как камень, подумала, что даже Май могла чего-то испугаться. Бритт-Мари не стала ничего говорить — ей не хотелось разрушать хрупкое очарование этого мгновения. Бьёрн был преисполнен любви, ласково пригревало солнце, а кофе был в меру крепок и горяч. К тому же, Бритт-Мари внезапно вспомнила, как ей нравилось, когда Бьёрну на лицо спадала прядь длинных волос. Какой мягкой могла быть его загорелая кожа, и как сильно она тосковала по этому щекотанию у себя в животе, которое начиналось, когда он был так близко.

Бритт-Мари подумала, что в скором времени у Эрика могли бы появиться братик или сестрёнка.

Она так и не пошла посмотреть на дома возле Берлинпаркен. Все выходные Бритт-Мари посвятила Бьёрну с Эриком: они выдували мыльные пузыри в парке, готовили еду и ходили за покупками. А Бьёрн долго гулял с коляской.

Когда воскресным вечером Бритт-Мари занялась готовкой, раздался телефонный звонок.

Это была Анита.

Бритт-Мари уже не могла вспомнить, когда в последний раз разговаривала с подругой, и немного смутилась, услышав хорошо знакомый голос. У неё было столько работы и других забот, что Бритт-Мари позабыла об общении с друзьями. Однако Анита совсем не была обижена. Наоборот, она без умолку болтала о писательском конкурсе, который выиграла, и рассказала, как один издатель пригласил её на встречу, чтобы обсудить условия контракта.

— В ресторан «КВ». Угостил вином. И кажется, он был очень впечатлен моим талантом!

— Я так рада за тебя! — искренне воскликнула Бритт-Мари.

— Только представь себе, у меня выйдет роман! — продолжала Анита. — Настоящая книга. И на ней будет моё имя.

— Да, — согласилась Бритт-Мари, думая о собственном начисто переписанном рассказе об Элси, который пылился в банке из-под печенья вместе с блокнотом и пустым бумажником.

У Бритт-Мари не было писательских амбиций, у неё вообще их было немного, но историю Элси она хотела сохранить.

— Что с тобой? — спросила Анита. — У тебя такой голос... не знаю. Ты чем-то расстроена?

Бритт-Мари подтянула к себе один из кухонных стульев и присела. Бросила взгляд на открытку с Мадейры. И хоть она вовсе не собиралась ничем таким делиться, вышло так, что Бритт-Мари рассказала подруге всё: и про Болотного Убийцу, и про Фагерберга. Даже про то, что Бьёрн потерял работу, играл в тотализатор и целыми днями пил пиво. Единственное, о чём умолчала Бритт-Мари, — наличие привлекательного коллеги родом из Даларны, прямо на колени к которому она по воле случая недавно приземлилась. И ещё о том, что это происшествие не показалось ей таким уж невозможным и неприемлемым.

— Боже мой, — пробормотала Анита. — Бедняжка. Должно быть, это всё...

Она замаялась на мгновение, но потом закончила фразу:

— Так утомительно.

Бритт-Мари ничего не ответила. Но сочувствие Аниты разливалось у неё в груди теплой волной, словно она только что глотнула горячего чаю.

— Хорошо, что сейчас Бьёрн смог взять себя в руки, — добавила Анита. — Это самое главное.

— Да, — согласилась Бритт-Мари, обводя взглядом чисто прибранную кухню, где в духовке томилась рыбная запеканка.

— Может быть, если это снова случится, тебе стоит взять отпуск на недельку, и уехать, чтобы всё хорошенько взвесить? Иногда нужно побыть на расстоянии друг от друга, чтобы трезво оценить ситуацию. Поезжай в Хёганэс. Или ко мне, ты всегда желанная гостья. Бруно будет очень рад.

Бритт-Мари представила себе огромного кобеля овчарки, который частенько пристраивался к её ногам. Для неё оставалось загадкой, как

Анита умещалась вместе с ним в своей крохотной однушке в Ваксхольме.

— Я подумаю об этом.

— А ещё мне кажется, что тебе пора завязывать с этой работой. Твой шеф какой-то умственно отсталый. Что за козёл? Что он вообще о себе думает, а? Тебе стоило бы заявить на него.

— Кому?

Анита не нашла, что ответить.

— Так или иначе, — заключила Бритт-Мари, — я не могу уйти. Во всяком случае, не сейчас. Нужно подождать, пока Бьёрн найдет новую работу. Нам нужно на что-то жить.

— Но подумай об опасности! Этот Болотный Убийца... Тебя не удивляет, что он появился именно в Эстертуне, где живёшь ты? Я имею в виду, случайность ли это? Сначала он убил твою маму, а теперь...

В трубке повисла тишина.

— Если это тот же человек, — сказала Бритт-Мари. — Элси ведь погибла тридцать лет назад. Скорей всего, это действительно случайное совпадение.

Анита ответила не сразу, а когда она заговорила, в её голосе зазвучала тревога:

— Пообещай, что уволишься оттуда.

Бритт-Мари засмеялась.

— Так мило с твоей стороны, что ты за меня переживаешь.

— Конечно, переживаю!

Открылась входная дверь, и из прихожей донеслись голоса Бьёрна и Эрика.

— Мне нужно заканчивать. Давай я перезвоню тебе на следующей неделе.

Рано утром в понедельник Бритт-Мари разбудил стук дождя по жестяному отливу за окном. Вдалеке глухо звучали раскаты грома, а небо за окном окрасилось в зловещий серо-пурпурный цвет, точь-в-точь как свежий кровоподтёк на коже.

Когда Бритт-Мари повернулась на бок, чтобы прижаться к Бьёрну, то обнаружила, что его половина пуста.

Сначала она ничего не поняла, потом медленно встала с постели, накинула халат, висевший на спинке стула, и на непослушных после

сна ногах вышла в гостиную.

Снова грянул гром, на этот раз ближе.

Бьёрн лежал на диване лицом вниз. Одна рука свесилась вниз, упираясь кулаком в пол. На журнальном столике выстроилась шеренга пивных банок. Бритт-Мари даже не сразу смогла сосчитать, сколько их там было. Пять? Шесть?

Это в принципе было не важно — с неё было бы достаточно и одной жестянки.

Внутри у Бритт-Мари что-то перевернулось. Он ведь обещал. Но обещания Бьёрна — совсем как мыльные пузыри, которые они с Эриком вчера пускали в парке: большие, красивые, но пустые внутри.

Она наклонилась, чтобы собрать банки, и уже взяла одну из них в руки, когда её взгляд наткнулся на что-то другое. Рядом с жестянками лежали лист бумаги и ручка. Листок был весь в каких-то записях и цифрах.

Бритт-Мари подошла ближе.

Это оказалась диаграмма. Все прямые были начерчены словно по линейке, а по левому краю от руки были аккуратно написаны слова:

Дерзкий Орёл, Линдо, Холм Славы...

А над самой диаграммой —

количество побед, расстояние, след...

«Значит, статистику в тотализаторе ты вести успеваешь, — подумала Бритт-Мари. — Не пропускаешь ни единой циферки, ни единой запятой. Только вот работу никак найти не можешь».

Бритт-Мари смахнула жестянки на пол. Они с грохотом покатались по полу, и Бьёрн захрапел.

Она могла бы растолкать его, дать ему взбучку и потребовать объяснений, но на это у Бритт-Мари уже не хватило сил. Она была по горло сыта и гневом, и смирением.

Бритт-Мари собралась и ушла, оставив их спящими. Будет более чем справедливо, решила она, если Бьёрн накормит и оденет Эрика к приходу Май. А если он этого не сделает — пусть это будет на его совести, и стыдно будет ему. А Бритт-Мари больше так не могла.

По пути на работу Бритт-Мари замешкалась у Берлинпаркен. Ливень превратился в морозящий дождик, и среди тёмных туч появились промежутки бледно-голубого неба.

Бритт-Мари взглянула на окна квартиры Ивонн Биллинг на третьем этаже. Потратив на размышления не больше секунды, она решительно направилась к входу.

В подъезде было темно.

Бритт-Мари включила свет и пошла вверх по лестницам: один этаж, второй и, наконец, третий. Стены в подъезде были выкрашены в бледно-розовый цвет с вкраплениями черного и белого. Входная дверь в квартиру Ивонн всё ещё была опечатана. Дверь была оклеена сигнальной лентой, которая шуршала на сквозняке, как обёртка рождественского подарка. Бритт-Мари скользнула по ней взглядом и направилась ещё выше, по небольшой лесенке, которая упиралась в солидную металлическую дверь. Там Бритт-Мари присела на корточки, внимательно осмотрела замок, а затем выудила из сумочки складной ножик, который всегда носила с собой.

Это оказалось до смешного просто, так просто, что справился бы даже Эрик. Замок, щёлкнув, поддался, Бритт-Мари толкнула дверь и вышла наружу. Она оказалась в узком пространстве под открытым небом. Слева виднелась ещё одна дверь с табличкой «Машинное помещение лифта. Посторонним вход воспрещён. Дверь не закрывать». С правой же стороны оказалась небольшая металлическая лестница, которая вела на плоскую крышу.

Бритт-Мари подошла к лестнице. Ступени находились на большом расстоянии друг от друга, поэтому, на случай, если она поскользнется, Бритт-Мари крепче ухватилась за перила. Какая удача, что сегодня она решила не надевать новые туфли, сделав выбор в пользу практичной обуви на шнурках и без каблука.

В то самое мгновение, как Бритт-Мари ступила на крышу, сквозь тучи пробились первые солнечные лучи, и солнце немедленно отразилось во множестве небольших лужиц, превратив дождевую воду в них в жидкое золото. Это сияние ослепило Бритт-Мари, заставив её прищуриться, когда она осторожно двинулась к краю крыши.

Перед взором Бритт-Мари расстилалась Эстертуна: отсюда были видны и ветвистые деревья в Берлинпаркен, и огромная зияющая дыра в его северной оконечности. Полицейский участок виднелся на краю

центральной площади, а за ней — водонапорная башня, словно гигантская лисичка, выросшая на холме у шоссе. Бритт-Мари обернулась в другую сторону, и её взору предстал район частной застройки — там, в больших деревянных домах, окружённых цветущими садами, где росли фруктовые деревья и ягодные кусты, обитали семьи зажиточных горожан.

Бритт-Мари сделала несколько несмелых шагов вперед, остановившись в каком-то метре от края крыши. Когда она опустила взгляд вниз, на дорогу и припаркованные у дома машины, у неё засосало под ложечкой. Но это был не страх: слишком велико было её возбуждение, чтобы ощущать что-либо, кроме пьянящего восторга.

Сердце заколотилось в груди, а во рту внезапно пересохло.

«Так я и знала», — подумала Бритт-Мари, глядя вниз, прямо на балкон Ивонн Биллинг, до которого было не более двух с половиной метров. На балконе рядом с увядшим растением стояли стул и небольшой столик из белого пластика. Будто прямо из пола росли окурки сигарет, застрявшие в щели между балконом и фасадом дома. Словно аккуратная шеренга жёлто-белых никотиновых солдат, которые выстроились по приказу своего неведомого командира.

«Кто угодно мог спуститься с крыши на этот балкон», — поняла Бритт-Мари. Здесь не пригодилась бы даже особенная сноровка. Нужна была лишь мотивация.

— Возможно, но маловероятно, — сухо прокомментировал Фагерберг, притушив первый за день окурок о край пепельницы.

Бритт-Мари перевела дух.

— Могу я высказать своё мнение?

— Разумеется, инспектор Удин. Не смею вас ограничивать.

Фагерберг сделал приглашающий жест, словно только того и ждал, чтобы поток её слов заполнил всё свободное пространство в его кабинете.

— Мне совсем не кажется, что это неправдоподобно, — возразила она. — Это объясняет, каким образом преступник в обоих случаях проник в жилища жертв.

Фагерберг издал тяжкий вздох.

— Гораздо вероятнее, что преступник сумел добыть ключ-вездеход. Или же женщины сами его впустили. И позвольте полюбопытствовать, какие меры инспектор предполагает предпринять по этому поводу? Расставить полицейских по всем крышам в округе в профилактических целях?

Бритт-Мари кивнула, словно по меньшей мере частично была согласна с его словами.

— Нет, — низким голосом отозвалась Бритт-Мари. — Но, по крайней мере, мы можем опросить жильцов, не замечали ли они кого-то на крышах в последнее время.

Повисла тишина. Взгляд Фагерберга был мрачен, и за пеленой сигаретного дыма, который медленно поднимался к потолку, невозможно было прочесть что-либо на его лице.

— Хорошо, — произнес он наконец. — Я дам указание коллегам включить этот вопрос в список. Однако, — добавил он, впившись в неё взглядом, — отныне и впредь я просил бы инспектора Удин следовать моим указаниям, а не проводить собственное расследование.

— Разумеется.

— А также информировать меня обо всей... личной информации, которая имеет отношение к расследованию.

Щеки Бритт-Мари вспыхнули, и она потупила взгляд. Ей было стыдно, что она назвала Элси дальней родственницей только из-за собственного нежелания сообщать кому-либо, что она была незаконнорождённой. Почему Бритт-Мари вообще так решила? Насколько ей было известно, понятия «незаконнорождённый ребенок» больше не существовало.

— Да.

Фагерберг бросил на неё долгий взгляд, кивнул, и рот его искривился в кривой усмешке.

Бритт-Мари вспомнила о Рюбэке и поняла, о чём сейчас подумал Фагерберг. Яблочко от яблони недалеко падает.

— На самом деле, мне, вероятно, стоило бы отстранить инспектора от этого дела, — задумчиво произнёс он. — Вообще-то тот факт, что ваша мать была замешана в этой истории, делает ваше участие в расследовании нежелательным.

— Она оставила меня сразу после рождения, я её даже не помню. И вы сами сказали, что преступник не может быть тем же самым человеком.

Она замолчала.

— Пожалуйста, разрешите мне продолжать, — попросила она.

Открылась дверь, и в кабинет вошли Кроок с Рюбэком. Кроок не мог отдышаться, словно бегом бежал вверх по лестнице; с его лба стекали ручейки пота. Рюбэк улыбнулся и подмигнул Бритт-Мари.

Она оставила приветствие без ответа.

— Вы это видели? — спросил Кроок, бросая две газеты на стол перед Фагербергом.

— Что там ещё, черт возьми...

Фагерберг встал и оперся руками о свой стол. Бритт-Мари всем телом подалась вперёд, чтобы разглядеть заголовки.

«Полиция совершила ошибку: Болотный Убийца вернулся».

Больше Бритт-Мари ничего не успела прочесть, потому что Фагерберг схватил обе газеты и скомкал их в большой шар, который тут же полетел в мусорную корзину. Потом Фагерберг вернулся на своё место.

— Как, чёрт побери, они это раскопали? — прорычал он, рыская взглядом среди подчинённых.

Все в недоумении покачали головами.

— Вообще-то, газетчики и сами могли это пронюхать, — осторожно произнёс Рюбэк. — Никто не делал государственной тайны из произошедшего в Кларе.

Фагерберг вздохнул.

— Как будто у нас без этого мало проблем. Репортёры обрывали телефон всё утро, а вчера вечером я разговаривал с какой-то недалёкой бабой из родительского комитета, которая интересовалась, почему мы не закрываем школу Эстертуны. Она звонила мне прямо домой! Домой! В воскресенье!

Рюбэк сочувственно закивал.

— Горожане собираются организовать ночное патрулирование в Берлинпаркен, — сообщил он. — Добровольцы будут сопровождать женщин, которые работают допоздна, и провожать их до дома.

Фагерберг покачал головой.

— Нет предела человеческой глупости.

Он ненадолго замолчал, а потом снова заговорил:

— Но именно потому так важно сохранять хладнокровие и спокойно делать нашу работу. Кроок, в архиве нашлось что-то по Болотному Убийце?

Кроок прокашлялся и принялся рыться в стопке исписанных листов, лежавших у него на коленях, над которыми нависал тучный живот.

— Та женщина, Май Удин, была права. Карл Карлссон был осуждён за убийство своей жены, Мерты Карлссон, весной 1944 года. Однако суд не смог вынести решения относительно смерти полицейской сестры, Элси Свеннс, — был это несчастный случай или убийство. Очевидно, она упала затылком на какой-то топор, а коллеги не видели, что именно произошло. Шестью годами позже выяснилось, что Карлссон, вероятнее всего, действительно находился в Умео в день убийства. Однако к тому времени он уже был мёртв и похоронен. Никому другому обвинения так и не были предъявлены.

— Других подозреваемых не было?

Рюбэк поднял руку.

— Я разговаривал с одним констеблем в отставке, который принимал участие в расследовании. Его фамилия — Буберг. По его словам, жертва была проституткой. Это был известный факт, и за проституцию она даже привлекалась к ответственности.

Рюбэк замялся.

— Ну? — спросил Фагерберг, нетерпеливо постукивая зажигалкой по столу.

— Ходили слухи, что одним из клиентов Мерты было высокопоставленное лицо из Службы Государственной Безопасности, которая охраняла интересы...

— Мне известно, чем занималась СГБ, — отрезал Фагерберг. — Ближе к делу.

— Буберг хотел выяснить поподробнее, что это за человек, — сказал Рюбэк. Его видели в обществе Мерты Карлссон на Норра Смедьегатан в ночь убийства. Однако запрос Буберга был отклонён.

— Хм, — промычал Фагерберг и потянулся за бумагой и ручкой. — Как его звали?

— Биргер фон Бергхоф-Линдер.

Рука Фагерберга остановилась в воздухе, так и не добравшись до бумаги.

— Я этим займусь, — сказал он.

И в следующее мгновение добавил:

— Есть ли какие-нибудь свидетельские показания о том, какого возраста был этот человек?

Рюбэк пожал плечами.

— Среднего, если верить Бубергу. Но было темно, и он не мог как следует его разглядеть.

— Среднего, — фыркнул Фагерберг. — Что бы это нынче не значило.

Он поднял взгляд к потолку и поставил локти на стол, сложив руки так, что подушечки его костлявых пальцев соприкасались.

— Однако. Предположим, что в тот раз ему было сорок.

— Да, — кивнул Кроок. — Сейчас ему должно быть уже семьдесят. Звучит не слишком убедительно. Может ли это быть один и тот же человек?

— Возможно, он был тогда моложе, — предположила Бритт-Мари. — Если тогда ему было двадцать, то сейчас — пятьдесят.

— С каких пор двадцатилетних называют людьми среднего возраста? — спросил Фагерберг, отрицательно покачав головой.

Снова повисла тишина.

— В газетах очень много писали об этом, — заговорил наконец Рюбэк. — Я снял фотокопии этих статей в Королевской Библиотеке.

Кроок сделал глубокую затяжку, а затем хрипло, натужно закашлялся — всем уже был знаком этот звук, так он кашлял всегда. Казалось, что Кроок сейчас выплюнет свои лёгкие. Бритт-Мари подумала, что ему стоило бы проконсультроваться с доктором насчёт своего кашля, но не стала ничего говорить вслух — Крооку было уже за пятьдесят, и он должен был понимать такие вещи сам.

— Понятно, почему свидетели сомневаются, — проговорил Кроок, когда приступ кашля прекратился. — Даже если это не один и тот же человек. В той квартире было темно. Констебли могли ошибиться, прикидывая его возраст.

— Хм, — снова промычал Фагерберг, ёрзая на стуле. Потом он взглянул в окно и спросил:

— Кто вёл расследование?

— Отчёт подписан старшим констеблем Седерборгом, — отозвался Рюбэк. — Но он погиб в ДТП в 1961 году. Буберг — единственный, с кем я смог связаться.

— Я разберусь с этим, — заключил Фагерберг. — Продолжайте выполнять свои обязанности. И не забывайте тормозить криминалистов. Мы до сих пор так и не получили от них полноценного отчёта. То что они так тянут с ответом — само по себе преступление.

— Это дело такое необычное, — начал Кроок. — Не лучше ли будет попросить помощи у Госкомиссии?

— К чёрту Госкомиссию. Справимся сами.

Кроок не стал спорить, а вместо этого принялся собирать в кучу бумаги, которые торчали вразнобой из-под его необъятного живота.

— Кстати, кто-нибудь побывал в «Гран-Палас»? С персоналом беседовали? — спросил Фагерберг.

— Да, — отозвался Кроок. — В актуальные даты никто не видел там потерпевших.

Фагерберг замахал рукой в воздухе.

— Это ещё ничего не доказывает. Там каждый вечер бывают сотни людей.

— Это правда, — согласился Кроок и снова прокашлялся.

— Спасибо, на этом всё, — объявил Фагерберг, возвещая об окончании совещания. Рюбэк с Крооком тут же вышли в коридор, но Бритт-Мари замешкалась в дверях.

— Ещё кое-что, — произнесла она, глядя Фагербергу в глаза.

— Да?

В его голосе звенел лёд, и Бритт-Мари уже почти пожалела, что решилась заговорить.

— Мне кажется, нам стоит сделать поквартирный обход горожан, живущих вблизи Берлинпаркен. Возможно, среди них найдутся ещё матери-одиночки, которые живут на верхних этажах. В таком случае мы сможем их предупредить...

— Инспектор Удин!

— Я слушаю, комиссар.

— Разве я не велел вам прекратить самодеятельность?

Бритт-Мари потупилась.

— Так точно, комиссар.

— В таком случае, — проворчал он, — будьте так добры, займитесь своими служебными обязанностями. Вопрос закрыт.

Бритт-Мари всё ещё медлила. Она разглядывала свои практичные туфли. Внутри неё крепло убеждение — тихий протест, который клокотал в груди, только и ждал момента, чтобы взрывной волной вырваться наружу. Она думала о женщинах с гвоздями в ладонях, с острыми металлическими гвоздями, торчавшими из окровавленной плоти, словно головки голодных червей. Бритт-Мари думала о детях, на долгие часы запертых вместе со своими матерями, пока тех не обнаружили. Бритт-Мари думала об Элси, которая встретила свою смерть на загаженной лестнице дома в Кларе.

Бритт-Мари нащупала материнское кольцо на цепочке и сомкнула пальцы вокруг него.

— Комиссар Фагерберг, — произнесла она низким голосом. — Я никогда не смогу себя простить, если пострадает ещё хоть одна женщина. Я сама займусь обходом жильцов и поиском... потенциальных жертв, — немного поколебавшись, проговорила Бритт-Мари. На мгновение ей показалось, что она смогла придать словам толику того веса, каким наделяла все свои реплики Май.

Однако впечатление оказалось обманчивым, а Фагерберг вскочил на ноги, отшвырнув ручку прочь. Та описала высокую дугу и, прежде

чем упасть на пол, ударилась о стену, оставив на ней большую черную кляксу.

— Дьявол! — завопил он. — Когда вы научитесь исполнять приказы?! Прочь отсюда! Живо!

Бритт-Мари молча разглядывала у себя под ногами оранжевый ковролин, который сразу пришёлся ей по душе. Тем августовским днем, когда она впервые переступила порог отдела насильственных преступлений на третьем этаже полицейского участка, Бритт-Мари здесь всё пришлось по душе. Какие надежды, какие высокие ожидания она лелеяла тогда!

Какой глупой она была, какой бесконечно наивной.

Теперь её надежды разлетелись на мелкие осколки, и всё, что осталось у Бритт-Мари и на работе, и дома — это разбитые мечты.

Бритт-Мари впервые осознала, что ситуация не улучшится сама по себе ни в личном, ни в профессиональном плане.

«Что обычно делают, когда жизнь летит под откос?» — размышляла она. «Что нужно предпринять, чтобы предотвратить крушение?».

Несколько часов спустя отчёты были перепечатаны начисто и аккуратной стопкой лежали на столе. Она сознательно упомянула в них и фон Бергхоф-Линдера, и собственную теорию относительно способа проникновения преступника в жилища жертв через крышу, несмотря на то, что знала — Фагербергу это не понравится.

Бритт-Мари также составила список жильцов всех трёхэтажных домов вблизи Берлинпаркен.

Список этот, однако, не был предназначен для глаз Фагерберга.

Насколько Бритт-Мари могла понять, среди жильцов оставалось всего три одиноких матери. Одной из них была шестидесятипятилетняя женщина, с которой Бритт-Мари была шапочно знакома. Она проживала на первом этаже дома номер 3 по Берлингтан вместе со своим тридцатилетним сыном-инвалидом. Другая — тридцатипятилетняя вдова-аптекарьша — жила вместе с семилетней дочерью на первом этаже дома номер 25 по Лонггтан. Третьей была двадцатидвухлетняя санитарка, которая размещалась со своей двухлетней дочкой на верхнем этаже дома номер 27 по Лонггтан.

Бритт-Мари размышляла.

Если её теория относительно Болотного Убийцы верна, он станет искать одиноких матерей с детьми на верхних этажах. Это означает, что женщина под номером три — та, что живёт на Лонггтан, 27, — для него будет представлять наибольший интерес.

Бритт-Мари посмотрела на её данные: Гунилла Ньюман, 25 марта 1952 г.р.

Нужно было её предупредить, но нельзя было допустить, чтобы об этом узнал Фагерберг.

Немного поразмыслив, Бритт-Мари отложила список в сторону и решила сделать перерыв. Она заправила чистый лист в печатную машинку.

Бритт-Мари хотела дополнить рассказ об Элси историей убийства Мерты Карлссон. Вероятнее всего, убийцей был тот самый фон

Бергхоф-Линдер. Но Бритт-Мари не могла знать точно, что именно происходило тем роковым вечером.

«Придётся сочинять, — решила она. — Так обычно поступают писатели».

Медленно, но верно из-под клавиш печатной машинки выходила история о встрече Мерты со своим убийцей. Бритт-Мари с улыбкой воображала, что сказала бы Анита, если бы сейчас её увидела.

За спиной Бритт-Мари раздалось покашливание, и она резко обернулась. В дверях стоял Рюбэк, держа в обеих руках по чашке кофе.

— Ну, как продвигается? — поинтересовался он, искоса поглядывая на список имён, лежавший на столе перед Бритт-Мари.

Она кивнула.

— Я решила побольше узнать о жителях этих домов у парка.

Рюбэк наморщил лоб.

— Зачем?

— Затем.

Рюбэк наклонился вперед и пробежал глазами список.

— Ты считаешь, он выберет себе новую жертву среди них, так?

Бритт-Мари молча кивнула.

Потом она повернулась в другую сторону и бросила долгий взгляд в сторону кабинета шефа.

— Он будет вне себя, если узнает об этом, — сообщил Рюбэк, вручая Бритт-Мари одну из чашек.

Она встала, протягивая руку за чашкой, но та в последний момент неловко накренилась в руке Рюбэка, и кофе пролился, обжигая её пальцы.

— Прости! — воскликнул Рюбэк.

Он шагнул к Бритт-Мари, выудил из кармана носовой платок и аккуратно промокнул её руку.

Он едва касался Бритт-Мари, однако от этих прикосновений по её телу пробежала приятная дрожь.

Она прикрыла глаза, чтобы отгородиться от него, отгородиться от самой этой сцены. Тщетно: с закрытыми глазами присутствие Рюбэка ощущалось ещё острее. Он был так близко, что его тёплое дыхание, словно дуновение летнего ветерка, ласково касалось её щеки, и Бритт-Мари никак не могла перестать думать о том, каково бы ей было, подойди он ещё ближе.

Она отвернулась и аккуратно поставила чашку к себе на стол. Пробежала взглядом свои записи, пытаясь привести в порядок мысли. Однако всё, о чём в тот момент могла думать Бритт-Мари, — так это насколько невозможны и запретны были её чувства.

— Эй, — сказал Рюбэк, хватая Бритт-Мари за всё ещё влажную руку. — Я вижу, что тебя что-то гнетёт. Не хочешь встретиться и рассказать мне об этом?

Не поворачиваясь к нему лицом, Бритт-Мари молча покачала головой, уставившись на висевшие над Эстертуной тяжёлые тучи.

— Вечерами я обычно делаю круг по парку, — сообщил он. В районе девяти. Мне это помогает расслабиться после... всего этого. Он сделал рукой приглашающий жест и добавил:

— Приходи, если будет желание.

— Но вы же не хотите сказать, что этот самый... Болотный человек... попытается пролезть ко мне через балконную дверь? — спросила Гунилла Нюман, вытаращив свои ярко накрашенные глаза.

— Не знаю, — ответила Бритт-Мари. — Возможно. Не могу сказать точно.

Гунилла наморщила лоб и поглядела вниз, на свои габардиновые брюки-клёш и сабо на платформе. Её длинные спутанные волосы светлыми прядями свисали на плечи. Она походила на одну из ночных бабочек, которые обычно спали пьяным сном в предварилровке, или на девчонок, которые после полуночи шатались возле «Гран-Палас».

Бритт-Мари думала над словами Кроока о том, что обе потерпевшие были необразованны и малообеспеченны. Гунилла Нюман вписывалась в их ряд, по крайней мере, на первый взгляд.

— Не понимаю, — пробормотала Гунилла, вытягивая изо рта влажную прядь. Потом она взглянула на свои наручные часы.

— Чего вы от меня хотите? — спросила она.

Бритт-Мари знала, что час был поздний — уже не время стучаться в двери и задавать вопросы о Болотном Убийце, но ждать дольше она не могла.

— Для начала я хотела бы, чтобы ты подумала и сказала, не видела ли ты кого-то подозрительного поблизости. Около дома, на крыльце, или, может быть, на крыше?

— На крыше?

Гуниллу Ньюман это предположение явно позабавило. Она прикурила сигарету и отложила зажигалку на край раковины из нержавеющей стали.

— Не видела? — повторила свой вопрос Бритт-Мари, нимало не обеспокоенная насмешливым тоном собеседницы.

— Нет, — ответила та. — Конечно, я никого не видела. Во всяком случае, на крыше.

— В таком случае, я просто попрошу тебя всегда держать балконную дверь закрытой, в особенности в ночное время, — сказала Бритт-Мари.

— Но здесь бывает так душно, — надулась Гунилла.

Бритт-Мари проигнорировала этот комментарий, думая, что если бы Гунилла видела распятых женщин, то не стала бы так ныть.

— А в том случае, если ты увидишь что-то подозрительное, я хочу, чтобы ты позвонила мне, — продолжала Бритт-Мари, вручая ей карточку со своими номерами — и рабочим, и домашним.

Гунилла взяла карточку и пробежала по ней взглядом. Затем сложила её в несколько раз и бросила в миску, стоявшую возле мойки.

— Хорошо, — ответила она. — Нет проблем.

В следующую секунду из дальней комнаты раздалось хныканье.

— Простите. Карина проснулась. Мне нужно идти к ней. Иначе она больше не уснёт. Чёртов ребёнок.

Тем вечером Бритт-Мари снова вернулась поздно. Её задержал не столько визит к жительнице дома у Берлинпаркен, сколько тот факт, что из участка она вышла лишь в восемь вечера. Причиной тому было её нежелание общаться с кем-либо из коллег, поэтому Бритт-Мари решила остаться на работе до тех пор, пока весь этаж не опустеет. Потом она начисто перепечатала ещё несколько страниц рассказа об Элси и совершенно забыла о времени.

Это было безответственно — ведь Бьёрну пришлось в одиночку заниматься Эриком в течение нескольких часов, а его такие перспективы обычно не слишком радовали.

Мысли Бритт-Мари вернулись к Фагербергу, Крооку и остальным. Бритт-Мари знала, что, скорее всего, преувеличивает, но ей всё время казалось, что коллеги на неё косо смотрят. А их разговоры вполголоса, которые велись у кофеварки или около буфета, при появлении Бритт-Мари тут же стихали. Даже зови-меня-Алисой стала как-то странно поглядывать на Бритт-Мари. Единственным, кто более-менее адекватно себя вёл по отношению к ней, оставался Рюбэк, если можно считать адекватными его судорожно улыбающееся лицо и преувеличенное стремление угождать.

Когда Бритт-Мари покинула участок, на центральной площади уже было тихо и пустынно. Даже репортёры, весь день простоявшие у дверей участка в ожидании услышать официальное заявление, уже разошлись. Но их присутствие и не представляло для Бритт-Мари никакой сложности. Она предполагала, что никому из них не пришло бы на ум, что она, женщина, являлась сотрудницей уголовной полиции, и к тому же непосредственно работала над нашумевшим делом.

Проходя мимо игровой площадки, Бритт-Мари вспомнила, что Рюбэк звал её прийти туда. Она глянула на часы. Было пять минут десятого. Она всё ещё могла бы с ним встретиться. Возможно, Бритт-Мари пошло бы на пользу, если бы она смогла облегчить перед ним своё сердце, узнать его видение ситуации. Но она понимала, что этому не бывать. Ей нужно было спешить домой.

К тому же... Рогер Рюбэк и она в парке. Вдвоём. В темноте.

Это могло закончиться самым определённым образом. А у неё и без того хватало проблем.

Тем не менее, по пути домой Бритт-Мари продолжала сомневаться. Словно ноги не желали слушаться её. Ноги вели её под деревья, в густой мрак, наполненный ароматами влажной зелени и позднего лета. Ноги хотели в тишине ступать по покрытой росой траве.

Ноги хотели нести Бритт-Мари к запретному и невозможному.

Когда она отперла дверь к себе домой, в прихожей её встретил Эрик. Из одежды на нём был только подгузник. Вся уличная обувь была вывернута из полки и валялась разбросанная по полу, словно обломки кораблекрушения. Воздух был пропитан тошнотворным зловонием, и Бритт-Мари бросилось в глаза, что подгузник Эрика протёк, а липкая коричневая субстанция стекала по его ляжке.

— Бедняжка, — воскликнула она, присев с ним рядом на корточки. — А куда ты дел папу?

Эрик показал пальчиком в сторону гостиной.

— Папа устай, — пояснил он, очевидно нимало не обеспокоенный сложившейся ситуацией, и потянулся за белым резиновым сапогом.

Бритт-Мари расшнуровала туфли и бегом бросилась в гостиную, в страхе перед тем, что должно было открыться её взору. Нельзя было так задерживаться. Нужно было вернуться домой в шесть, как обычно.

Выскочив из прихожей, Бритт-Мари застала Бьёрна лежащим на полу гостиной. Он издавал громкий храп. На журнальном столике вперемешку валялись пустые пивные жестянки и бутылки из-под водки. Недоеденный бутерброд с печёночным паштетом лежал на ковре у самого рта Бьёрна, словно тот заснул прямо с куском во рту.

Бритт-Мари упала на колени рядом с ним. Не для того, чтобы проверить, всё ли с ним хорошо, а потому лишь, что силы её покинули, и гравитация неудержимо притянула её к полу. В тот миг, когда Бритт-Мари скорчилась на ковре в позе эмбриона, глотая катившиеся по щекам жгучие слёзы, она впервые отважилась признаться себе в немыслимом.

«Я больше так не могу», — подумала она.

«Я просто погибну».

На другой день Бритт-Мари была на ногах с раннего утра. Она покормила Эрика завтраком, измерила ему температуру, чтобы убедиться, что он здоров, и затолкала пивные жестянки в мусоропровод. Она даже успела проветрить в квартире, чтобы Май, когда придет, не почувяла, как там было накурено.

Потом Бритт-Мари усадила Эрика в кровать рядом с Бьёрном и разбудила мужа. Тот зафыркал, щурясь на неё из-под опухших век, и пробормотал что-то про кофе. Бритт-Мари проигнорировала. Он не извинился за своё вчерашнее поведение — возможно, считал, что просить прощения было не за что, или попросту ничего не помнил.

Только вот Бритт-Мари не могла забыть.

На самом деле она почти всю ночь пролежала без сна, размышляя о своей жизни. Бритт-Мари думала об Элси и о распятых женщинах. О Фагерберге, Рюбэке и Бьёрне. И, конечно, об Эрике — какое счастье, что вчера с ним ничего не случилось. Ведь в квартире малыша подстерегают бессчётные опасности: розетки, окна, острые ножи, пылающие конфорки, о которые так легко обжечь маленькие пальчики.

Да, с ним могло произойти всё что угодно.

В конце концов Бритт-Мари уснула, зажав в кулак помолвочное кольцо своей матери, которое носила не снимая на шее.

Идя на работу короткой дорогой, Бритт-Мари ощутила в воздухе незнакомую прохладу, прозрачную хрупкость, которая намекала на скорое наступление осени. Листья берёз пожелтели, а многолетние растения вокруг статуи в парке Берлинпаркен стояли по пояс в высоту, давным-давно сбросив цвет. Строители, копошившиеся вокруг гигантского котлована, сменили футболки на свитера с длинными рукавами, а знакомый пьяница у фонтана на площади, тот самый, который напоминал Беппе Вольгерса, укутал плечи каким-то засаленным покрывалом, пытаясь сберечь тепло.

Бритт-Мари бросила взгляд на часы. Было четверть восьмого.

Не было никакой причины приходить на работу в такой ранний час. Ни Фагерберга, ни Рюбэка на местах ещё не будет, а те времена, когда Бритт-Мари казалось важным продемонстрировать начальству своё усердие, давным-давно миновали.

Бритт-Мари решила прогуляться. Она пересекла площадь и направилась в сторону озера Тунашён. Через пару сотен метров городская застройка кончилась, а вместо асфальтированной дороги

показалась узкая гравийная тропа. Бритт-Мари шла сквозь редкий подлесок, и опавшие листья, увлекаемые ветром, кружились в танце у её ног.

Она дошла до самого озера. Ветер растревожил водную гладь, и небольшие волны разбивались о каменистый берег. По правую руку располагался дачный массив. Маленькие домики идиллического вида стояли вплотную друг к другу, и Бритт-Мари вдруг вспомнила о Суддене, чья мамаша владела одним из этих домиков. Последнее, что Бритт-Мари о нём слышала, — Суддена подозревали во взломе. Бьёрн, однако, утверждал, что тот ни при чём и это всё наговоры.

Бритт-Мари скользнула взглядом по длинному ряду домиков, каждый из которых на вид был не больше детского домика на дереве. В крохотных палисадниках кусты и деревья пылали всеми оттенками жёлтого и оранжевого.

«Приходит осень и всё меняется, — думала Бритт-Мари. — Ничего не остаётся прежним».

Это больше походило на насмешку: природа собиралась нарядиться в своё лучшее платье и наложить макияж в огненных тонах, в то время как Бритт-Мари хотелось лишь прилечь на куче опавших листьев и умереть. Ну хорошо, может быть, не умереть, но по крайней мере сменить работу. И мужа.

Она устыдилась, едва успев додумать эту мысль до конца.

Нельзя допускать таких мыслей, когда у неё наконец появилась та семья, о какой она всегда мечтала.

Или можно?

Вообще-то у Бритт-Мари имелась разведённая подруга, но на той не осталось живого места от побоев мужа, так что это было не совсем одно и то же.

Или нет?

Чего можно требовать от отношений между людьми? И от жизни в целом?

Бритт-Мари подумала о Рюбэке. О его влажном тёплом дыхании совсем рядом со своей щекой, о его тёплых руках и о том, что он сказал.

Вечерами я обычно делаю круг по парку. В районе девяти. Приходи, если будет желание.

Она могла бы пойти туда сегодня вечером. Но проблема заключалась в том, что Бритт-Мари больше не была уверена, чего она хочет. Возможно, Анита была права, когда посоветовала ей уехать и поразмыслить над своей жизнью в одиночестве. Возможно, именно это ей сейчас и было нужно.

Несмотря на прогулку, Бритт-Мари всё равно первой поднялась на третий этаж полицейского участка. Она решила воспользоваться неожиданной возможностью: закрыла дверь в свой кабинет и подняла отполированную за годы чёрную трубку бакелитового телефона, чтобы набрать номер матери.

Бритт-Мари любила свою маму, но разговоры между ними случались не так уж часто. А когда случались, слова будто бы иссякали, едва они успевали обсудить Эрика и трёх маминих псов.

Каждое лето Бритт-Мари, Бьёрн и Эрик две недели проводили в Хёганэсе, в гостях у Хильмы, и тогда нежная материнская забота с лихвой компенсировала недостаток слов.

Но сегодня Бритт-Мари отчаянно хотела услышать слова, которые ускользали от неё.

Мама сняла трубку после третьего гудка, пояснив, что запыхалась после прогулки с Бамси, старшим из пёсией стаи. По-видимому, Бамси страдал от воспаления анальных синусов, и по этой причине выгуливать его стало весьма затруднительно. Бритт-Мари поначалу почудилось, что мама произнесла «анальный секс» и даже испугалась, не приключился ли с ней удар — потому что мама никогда не осквернила бы своего рта таким словосочетанием.

Когда мама всласть наговорила о собаках и наслушалась рассказов об Эрике, она снова по обыкновению замялась. Наступившая тишина представлялась Бритт-Мари гигантским прожектором, луч которого направлен на неё в ожидании признания. Бритт-Мари почувствовала дурноту. Ей было бы несравнимо легче, если бы у матери нашлись какие-то другие слова, которые могли бы защитить её от этого безжалостного луча. Слова, в которых можно было бы укрыться от своего признания, как в милосердной тени.

— Мама, у нас с Бьёрном проблемы.

В трубке стало ещё тише, если это только было возможно. Но теперь слова рвались наружу. И Бритт-Мари рассказала о выпивке, о пропавших деньгах, о купонах тотализатора. О потерянной работе Бьёрна и о том, в каком виде она застала обкакавшегося Эрика, придя

домой. Единственное, о чём Бритт-Мари умолчала, — это неприятности на работе; по какой-то неведомой причине ей было стыдно за них. Как будто она винила себя за злобу Каменнолицего и за многозначительные переглядывания коллег.

— Девочка моя, — произнесла мама и снова замолчала.

Вновь вспыхнул прожектор, и в его слепящем свете Бритт-Мари опять стояла одна, наедине со своим стыдом.

Бритт-Мари не знала, что ещё нужно сказать, — она ведь уже рассказала обо всём.

— Бедная моя девочка, — повторила мама.

— Что мне делать? — спросила её Бритт-Мари, слыша, как открывается входная дверь и кто-то входит в участок.

Но мама всё молчала, словно статуя в Берлинпаркен.

Через пару мгновений распахнулась дверь кабинета, и внутрь вплыло улыбающееся лицо Рюбэка. Он собрался было что-то сказать, но вовремя заметил, что Бритт-Мари разговаривает по телефону, и извиняющимся жестом поднял руку.

— Может быть, тебе стало бы полегче, если бы ты так много не работала, — неуверенно проговорила мама. — Наверное, он чувствует себя на вторых ролях. Мужчины — как псы, милая. Им необходимо ощущать свою важность. Если у них нет подходящего занятия, они начинают беситься.

Тем вечером по дороге домой в голове Бритт-Мари уже созрело решение. Она даже успела поговорить с Май и попросила её посмотреть за Эриком подольше, под тем предлогом, что их с Бьёрном якобы пригласили в гости на ужин. Она также попросила Май взять Эрика к себе на несколько дней, в том случае, если самой Бритт-Мари придётся срочно ехать к матери, состояние которой неожиданно ухудшилось.

Май согласилась, предупредив, что на следующий день рано утром у неё запись к стоматологу, поэтому если Бритт-Мари уже уедет, смотреть за Эриком в это время придётся Бьёрну.

Потом Бритт-Мари написала короткую записку Фагербергу, в которой объяснила, что будет отсутствовать некоторое время по причинам личного характера. Записку она положила к нему на стол и прижала пепельницей.

Берлинпаркен был погружен во мрак, и когда Бритт-Мари спешила домой, шёл обложной дождь. Пахло прелыми листьями и влажной землёй. Окна трёхэтажных домов гостеприимно светились в темноте, и Бритт-Мари задумалась о всех живущих там семьях, обо всех, кому удалось сберечь свой мирок, несмотря на проблемы с детьми, работой и вообще с чем угодно. О тех, кто смог склеить осколки своих растрескавшихся жизней и идти дальше.

Бритт-Мари продолжила свой путь с неприятным предчувствием, что приближается к некой финальной черте. Входя в дом, она успела подумать, что у них ещё есть время всё исправить, что они в самом деле могли бы пойти куда-нибудь поужинать, как она и сказала Май. Может быть, они могли бы поговорить о своих собственных осколках и о том, что нужно предпринять, чтобы их склеить. Но распахнув дверь квартиры и увидев, какой бардак царил в прихожей, Бритт-Мари в который раз ощутила, как лодка её мечты разбивается об острые скалы действительности.

— Эй! — крикнула она.

Бьёрн не отзывался, но Бритт-Мари слышала его голос в гостиной.

— А как же, чёрт побери. Приходи, и отправимся туда.

Бритт-Мари повесила плащ на крючок, подняла валявшиеся посреди прихожей башмаки Бьёрна и поставила на обувницу. Потом сняла туфли, поставила их рядом и вошла в комнату ровно в тот момент, когда Бьёрн положил трубку.

— Кто звонил? — спросила она.

— Судден. Мы пойдем по пивку.

Мысль о Суддене, который проиграл всё, что у него было, и не имел в жизни интересов помимо скачек и пива, убила остатки её надежд на то, что им удастся что-то склеить.

— Нам нужно поговорить, — сказала она.

— Слушаю?

— Я попросила Май не приводить Эрика ещё пару часов, чтобы у нас было время все обсудить.

Бьёрн опустил на диван и посмотрел ей в глаза. Его лицо не выражало никаких эмоций.

— Слушаю, — повторил он.

— Бьёрн. У нас ничего не выходит. Если ты не... Тебе нужно привести свою жизнь в порядок. Перестать пить. Найти работу. Иначе нам придётся развестись.

— Да чёрт побери! — завопил он, и на мгновение Бритт-Мари показалось, что Бьёрн заплачет. Но в следующий миг он вскочил на ноги и стал ходить взад-вперед, скрестив руки на груди и крепко сжав кулаки.

— Развестись?

В его голосе звучали до странности незнакомые нотки — словно отчаяние и едва сдерживаемый гнев сдавили ему горло.

— Я больше не могу, — сказала Бритт-Мари, опершись рукой о стену, потому что ноги, казалось, отказывались её держать. — Ничего не получается. Мне жаль.

Она немного помолчала и снова заговорила:

— Я же знаю, что ты можешь собраться. Ты сильный и умелый. Ты умный. Эта статистика, которую ты ведешь... Здесь ведь нужны и внимание, и... целеустремлённость. Так почему не направить их на поиски работы? И ещё — ты же можешь не пить при Май, так почему нельзя сдерживать себя дома и на работе?

Бьёрн только наматывал круги по ворсистому ковру, не отрывая взгляда от пола.

— Развестись? — в очередной раз повторил он. — А Эрик? Ты подумала о нём?

Бритт-Мари проглотила подкативший к горлу комок.

— Только о нём я и думаю.

Бьёрн приблизился к ней, подняв сжатую в кулак правую руку. На долю секунды ей показалось, что он её ударит, но Бьёрн только оттолкнул её в сторону и заревел, как раненый зверь.

В тот миг, когда его крик умолк, раздался дверной звонок.

Шаги Бьёрна стихли в прихожей, и Бритт-Мари услышала, как он открывает дверь и что-то неразборчиво говорит Суддену. Несколько секунд спустя дверь захлопнулась.

Бритт-Мари долго собиралась, может быть, оттого, что глубоко внутри надеялась — Бьёрн вернётся. Она зажгла свет, выпила чашку чаю и собрала чёрную спортивную сумку: несколько перемен белья, туалетные принадлежности, лёгкое успокоительное и пару книжек. Потом вытащила блокнот и ручку, устроилась на диване, который всё

ещё хранил запах Бьёрна, оторвала чистый лист и не спеша принялась за письмо.

Я не могу так жить. Мне хотелось бы найти какой-то иной выход, но прямо сейчас я его не вижу. Я уезжаю, чтобы подумать. Предлагаю тебе заняться тем же самым в моё отсутствие. Всё, чего я хочу, — чтобы у нас всё снова наладилось, но для этого тебе придётся сделать над собой усилие. Я сказала Май, что поеду к маме, так что она поможет тебе с Эриком. Своего шефа я тоже предупредила, что меня какое-то время не будет.

Бритт-Мари остановилась в нерешительности. Она смотрела на слова, которые говорили о многом, но почти ничего не объясняли.

Стоило ли ей написать, когда она планировала вернуться? Но Бритт-Мари сама не знала, сколько ей потребуется времени, чтобы вернуться к себе прежней, такой, какой она была когда-то.

Она закончила своё короткое послание единственным способом, который пришёл ей на ум.

Люблю тебя,

Бритт-Мари.

Письмо она положила на журнальный столик, липкий от пролитого пива.

Зазвонил телефон.

Сначала она решила, что это Бьёрн решил извиниться. Что он раскаялся и хочет всё обсудить. Что он скажет ей, что у каждой проблемы имеется как минимум одно решение. Что они — два разумных человека, которые должны найти выход. Что вся та любовь, которая однажды их связывала, не могла просто испариться, должно быть, она закопана где-то поблизости, в мусорной куче обидных слов и прочих осколков.

Но взяв трубку, на другом конце провода Бритт-Мари услышала незнакомый женский голос.

— Это Гунилла. Гунилла Нюман, с Лонггатан. Надеюсь, я не помешала, но вы просили позвонить, если я увижу что-то

подозрительное. А теперь... Я точно не знаю, может быть, я преувеличиваю, но какой-то мужчина довольно долго стоял в парке и глядел в мои окна.

Бритт-Мари покосилась на свою чёрную сумку и оставленное на столике письмо. Потом черкнула в своём блокноте:

Гунилла Нюман, Лонггатан, 27.

Она подвела эту запись жирной чертой и захлопнула блокнот.
— Я забегу, если успею, — ответила она. — Спасибо за звонок.

Здесь история Бритт-Мари заканчивается.

Заканчивается загадочно, но так как тебе, читатель, уже известно, что ничего никогда не проходит бесследно, я полагаю, мне не стоит повторять, что с этого места берет начало новая история.

Рассказать сейчас, что случилось с Бритт-Мари — всё равно что забегать вперёд, читая книгу. Но кое-что упомянуть можно.

Бритт-Мари с сумкой в руках вышла на улицу, погрузившись в вечерний мрак. Дождь усилился, и её волосы, вымокнув до нитки, прилипли к щекам, а тонкие струйки холодной воды стекали по шее, забираясь под ворот вязаного свитера.

Подойдя к Берлинпаркен, Бритт-Мари констатировала, что видимость там была практически нулевой. Она не могла даже разглядеть статую кормящей матери возле качелей. Тем не менее, Бритт-Мари показалось, что напротив дома 27 по Лонггатан кто-то стоял, прислонившись к дереву. И чем ближе она подходила к этому месту, тем сильнее крепла её уверенность в собственной правоте.

Там кто-то был.

Вот только кто? Рюбэк, вопреки погоде решившийся совершить свой вечерний променад, чтобы разогнать тяжёлые мысли? Или Болотный Убийца?

Кстати, а как можно распознать в ком-то убийцу? Это слышно по голосу? Фальшивый подтон выдаст его и вскроет дурные намерения? Или, может быть, убийцу выдают повадки? Взгляд?

Оставляет ли зло свою печать на лице человека?

На следующее утро солнце сияло высоко в ясном голубом небе.

Бьёрн сидел на диване, дрожащей рукой держа письмо Бритт-Мари, и слёзы текли по его щекам, а Эрик в это время методично выворачивал все кастрюли и крышки из кухонного шкафа и кидал на пол.

На третьем этаже полицейского участка Эстертуны Фагерберг закурил одну из своих сигарет, повернулся к ожидавшим его Крооку и Рюбэку и заявил, что вообще-то не удивлён: он с первого мгновения знал, что Бритт-Мари не выдержит давления. Господи боже, как было бы замечательно, продолжал он, если бы начальник полицейского управления больше не присылал ему некомпетентных сверхчувствительных куриц. Кроок, по своему обыкновению, кивнул и хмыкнул что-то неразборчиво, а Рюбэк молча глядел в пол.

Фагербергу не повезло — в последующие годы всё больше женщин выбирали профессию полицейского, и в 1981 году первая женщина была назначена начальником Главного Полицейского Управления. Тем не менее, во многие сферы женщинам всё ещё не было доступа — первая женщина-криминалист завершила своё образование лишь в 1990 году.

Однако вернёмся к Бритт-Мари. Проходили дни и недели, а о ней никто ничего не слышал. Вечера становились темнее, листья опали с деревьев в парке Берлинпаркен, и их собрали в кучи вокруг ограждения, окружавшего строительную площадку. Котлован больше не выглядел как котлован: из земли на месте ямы выросал колоссальный бетонный фундамент. Он рос день ото дня, и в Эстертуне только и разговоров было о том, насколько он безобразен.

Кто вообще догадался разместить такое уродливое здание в таком красивом парке?

В октябре в Стокгольме открылся арт-центр «Культурхюсет», а Шведская Академия сообщила о присуждении Нобелевской премии по литературе Эйвинду Юнсону и Харри Мартинсону. А на следующей неделе Бьёрн вместе с Эриком перебрался жить к Май, так ей было проще помогать сыну вести быт. И она помогала — выливали алкоголь и время от времени награждала Бьёрна пощечиной — когда сильно протестовал. Она мыла, чистила и готовила еду. А когда Бьёрн забыл, что нужно мыться, — пинками загнала в душ, сорвала с него одежду и долго скребла жесткой щеткой. А потом кухонными ножницами остригла его волосы.

Бьёрн, давно прекративший сопротивляться, молча сидел на унитазе, глядя, как на пол падают длинные влажные пряди.

В полицейском участке Алиса Лагерман собрала все личные вещи Бритт-Мари в коробку, закрыла её крышкой и отнесла в кладовку, на тот случай, если Бритт-Мари вернётся. На месте Бритт-Мари стал работать новый инспектор. Фамилия его была Хамберг, но несмотря на то, что человеком он был неглупым и приятным, Рюбэк совершенно не стремился с ним поладить.

К концу ноября Хильма и Бьёрн объявили Бритт-Мари без вести пропавшей. Полицейский, принимавший их заявление, слишком хорошо знал, кто такая Бритт-Мари, но сомневался, стоит ли им об этом рассказывать. А после того как прочёл прощальное письмо Бритт-Мари, которое захватил с собой Бьёрн, он и вовсе решил держать язык за зубами.

Это дело казалось чересчур личным. Очевидно было, что речь шла о внутрисемейных обстоятельствах.

Поиски Бритт-Мари долго не начинались всерьёз — ведь она оставила послания и мужу, и шефу, сообщив, что собирается уехать. А когда они наконец начались — то ни к чему не привели. Полиция не смогла напасть на след Бритт-Мари. Она словно провалилась сквозь землю.

Шли месяцы. Годы. Расследование нападения и убийства в Эстертуне были отложены в долгий ящик за отсутствием улик.

В 1979 году холодным пасмурным весенним днём скончался Пекка Кроок — от опухоли, которая росла в его правом лёгком с осени 1974 года и вызывала отвратительный хриплый кашель. Алиса Лагерман послала его вдове цветок и в который раз попыталась убедить комиссара Фагерберга завязать с курением.

В начале восьмидесятых отошла в мир иной Хильма, так и не узнав, что случилось с её единственным ребёнком.

Вокруг сына Бритт-Мари — Эрика — сомкнулось кольцо тьмы. Тьма эта была густой, как дёготь, и непроглядной, как январская ночь над Эстертуной. Эта тьма питалась его болью — от совершённого по отношению к нему предательства. Несмотря на то, что Эрик пытался удержать тьму в себе, она не хотела там оставаться. Она рвалась наружу, отравляя его жизнь.

Бьёрну это было невдомёк. У него появилась новая женщина. Молодая, с короткими светлыми волосами. У неё был безумный смех, а ещё она любила курить возле вентилятора в их новой квартире. Они сняли цветочные гардины с воланами, принадлежавшие Бритт-Мари, и подумывали о том, чтобы заменить диван — на нём были уродливые чёрные ожоги от сигареты, которую эта женщина уронила однажды дождливым вечером.

Новая женщина забеременела. Внутри неё проросла жизнь, которая впоследствии стала младшей сестрой Эрика. Бьёрн нашёл новую работу, работу с высокими требованиями, такую, к которой нельзя было относиться спустя рукава. Но именно так он и поступил. Он стал выпивать каждый вечер, а иногда и по утрам, идя на работу короткой дорогой через центр. Но женщина ничего не замечала. Она курила, смеялась, и округлялась.

У Эрика родилась сестрёнка, и Бьёрн снова был счастлив. У него возникло ощущение полноты, словно ему удалось воссоздать свою старую семью, вместо того, чтобы построить новую. Но по ночам, лежа в кровати, Эрик желал маленькой сестрёнке смерти.

Всё это на самом деле не так странно, как может показаться. Ни один человек не может бесследно исчезнуть — даже камень, брошенный в море, оставляет круги на воде. Всё, что происходит в мире, имеет последствия, и всякий конец — это начало чего-то нового. Исчезновение Бритт-Мари наложило отпечаток на судьбу Эрика, и эхо этого события было слышно ещё многие годы спустя. Судьба матери стала его наследием, точно так же, как судьба Элси была наследием Бритт-Мари. А от наследия никуда не денешься, как и от себя самого.

Одиннадцать лет спустя после исчезновения Бритт-Мари Болотный Убийца вновь свершил акт неукротимой ненависти, которая искала выхода. Ещё одна молодая женщина приняла смерть от его рук.

И всё началось заново: охота на зло, на Болотного Убийцу. Поиски Бритт-Мари, исчезновение которой всё ещё было покрыто тайной.

Длинная тень прошлого, как часто случается, оказалась более существенна, чем событие, отбросившее её. Несмотря на то, что годы шли, раны так до конца и не затянулись, и зло неумолимо прорастало сквозь пространство и время.

В мире ничего не менялось, а его обитатели считали, что он подвержен постоянным переменам. Им казалось, что жизнь

простирается перед ними подобно свежей, нехоженой тропе.

Но история имеет свойство повторяться, она циклична — словно желает цапнуть саму себя за хвост.

Американский президент Рональд Рейган совершил визит в Женеву вместе со своей супругой Нэнси. В Женеве Рейган встречался с лидером Советского Союза Михаилом Горбачёвым. Это был первый робкий шаг на пути к окончанию холодной войны и новому, быть может, менее жестокому, миропорядку.

В новостях почти каждый день сообщали о росте озоновой дыры над Антарктидой. А если речь не шла об озоновой дыре, то говорили о новой болезни — СПИДе, которую считали Господней карой для грешников.

Тем временем над Эстертуной сгущался мрак.

Однажды холодным туманным декабрьским днем в 1985 году, Ханне Лагерлинд-Шён впервые ступила на порог полицейского управления в Стокгольме. Она не обратила внимания, как внезапно замолчали трое полицейских, обсуждавших что-то стоя у входа, и как уставилась на неё молодая женщина за стойкой рецепции.

Она так привыкла к подобной форме внимания, что давно перестала реагировать.

У Ханне было всё, чего не смогла достичь Бритт-Мари. У неё было высшее образование (в её копилке был экзамен по социальной антропологии и свежая докторская степень по бихевиоризму). А ещё на свете было очень немного людей, которые осмелились бы хоть как-то недооценить или принизить её навыки. К тому же, буржуазное происхождение подарило Ханне природную уверенность в себе, которую нельзя развить искусственно. Эта уверенность — словно доспех, надев который можно спокойно вращаться в любых кругах общества.

А ещё Ханне была красива, и этот факт тоже нельзя было сбрасывать со счетов. Даже если она сама не придавала этому значения, это влияло на её ближайшее окружение. И не всегда шло на пользу: Ханне, к примеру, никогда не могла пройти где-то незамеченной или принять участие в мероприятии, не оставив у каждого из участников неизгладимого впечатления о себе. И ещё она не могла избежать зависти. Не единожды коллеги шушукались у неё за

спиной, якобы академическими успехами Ханне была обязана, в том числе, своей молодости и красоте.

Но Ханне этого не знала, а даже если бы и узнала — её это вряд ли взволновало бы: она болела душой за свою работу и была уверена в собственной компетентности.

Если бы кто-то поинтересовался её взглядами на красоту, Ханне, вероятно, заблудилась бы в пространных рассуждениях об эстетике. Она стала бы утверждать, что красота культурно обусловлена и что стремление к красоте нередко ограничивает женщин, которые вынуждены подгонять свои тела под навязываемый обществом идеал. Потом она, вероятно, упомянула бы об имевших место в истории практиках бинтования женских стоп, намеренного откармливания женщин и даже о калечащих вмешательствах в женскую физиологию. Но охотнее всего она стала бы рассказывать, как инуитские женщины тысячелетиями украшали себя, татуируя на своих лицах линии, коими отмечали важные вехи в жизни, например, рождение детей.

Такова была Ханне — жадная до знаний и историй.

Она была полна оптимизма и уверена в собственных силах, но очень молода.

Она так многого ещё не знала о жизни в целом. Конечно, не знала она и о Болотном Убийце. Она не подозревала, как быстро может иссякнуть и обратиться в прах душевная сила. Как страсть, которой она так долго была одержима, может превратиться в оковы. Как любимая работа может стать тягостной обязанностью, и как собственное тело, которому она привыкла всецело доверять, может изменить в тот самый момент, когда она будет нуждаться в его постоянстве сильнее всего.

Ханне во многом походила на Элси и на Бритт-Мари.

И точно так же, как они, Ханне лишь начинала подозревать, какой непроглядной была наползающая на город тьма.

— Чем я могу вам помочь? — поинтересовалась одетая в форму женщина за стойкой.

Ханне сняла вязаную шапочку и, проведя по волосам рукой, выпустила на волю водопад длинных рыжих локонов.

— У меня назначена встреча с комиссаром Робертом Хольмом, — пояснила Ханне, вытирая замёрзший нос.

— Я ему сообщу, — ответила женщина.

Пока Ханне ожидала встречи, холод постепенно ослабил свою хватку и онемение мало-помалу сошло с её пальцев, носа и ушей, к которым вернулась кровь. Оттаявшие ладони жгло, а с шапки капало.

Ханне прокручивала в голове свой позавчерашний разговор с Робертом Хольмом. После краткого обмена любезностями он сразу перешёл к делу, поинтересовавшись, не хотела бы Ханне помочь в расследовании убийства. Бывший научный руководитель Ханне, профессор Шёваль, невзирая на относительно юный возраст Ханне, порекомендовал именно её, когда полиция обратилась к нему с тем же вопросом.

За спиной Ханне послышалось деликатное покашливание, и она резко обернулась.

— Ханне?

Перед ней стоял мужчина на вид чуть старше сорока, в густых волосах которого сквозила проседь. Кожа его была тёмной от загара, словно он только что прилетел домой каким-нибудь чартерным рейсом. А может быть, он был из растущего числа жителей Стокгольма, которые проводили час-другой в неделю в солярии. Глубокий шрам пересекал его лицо от уголка глаза до уголка рта, из-за чего оно выглядело слегка асимметрично. На нём был костюм и галстук, покоившийся на выпуклом животе. Галстук был украшен булавкой с золотой полицейской эмблемой.

Ханне кивнула и протянула руку для приветствия.

— Роберт Хольм, — отрекомендовался он с улыбкой. — Но все зовут меня Роббан. Добро пожаловать в Госкомиссию!

Рукопожатие было крепким и таким долгим, что Ханне почти смутилась. Роберт снова улыбнулся.

— Сейчас я вкратце введу вас в курс дела.

— Ханнелора Бьёрнссон, — пояснил Роббан, выкладывая на выдавший виды письменный стол перед Ханне пару фотографий.

Кабинет был тесным, и в нём было такое крошечное окошко, что казалось, оно вовсе не пропускало в помещение серый свет холодного декабрьского солнца. За спиной Роббана стоял низкий стеллаж. В нём помещались дела и книги, поверх которых были свалены в кучу разноцветные бумажные папки. На письменном столе по стойке смирно в чёрной пластиковой подставке вытянулись ручки. Рядом лежал органайзер «Филофакс» в кожаном переплёте и стояла крутящаяся визитница.

Ханне посмотрела на фотографии. На них была молодая женщина с длинными светлыми волосами, которые, вероятно, были окрашены перманентом. Чёлку она начесала и уложила назад, словно та стояла против ветра, воспользовавшись большим количеством средства для укладки. У неё была широкая улыбка и ровные белые зубы за исключением одного — переднего.

— Она была найдена мёртвой в собственной квартире в доме десять по улице Берлингтан в пятницу, пятнадцатого ноября.

Ханне нервно сглотнула, ощущая, что сердце забилось быстрее.

Это всё по-настоящему.

Конечно, в своих исследованиях Ханне тоже использовала подлинные материалы. Они с профессором Шёваллем просиживали бессчётные часы, изучая материалы по убийствам в Швеции и за рубежом, но всё это касалось её лишь опосредованно. Возможно, лишь сейчас Ханне поняла, что от неё ждут реального участия, что её вклад должен повлиять на ход этого дела.

— Двадцать четыре года. Работала официанткой. Мать-одиночка. Сыну два года. Отец давно проживает в Мальмё и фигурантом расследования не является.

На стол перед Ханне легли ещё фотографии, и она наклонилась вперёд, чтобы хорошенько их рассмотреть. Обнажённая женщина лежала на полу с раскинутыми в стороны руками. Вокруг головы разлилась лужа крови, изо рта торчит что-то длинное.

— Выглядит довольно постановочно, — пробормотала Ханне. — Руки словно...

Ханне замялась, не зная, как лучше сформулировать.

— Руки прибиты к полу, — опередил её Роббан. — А изо рта у неё торчит ёршик для посуды. На этом фото видно лучше.

— Господи, — выдохнула Ханне. — В точности как убийства в Эстертуне в семидесятые.

— Именно.

Ханне взглянула на вторую фотографию. Лицо женщины крупным планом. Кровь запеклась в волосах. Лицо распухло, губы растрескались, между ними можно разглядеть верхние зубы. Рукоятка ёршика для мытья посуды торчит из уголка рта.

«Вот так выглядит смерть», — мысленно сказала себе Ханне, думая о том, что молодая женщина с фотографии, вероятно, жила самой обычной жизнью, совсем как Ханне... до недавних пор.

— Полиция Эстертуны, которая изначально занималась расследованием, запросила нашу помощь в начале декабря, — продолжал Роббан. — У них нехватка кадров и, к тому же, это дело...

Он ненадолго прервался, чтобы вынуть из коробки ещё пару папок.

— Это дело — особенное. Да, ты, очевидно, слышала о тех убийствах в семидесятые годы. Способ действия идентичный. Более того, похожее убийство произошло в 1944 году в Кларе, здесь, в Стокгольме.

Роббан пододвинул папки ближе к Ханне.

— Как его называли, Болотный Человек?

— Болотный Убийца, — поправил Роббан.

— Вы считаете, это один и тот же человек?

— Об этом рано говорить. Сначала тебе нужно войти в курс дела. Поезжай домой и там спокойно знакомься с материалами. Я собираюсь попросить одну из моих сотрудниц, Линду Буман, показать тебе все места преступлений завтра в первой половине дня. Тогда после обеда мы сможем увидеться и всё обсудим. Согласна?

Ханне неуверенно кивнула.

— Убийство этой Ханнелоры, — медленно проговорила она, не желая прямо сейчас сворачивать разговор, так как в её голове роилось

слишком много вопросов, — оно произошло на одном из прежних мест преступлений в Эстертуне?

Роббан откинулся на спинку стула и сложил руки на животе. Он медленно обвёл Ханне взглядом.

— Тебе уже кто-то рассказал? — спросил он.

— Рассказал? Что?

— Ханнелора Бьёрнссон проживала в той же самой квартире, в которой в 1974 году произошло убийство Маргареты Ларссон.

После обеда Ханне отправилась к себе домой, в квартиру на Шеппаргатан. Развела огонь в камине, вскипятила чайник, устроилась на широком диване и принялась изучать материалы дела, вооружившись блокнотом и ручкой. В протоколах допросов она что-то подчёркивала, разглядывала фотографии и карты, внимательно прочла отчёт о вскрытии трупа, а затем аккуратным почерком внесла собственные заметки в блокнот.

В ногах у неё примостился Фрейд, пятилетний кобель лабрадора, которого Ханне получила в качестве компенсации за отсутствие ребёнка от Уве, своего мужа. Уве категорически не желал иметь детей.

Проблема с детьми, или, вернее сказать, проблема их отсутствия, вовсе не волновала Ханне. Она наслаждалась жизнью и подозревала, что маленький ребёнок, случись ему появиться на свет, станет препятствием её работе.

Ханне сознавала, что находится в гораздо более выигрышном положении, нежели её подруги, которые убивались, разрываясь между работой и детьми. Они вынуждены были таскать своих сопливых детишек из дома в садик и обратно, при этом не имея возможности всецело отдаться ни детям, ни работе. Разве возможность жить в отношениях, не обременяя себя наличием детей, — не окончательное освобождение, шанс обрести которое был у человека во все времена? Возможность исключить из уравнения семейную жизнь и вместо неё сфокусироваться на работе?

Временами, правда, у Ханне что-то свербило в сердце, когда пятничным вечером, гуляя по универмагу Эстермальмсхаллен, она обращала внимание, как делают покупки к выходным семьи с детьми. Ханне и сама не знала, что было тому виной, — то ли тоска по тому, чего она себя лишила, то ли мысль о том, как лестно ей было бы, пожелай Уве завести ребёнка от неё. Слово этот факт мог бы стать примитивным доказательством его любви.

В то же время, Ханне не могла не согласиться с мужем в том, что движущей силой в принятии решения завести ребенка скорее являются эгоизм и стремление к самореализации, чем какие-либо

альтруистические побуждения. В самом деле, абсурдно, что в современном обществе до сих пор оставались люди, не сумевшие освободиться от устаревших представлений о том, что ценность женщины определяется её способностью с одинаковой периодичностью выдавливать из себя хорошеньких детишек. Если так рассудить, сама по себе семья превращалась в крайне реакционный фетиш.

Чай остыл, огонь в камине потихоньку угасал, а за окном на город опустилась тьма, чёрная и плотная, как бархат, однако Ханне этого даже не заметила. Время от времени отдельная искра огненной блохой выскакивала из очага и, попадая на решётку, умирала.

Ханне потянулась и потёрла шею одной рукой, оглядывая просторную гостиную, три из четырёх стен которой занимали высокие стеллажи, до потолка заставленные книгами. Свободную стену украшали несколько абстрактных полотен её мамы, маски древних народов мира, полученные в дар от Уве, и ещё старинные фотографии инуитов, купленные Ханне на аукционе. На полу внахлест лежали восточные ковры, на первый взгляд, разбросанные хаотично. Однако справедливости ради стоит признать, что придание комнате требуемого богемного духа отняло у Ханне и Уве добрых полдня.

Ханне взглянула на часы: было пять минут седьмого. Три часа пролетело, а она и не заметила. Болотный Убийца и его жертвы — прибитые гвоздями к полу женщины — будто приковали Ханне к дивану. Фрейд поднял голову, заглянул ей в глаза и с надеждой понюхал воздух.

— Не сейчас, — отмахнулась она, так как никогда не кормила Фрейда раньше семи. Они так привыкли. Уве совершенно не понравилось бы, что пёс постоянно попрошайничает. Это в его глазах было почти так же катастрофично, как завести малыша.

Уве вообще очень чётко умел формулировать свои запросы и потребности. Он совершенно точно знал, как хочет жить, и не видел проблемы в том, чтобы это разъяснить. И Ханне была ему за это благодарна, ведь такой подход существенно упрощал жизнь.

Ханне опустила взгляд на стопку документов, лежавших на журнальном столике, и впервые ощутила некое подобие панической атаки. Она должна постараться ради этих женщин, и ради всех других, которые в будущем могли стать жертвами Болотного Убийцы.

Комиссар Роберт Хольм, по-видимому, имел завышенные или даже нереалистичные ожидания в отношении будущих результатов работы Ханне. Но профилирование — не точная наука. Это квалифицированные предположения, основанные на ограниченном статистическом материале, которые никогда не заменят старой доброй полицейской работы. Ханне могла лишь изо всех сил стараться — и она, естественно, собиралась сделать всё от неё зависящее — однако существовали пределы её возможностей.

Она ведь всё-таки не была волшебницей.

Ханне отложила бумаги в сторону, подошла к одному из стеллажей и протянула руку за томиком мемуаров Хальворсена, в которых речь шла о его бегстве в Гренландию в начале века. Ещё она взяла сборник рассказов об инуитах, который подарил ей папа в начале её университетской учёбы. Этот сборник когда-то принадлежал её деду с отцовской стороны, легендарному путешественнику Карлу Ивару Лагерлинд-Шёну. Ханне погрузилась в чтение историй об инуитах, об арктическом мраке и ветрах — преданий, которые передавали из поколения в поколение эти живущие в стране вечного холода люди.^[19]

Уве пришёл домой через час. Она встретила его в прихожей, подарила ему мимолётный поцелуй и смахнула рукой снежинки с его пальто.

Его каштановые волосы, в которых уже виднелась седина, были влажными и немного вились у висков. Щетина щекотала ей подбородок.

— Как прошёл день? — поинтересовалась она, в поисках тепла прислонившись к радиатору. В их красивом, но продуваемом сквозняками жилище всегда наблюдался недостаток тепла.

— Как я того заслуживаю, полагаю.

Голос Уве был весел, но в выражении его лица читалась жёсткость, слишком хорошо знакомая Ханне.

— Ты разговаривал с отцом.

Это была констатация факта, а не вопрос.

Спрашивать не было нужды. Такое каменное выражение лица всегда появлялось у Уве после разговоров с папой. Именно отцу Уве был обязан тем, что три вечера в неделю проводил лёжа на диване в приёмной на станции Уденплан, у своего нового терапевта.^[20]

— Это так заметно?

Уве опустился на скамеечку рядом с полкой для обуви и принялся расшнуровывать ботинки, оставляя на паркете лужицы серо-коричневой слякоти.

— Ты же знаешь, я вижу невидимое.

— Все женщины видят невидимое, я это давно понял.

Он поднялся, приблизился к Ханне и заключил её в свои крепкие объятия.

— Не хочу сейчас об этом говорить, — прошептал он у неё над ухом. — Лучше расскажи, как у тебя всё прошло.

— Хорошо, — согласилась она и поведала Уве о знакомстве с Роббаном и о том, что она успела прочесть о Болотном Убийце, который распинал женщин на полу, а затем насильничал.

Когда Ханне закончила свой рассказ, Уве ещё несколько секунд молчал, а потом взял её за плечи, отодвинул от себя и поглядел на неё. На его лице застыло отвращение.

— Боже мой. Ты точно уверена, что хочешь в это ввязаться?

— Абсолютно. Я хочу помочь. Я должна это сделать.

— Как ты всё успеешь?

Ханне улыбнулась и потянула Уве за собой в кухню, где усадила на стул.

— Я справлюсь. Лекции и руководство дипломными проектами в университете занимают у меня не больше трёх дней в неделю. У меня остаётся масса свободного времени.

Уве хмыкнул.

— Вина? — спросила Ханне.

— Сама как думаешь? — улыбнулся он.

— Думаю, что одним бокалом здесь не обойтись.

Ханне откупорила бутылку бордо и наполнила бокалы. Потом устроилась напротив мужа и заглянула ему в глаза.

— Я хотела бы услышать твоё профессиональное мнение об этом преступнике, — медленно проговорила она, поворачивая бокал вокруг своей оси, так что тёмная жидкость внутри закручивалась воронкой.

— Я психиатр. Я ничего не понимаю в профилировании и расследовании убийств.

— Перестань. На работе ты сталкиваешься с массой травмированных людей. Если насильник и убийца распинает свою

жертву на полу, а затем засовывает ей в глотку ёршик для мытья посуды, что ты об этом скажешь?

— Я ничего не знаю об этом деле.

Ханне притворно вздохнула и пригубила вино.

— Мне это известно. Я просто интересуюсь, какие спонтанные ассоциации у тебя возникли по этому поводу.

Уве сделал большой глоток вина и потрепал по холке Фрейда, который стоял рядом и явно считал, что к вину следовало подать кусочек сыру.

— Хм, — промычал Уве, почёсывая щетину на подбородке правой рукой. — Ну, разве что, самые очевидные.

— Какие же?

— Религиозные. Это ведь своего рода распятие, с той лишь разницей, что происходит на полу. Но тем не менее. А распятие — это наказание за грехи. Хотя, конечно, можно рассматривать акт прибивания гвоздями к полу и под другим углом... Как способ предотвратить побег. Он прибивал их к полу, когда женщины ещё были живы?

— Да, к сожалению.

— В таком случае, он мог придумать это, чтобы удержать их. И в буквальном смысле и, возможно, в переносном. И ещё эта деталь с ёршиком для посуды. Возможно, он желал унижить их, а может быть, просто таким образом заставлял их замолчать.

Ханне наклонилась вперёд и взяла Уве за руку. Рука оказалась холодной. Она улыбнулась, и принялась растирать её своими ладонями.

— Вот видишь, сколько у тебя хороших идей! — воскликнула она, придвигаясь ещё ближе — так, что смогла поместить его руку между своих грудей.

Однако Уве, очевидно, утративший всякий интерес к Болотному Убийце, убрал свою руку и вместо этого взял за руку Ханне.

— Уже устал? — с досадой в голосе проговорила Ханне, когда он потянул её за собой в спальню. В тот миг она была счастлива, по-настоящему счастлива.

Всё в этом мгновении было идеально: искра вожеления в его глазах, его прозорливые размышления о способе действия,

характерном для Болотного Убийцы, эти чертовски сексуальные завитки его влажных волос.

Ханне была счастлива, поскольку в тот момент ощущала, что обладает всем, чего когда-либо могла желать, и не могла допустить и мысли о том, что может всего этого лишиться.

Что тьма может дотянуться и до неё.

Когда они добрались до двери спальни, Уве притянул её к себе, поцеловал и проник рукой ей под юбку. Ханне, прислонившись к дверному косяку, позволила ему провести разведку, а затем сползла по стене, опустившись на корточки. Когда её лицо оказалось на уровне его руки, Ханне поцеловала её. Взяла в рот его большой палец и слегка прикусила. Потом их взгляды встретились, и Ханне улеглась на один из восточных ковров, которые всегда придутся кстати, если кому-то внезапно взбредёт в голову заняться сексом на полу.

— Иди сюда! — требовательно произнесла она, стаскивая трусики. — Помоги мне забыть о Болотном Убийце.

На следующее утро инспектор Линда Буман подъехала за Ханне прямо к воротам дома. Ханне не хотелось спрашивать, но ей показалось, что Линда была примерно её ровесницей. Свои волнистые светлые волосы Линда убрала в конский хвост. У неё было лицо сердечком и глубоко посаженные тёмные глаза, которые создавали яркий контраст с почти прозрачной белизной её кожи. Они пылали двумя угольками из-под светлых бровей.

На своём Вольво Линда провезла Ханне мимо площадей Нибруплан и Норрмальмсторьет, а затем поехала вверх по улице Хамнгатан. Движение было плотным и нервным, а сильный снегопад превратил дорогу в каток, но Линда только ухмылялась и без умолку болтала.

Она смеялась часто и громко. Так громко, что Ханне, которая была человеком сдержанным, почти смутилась.

— Для начала прокатимся на Норра Смедьегатан, — заявила Линда, на мгновение задержав взгляд тёмных глаз на лице Ханне.

Ханне сразу пришлась по душе попутчица. Было нечто безусловно притягательное в её безыскусной, почти детской манере держать себя. Линда живо напомнила Ханне всех подруг её юности, которые были такими же открытыми. Они тогда словно приняли Ханне в свою семью и всегда принимали на себя обязанность делать первый шаг в различных ситуациях, куда Ханне оставалась на безопасном расстоянии — наблюдала, анализировала и делала выводы.

— Ты и в самом деле, — заговорила Линда, не сводя глаз с Ханне, — настоящий профайлер?

— Да, только...

Линда перебила её:

— Ты была на стажировке в ФБР и там всему научилась?

— Нет, но...

— Чёртов идиот!

Линда зло засигналила и погрозила кулаком автомобилисту, который без всякой видимой причины затормозил прямо перед ней.

— Ты что, заказал права по почте, чёртов придурок?! — воскликнула она и ухватила несколько чипсов из пакетика, лежавшего на сиденье рядом с ней.

Едва Ханне собралась озвучить свой хорошо продуманный ответ на вопрос Линды о ФБР, как та затормозила у тротуара. Линда указала на здания на другой стороне улицы.

— Вот там находилась улица Норра Смедьегатан.

Ханне вытянула шею и принялась шарить взглядом по современным зданиям, одетым в стекло и полированный гранит, тщетно пытаясь отыскать среди них тот переулок с домами восемнадцатого века, который запомнила по фотографиям.

— Находилась? — переспросила она, покосившись на вход в крупный торговый центр, куда толпами валили горожане, чтобы купить подарки к Рождеству или просто погреться.

— Ага. Всю Норра Смедьегатан снесли в конце шестидесятых, чтобы выделить место под торговый центр «Галлериан». Так что никакого места преступления с 1944 года не сохранилось. Но я всё равно решила, что тебе нужно увидеть это. Всё же это часть истории Стокгольма.

Линда сорвалась с места, и они помчались в сторону площади Серьельсторьет.

— Только представь себе, они всё поносили, — бормотала она. — Чертовски жаль. Моя бабка работала там в лавке в шестидесятых. Молочная лавка Майи Эрикссон. Мило, правда?

Очередной взрыв хохота.

— Ну, что скажешь? — продолжала Линда. — Едем в Эстертуну?

Через двадцать минут они уже миновали съезд с шоссе в сторону Эстертуны. Несколько высоких зданий окаймляли дорогу в центр городка, судя по виду, возведённого в шестидесятые годы. Они проехали площадь, где несколько одиноких продавцов предлагали свой товар — рождественские ели и венки. Ханне успела разглядеть кинотеатр, вино-водочный магазин и сетевой универмаг «Оленсварухюс». Центр Эстертуны ничем не отличался от центра любого другого предместья.

— Торчтуна, — пробормотала Линда.

— Разве это место так называется?

Линда звонко расхохоталась, одновременно бросая удивлённый взгляд на Ханне, словно не могла взять в толк, каким образом прозвище «Торчтуна» могло не достигнуть её ушей.

— Эээ... нет. Так называют этот район Эстертуны. Короче говоря, всё в Эстертуне, кроме вилл. С этим местом довольно много проблем. Преступность, наркотики. Не спрашивай меня почему, но кажется, все чилийцы и иранцы, перебравшиеся на жительство в Швецию в последние годы, решили осесть именно здесь. Здесь вообще теперь сложно найти человека, говорящего по-шведски. Но я слышала, здесь продают чертовски вкусный кебаб.

Ханне наблюдала за женщинами, пересекавшими площадь. В руках они несли коробки с едой, а одна толкала перед собой детскую коляску.

— Вон там, — сказала Линда, указывая на пиццерию, расположенную в десятке метров от полицейского участка. — Там подростки толкают гашиш. И другие, более тяжелые вещества.

— Прямо рядом с участком?

— Ага.

— Невероятно, — отозвалась Ханне, разглядывая на первый взгляд совершенно неприметный ресторанчик.

Она ненадолго задумалась.

— Какая здесь обстановка? После убийства, я имею в виду.

— В первые недели народ был сильно напуган, — ответила Линда. — Газеты печатали тонны всякого дерьма, что явно не улучшало ситуацию. Но репортёры быстро теряют интерес к теме, и всё забывается. Сейчас здесь тихо.

Линда свернула на какую-то улочку, проехала несколько сотен метров и припарковалась возле парка. Кусты и деревья стояли в глубоком снегу, узкие тропинки протоптаны между сугробами. На краю парка стояли трёхэтажные дома с балкончиками и плоскими крышами.

— Берлинпаркен, — откомендовала Линда. — Собственной персоной.

— Наслышана.

Они выбрались из машины, и Ханне решила осмотреться. Среди деревьев виднелась небольшая детская площадка. Кто-то расчистил снег возле горок и качелей. Рядом с качелями стояла частично укрытая

снегом бронзовая статуя, судя по очертаниям, изображавшая женщину с младенцем на руках. В самом конце парка высилось современное здание практически без окон. Оно значительно превосходило по высоте все близлежащие дома и выглядело здесь совершенно неуместным из-за своих толстых бетонных стен и полного отсутствия какого бы то ни было декора.

— Этот многоуровневый гараж построили в семидесятые годы, — сообщила Линда, кивая в сторону здания. — Урод, согласись?

Вместо ответа Ханне кивнула.

— Жители округа объединились и создали петицию о его сносе, — продолжала Линда, плотнее запахивая стёганую куртку. Потом она указала на дом прямо напротив.

— Вон там на третьем этаже проживала Ивонн Биллинг. Та самая, которая в семьдесят четвёртом избежала смерти благодаря тому, что сосед стал барабанить к ней в дверь. Сейчас в той квартире живёт семья, поэтому попасть туда мы не сможем. Но мне кажется, это и не обязательно, потому что квартира очень похожа на наше место преступления. К тому же, я подумала, что мы сможем навестить саму Ивонн Биллинг, когда закончим здесь.

Она повернулась к Ханне спиной и пошла вперёд.

— Я здесь сейчас себе всю задницу отморожу, — бросила она через плечо. — Идём!

Дверь квартиры на третьем этаже была опечатана. «Опечатано на основании главы 27, пар.15 процессуального кодекса», — прочла Ханне. Линда вытащила из кармана связку ключей, отыскала среди них нужный и отперла дверь.

— Криминалисты завершили обследование места преступления, но нам, пожалуй, лучше снять обувь, чтобы там не натоптать, — предложила Линда, зажигая верхний свет.

Прихожая оказалась тесной. Там помещалась лишь полка для обуви, вешалка и зеркало. Через открытую справа дверь была видна кухня, а налево вела ещё одна дверь.

— Спальня, — пояснила Линда, открывая её.

Ханне заглянула внутрь. У одной из стен стояла большая кровать, а у стены напротив — детская кроватка, на которой лежало множество подушек. У детской кроватки высились разноцветные кучи игрушек, сваленных друг на друга. На голубом коврикe валялась пара маленьких

чулок и книжка с картинками, словно кто-то их только что отшвырнул от себя.

Они прошли дальше, в гостиную.

На полу у окна виднелись тёмные пятна — следы крови, которая впиталась в изношенные паркетины.

Линда опустилась на колени и провела рукой по нескольким маленьким отверстиям в полу.

— Здесь, — сказала она, и указала на место чуть поодаль, — и вот здесь. Практически на том же месте, что и Маргарета Ларссон в 1974 году. Но следов того нападения не осталось — пол с тех пор перестелили.

Ханне наклонилась вперёд и уставилась на дырки от гвоздей, пытаясь осознать тот факт, что Ханнелора Бьёрнссон была убита на том самом месте, где сейчас стояла на коленях сама Ханне. Что женщина со светлыми волосами и потемневшим передним зубом умерла здесь, на этом полу, меньше месяца назад.

— Можно...? — спросила она, протягивая руку к отверстиям, оставшимся от гвоздей.

— Конечно.

Ханне потрогала пол. Вокруг каждого отверстия паркет был разбит, и из его древесины торчали длинные щепки, словно сам пол протестовал против вбивания гвоздей. Практически посередине между двумя группами отверстий на полу были видны тёмные трещины.

— Что это? — спросила Ханне.

— Мы думаем, здесь он бил её головой об пол.

— О, — Ханне отдёргнула руку.

— Это, вкупе с ударами ногой по голове, и стало наиболее вероятной причиной смерти.

— Я прочла, что вы не выяснили, как он смог пробраться внутрь, — сказала Ханне, выпрямляясь. — Что ты об этом думаешь?

Линда сложила на груди руки и огляделась вокруг. Её тёмные глаза обшарили мебель и плакаты на стенах, и остановились на прихожей.

— Мне кажется, он вошёл через дверь. Вероятно, она сама егопустила, или он каким-то образом смог вскрыть замок отмычкой. Но следов взлома не было.

— А через балкон? — поинтересовалась Ханне, кивая в сторону окна.

Линда покачала головой.

— Нет. В это время года балкон должен был стоять закрытым. К тому же, если бы он проник в квартиру этим путём, оставил бы следы. А криминалисты ничего не обнаружили ни на балконе, ни на крыше.

Ханне снова огляделась. Она пыталась запомнить обстановку маленькой, поразительно аккуратной квартирки. Парк, раскинувшийся за окном, укрытый снегом и по-открыточному красивый. Свидетельства немыслимого злодейства под ногами.

В тот момент Ханне сама себе пообещала сделать всё, что будет в её силах, чтобы упечь за решётку монстра, разрушившего маленькую семью, которая здесь жила.

Линда легонько тронула её за плечо.

— Мы едем к Ивонн Биллинг? Она живёт в городе.

На вид Ивонн Биллинг было около сорока пяти. Она сохранила стройную фигуру, и была одета в «вареные» джинсы и вишнёвый вязаный свитер с рукавами «летучая мышь». Каштановые волосы она убрала пластиковым гребнем черепахового оттенка, а на её гладком точёном лице не было и следа косметики.

Квартира, расположенная в доме на площади Нюторьет на Сёдермальме каким-то непостижимым образом казалась одновременно богемной и очень опрятной. Книги были сложены на полу в высокие, очень ровные стопки, рисунки и чёрно-белые фотографии служили украшением стен, а мебель была потёртой, но очень красивой.

— Добро пожаловать, — с неуверенной улыбкой поприветствовала Ивонн визитёров. Она проводила их в небольшую кухню, окно которой выходило во двор. Когда Ханне с Линдой устроились, Ивонн принесла чайник.

— Я не держу дома кофе, но могу предложить зелёный чай.

— Зелёный чай? — прыснула Линда. — Это что-то новенькое!

— Тогда, наверное, стоит попробовать, — с улыбкой ответила Ивонн.

Она разлила горячий напиток по пузатым керамическим кружкам и устроилась напротив. За окном виднелся укрытый снегом двор. Одинокое дерево тянуло к свету обнажённые ветви. Узкая цепочка тёмных следов соединяла внешний дом в квартале, фасад которого выходил на улицу, с внутренним. Какие-то птицы парили в вышине над городом, словно иглы, накрепко сшивающие по-декабрьски серое небо с ещё более высокими сферами.

— Так значит, он вернулся?

Лицо Ивонн помрачнело, и в её голосе Ханне услышала страх.

— Мы считаем это вероятным, — ответила Линда.

— Я прочла об убийстве в газете, но убедила себя, что это не мог быть тот же самый человек. Прошло ведь столько лет.

— У нас пока нет в этом уверенности, — пояснила Линда.

Ивонн молча кивнула и сделала глоток чаю, держа кружку обеими руками.

Линда продолжала:

— Мы изучили старые протоколы допросов. Но тем не менее, нам было бы полезно ещё раз услышать от вас рассказ о том, что тогда произошло.

Ивонн издала вздох, потянулась и сложила руки на коленях.

— Если бы вы знали, сколько раз я уже это повторяла. Всё, чего я бы хотела, — забыть это. Я переехала, и нога моя больше никогда не ступит на землю Эстертуны. Пока я жива. Много лет я вообще не могла оставаться одна, поэтому мы с Даниэлем жили у моей мамы. Но в итоге я смогла собраться в кучу, перебралась сюда и выучилась на социолога. Возможно, потому, что у меня было желание помогать другим женщинам, пострадавшим от насилия. Но вероятно, воспоминания об этом роковом происшествии никогда не перестанут меня преследовать. А я всего лишь хочу, чтобы это закончилось.

— Я понимаю, — отозвалась Линда, наклоняясь вперед. — Но, может быть, сделаете одно исключение?

Ивонн некоторое время хранила молчание, а потом схватилась руками за лицо и закрыла глаза. Она всем телом задрожала, и Ханне на мгновение почудилось, что Ивонн сейчас начнёт плакать. Однако в следующий миг Ивонн кивнула, справившись с собой, и начала рассказ о незнакомце, который посреди ночи возник с большим ножом в руках в квартире, где спали Ивонн и её сын. Ивонн рассказала, как он наступал ногой ей на горло, когда она пыталась кричать, и как он бил её головой об пол, снова и снова, пока Ивонн не потеряла сознание. И как потом очнулась от жгучей боли и ударов тяжелого молотка, которым незнакомец забивал гвозди ей в ладони. И как сосед, который принялся стучать в дверь, напугал убийцу, и тот исчез, не доведя своё дело до конца.

Наконец слабым голосом она рассказала о долгих часах, проведённых на полу. Время тогда словно остановилось, а отчаянная убеждённость в том, что он вернётся, чтобы убить её вместе с сыном, росла с каждой минутой.

— Я даже не могла успокоить Даниэля, чтобы он не плакал. Ведь я не могла говорить. А я изо всех сил стремилась его утихомирить. Я так боялась, что этот псих вернётся.

На этом месте Ивонн стала всхлипывать, и Ханне поспешила подать ей бумажную салфетку, рулон которых обнаружился у мойки.

— Благодарю, — произнесла Ивонн и высморкалась.

— Это мы должны благодарить, — мягко возразила Линда. — И знайте, что мы сделаем всё, что будет в наших силах, чтобы схватить и посадить за решётку это чудовище.

Ивонн молча кивнула, не отрывая взгляда от своей кружки.

— Даниэль неотступно следовал за мной долгое время после случившегося... много месяцев. Он спал, тесно-тесно прижавшись ко мне, и мне всё никак не удавалось его отучить от этого. Хорошо, что существует снотворное.

Она невесело рассмеялась.

— Может быть, есть что-то ещё, над чем ты успела поразмыслить? — спросила Линда. — Что-нибудь, что пришло тебе в голову потом, впоследствии. Может быть, детали его внешности, его запах, голос?

Ивонн покачала головой.

— Он ничего не говорил.

Повисла тишина.

Из рассказа Ивонн они не почерпнули никаких новых сведений. Ханне уже ознакомилась с протоколами допросов, но несмотря на это, хотела услышать всё заново именно из уст Ивонн. Словно вся история могла получить привязку к действительности лишь в этой маленькой уютной кухне.

— Мне интересно вот что, — заговорила Ханне, которая до сих пор только слушала и делала записи. — Вы оставляли балконную дверь открытой на ночь?

— Мне кажется, кто-то из ваших коллег уже задавал такой вопрос тогда, в семидесятых, — помедлив, отозвалась Ивонн. — И да, так всё и было. Тем летом, да и осенью стояла жара. Душная, липкая.

— А мужчина, которого вы заметили в парке тем вечером, можете вспомнить, как он выглядел? — не сдавалась Линда.

— Нет. Я не смогла его хорошо рассмотреть.

Ивонн перевела взгляд на окно, а в следующий миг её лицо исказила гримаса, более всего напоминающая гримасу боли.

— Знаете, что самое худшее? — спросила она.

Не дожидаясь ответа, она продолжала:

— Самое худшее — так и не узнать, кто это. А так как я не знаю, кто он, то это может оказаться любой человек. Старик, который

выгуливает свою хромоногую таксу здесь, на Нюторъет, один из моих соседей или коллег. Мужчина, сидящий напротив в вагоне метро за книжкой, или парень, который звонит по телефону, предлагая купить газетную подписку. Вы понимаете, о чём я? Все мужчины для меня теперь — Болотный Убийца, хоть я и знаю, что это не так.

— Я понимаю, — ответила Линда.

Ивонн терпеливо улыбнулась и аккуратно поставила кружку на стол.

— Нет, друзья мои. Не понимаете. Вот это — самая меньшая из моих проблем.

Она вытянула вперёд руки, и Ханне впервые обратила внимание на рубцы с тыльной стороны ладоней Ивонн. Широкие бугристые холмики бледной кожи, окружённые белёсыми пятнами меньшего размера — на тех местах, где были швы.

Позднее в тот же день они собрались в небольшом конференц-зале в полицейском управлении на острове Кунгсхольмен. Помимо Роббана и Линды там появился ещё один следователь.

Лео Карпу было сорок лет. Он выглядел поджарым, даже измождённым, однако глядел цепким взглядом из-под кустистых бровей. Его редкие тёмные волосы были собраны в конский хвост, и он беспрестанно разминал пальцами подушечку снюса. [\[21\]](#)

Снаружи уже опустилась тьма, и окно казалось чёрным прямоугольником в белой рамке, мимо которого время от времени в своём неотвратимом падении на землю проносилась одинокая снежинка.

Стены конференц-зала были сплошь увешаны различными документами, имевшими отношение к делу. Там были фотографии искалеченного тела Ханнелоры, карта Эстертуны, на которой были отмечены места преступлений и прорисована схема передвижений и занятий Ханнелоры в сутки, предшествовавшие убийству.

Линда потянулась за банкой с печеньем, которая стояла посреди стола, и зачерпнула сразу горсть.

— Держи, — невнятно проговорила она с набитым ртом, протягивая банку Ханне.

— Спасибо, я попозже, — вежливо отказалась Ханне, которая не забыла, что Уве попенял ей на округлившуюся пятую точку.

Сам Уве, похоже, нимало не был обеспокоен тем фактом, что у него вокруг талии отрос целый спасательный круг. Но порой, когда он упоминал в разговоре вес Ханне, та досадливо тыкала его рукой в живот, чтобы напомнить, что тому тоже не мешало бы подумать, прежде чем что-то запихнуть в рот.

После короткого введения, которое взял на себя Роббан, Линда рассказала о встрече с Ивонн Биллинг.

— Да, это было ожидаемо, — прокомментировал Роббан. — Было бы просто сенсацией, если бы она вдруг вспомнила что-то ещё.

Затем Роббан пояснил, в чём ему виделась роль Ханне. Ей предлагалось участвовать в общих собраниях, присутствовать при определённых допросах и оказывать следственной группе поддержку путём составления психологического профиля преступника.

— И кстати, наверное, всем было бы интересно послушать немного о том, что такое профилирование?

Ханне поймала взгляд Лео.

Ей показалось, что в его серых глазах отражался определённый скепсис, но от этого Ханне только сильнее захотелось убедить всех, и его в том числе, что она в самом деле может помочь. Ей уже доводилось ставить скептиков на место. Ханне забавлял процесс доказывания своей правоты, и до сих пор ей не встретился ещё никто, способный победить её в академическом споре.

Ханне одёрнула васильковый пиджак, возвращая накладные плечи на свои места, и откашлялась.

— Психологическое профилирование преступников — это техника, разработанная в начале семидесятых годов в ФБР, после смерти их бывшего шефа, Эдгара Гувера. Гувер довольно скептически относился ко всему, что было связано с психологией, так что лишь после его смерти в Бюро появилось подразделение, занимающееся поведенческими исследованиями. Путём интервьюирования людей, совершивших тяжкие насильственные преступления, можно получить представление о том, как выглядят разные типы преступников, каким образом действуют, и каковы их мотивы. Научная модель была психологичной, но основывалась также и на эмпирическом опыте. Целью этой деятельности было создание некоей методики по выдвижению обоснованных предположений о преступнике путём

анализа совершённого преступления. Предположений, которые помогли бы полиции в её работе.

— Это очень интересно, — сказал Роббан, подавшись вперед, поближе к Ханне. — Об этом и твоя научная работа?

— Именно, — подтвердила Ханне. — Моя диссертация основана именно на этом. Может быть, вы слышали фамилию Шёвалль? Профессор Шёвалль был моим научным руководителем. В Скандинавии он был одним из пионеров в данной сфере.

— Так что ты думаешь о нашем деле? — глядя Ханне в глаза, задал вопрос Роббан.

— Ещё слишком рано говорить об этом. Я, конечно, могла бы поделиться с вами своими первыми размышлениями, но, по всей видимости, ничего нового вы от меня сейчас не услышите — вы с этим делом знакомы уже давно.

— Пожалуйста, — настаивал Роббан. — Мне бы очень хотелось услышать твоё мнение.

В конференц-зале стало тихо. Единственными звуками, нарушавшими тишину, были хруст печенья во рту у Линды да тихий гул вытяжки.

— Убийство в сорок четвёртом, — заговорила Ханне. — Убийство и нападение в семьдесят четвёртом. Наконец, убийство, произошедшее меньше месяца назад. Между этими преступлениями существуют любопытные сходства и различия. Если говорить о способе действия преступника, его модус операнди, то он во всех случаях совпадает. Жертвы были избиты и прибиты к полу гвоздями, после чего, за исключением случая Ивонн Биллинг, они были убиты и их тела были осквернены. Во всех случаях причиной смерти жертв стали серьёзные травмы головы. Ещё одна любопытная деталь — на местах преступлений обнаружено крайне мало технических улик.

— В семьдесят четвёртом нашли кровь и сперму, — подал голос Лео.

Ханне кивнула.

— Да, но, к сожалению, никого нельзя опознать по пробам крови и спермы. А мне кажется, преступнику об этом было известно.

— Криминалисты обнаружили в квартире Ханнелоры Бьёрнссон некие волокна, — сказал Лео.

— Волокна шерсти чёрного цвета, — согласилась Ханне. — В это время года такие волокна можно найти повсюду.

— Подожди-ка, — воскликнул Роббан. — Ты говоришь, он осквернял их тела. А что ты скажешь по поводу предметов, которые он засовывал им в рот? Может быть, он таким образом добивался тишины?

Ханне снова кивнула, собирая длинные рыжие волосы в свободный узел на шее, ниже затылка.

— Вполне может быть и так. Но в квартирах жертв была одежда и другие текстильные вещи, которыми преступник мог бы воспользоваться, чтобы заставить женщин молчать, засунув тряпки им в рот. Однако вместо этого он тратил время на поиски поварёшки, туалетного ёршика, и ёршика для мытья посуды. Мне кажется, его целью было их унижить.

— Очень занимательно, — похвалил Роббан, с энтузиазмом кивая головой. — Что ещё?

Лео бросил на него долгий усталый взгляд.

— Различия тоже весьма интересны. К примеру, выбор жертвы и время преступления. Но к этому я вернусь позже. Я скажу об этом, когда смогу представить вам предварительный профиль преступника.

— Как скоро ты сможешь это сделать? — тут же спросил Роббан.

Ханне задумалась.

— Дайте мне неделю-другую. Я с радостью буду присутствовать на ваших собраниях и допросах, чтобы быть в курсе дела. Я работаю по совместительству в университете, но когда у меня нет лекций, я совершенно свободна.

Наступила тишина.

Роббан прокашлялся и поёрзал на стуле.

— Еще кое-что. Есть одна вещь, которую тебе стоит узнать. В материалах, которые ты получила, этого нет. В сентябре 1974 года без вести пропала одна из следователей. Тогда её исчезновение не стали связывать с Болотным Убийцей. К тому же, она оставила нечто вроде прощального письма мужу и отпросилась с работы, так что всё выглядело так, будто она скрылась по собственной воле.

— Без вести пропала?

Ханне всем телом подалась вперёд и осторожно положила ручку рядом со своими записями. На её бледных щеках вспыхнул румянец, а

взгляд был прикован к загорелому лицу Роббана.

— Да, — подтвердил тот. — Инспектор Бритт-Мари Удин.

Следующее утро Ханне и Роббан с Линдой начали с визита к бывшему комиссару Свену Фагербергу, который жил в собственном доме в Эстертуне, в районе индивидуальной застройки. Стояло лучезарное зимнее утро. Солнце сияло на ярко-голубом небе. С ветвей деревьев лилась капель, а с крыш домов то и дело на землю глухо шлёпался подтаявший пласт снега.

Из водосточной трубы на доме Фагерберга струился ручеек талой воды. На черневшем неподалёку небольшом клочке голой земли Ханне разглядела проклюнувшийся подснежник, который уже был готов тянуться к свету. Конечно, его старания были обречены. Ещё стоял декабрь, а весна пряталась до поры под снежными сугробами и замёрзшей землёй.

«Дождается своего часа, — подумала Ханне. — Совсем как убийца».

Фагерберг оказался худым. На нём был серый костюм. Его лицо, изборожденное глубокими морщинами, было словно грубо вытесано из камня. Кожа на скулах была бледной и тонкой. Руки Фагерберга немного дрожали, когда он приветствовал гостей, но рукопожатие всё ещё хранило былую силу и уверенность. Он проводил их вглубь своего небольшого уютного жилища. Диваны в гостиной были сплошь покрыты подушками, на окнах висели цветочные гардины, а стены были украшены фотографиями детей и внуков.

Фагерберг пояснил, что обустройством дома занимался не он, а его супруга, Бритта, которая буквально две недели назад скончалась от осложнений после операции на сердце. Фагерберг немного рассказал о ней, и Ханне с коллегами вежливо слушали, пока глаза бывшего комиссара не увлажнились. На небольшом столике у стены он отыскал взглядом фотографию жены, рядом с которой стояла зажжённая свеча.

— Так Болотный Убийца снова в деле?

Взгляд Фагерберга оторвался от дрожащего пламени свечи и заскользил по комнате, чтобы наконец остановиться на лице Роббана.

— Похоже на то, — ответил Роббан, и вкратце пересказал Фагербергу обстоятельства смерти Ханнелоры Бьёрнссон.

Слушая рассказ Роббана, Фагерберг глядел в окно, время от времени кивая. Руки его лежали сомкнутыми на коленях, словно сложенные в немой молитве.

— Так она проживала в том же доме, что Маргарета Ларссон?

— В той же квартире, — подала голос Линда.

Фагерберг медленно покачал головой.

— Как это вообще возможно?

Никто ему не ответил, потому что ответа ни у кого не было.

— Само собой, мы изучили все материалы, — пояснил Роббан. — Очевидно, вы провели тщательную работу.

Ханне пришло на ум, что Роббан несколько преувеличивает, потому что, насколько она могла судить, расследование не было особенно впечатляющим.

— Мы сделали что смогли, — ответил Фагерберг, протягивая руку за пачкой сигарет, которая лежала на журнальном столике. — Вы не будете против, если я закурю?

— Вовсе нет, — поспешно заверил его Роббан. — Нас интересует, не припоминаете ли вы чего-то, что не вошло в материалы дела, но могло бы нам сейчас помочь? Быть может, какие-то зацепки так и остались непроверенными, или что-то пришло вам в голову уже впоследствии?

Фагерберг прикурил сигарету и некоторое время хранил молчание.

— Я хотел бы вам помочь, — произнес он наконец. — В то время — осенью семьдесят четвёртого — мы сделали всё, что было в нашей власти. С помощью участковых и постовых полицейских мы обошли всё жильё в округе, мы переговорили с друзьями, родственниками и коллегами этих женщин, мы составили карты их передвижений за время, предшествующее нападению. Но этот чёрт словно был невидимкой! Никто ничего не видел. Единственная зацепка, что у нас была, — свидетельские показания соседа, который видел «Вольво Амазон» вблизи мест преступлений, но эта модель в семидесятых была так популярна, что искать владельца было бы всё равно что искать иголку в стоге сена. Разумеется, мы изучили все похожие дела. Дело Хагаманнена из Гётеборга, к примеру. Да, его потом стали называть Сёдерманненом. Но нам никак не удавалось связать наше дело ни с одним из известных сексуальных преступников. За

исключением Болотного Убийцы, конечно. Но теория о том, что преступник из сороковых вновь вышел на охоту, казалась нам несколько притянутой за уши. А затем он пропал с радаров, так же внезапно, как появился. Лично я был убеждён в том, что этот парень помер. Этот тип преступников никогда так просто не отказывается от своего занятия. Они попадают. Или погибают.

— Как вы думаете, каким образом он выбирал жертв? — спросила Линда.

Фагерберг закашлялся и сунул окурок в пустую чашку из-под кофе, которая стояла на столике.

— Обе эти женщины, — заговорил он, а потом внезапно замялся, словно размышляя, как лучше сформулировать свою мысль.

— Не поймите меня неправильно, — продолжил он. — Но они были, как говорили в те времена, гулящими. Да, мне известно, что сегодня каждая первая и каждая вторая — матери-одиночки. И что сейчас считается в порядке вещей ходить по клубам и приглашать к себе домой мужчин. Но в те времена всё было не так. Обе жертвы частенько бывали в пресловутом ночном клубе — в «Гран Палас». И обе имели привычку знакомиться там с мужчинами. Мы подозревали, что именно в клубе они и познакомились с убийцей. И поскольку мы ни в одном случае не обнаружили следов взлома, предположили, что женщины сами привели его или, по крайней мере, впустили в дом.

— Но, — вклинилась Ханне, до того момента молча делавшая заметки, — ведь выжившая женщина дала показания, в соответствии с которыми убийца появился у неё в спальне глубокой ночью.

Фагерберг скорчил такую гримасу, будто укусил что-то очень горькое.

— Да, так она утверждала. Моё мнение таково, что она, уложив ребёнка спать, побежала веселиться в клуб, а потом привела убийцу с собой. Но в этом она, конечно, не могла признаться. В этом случае её, вероятно, лишили бы родительских прав. В семидесятых социальные службы действовали гораздо жёстче.

В комнате наступила тишина, и Ханне наскоро переглянулась с Линдой.

— В одном из документов я обнаружила упоминание о том, что у вас была теория о проникновении преступника в квартиры жертв через крышу, — сказала Ханне.

Фагерберг на мгновение словно остолбенел, и в его лице проступила жёсткость.

— Чушь. Полная ерунда.

— Но там написано, что...

— Это была теория инспектора Удин, — оборвал её Фагерберг. — Остальные не верили в неё ни секунды. Он что, должен был карабкаться, как альпинист? Или Человек-Паук? Что за чушь! Если окажется, что он проникал в квартиры таким образом, я съем собственную шляпу. Так и запишите!

Ханне чувствовала, как нарастает внутри ощущение дискомфорта. Она всё вспоминала рассказ Ивонн Биллинг и толстые рубцы на её маленьких ладонях. Нет, Ханне совсем не верилось, что Ивонн лгала.

— Но вы проверили эту теорию? — задал вопрос Роббан.

— Разумеется, мы проверили её.

— Каким образом? — поинтересовалась Линда.

Фагерберг протестующе замахал в воздухе костлявой рукой.

— Об этом вы можете прочитать сами. Я не помню. Но ничто не указывало на то, что преступник мог проникнуть к жертвам через крышу.

— В материалах также значится, что в сороковых был выявлен ещё один подозреваемый в убийстве. Некий Биргер фон Бергхоф-Линдер. Почему вы не стали разрабатывать эту линию? — не унималась Линда.

Зрачки Фагерберга сузились.

— Он находился в том районе по служебной необходимости, что подтверждается показаниями его начальства.

— Как вам это стало известно?

— Я разговаривал и с ним самим, и с его шефом.

— Этого не было в отчётах, — сказала Линда.

— Его... положение исключало взятие письменных показаний, — отозвался Фагерберг. — Однако, по слухам, он действительно был жесток, и в конце концов его выперли со службы. Так что он вполне мог быть в этом замешан. Но доказать это было невозможно.

Снова наступила тишина.

— Бритт-Мари Удин, — произнес Роббан. — Как вы считаете, что с ней произошло?

Фагерберг потёр переносицу большим и указательным пальцами одной руки. Крошечные сухие частички кожи полетели вниз, оседая у него на коленях.

— Тогда её исчезновение не показалось никому подозрительным. Она попросила отпуск за свой счёт, к тому же, у неё были проблемы в семье. Своему мужу она написала что-то вроде прощального письма.

— Вот именно, — согласилась Линда. — Но она так и не вернулась, и супруг объявил её пропавшей.

Фагерберг снова замахал рукой.

— Мне всё это известно. Но тогда, когда она пропала, я в любом случае был убеждён, что она просто-напросто решила сбежать от своих неудач на службе и неудавшегося брака.

— Неудач?

Ханне была взволнована. Нигде в материалах расследования не было указаний на то, что у Бритт-Мари могли быть какие-то проблемы. Напротив, все отчеты были составлены и подписаны ею собственноручно. Все документы оформлены очень аккуратно, без типичных ошибок, которые частенько возникали в те времена, когда полиции приходилось использовать упрямые печатные машинки.

Фагерберг глубоко вздохнул, нагнулся вперёд и упёрся локтями в колени.

— С ней была просто беда. Она совсем не подходила для полицейской службы. Не желала исполнять приказы, в общем и целом была чрезвычайно чувствительна и отказывалась быть частью команды, если вы понимаете, о чём я.

Он ненадолго замолчал, по-видимому, в нерешительности. Но потом продолжил:

— И ещё эта проблема с ребятами...

— Ребятами? — переспросил Роббан.

— Ну да, она крутила как минимум с одним из следователей-мужчин, эта милашка Бритт-Мари. С инспектором Рогером Рюбэком. Я лично однажды застукал их, когда они миловались на рабочем месте.

На душе у Ханне скребли кошки, когда она покидала принадлежавший Фагербергу уютный таунхаус. Этот тон, которым отставной комиссар говорил о Бритт-Мари Удин, совершенно испортил ей настроение. Фагерберг явно имел цель не только обесценить профессиональные способности Бритт-Мари, но и втоптать её имя в грязь, а Ханне никак не могла взять в толк, зачем. Вот уже одиннадцать лет, как женщина пропала без вести; возможно, она давно мертва. Почему же Фагерберг так о ней отзывается? Этот факт настолько потряс Ханне, что она решила во что бы то ни стало докопаться до истины.

Она вежливо отклонила приглашение присоединиться к Роббану и Лео за обедом и вместо этого устроилась с взятым из дома бутербродом за рабочим столом, чтобы спокойно поразмыслить.

Линда, сидевшая в паре метров от Ханне, помахала в воздухе своим контейнером с салатом.

— Эй! Давай сюда!

Оттолкнувшись ногами, Ханне проехала по полу в её сторону, не вставая с кресла.

Линда скомкала несколько старых бланков рапортов и отправила их в корзину для бумаг, чтобы освободить место на столе.

Ханне положила свой бутерброд возле Линдиной электрической печатной машинки марки «Фацит».

— Тебе не показалось, что Фагерберг как-то странно отзывался о Бритт-Мари? — спросила она Линду.

— Брюзга. Старая школа, — с набитым ртом проговорила Линда.

— И разве не странно, что они не стали проверять версию о том, что преступник мог проникать к жертвам через крышу? И не стали преследовать этого фон Бергхоф-Линдера?

— Угу.

— Получилось выйти на связь с двумя другими следователями, которые работали в семьдесят четвёртом над этим делом? С Крооком и Рюбэком?

— Очевидно, Кроок скончался в 1979 году. А с этим Рюбэком мы ещё не связывались.

— А можно как-то выяснить, служит ли он всё ещё в полиции? И если да, то где?

— Я могу попробовать, — откликнулась Линда, запихивая в рот кусок сыра. Потянувшись к стеллажу, она достала оттуда матрикул всех сотрудников Стокгольмского полицейского управления и принялась его листать. Кончики её пальцев от угольной бумаги приобрели синий оттенок. Внимание Ханне привлекло блеснувшее на бледной коже Линдиной левой руки золотое кольцо. [\[22\]](#)

— Ты замужем?

Линда быстро взглянула на Ханне, а потом её тёмные глаза отыскивали кольцо на пальце.

— Помолвлена. Свадьба будет летом. Круто, да?

— Поздравляю! Кто этот счастливец?

— Это Конни-то? Он на два года меня старше. Столяр. Мы познакомились в кабаке четыре года назад. Это была любовь с первого взгляда, по крайней мере, с его стороны.

Линда громко засмеялась, так что Ханне могла рассмотреть маленькие кусочки пережёванного огурца, оставшиеся на её языке.

— Мне вообще было наплевать, если честно, — продолжала Линда. — Мне он не казался особенно симпатичным. Ему пришлось потрудиться, чтобы переубедить меня.

— Я полагаю, ему это удалось.

Линда улыбнулась и поглядела на своё кольцо

— Боже мой, как же я хочу деток! — воскликнула она, отпивая глоток колы, которая стояла в опасной близости от края стола. — Я собираюсь завести их целую толпу! У тебя есть дети?

— Нет.

— Но тебе бы хотелось их иметь?

— Ну, — пробормотала Ханне, ошарашенная такой назойливостью. — Не знаю, если честно. Мне нравится работать.

Линда расхохоталась, положив руку Ханне на плечо.

— Не поверишь, и мне тоже! Но жизнь ведь не состоит из одной только работы, правда?

«Нет, жизнь не состоит только из работы», — подумала Ханне, ощущая настоятельную потребность сменить тему разговора. Но

Линда, кажется, не замечала её затруднений, потому что продолжала свой допрос.

— А ты сама замужем?

— Да.

— Расскажи! Каково это?

Ханне улыбнулась и отвела взгляд в сторону.

— Каково это? Это...

Она замялась, подбирая верное слово.

— Надёжно, — заключила Ханне. — Мы счастливы. Уве просто замечательный.

В тёмных глазах Линды заплясали искорки.

— В каком смысле?

— Ну, — внезапно смутившись, протянула Ханне. — Он весёлый и умный. С ним можно говорить обо всём. Он меня поддерживает. А я поддерживаю его.

Линда снова громко расхохоталась.

— У вас хороший секс?

Ханне потеряла дар речи.

— Эмм... Да.

— Так я и знала, — выразительно произнесла Линда. — Я уверена, что все крепкие отношения основаны на желании людей спать друг с другом. Просто никто в этом не признаётся.

Ханне молчала.

— Так что, — продолжила Линда, — прими мои поздравления в том, что он у тебя умный и всё такое... Но не будешь ведь трахаться со справочником.

Смех пузырился в груди у Ханне. Она не могла отрицать — в этих неотёсанных рассуждениях что-то было. Однако сама Ханне никогда не смотрела на брак под таким углом. Разумеется, она считала Уве привлекательным, само собой, она хотела его, но Ханне всегда казалось, что она больше любит Уве за...

За то, что он напоминал ей отца?

Да, так оно и было. Он действительно напоминал ей отца. Во всяком случае, когда они только познакомились, когда Уве ещё горел своей работой и стремился изменить мир.

— Ну как там продвигается поиск Рюбэка? — спросила Ханне, чтобы прервать свой внутренний монолог. — Нашла его?

Линда со вздохом захлопнула матрикул.

— Лучше я позвоню на коммутатор. Им легче всего кого-то найти. Да, местные управления автономны, и если он служит не в Стокгольме, в матрикуле мы его не найдем.

Линда сняла трубку и набрала номер.

— Здравствуйте, Линда Буман, Госкомиссия. Я ищу некоего Рогера Рюбэка. Мне неизвестно, где он сейчас работает, но в середине семидесятых он служил в отделе по расследованию насильственных преступлений в Эстертуне.

Линда замолчала. Потом несколько раз промычала «угу», что-то записывая в блокнот. Затем она поблагодарила собеседника и положила трубку.

Лицо её осветилось широчайшей улыбкой.

— Бинго! Он работает прямо здесь, в нашем здании! В Главном Полицейском Управлении. Кажется, отвечает за что-то в Высшей школе полиции.

Десятью минутами позже Ханне уже переговорила с Рюбэком по телефону, назначив на завтра встречу в кафе для сотрудников, чтобы поговорить в неформальной обстановке.

Вернувшись вечером домой, Ханне обнаружила, что Уве собирает вещи, чтобы лететь на врачебный конгресс в Майами. Он складывал в старую дорожную сумку одну вещь за другой, а Фрейд зачарованно наблюдал за этим действием со своего места на ковре.

— Привет, — поздоровался он, увидев Ханне. Потом подошёл к ней и заключил жену в долгое объятие.

— Я буду скучать, — прошептала Ханне.

— Ты же справишься без меня три дня, — отозвался он, легонько прикусывая мочку её уха.

Ханне рассмеялась.

— Я вообще не понимаю, зачем ты летишь. Два дня в пути для того, чтобы поприсутствовать на однодневной конференции. Разве это не расточительство? По отношению ко времени?

— Это важная конференция.

Уве бросил в сумку спортивный костюм и обувь.

— Ты что, в Майами собрался тренироваться?

Ханне не могла удержаться от смеха, ибо Уве был самым неспортивным человеком из всех, кого она знала. Конечно, они ходили

выгуливать Фрейда, но Уве никогда не занимался бегом и ни разу не посетил ближайший спортзал, куда дамочки с Эстермальма приходили на занятия аэробикой в облегающих полупрозрачных трико.

— Само собой. Чтобы быть на пике формы, когда вернусь домой, к тебе.

— Чудесно. Потому что для меня это имеет огромное значение. Внешняя оболочка. Накачанные мышцы. Загорелая кожа.

Уве захохотал и взял её за руку.

— Пойдём, хватит тратить на это время. Я приготовил ужин.

Ханне удивлённо подняла бровь, глядя на мужа. Существовало множество занятий, которые Уве отвергал, и в их числе было приготовление пищи.

Он притащил Ханне в кухню следом за собой и выдвинул для неё стул. Потом торжественно открыл холодильник и достал оттуда две тарелки, на каждой из которых покоилась половинка омара.

— Вот это да, — воскликнула Ханне. — В честь чего это?

— Как обычно.

— И всё же?

— В твою честь.

Уве наклонился, открыл морозильную камеру и достал охлаждающуюся в ней бутылку шампанского. Откупорил её и пошёл за бокалами.

— Я подумал, что после тяжёлого трудового дня тебе не помешает немного любви, — пояснил он, вернувшись с двумя хрустальными бокалами в правой руке.

— Так любовь сегодня тоже в меню?

Он улыбнулся.

— Надеюсь на это.

— Смею ли я надеяться ещё и на массаж спины?

— Если будешь доброй.

— Я всегда добрая, — отозвалась Ханне, разливая шампанское.

Вечер вышел и впрямь таким удачным, как обещал Уве.

Они съели омара, выпили шампанское и послушали пластинки. Потом обсудили отпуск, и Мию с Марией, которые купили дом в стране басков и, вероятно, устроят там большой праздник в мае. Уве ни разу не упомянул своего отца. Когда шампанское было выпито, они

открыли бутылочку красного, под конец принялись хихикать, как девчонки, а после занялись сексом на кухонном столе.

На короткое время Ханне позабыла о дырках от гвоздей, испортивших паркет в той квартире в Эстертуне. И о тёмных пятнах, въевшихся в этот паркет, словно кислота. На несколько драгоценных мгновений ужасающий образ мёртвой Ханнелоры Бьёрнссон погас перед её внутренним взором, и всё, что ощущала Ханне в те мгновения, было искрящимся счастьем.

На следующее утро, когда Ханне проснулась, Уве уже не было. Фрейд маячил перед входной дверью и поскуливал, так что Ханне поспешила одеться и вывести пса на короткую прогулку.

Снова похолодало.

Слякоть на улицах опять превратилась в лёд, и редкие хлопья снега падали вниз с низкого серо-стального неба, стирая контуры зданий по другую сторону моста Ньюбрувикен. Лёд, попадавшийся под колёсами машин, хрустел и трещал. Немного впереди Ханне пожилая дама поскользнулась на льду, но ей помогла встать проходившая мимо женщина. Со стороны Страндвеген доносился шум снегоуборочной машины.

Однако плохая погода не волновала Ханне, не печалил её и факт отъезда супруга, потому что все её мысли вновь были заняты Болотным Убийцей — человеком, который годами успешно водил за нос полицию. Ханне не могла перестать думать о женщинах, которые стали его жертвами, и обо всём, чего с ними не случилось. О детях, лишившихся матерей, и о матерях, не увидевших, как выросли их дети. А ещё Ханне думала о Бритт-Мари.

Наверняка её исчезновение было связано с делом Болотного Убийцы. Все прочие версии не выдерживали критики.

Подозревала ли она что-то? Возможно, вышла на след убийцы?

Сегодня Ханне собиралась расспросить об этом Рогера Рюбэка. Об этом, и обо всем прочем, что могло иметь значение.

— Бритт-Мари — замечательная. А ещё она чертовски талантливый полицейский.

Рогер Рюбэк утвердительно кивнул головой, словно соглашаясь с собственным мнением, и поставил чашку с кофе на стол.

На вид ему было ближе к пятидесяти. Волосы с проседью, лицо, покрытое сетью тонких морщинок, пестрело веснушками. На переносице веснушки сливались в одну большую кляксу. Ханне подумала, что эта клякса похожа на бинди — украшение, которое индийские женщины носят на лбу.

— По крайней мере, такой она тогда была, — продолжал Рюбэк. — В семидесятых. Господи боже, как давно это было. Неизвестно даже, жива ли она.

Кафе стремительно пустело — люди освобождали столики, спеша вернуться к работе. Обеденный перерыв кончился. Мимо проносили подносы, уставленные дребезжавшей посудой, но её звон вскоре стих, ослабнув до едва слышного позвякивания.

— Наверняка мы знать не можем, — отозвалась Ханне. — Она ведь так и не вернулась. Разве не странно, что её исчезновение не было тщательно расследовано?

Рогер наморщил лоб, так что его брови, также с изрядной долей седины, практически соединились в одну линию.

— Это дело рассматривалось как потенциальное исчезновение. Но я вернулся домой, в Даларну, весной семьдесят пятого, и связь с коллегами в Стокгольме оборвалась. До восемьдесят четвертого я так и жил в Фалуне, пока мы с женой не развелись. Тогда я и решил сюда вернуться.

— Чем ты сейчас занимаешься?

— Отвечаю за учебный план в ВШП. Да, в Высшей Школе Полиции. Я работаю над рационализаторским проектом.

Ханне улыбнулась, и Рогер тоже.

— Что, звучит скучновато? — весело поинтересовался Рюбэк.

— Нет, я... есть немного.

Честный ответ Ханне заставил Рогера улыбнуться еще шире. Его глаза заблестели, и на секунду Ханне подумала, что Рюбэк — вполне привлекательный мужчина.

— Насколько хорошо вы друг друга знали? С Бритт-Мари?

Намёк на румянец проступил на щеках Рюбэка.

— Мы с ней были просто коллегами, но Бритт-Мари очень мне нравилась.

— Фагерберг намекнул, что, вероятно, вы с ней состояли в более близких отношениях.

— Это не так, — ответил Рогер. — Это просто чушь. Могу понять, почему он так решил, но всё это — сплошное недоразумение, от начала и до конца.

— Окей, — согласилась Ханне, не вдаваясь в дальнейшие расспросы, тем самым побуждая Рюбэка к большей откровенности. Он же, напротив, не стал развивать тему. Вместо этого Рюбэк спросил:

— Так он вернулся? Болотный Убийца?

Ханне кивнула и рассказала Рюбэку всё, что ей стало известно об убийстве Ханнелоры Бьёрнссон.

Рогер слушал не перебивая. В руках он держал салфетку, которую усердно складывал треугольниками до тех пор, пока самый крошечный треугольник уже нельзя было согнуть. Когда Ханне замолчала, он еще несколько секунд сидел молча, разглядывая сложенную салфетку в своей большой ладони.

— Ты ведь знаешь, как у нас говорят... Каждый хоть раз сталкивается с делом, которое его не отпускает. Несмотря на то, что в семьдесят пятом я перестал работать с этим делом, кошмары о нём посещали меня годы спустя. А Бритт-Мари...

Рогер осёкся, и остервенело затолкал салфетку в пустую чашку из-под кофе.

— Я думал, что Болотный Убийца мёртв, — произнёс он спустя некоторое время.

— Фагерберг сказал то же самое.

— Фагерберг, — выговорил Рогер, выплюнув имя бывшего шефа, словно обсосанную вишнёвую косточку.

— Очевидно, в сороковые годы в деле был ещё один подозреваемый, — сменила тему Ханне. — Некий Биргер фон Бергхоф-Линдер.

— Да, — помедлив, подтвердил Рогер. — Это так. Мне кажется, Фагерберг лично занимался его проверкой.

Рюбэк немного помедлил и снова заговорил:

— По крайней мере, я в этом не участвовал. И Бритт-Мари тоже, иначе я бы знал об этом.

Ханне кивнула.

— А что за теория о проникновении в жилище жертвы через крышу? — задала Ханне интересовавший её вопрос, и потянулась за блокнотом.

Рюбэк заглянул ей в глаза.

— Что?

— Бритт-Мари так считала.

— Это правда?

Рюбэк выглядел искренне удивлённым.

— Эта теория упоминается в одном из составленных ею отчётов. Она считала, что преступник мог выбраться на крышу из подъезда. А оттуда он с лёгкостью мог перебраться на балконы верхнего этажа. Если убийца воспользовался этой лазейкой, то покинуть квартиру жертвы он мог прямо через подъезд. Той осенью, по всей видимости, было тепло. Жертвы вполне могли оставить открытыми на ночь балконные двери, чтобы был приток свежего воздуха.

— Я и не подозревал об этом, — признался Рюбэк.

— Бритт-Мари определённо обсуждала эту версию с Фагербергом. Я думала, вы всё проверили.

— Я такого не помню.

— Почему же он так сказал?

Рогер пожал плечами.

— Не имею понятия. Он ведь не принимал всерьёз ничего из того, что говорила Бритт-Мари.

— Почему?

Рогер поёрзал на стуле.

— Он с каждым из нас обходился как с куском дерьма, — негромко произнес Рюбэк. — Но больше всех доставалось ей. Он засадил её за бессмысленное переключивание бумажек, а когда наконец позволил Бритт-Мари присутствовать на совещаниях, то ей вменялось вести протокол, чтобы потом начисто его перепечатывать. Когда она осмеливалась выдвинуть собственную теорию или внести

предложение, он рубил всё это на корню. Не потому что теории никуда не годились, а только по той причине, что исходили от неё.

— Но почему?

Рогер медленно покачал головой.

— Потому что она была новенькой? — предположила Ханне.

— Я тоже был новичком.

— Потому что она была очень молода? Или потому, что она — женщина?

Рогер встретился взглядом с Ханне.

— Фагерберг из старой гвардии. Он считал, что женщинам в полиции не место. Во всяком случае, у него в отделе. А мы, все остальные... мы предали её. Мы не заступились за неё, когда должны были это сделать.

— Не так просто пойти против начальника.

Рогер вздохнул и снова покачал головой.

— Ты должна знать, что я много об этом думал. Если есть что-то в жизни, что мне хотелось бы изменить, так это именно оно. Я должен был вступить за Бритт-Мари. Тогда, возможно, ей не пришлось бы в голову тайком начинать собственное, параллельное расследование.

— Что, прости?

Рогер долго молчал, прежде чем снова заговорить, словно заблудился в переулках собственной памяти.

— Мы этого никогда не обсуждали, но мне известно, что она составляла списки горожан, проживавших вблизи Берлинпаркен. Вероятно, она пыталась выявить потенциальных жертв. У убийцы ведь были довольно специфические предпочтения: обе жертвы были молоды и воспитывали детей в одиночку. Я полагаю, Бритт-Мари искала женщин, подходящих под этот критерий.

— Могла она нащупать какой-то след? Как считаешь? Её исчезновение связано с Болотным Убийцей?

— Возможно. Нельзя упускать из виду тот факт, что её исчезновение совпало по времени с активным этапом расследования дела Болотного Убийцы. Несмотря на то, что Фагерберг отравлял ей жизнь и у неё были проблемы в семье. Наверное, тебе стоит пообщаться с её мужем. Вроде бы его зовут Бьёрн. Бьёрн Удин.

Ханне сделала в своём блокноте пометку.

— Как ты думаешь, что произошло с Бритт-Мари? — спросила Ханне.

Рюбэк вновь потерянно покачал головой.

— Если б я только знал. Я надеюсь, что она улетела на Мадейру. Это была её мечта. А моя мечта — чтобы она действительно сидела там, в бунгало на берегу, и смотрела на море.

Он замолчал.

— Ты можешь запросто ко мне обращаться, если появятся ещё вопросы, — сказал он, наконец.

— Я так и сделаю, — пообещала Ханне, хлопнув блокнот.

Они распрощались, и Ханне покинула Рюбэка, который остался одиноко сидеть за столиком.

На следующий день Ханне отчиталась о проведенной с Рогером Рюбэком беседе. Линда слушала заинтересованно, а Лео молча разминал в руках свой вечный снюс. Что касается Роббана, то чем больше рассказывала Ханне, тем глубже становилась складка на его лбу, а шрам, пересекавший щеку, постепенно наливался тёмно-красным.

Проводить опрос фигурантов, равно как и назначать встречи в кафе для обсуждения хода расследования не входило в обязанности Ханне — так прокомментировал её рассказ Роббан. Он ещё добавил, что Ханне должна была прежде всего поставить его в известность о своих намерениях, а самое важное — ей ни в коем случае не следовало отправляться на встречу в одиночку. Полицейская служба — это служение закону. А Ханне, помимо всего прочего, даже не являлась сотрудницей полиции.

И хотя встреча с супругом Бритт-Мари тоже представлялась Роббану хорошей идеей, он подчеркнул, что на данный момент у Госкомиссии были гораздо более срочные дела. К примеру, необходимо было определить круг общения Ханнелоры Бьёрнссон и составить карту её передвижений за время, предшествовавшее убийству, а также при содействии участковых и постовых полицейских продолжать операцию «обход жильцов» — и всё это только для начала.

— Кстати говоря, не закончила ли ты предварительное профилирование преступника? — поинтересовался Роббан.

Ханне, однако, не поддавалась на эти провокации и нос не опустила, тем более, она чувствовала, что нащупала какую-то важную нить. И в конце концов ей удалось даже получить благословение Роббана на то, чтобы они с Линдой вдвоём разыскали Бьёрна Удина.

— И нам, вероятно, нужно подумать о поиске потенциальных жертв, по примеру Бритт-Мари, — предложила Ханне.

— Честно говоря, мы уже проверили, — отозвался Роббан. — Вот только дома вблизи Берлинпаркен кишмя кишат одинокими мамашами. Вряд ли в округе найдется хоть один малыш, у которого в наличии есть ещё и папа.

— Ладно, — сдалась Ханне. — По крайней мере, это мы прояснили.

После совещания Роббан снова пребывал в лучезарном настроении, словно высказанное им недовольство было лишь одиноким облачком на горизонте, которое теперь унесло ветром.

— Ты не могла бы мне поподробнее рассказать о профилировании, когда выдастся минутка? — спросил он, положив руку на плечо Ханне. — Может быть, как-нибудь на неделе, после работы?

— Запросто, — ответила Ханне.

Лео задержался в конференц-зале. Его собранные в хвост жидкие тёмные волосы неопрятно свисали на шею. Взгляд, брошенный им через плечо в сторону Ханне, прежде чем та исчезла за поворотом коридора, был долгим и мрачным.

Блёклое зимнее солнце освещало укрытый снежным одеялом Стокгольм, когда во второй половине дня Ханне покинула полицейское управление. Воздух был прозрачен и чист, и Ханне шла домой пешком всю дорогу от самого острова Кунгсхольмен.

На Хамнгатан Ханне замешкалась, сомневаясь, но всё же решила сходить в «Галлериан», на месте которого когда-то была улица Норра Смедьегатан. В современном торговом центре стенка к стенке теснились украшенные к Рождеству бутики.

Ханне осмотрелась: вокруг царили светлый камень, нержавеющей сталь, крупные стеклянные вставки — ничто здесь не напоминало ни о старинных зданиях, когда-то стоявших на этом месте, ни о людях, их населявших.

Ханне продолжила свой путь с неясной тоской в груди: виной тому были настроившие Ханне на меланхолический лад размышления об изменении облика города, о бренности сущего и о жертвах Болотного Убийцы. Но уже на подходе к площади Ньюбруплан солнечный свет и рождественское убранство на деревьях и фонарных столбах заставили все невесёлые мысли Ханне рассеяться.

Придя домой, Ханне отправилась на короткую прогулку с Фрейдом, растопила камин и заварила чай. Затем, когда за окном на Стокгольм стала опускаться тьма, села за проверку контрольных работ.

Около семи позвонила Миа с рассказами о новом доме в стране басков. Он стоял на холме, откуда открывался потрясающий вид на

Бискайский залив. Ханне должна туда приехать, заявила Миа. Сама она собиралась отправиться через неделю и остаться там на два месяца. Миа заверила Ханне, что ей там будут более чем рады.

Они поболтали немного о том о сём, да в общем обо всём, кроме того, что действительно занимало мысли Ханне. Ибо расследование дела Болотного Убийцы было темой определённо конфиденциального характера.

— Я не могу тебе сказать конкретно, над каким делом работаю, — расплывчато ответила она на вопрос Мии. — Но это дело об убийстве. Или о нескольких, зависит от того, как на это посмотреть.

— Боже, как это, должно быть, захватывающе. Хотелось бы мне иметь такую работу.

— Нет, не хотелось бы, — со смехом отозвалась Ханне. — Ты же боишься в киоск выйти с наступлением темноты.

— Дело не в темноте. Дело в... не знаю. Насекомых, которые там прячутся.

— Насекомых? Сейчас середина зимы.

— Не прикидывайся, ты понимаешь, что я имею в виду.

У Ханне мелькнула мысль, что доведись Мии узнать, за каким зверем её собеседница вела охоту, она предпочла бы встретиться со всеми пауками в мире, лишь бы не столкнуться однажды в тёмном лесу с Болотным Убийцей.

На следующий вечер с врачебного конгресса в Майами вернулся Уве.

Он устал, страдал от смены часовых поясов и пах потом, но, несмотря на всё это, Ханне, встречавшая мужа в прихожей, одарила его долгим поцелуем.

— Я соскучилась, — промурлыкала она, зарываясь носом в его подмышку, где запах пота, разумеется, ощущался еще сильнее.

Уве что-то невнятно промычал и взъерошил её длинные волосы. Потом отстранил её от себя и окинул её фигуру внимательным взглядом с головы до пят.

— Красавица Ханне, — проговорил он с необычайно печальным видом.

— Ты тоже неплохо выглядишь, — отозвалась Ханне, забирая у него дорожную сумку, чтобы отнести в спальню.

— Я и сам могу разобрать вещи, — заявил Уве, когда Ханне уже потянула за молнию.

Ханне послушно оставила сумку и присела на кровать.

— Интересно было?

Уве принялся доставать из сумки грязную одежду и складывать её в плетёную корзину для белья, которая стояла у письменного стола.

— Весьма.

Он что-то вытащил из сумки. Эта вещь была обёрнута в шёлковую бумагу, а размером походила на обувную коробку.

— Это тебе.

Ханне с улыбкой приняла подарок из его рук. Осторожно развернула бумагу и открыла коробку. Её взгляду предстала инкрустированная жемчугом маска.

— О, Уве. Она прекрасна. Это же уичоли?^[23]

— Верно.

— Господи, — прошептала Ханне. — Она выглядит такой древней.

Ханне аккуратно подняла маску и повертела в руках.

— Должно быть, стоила целое состояние, — добавила она.

Уве не ответил, но улыбнулся, видя её оживление.

— Я даже боялся, что таможня меня не пропустит, — признался он. — А как ты здесь справлялась? Не поймали ещё своего убийцу?

Ханне опустила взгляд на подарок. Устрашающее впечатление сглаживалось красотой переливающихся жемчужин, покрывавших всю маску.

— Нет, — ответила она, разглядывая зияющий рот. — Ещё не поймали.

Вечером они поужинали чечевичной похлёбкой и распили бутылочку белого. Они включили музыку погромче и занялись любовью, но в этот раз не на полу или кухонном столе, поскольку Уве, у которого после перелёта ныла спина, предпочёл лежать на мягком.

Он сразу уснул, а Ханне без сна лежала в кровати подле него.

На улице поднялся ветер, и ледяной воздух проникал сквозь щели в старой оконной раме. Ханне плотнее завернулась в пуховое одеяло, но всё равно дрожала от холода. Ветер снаружи крепчал, и в конусе света, испускаемого уличным фонарём, Ханне различала беспорядочное мелькание снежных хлопьев.

В комнате стояла тишина, за исключением редких глухих всхрапываний Уве.

Ханне осторожно положила руку ему на грудь, и ощутив, как бьётся сердце Уве, подумала, как же ей повезло его встретить.

Они познакомились, когда Уве преподавал в университете психологию. Ему было двадцать девять, и он был восходящей звездой в науке, а Ханне была молоденькой студенткой, на много лет младше его. Уве был из той породы людей, которым, казалось, от природы было дано всё: привлекательная внешность, незаурядный интеллект, а ещё такой живой интерес к своему делу и такая цельность мысли, каких Ханне прежде не встречала.

Разумеется, она была ослеплена его академическими достижениями. О его диссертации много говорили, и сама Ханне много раз её перечитывала, подчёркивая исполненные самого глубокого смысла формулировки.

Да, она была ослеплена.

Ослеплена и очарована этим недоступным мужчиной, который стоял за кафедрой в вельветовом пиджаке и джинсах, расслабленно рассуждая о личностных расстройствах и ухитряясь при этом выглядеть столь привлекательно.

По окончании лекции Ханне направилась прямо к нему и стала задавать вопросы о его диссертации. Было очевидно, что он польщён — он надолго задержался в аудитории. Повесив поношенный пиджак на спинку стула, Уве устроился рядом с Ханне на ступенях кафедры и стал рассказывать о своих исследованиях.

Беседа быстро свернула на личные темы, и Ханне не удержалась: — Не хочешь пойти в паб выпить пива? — спросила она.

Но Уве виновато улыбнулся, провел рукой по волосам, в которых в то время ещё не было и намёка на седину, и объяснил, что женат.

Всё это было невероятно больно.

Но три месяца спустя он разыскал телефон Ханне, позвонил ей и объявил, что собирается писать статью. А ей предложил подбросить ему пару вопросов.

Ханне, разумеется, согласилась. А при первой же встрече Уве рассказал ей, что развёлся. И что никак не мог перестать думать о ней.

Эта встреча положила начало страстному роману. Но Ханне была не просто влюблена, она была искренне впечатлена тем, как

благородно Уве относился к своей бывшей жене и к ней самой. Уве напоминал Ханне её отца, которого после безвременной кончины она чуть ли не возвела в лик святых. А ещё Уве точно не имел ничего общего с теми щенками, с кем Ханне пробовала встречаться раньше.

Уве был мужчиной.

Надежной опорой и интеллектуальной ровней.

Мысль Ханне оставила Уве и вернулась к Болотному Убийце и его жертвам.

«Где же он намечал себе жертв? — думала она. — И почему его выбор пал на одиноких матерей?»

Как частенько случалось, когда Ханне размышляла, лёжа в кровати, ей в голову пришла идея. Мысль, которую требовалось записать, чтобы не забыть. Ханне встала с кровати, подобрала с пола и накинула халат и вышла в гостиную, где оставила свой блокнот. Она сделала несколько коротких пометок и отправилась обратно в постель в надежде теперь уснуть.

Проходя мимо корзины с бельём, сверху она заметила скомканную рубашку Уве. Из-под рубашки виднелись спортивная форма, толстый свитер и шерстяная поддёвка.

«Странно, — подумала Ханне. — Зачем было брать в Майами такие тёплые вещи?»

По неосвещенной улице Берлингтан Анна Хёег из последних сил пробиралась сквозь метель. Было поздно, гораздо позднее, чем Анна рассчитывала прийти домой от подруги. Снега навалило по щиколотку, и коляска беспрестанно застревала в наметённых ветром сугробах. Анна была вынуждена с силой толкать коляску вперёд по тротуару, вспахивая снежную целину.

Снежный вихрь вился вокруг неё, а холод заползал под тонкую куртку прямо к телу.

«Ненавижу Эстертуну, — подумала Анна, хоть погода наверняка была одинаковой во всём Стокгольме. — Ненавижу эту чёртову дыру».

В коляске мирно спала её дочка, Туве, совершенно безразличная и к погоде, и к езде по пересечённой местности. Но Туве с самого начала была замечательным ребёнком — из тех, что спят по ночам, а бодрствуют днём, не наоборот. Она практически не плакала, всё, что ей было нужно, — сытый животик да сухой подгузник.

А ещё Туве радостно смеялась всякий раз, как видела лицо Анны.

Кем был отец Туве, Анна точно не знала. Да ей и не хотелось выяснять. Им и вдвоём с Туве было неплохо. Анна не нуждалась в муже, а Туве — в отце.

Мужики — пустое место, это Анна усвоила очень рано. А если бы это понимала её мама, можно было бы избежать многих бед.

Анна вошла в дверь дома номер 14 по Берлингтан. Сняла капюшон и варежки. Стряхнула со лба капли талой воды. Поставила коляску под лестницей, вынула Туве и коробку с продуктами и стала подниматься на второй этаж. В подъезде стоял дух марихуаны, и Анна вспомнила о намерении отправить домовладельцу анонимную жалобу на укурков с первого этажа, которые дымили днем и ночью.

Анна смотрела на Туве и думала, что не в такой среде той должно было расти — рядом с наркотой и преступностью, где скорее правилом, чем исключением для подростков была судьба преступника или наркомана. Или того и другого одновременно.

«Скоро я отсюда выберусь», — говорила она себе. Она уже скопила почти половину взноса за кооперативную квартиру. Ещё

каких-то несколько месяцев — или несколько тысячных купюр — и цель будет достигнута, а тогда сестра обещала одолжить ей вторую половину.

У Анны бабочки начинали порхать в животе, едва она принималась об этом думать. Кооперативная квартира где угодно, только не в Эстертуне.

Несмотря на невысокую зарплату помощницы на кухне при доме престарелых, что у озера, Анна ухитрялась откладывать деньги. Это было непросто: ей вот уже почти два года приходилось подрабатывать телефонными продажами для книжного клуба, и она очень редко могла себе что-то позволить. Ни шмоток, ни косметики, ни визитов в модные клубы, где развлекались почти все её друзья.

Всё, что Анна делала, и всё, к чему она стремилась, было только ради Туве.

Анне считала, что если она сможет обеспечить дочери лучшие жизненные условия, чем были у неё самой, то это будет победа.

Но при всём этом Анна не чувствовала себя в чём-то ущемлённой. Напротив, ей казалось, что иметь такую ясную цель в жизни — это благословение. В свете этой яркой путеводной звезды Анне было легко принимать решения, которые в любой другой ситуации принять было бы непросто.

Войдя в квартиру, Анна осторожно стащила с Туве красный комбинезончик, положила её в кроватку и вложила пустышку в маленький ротик. Туве немедленно зачмокала, и пустышка стала послушно подниматься и опускаться в такт её причмокиванию. Потом Анна положила принесённые продукты в холодильник. Завтра к обеду она ждала сестру, и по такому случаю собиралась приготовить цыплёнка в горшочке. Анна знала, что они долго будут сидеть за столом и разговаривать, и знала, о чём будет разговор.

О маме. О папе. И обо всём том дерьме, что им пришлось вынести.

Счастье, что они с сестрой были друг у друга.

Когда Анна закончила разбирать сумку, она почистила зубы и села полистать каталог Стокгольмского Университета. Но искать сейчас было рановато, вначале нужно было переехать. Но потом, когда они окажутся в надёжном месте, Анна планировала взять студенческий займ и пойти учиться.

Не ради себя самой, только ради Туве.

Потому что если бы у Анны была хорошая работа, настоящая работа с высокой зарплатой, она смогла бы дать своей дочке то детство, которого та заслуживала.

Детство, которого не было у Анны.

Она заскользила взглядом по списку курсов: право, экономика, философия. Попыталась представить себя в адвокатской конторе или экономическом отделе. Представила себе все возможности, которые откроются перед Туве, если её мать станет хорошо зарабатывать. Туве могла бы брать уроки верховой езды, ездить на языковые курсы за границу, или даже завести домашнее животное. Потому что со своего нынешнего дохода Анна не смогла бы позволить себе даже хомяка. Не то чтобы она хотела завести хомяка — она вообще ненавидела всех грызунов: и свинок, и крыс, и хомяков.

Всё живое, что было покрыто шерстью, а по размерам меньше кролика, вызывало у Анны мурашки по коже.

Прежде чем лечь, Анна сделала обход квартиры. Заглянула в кладовку и шкаф, проверила, заперта ли входная дверь, заглянула под кровать, чтобы убедиться, что там никто не спрятался, — ибо с тех пор, как Анна прочла об убийстве Ханнелоры Бьёрнссон, она стала вскакивать по ночам от непонятных звуков и замечать непонятные тени в парке. Тени на поверку оказывались тётками, выгуливавшими своих такс, или престарелыми дядьками в шляпах, или вовсе деревьями, согнувшимися под тяжестью снега над тропой.

Кстати, Анна не была единственной напуганной женщиной в округе — на работе только и разговоров было, что об этом убийстве.

Завывание ветра за окном некоторое время не давало Анне уснуть, но наконец она провалилась в глубокий сон без сновидений.

Её разбудил звук.

Словно бряцание металлической цепи, холодный звон удара металла о металл. Однако, уставившись в темноту, Анна смогла разглядеть лишь темноту.

Воющий звук ветра усилился. Красные цифры на табло электронных часов показывали 03:01 — Анна видела это со своего места. Холодный воздух забирался к ней под одеяло, и Анна плотнее закуталась, внимательно прислушиваясь. Со стороны кровати Туве доносилось легкое мерное дыхание, и временами — когда она

посасывала пустышку — тихое причмокивание. Из кухни слышен был монотонный шум работающего холодильника, а окна слегка потрескивали, когда очередной порыв ветра, разбиваясь о стёкла, вжимал их внутрь.

Анна закрыла глаза.

«Я всё придумала, — уговаривала она себя. — У меня паранойя, перевозбуждение».

Она сделала глубокий вдох, расслабилась и уже решила попытаться уснуть, как вдруг раздался новый звук.

Как будто что-то шуршало.

Этот звук заставил её подумать о крысах, и Анна рывком села в кровати. Несмотря на то, что в этом доме она никогда не видела даже мыши, от мысли о грызунах пульс Анны участился.

Она спустила ступни на пол и почувствовала, как холодный воздух овеивает щиколотки. Сделала несколько несмелых шагов к двери и вытянула вперёд руку, чтобы нащупать выключатель, — потому что, если в темноте скрывалось животное, Анна хотела бы знать, где оно, чтобы избежать встречи. Ничего хуже, чем крыса, карабкающаяся по своей ноге, Анна и представить не могла. Отвратительные маленькие лапки на её обнажённой коже.

Анна щелкнула выключателем.

Прямо перед ней в прихожей стоял человек, одетый в чёрную куртку и чёрные брюки. На лице у него было нечто вроде маски. Она была похожа на шлем, которым пользуются грабители, или балаклаву, которую надевают на лицо в сильный мороз. Глаза спокойно изучали её через прорезь в маске. В руке незнакомец держал нож с длинным широким лезвием.

Анна закричала. Она завопила что было сил, потому что мгновенно поняла, что её ждет. Она кричала, потому что это было неправильно, и несправедливо, и страшно, но прежде всего потому, что не хотела умирать.

В кровати проснулась Туве.

Она захныкала, а потом расплакалась. Уголком глаза Анна видела искажённое страхом личико дочки и выпавшую изо рта пустышку.

— Уаааааа! — кричала Туве.

Несмотря на парализующий страх, в голове у Анны возникла чёткая мысль, которая была не менее мучительна, чем догадка, кем

был их незванный гость.

Кто же теперь присмотрит за тем, чтобы Туве выбралась из этой проклятой дыры?

На следующее утро Ханне с Линдой отправились в гости к Бьёрну Удину.

Им было немного о нём известно — только что после исчезновения Бритт-Мари он встретил другую женщину и у них родилась дочь, но сейчас он снова был одинок и не работал.

День был насквозь серым — дорога впереди покрыта слякотью, здания вокруг сплошь из серого бетона, а тяжёлое небо было зловеще тёмным.

Линда, однако, по своему обыкновению радостно щебетала. Её светлые волосы были заправлены под вязаную шапочку, которая выглядела на пару размеров больше, чем нужно. За рулём Линда наклонилась вперёд, вцепившись в руль побелевшими пальцами, словно это был спасательный буй, который нельзя было отпустить. Время от времени она запускала руку в пакет с сырными чипсами, лежавший на сиденье рядом.

Линда болтала о своей предстоящей свадьбе — сколько будет гостей, и куда они поедут после венчания. О свадебных платьях, музыке и праздничных залах. О родственниках, которые были на ножах и по этой причине не могли быть посажены за один стол, и о брате, который только что развёлся и, вероятно, будет всё время паршиво себя чувствовать.

Как вообще поступают в подобных случаях? Следует ли из уважения к нему отложить праздник, или лучше ничего не менять?

Это ведь её свадьба.

— Ой, прости, — наконец, воскликнула Линда. — Я же всё время о себе болтаю. Расскажи о своей семье.

— Об Уве?

— Нет, — Линда со вздохом закатила глаза к небу. — О твоей семье. Где, например, прошло твоё детство?

Ханне через стекло разглядывала пронесившийся мимо серый пейзаж.

— На улице Нарвавеген, в центральном Стокгольме.

Линда присвистнула.

— Вот чёрт. Эстермальм. Так ты, получается, примерная девочка?

— Не мне об этом судить, — ответила Ханне, хотя знала, что Линда права.

— У тебя есть братья или сёстры?

— Нет.

— А чем занимаются твои родители?

— Папа был профессором. Изучал северные языки. Он умер почти сразу, как я поступила в университет.

Линда наморщила лоб и некоторое время хранила молчание.

Перед глазами Ханне немедленно возник образ ласкового, но немного рассеянного мужчины, который большую часть времени проводил в их большой библиотеке. Она вспомнила его большие руки и густые волосы с проседью. Живой взгляд из-под тяжёлых век.

Несмотря на то, что папа постоянно работал, у него всегда находилось время для Ханне.

Он всегда находил это время.

Фактически, именно на папиных плечах лежали все бытовые заботы семьи — приготовление пищи, стирка, уборка.

Но этим он занимался вынужденно.

— Профессор северных языков, — протянула Линда. — А чем он занимался?

— Преподавал, руководил научной работой студентов. Занимался исследованиями. Он опубликовал ряд научных работ о происхождении шведской письменности. А ещё о кратких гласных «i» и «u».

О том, что Хольгер Лагерлинд-Шён ещё и заседал в Шведской Академии Наук, в кресле номер пять, Ханне умолчала.

Линда окинула её внимательным взглядом.

— Прости... Только как можно изучать гласные? Как бы сказать... это звучит немного...

Она не договорила фразу.

— А что твоя мама? Чем она занимается?

— Она художница.

— Рисует?

— Да.

— Что?

— Что ты имеешь в виду?

Линда переключила скорость и утопила педаль газа до предела, обгоняя старый фургон «Фольксваген».

— Ну, она пишет портреты? Или пейзажи?

— Она пишет абстрактные картины. Ничего определённого на них не увидишь.

— Хм, — промычала Линда, запихивая в рот очередную чипсину. — Вы с мамой близки?

Ханне мысленно взвесила свой ответ. Стандартный вариант — тот, что не повлечёт за собой утомительных расспросов, — что они с матерью, конечно же, близки друг другу. К тому же, Ханне редко откровенничала с другими людьми. Бывали, конечно, исключения — Уве, например, тесный круг ближайших друзей, да научная руководительница, которая помогала Ханне в написании дипломной работы в бакалавриате. Та самая, что взяла на себя заботу о Ханне в тот памятный вечер, когда мать бросила ей в лицо, что желает ей смерти. Что никогда не хотела иметь детей, по крайней мере, таких монстров, как Ханне.

Ханне покосилась на Линду.

— Мы с папой были довольно близки, — сказала она. — Очень близки. Я всегда была папиной девочкой.

Она запнулась, но решила всё же договорить до конца.

— Мама была не в себе большую часть моего детства. У неё были проблемы с психикой. Они, кстати, и сейчас никуда не делись. У неё случаются припадки, и в таких случаях её помещают в клинику. В какие-то периоды она вообще разрывала со мной всякие отношения. Когда я была маленькой, мама выдумала, что мы с папой против неё сговорились и что-то замыслием. И она отказывалась встречаться со мной несколько лет подряд.

Ханне замолчала.

— Всё это сложно, — добавила она.

Линда протянула руку и крепко сжала ладонь Ханне.

— Эй, — воскликнула она. — Ты хоть представляешь, как тяжело даже слышать такое?

И отчаяние Ханне стало потихоньку рассеиваться, словно туманная дымка, а осколок льда в сердце плавился, уступая место тёплому чувству.

Некоторое время они ехали в молчании.

Линда время от времени материлась и от души сигналила какому-нибудь участнику движения, который чересчур замешкался, или, наоборот, мчался на всех парусах, или попросту оказывался у неё на пути.

— Чёртов членосос, — выругалась она, когда в правом ряду её подрезал грузовик.

Ханне было приятно общество Линды. Она никогда прежде не встречала похожих девушек, таких искренних и страстных. Без царя в голове, но всё же очаровательных. Линдина безыскусная манера поведения живо откликалась в сердце Ханне.

«Мы могли бы подружиться», — думала она.

«Мы могли бы подружиться, и я стала бы приглашать её в гости к нам с Уве...»

Ровно на этом месте мысль Ханне обрывалась, потому что Уве Линда бы точно не понравилась — это Ханне понимала. Уве общался исключительно с интеллектуалами — эта малосимпатичная черта выдавала в нём сноба, — а Линда была во всех отношениях замечательной, но точно не интеллектуалкой.

Бьёрн Удин предстал перед визитёрами в тренировочных штанах и застиранной футболке, которая сильно обтягивала живот.

У него были налитые кровью глаза, а седоватые волосы начинали редеть. Тем не менее, по его виду до сих пор можно было понять, что в молодости этот человек был хорош собой. Скулы и подбородок ещё не оплыли, а рот сохранил чувственные очертания.

Линда и Ханне представились.

— Из полиции? Нашли Бритт-Мари? — переспросил он, не дав Ханне с Линдой толком перешагнуть порог.

— Нет, к сожалению, — отозвалась Линда. — Но мы хотели бы задать вам несколько вопросов.

Бьёрн проводил их в маленькую гостиную.

Обстановка комнаты ограничивалась чёрным кожаным диваном и большим, громоздким телевизором. На полу валялись коробки от пиццы, пакетики из-под чипсов и пустые пивные жестянки. Чувствовался слабый дух какой-то тухлятины.

— Прошу прощения, — пробормотал Бьёрн, словно прочтя мысли Ханне. — Я не успел прибраться.

— Ничего страшного, — отозвалась Линда, покосившись на экран включенного телевизора. Там показывали какие-то лошадиные бега.

— Я убавлю звук, — сказал Бьёрн, протягивая руку за пультом.

Ханне в тишине внимательно за ним наблюдала, думая о том человеке, фотографию которого рядом с Бритт-Мари видела в материалах дела. Это у него были когда-то длинные светлые волосы, это он когда-то напоминал рок-звезду. Он носил джинсы-клёш и самоуверенную улыбку на губах.

Время его не пощадило.

— Что вы хотите знать? — крикнул он из кухни, куда вышел за складным стулом для себя.

Когда Бьёрн вернулся и сел, Линда вынула блокнот.

— Вы живёте один?

— Угу.

— Но вы ведь встретили женщину после исчезновения Бритт-Мари.

Бьёрн кивнул.

— Анетта. Мы встретились через пару лет после ухода Бритт-Мари. У нас есть дочь, Йенни. Но мы недавно развелись. Это оказалось чертовски хлопотно. Она, Анетта, сделала всё, чтобы только мне насолить. Настучала в социальную службу, что я не гожусь в родители, и выбила себе полную опеку. Власти ведь всегда принимают сторону женщин. Так всегда бывает — бабы выигрывают все дела об опеке.

— Где же сейчас проживают ваши дети?

— Йенни живёт с Анеттой, а Эрик у мамыши. Моей, то бишь. Её зовут Май.

— У вашей мамы? — переспросила Линда, приподняв светлую бровь. — Почему?

Сцепив пальцы лежавших на коленях рук и шаря взглядом по потолку, Бьёрн медлил с ответом.

— Мамаша всегда любила всех строить и всем управлять, она стала заниматься нашим хозяйством ещё в то время, когда Эрик был малюткой, а Бритт-Мари так стремилась работать. Она считала, что Эрику с ней лучше.

— Понимаю, — отозвалась Линда, но прозвучало это не слишком убедительно.

— Так чем вы сейчас занимаетесь? У вас есть работа?

Бьёрн покачал головой.

— Неа. Не срослось. К тому же, у меня проблемы со спиной...

Бьёрн не договорил фразу, и уставился в экран телевизора, словно опасаясь что-то пропустить.

— Известны ли вам какие-либо подробности дела, над которым работала Бритт-Мари перед тем, как исчезнуть? — поинтересовалась Линда.

— Не особенно. Знаю только, что она занималась тем убийством, которое произошло неподалеку от Берлинпаркен.

— Может быть, она напала на след преступника?

Бьёрн пожал плечами.

— Не имею понятия. Она не слишком распространялась о своей работе. Мне кажется, ей там приходилось несладко. Помнится, она говорила, что её начальник — говнюк.

— Какой она была? — внезапно задала вопрос Ханне.

— Бритт-Мари?

Взгляд Бьёрна мечтательно затуманился, и он отвернулся к окну.

— Доброй, — помедлив, отозвался он. — Заботливой. Только чересчур упрямой. Страдала ипохондрией. Банальный насморк пугал её до полусмерти.

Бьёрн горько улыбнулся и продолжил:

— Однажды у меня вскочил прыщик на лбу. Крошечный след от укуса комара, не иначе. Так Бритт-Мари хотела тащить меня к доктору. Сдаётся мне, она стала себя так вести после того, как у её матери обнаружили рак. Боялась болезней и всё такое.

— Как вы думаете, что произошло с Бритт-Мари?

Бьёрн покачал головой, и пряди длинных волос съехали ему на лоб, закрывая глаза. Прежде чем ответить, он аккуратно отодвинул их в сторону.

— Не знаю. Вначале я думал, она уехала, ведь именно об этом она говорила в своём письме — что ей нужно было время на размышления. Я, разумеется, был зол на неё, очень зол. Но со временем я стал подозревать, что с Бритт-Мари что-то случилось. Не может человек просто исчезнуть. Испариться. К тому же, бросить Эрика и просто уехать навсегда — это было совсем непохоже на Бритт-Мари. Она ведь

была настоящей мамашей-наседкой. Только вот потом я получил ту самую открытку.

— Открытку?

Бьёрн кивнул и поднялся на ноги.

— Да, она где-то у меня лежит. Подождите.

Он скрылся в спальне, откуда вскоре донёсся стук открывающихся и закрывающихся ящичков комода. Линда не сводила с Ханне своих чёрных глаз. Та выглядела подавленно.

Через минуту явился Бьёрн, неся в руке открытку.

— Вот, — сказал он, протягивая открытку Линде.

На открытке были изображены головокруглительно высокие горы, подножия которых уходили прямо в море. Пейзаж дополняли цветущие луга, которые простирались до самого горизонта, где растворялись в небесной лазури.

«Привет с Мадейры», — прочла Ханне надпись на открытке.

Но когда Линда перевернула открытку, на ней не оказалось никакого текста, за исключением адреса Бьёрна, который был аккуратно выведен справа прописными буквами на четырёх разлинованных строчках.

Оттиск штемпеля из Фуншала гласил, что открытка была отправлена 20 мая 1977 года.

— Но здесь ведь ничего не написано.

— Верно, — вздохнул Бьёрн. — Но она всегда мечтала там побывать. Это была просто идея фикс. Так что, получив открытку, я снова впал в ярость. Я всё думал о том, что если это она послала открытку, то нет слов, которые могли бы описать глубину её предательства по отношению к Эрику...

Он замолчал и указательным пальцем вытер нос. Сделал глубокий вдох и стал тихонько всхлипывать. По его лицу потекли слёзы и сопли, а плечи опускались и поднимались в такт рыданиям.

— Чёрт, — разозлился Бьёрн, вытирая лицо ладонью. — Вам всё ясно?

— Чертовски трагично, — проговорила Линда, когда они с Ханне вновь оказались в машине.

Ханне смотрела на серую многоэтажку, которую они только что покинули, и на такое же серое небо над ней.

— Он сидит там, смотрит скачки и накачивается пивом, в то время как две разных женщины воспитывают его детей, — продолжала Линда. — Сидит там, уничтожая собственную жизнь, и чувствует себя несправедливо обиженным.

Ханне кивнула.

— Это защитный механизм. Не признавая собственную ответственность за случившееся, он избегает чувства вины за свои поступки. Всё ведь гораздо легче пережить, если виноват в этом кто-то другой.

— Сраный придурок, — резюмировала Линда, срываясь с места.

Ханне не удержалась от улыбки, услышав этот комментарий.

— Не забывай, что он тоже жертва. Кто знает, как сложилась бы жизнь Бьёрна, если бы Бритт-Мари не исчезла. Может быть, они примирились бы, завели ещё детей. Зажили бы обычной жизнью среднестатистической семьи Свенссон. Он же не просто так пьёт и днями напролёт смотрит эти скачки.

— Всё это не отменяет того, что он сраный придурок.

— Мне кажется, нужно нанести визит этой самой Май, — проговорила Ханне задумчиво. Если она помогала им вести хозяйство перед тем, как пропала Бритт-Мари, вполне возможно, что ей что-то известно. Возможно, Бритт-Мари чем-то с ней делилась.

Они договорились поискать координаты Май Удин, когда вернутся в контору. Однако едва они успели проехать половину пути к деловому центру, как внезапно ожила полицейская рация, и Линда приняла сообщение.

Ещё одна женщина была найдена убитой в Эстертуне.

Когда они добрались до дома номер 14 по Берлингтан, уже стемнело, и над Эстертуной начался снегопад. Крупные, пушистые хлопья падали с чёрного неба и красиво ложились на деревья и кусты в парке.

Как и в остальных случаях, местом преступления стала съемная квартира в одном из домов вблизи парка. Возле дома стояли две полицейские машины. Они были так заляпаны грязью и слякотью, что едва можно было различить жёлтые и голубые полосы. Коллеги, которые уже успели натянуть заградительные ленты, приветствовали Роббана, Линду и Ханне у ворот.

— Второй этаж, — хрипло произнёс юный паренёк-полицейский.

Вид у парня был задёрганный: от Ханне не укрылись ни его блуждающий взгляд, ни блестящие на лбу, несмотря на мороз, капельки пота, похожие на крошечные бисеринки.

Линда поймала её взгляд: все прочие жертвы в Эстертуне были найдены на третьих этажах. Таким образом, жилище новой жертвы не располагалось непосредственно под крышей, что само по себе не могло означать ошибочность выдвинутой Бритт-Мари в семидесятые годы гипотезы о проникновении убийцы через крышу, однако разрывало привычный шаблон.

У двери в квартиру стояли ещё двое полицейских в форме. Один из них представился как Брур Андерссон, дежурный офицер.

— Тревогу забила сестра убитой. Жертва пригласила сестру к себе на обед. Никто не открыл дверь в назначенный час, а из квартиры был слышен детский плач. Тогда она решила позвонить в службу спасения.

Он сделал глубокий вдох и продолжил рапортовать:

— Мы выломали дверь и обнаружили тело.

Из квартиры вышел криминалист, одетый в белый комбинезон, с медицинской маской на лице.

— Мы уже можем войти? — спросил Роббан.

Человек в комбинезоне кивнул.

— Мы почти закончили. Только не сходите с плиток. И ничего не трогайте.

Они надели бахилы и двинулись внутрь, в тесную прихожую. Прозрачные пластиковые плитки были уложены на полу через равные промежутки, формируя узкую тропу, которая вела в гостиную.

Ханне шла вслед за Линдой и Роббаном.

На полу всюду стояли маленькие таблички с номерами, обозначающие различные предметы — кучу одежды, белые трусы, на вид сильно поношенные, или, возможно, грубо разорванные, и большое пятно крови возле кровати.

Здесь и там по полу были разбросаны игрушки: кубики, грызунки, плюшевые звери. В гостиной горели все лампы, а шторы были задёрнуты.

Роббан присел на корточки перед телом, которое Ханне разглядела из-за спины Линды.

— Это он, — сказал Роббан, и сердце Ханне бешено забилося в груди.

Линда тоже присела, но Ханне так и осталась стоять, не в силах оторвать взгляда от женского тела на полу.

Впервые она видела настоящий труп, и тело Ханне изо всех сил сопротивлялось этому зрелищу. Тело желало повернуть обратно, в тесную прихожую, выбежать наружу, в снегопад, и никогда не возвращаться сюда.

Но Ханне усилием воли заставляла себя не двигаться с места. Она делала глубокий вдох и считала до трёх, прежде чем выдохнуть.

Раз, два, три, вдох.

Раз, два, три, выдох.

У обнажённой женщины были длинные каштановые волосы. Её лицо было всё в крови и так сильно разбито, что различить его черты было невозможно. Из рта у неё торчала металлическая ручка — может быть, какая-то кухонная утварь, может быть, принадлежность для уборки, сейчас сложно было сказать. Рукоятка швабры была засунута в её влагалище. Длинный черенок со следами крови покоился на полу между её ног, а ветошь приходилась как раз между стопами.

Раз, два, три, вдох.

Линда и Роббан о чём-то говорили, но Ханне не слышала их. От шока она перестала воспринимать речь. Словно они разговаривали на иностранном языке: слова разваливались на куски и превращались в странные гортанные звуки, никак не связанные между собой.

Роббан указал на руки женщины, и Ханне увидела. Ладони были намертво прибиты к паркетному полу большими гвоздями.

Линда поднялась на ноги, обернулась назад и взяла Ханне под руку.

— Как ты?

Ханне молча смотрела на неё, не в силах вымолвить и слова.

— Имей в виду, здесь нельзя падать в обморок или блевать. Просто чтоб ты знала.

Ханне кивнула, отводя взгляд.

— Я выйду ненадолго, — выдавила она из себя.

Снегопад всё не прекращался, а Ханне долго стояла на улице, глядя на Берлинпаркен. Затем взгляд её заскользил по контуру многоуровневого гаража, по одетым в форму полицейским — они пили кофе, термос с которым принесли из машины, возле заградительной ленты. Ханне подняла лицо вверх, закрыла глаза и полной грудью вдохнула зимнее небо.

Через некоторое время один из полицейских подошёл к ней и поинтересовался, не желает ли она выпить кофе или, быть может, закурить.

Ханне поблагодарила и честно ответила, что не хочет.

Она не курила, а пить что-либо в данный момент опасалась, потому что чувствовала, что её вот-вот может стошнить.

Криминалисты-техники вынесли свои укладки с оборудованием и загрузились в белый фургон, припаркованный немного поодаль. Прежде чем исчезнуть, они кивком попрощались, и Ханне кивнула им в ответ. Она попыталась изобразить на лице ещё и улыбку, но это ей не удалось.

Через мгновение из подъезда показались Роббан с Линдой. Роббан поспешил к Ханне и покровительственно положил руку ей на плечо.

— Ты как?

— Ничего страшного, всё нормально.

Он осторожно погладил Ханне по спине.

— Я не подумал. Наверное, тебе стоило подождать снаружи. Прости.

— Нет. Я... Хорошо, что мне выпала возможность осмотреть место преступления.

— Могу я поехать обратно вместе с вами? — спросил Роббан, и полез в машину, не дожидаясь ответа.

— Конечно, — сказала Линда, но к тому моменту Роббан уже захлопнул дверь.

— Анна Хёёг, — объявил он, когда все устроились в машине. Двадцать один год, мать-одиночка, имеет дочь пятнадцати месяцев от роду. Её сестра сказала коллегам, которые проводили опрос, что Анна не была знакома с другой убитой.

— Она жила не на верхнем этаже, в отличие от остальных, — вставила Ханне.

— Мне кажется, нужно оставить гипотезу о том, что преступник забирался через крышу, — заявила Линда, заводя мотор.

Ожило радио, и музыка хлынула в сырое пространство салона, где стоял густой дух сырных чипсов.

Ханне наблюдала за тем, как Берлинпаркен, удаляясь, тает во тьме. Она ещё могла различить силуэт качелей и контур покрытой снегом статуи, мелькнувшие среди деревьев, когда Линда повернула к центру. И в это мгновение Ханне вдруг вспомнила свою идею, ту самую, которую прошлым вечером решила записать. Ту самую, которую так боялась забыть, что среди ночи поднялась с кровати и отправилась на поиски блокнота.

— Детская площадка, — произнесла она.

Роббану потребовалась пара секунд, чтобы отреагировать.

— Да? — отозвался он, убавляя громкость радио.

— Что если он высматривал их на детской площадке? Они ведь все жили поблизости от парка, и у всех были маленькие дети. Само собой, они ходили гулять на детскую площадку. Ему вообще не нужно было напрягаться, чтобы узнать, где они живут. Он мог просто сидеть на лавочке и наблюдать, в какой подъезд они зайдут.

Как только Ханне вернулась домой и выгуляла Фрейда, она сразу разожгла камин, налила себе бокал вина и села изучать материалы дела. Она сравнивала преступления, совершённые Болотным Убийцей, со случаями из зарубежной практики, а потом решила покопаться в литературе — то были толстые истрёпанные тома по психологии и профилированию преступников, которые Ханне изучала еще во время работы над диссертацией.

Она достала большой лист бумаги, разделила его на три колонки, которые надписала «Жертва», «Способ» и «Мотив». В левом поле она сделала отметки «1985», «1974» и «1944», а затем ровными аккуратными линиями расчертила таблицу.

Три временных промежутка, три вопросительных знака.

На листе бумаги перед ней — девять пустых ячеек. Ханне начала с характеристики жертв — потому что выбор жертвы может поведать важные подробности об убийце. Изучив жертву, можно выяснить, чего вожделеет убийца, или же, напротив, что он ненавидит и жаждет уничтожить. Выбор жертвы отражает мечты и фантазии убийцы, его картину мира: кто, по его мнению, заслуживает смерти и почему.

Жертвы — 1985.

Возраст: 21 и 24

Матери-одиночки; один ребенок в возрасте от 1 до 2 лет

Средний рост, скандинавский тип внешности, длинные волосы

Телосложение от худощавого до нормального

Образование — среднее

Работали по найму, доход относительно низкий.

Наркозависимость — нет данных, психические проблемы — нет данных

Связь между жертвами — нет данных

Проживали вблизи Берлинпаркен.

Шло время, и камин начал гаснуть. Угли в нём стали шипеть и плеваться. Ханне подбросила ещё дров и заново наполнила бокал. За окнами разливалась чернильная темнота. На другой стороне улицы в чьём-то окне сияла рождественская звезда и горел рождественский канделябр, но дома у Ханне и Уве украшений не было. Уве считал все подобные проявления мелкобуржуазными, и ужасался всякий раз, как видел в городе наряженную к Рождеству ёлку.

Ханне покосилась на Фрейда, на морде которого застыло просительное выражение. На часах было пять минут восьмого.

— Хорошо, — сказала Ханне. — Идем есть!

Накормив Фрейда, она продолжила свой кропотливый труд, заполняя ячейки таблицы соответствующей информацией. Несмотря на огонь в камине, Ханне было зябко в большой холодной квартире.

Она перечитала свои записи, подчеркнула несколько предложений и кое-что добавила. Потом сделала оттиск текста на прозрачной пластиковой пластине.

У Ханне оставалось в запасе ещё несколько дней, чтобы довести до ума свою презентацию. Она планировала использовать это время для изучения материалов двух схожих дел, а поскольку Ханне была перфекционисткой, ей, очевидно, предстояло переделать оттиск несколько раз, прежде чем она окажется довольна результатом.

Уве пришёл домой в восемь.

Ханне даже не обратила внимания, что он сильно задержался. Поесть она тоже не успела, потому что была всецело поглощена профилированием Болотного Убийцы.

— Привет, — поздоровался он и поцеловал жену в губы. — Прости, что я так поздно, но мой сеанс терапии сегодня перенесли на другое время. С другим пациентом произошло что-то не терпящее отлагательства.

Ханне улыбнулась.

Ей было немного смешно представлять, как Уве лежит на этом нелепом диване и говорит о своей жизни, словно он мог бы с помощью слов исправить плохие отношения с отцом. Кроме того, терапевт говорила по-английски, что делало всю ситуацию ещё более комичной, ибо Уве в английском был не слишком силён.

Сама Ханне никогда не посещала сеансы терапии и не стремилась к этому, несмотря на то, что так много времени посвятила изучению

психологии и имела за плечами такой багаж, который стал бы лакомым куском для любого психотерапевта.

Но Ханне попросту считала, что не нуждается в терапии. И если Уве желает улучшить отношения с папой, разве не с ним нужно разговаривать в первую очередь, вместо терапевта?

Уве покосился на документы, разложенные по прикроватному столику.

— Дело продвигается?

— Будем надеяться.

После некоторых колебаний Ханне всё же решила рассказать о новом убийстве.

Она описала увиденное в квартире возле Берлинпаркен и объяснила Уве, чем в данный момент занята. Уве сел подле неё и одним глотком осушил её бокал.

— Боже мой, Ханне, — воскликнул он. — Ты и правда должна этим заниматься?

Ханне удивилась. Уве же психиатр. Он каждый день сталкивается с пациентами с глубокой патологией. Уж он-то один из немногих должен был понять, насколько это всё важно.

— Мы не нуждаемся в деньгах, — добавил он.

— Дело не в деньгах. Дело в том, что я хочу помочь раскрыть преступление. Ради памяти женщин, которые стали его жертвами, и ради всех тех, кто рискует стать следующей жертвой.

Уве со звоном опустил бокал на стол.

— Почему ты не можешь заняться чем-нибудь нормальным? Преподавать? Писать книги? Ты молода, красива. Талантлива. Ты можешь заниматься всем, чем захочешь, и из всех возможностей выбираешь работу с кучкой зачуханных полицейских? Ты что, действительно считаешь, что они станут прислушиваться к тебе? Думаешь, их хоть сколько-нибудь интересуют твои прекрасные умопостроения?

— Что ты имеешь в виду?

— Всего лишь то, что перед тобой открыты блестящие перспективы в науке. Так зачем тратить время на сотрудничество с полицией? Ты просто понапрасну растрачиваешь свой потенциал.

Так вот в чём была проблема.

Её работа была, по мнению Уве, недостаточно идеальной. О таком нельзя было вести беседу за одним из идеальных ужинов в обществе идеальных гостей, которые только и имели доступ на эти ужины.

Ханне оказалась настолько обескуражена, что речь изменила ей. Уве всегда был снобом, но сейчас он действительно её удивил.

Тем вечером они больше не разговаривали. Они, напротив, делали всё возможное, чтобы избежать общества друг друга, что в их просторной квартире не представляло какой-либо сложности.

Но позже, когда Ханне тихонько забралась в кровать рядом с ним, к ней пришли мысли. Они подкрались незаметно, исподволь, и подняли волну гнева в её груди.

Зачем он сказал, что она красива, какое отношение это вообще имело к делу?

Почему он считает, что никто не воспримет её всерьёз? Быть может, потому что он сам бы не воспринял?

Но в таком случае как это характеризует самого Уве?

На следующее утро Линда поджидала Ханне на рецепции здания на Кунгсхольмене. Линда была бледнее обычного, а под глазами у неё темнели полукружья осыпавшейся туши для ресниц. Одежда на ней была та же, что вчера.

— Я смогла вздремнуть всего пару часов, — пояснила Линда, не успела Ханне задать ей вопрос. — На чёртовой софе.

— Вы работали всю ночь?

Линда кивнула, застёгивая молнию на куртке.

— А репортёры начали нас атаковать с раннего утра, аккуратно после семи. В основном страдает Роббан, конечно. Но тем не менее.

— Мы могли бы перенести встречу с Май Удин, — предложила Ханне. — Несмотря на то, что это важно, никакой спешки нет.

Линда отрицательно покачала головой и направилась к стеклянным дверям.

— Нет. Нужно вырваться из этой чёртовой дыры хоть на пару часов. Или я сойду с ума.

Май Удин жила в маленьком таунхаусе близ озера Тунашён, гладь которого, скованная льдом и укрытая снегом, простиралась менее чем в пятидесяти метрах от её порога.

По льду озера прогуливались, подставив лица лучам низко стоящего солнца, владельцы собак со своими питомцами и прочие жители Эстертуны. Толстый слой пушистого снега покоился на берегу, у замёрзшей кромки воды. Ветер то и дело подхватывал лёгкие белые хлопья, увлекая их за собой.

— До чёртиков красивый день, — отметила Линда, к которой за время поездки, казалось, вернулась её всегдашняя энергия. Она потопала ногами на крыльце, прежде чем позвонить в латунный дверной колокольчик.

Ханне кивнула, покосившись на опасно длинные и острые сосульки, свисавшие с желоба водосточной трубы.

Дверь открыла женщина, которой по виду можно было дать около семидесяти лет. Седые волосы лежали на её голове плотными колечками. Одета женщина была в голубое платье с высоким воротом. Поверх платья она надела потрёпанный серый фартук с воланами. Своим видом хозяйка напомнила Ханне старомодную горничную из какого-нибудь чёрно-белого фильма, которые Ханне смотрела в детстве.

Рукопожатие хозяйки оказалось крепким, а взгляд — жёстким.

— Май, — коротко представилась она, и Ханне ощутила слабый, но вполне различимый аромат фиалковых пастилок. — Надеюсь, это не займет много времени, мне нужно отправить Эрика в школу.

В кухне у Май было тепло, пахло мылом и свежесдобленным хлебом.

Обстановка была старомодной. Тяжелый обеденный стол тёмного дерева с резными ножками, стулья с накладными подушками в комплект к нему. На окнах висели гардины с цветочным узором. Красный рождественский канделябр соседствовал на подоконнике с цветком амариллиса, проросшего сквозь мох в старом терракотовом горшке.

— Я только что сварила кофе, — сообщила Май, выставляя на стол металлический кофейник, маленькие фарфоровые чашки с цветочным узором и блюдо с печеньем.

— Вы очень добры, — сказала Линда, уселась на один из стульев с подушками и достала блокнот.

Май сняла фартук и повесила на крючок рядом с холодильником. Потом одёрнула юбку и села напротив Ханне с Линдой.

Линда разъяснила Май цель их визита. Она рассказала об убийствах вблизи Берлинпаркен, которые как две капли воды походили на убийства, произошедшие там же в семидесятых. Она опустила детали — распятые руки, предметы, вставленные в различные отверстия женского тела, детей, которые остались наедине с убитыми матерями, но взгляд Май всё равно помрачнел.

— Так я и знала, что это он вернулся. Я читала о ноябрьском убийстве, — почти беззвучно пробормотала она. — Но я не слышала ничего о вчерашнем.

Ханне кивнула.

— Такие, как он, никогда не останавливаются, — продолжала Май. — Я говорила это ещё тогда, в семидесятых.

— С кем вы об этом говорили? — поинтересовалась Линда, слегка склонив в сторону своё сердцевидное лицо.

— С засранцем, который тогда руководил расследованием. Фагерберг, если мне не изменяет память. Это ведь я им рассказала, что человек, которого в сороковых осудили за убийство в Кларе, был невиновен.

— Так вы были знакомы с Фагербергом?

Линда сделала отметку в блокноте.

— Мне хорошо знаком такой тип людей, — фыркнула Май.

— Хм, — Линда подавила зевок. — А Бритт-Мари, вы с ней когда-нибудь обсуждали расследование?

Май энергично затрясла головой, при этом ни на миллиметр не сдвинулись её уложенные аккуратными завитками волосы.

— Я была занята заботой об Эрике. В этой семье никто не хотел брать на себя ответственность. Бритт-Мари была вся в работе, а Бьёрн всегда был негодником. Уродился весь в своего отца. Я вовсе не удивилась, когда Бритт-Мари его оставила.

Линда послала Ханне весьма выразительный взгляд.

— Как вы думаете, что произошло с Бритт-Мари? — спросила Ханне.

Май поглядела на неё и подвинула ближе к гостям блюдо с печеньем.

— Угощайтесь, домашнее.

Линда взяла две маленькие печенюшки и тут же засунула одну в рот. Ханне снова вспомнились лишние килограммы, на которые

попенял ей Уве, но несмотря на это, или, быть может, как раз по этой причине, она тоже решила угоститься.

— Большое спасибо, — поблагодарила она.

Май глядела в окно, скользя взглядом от недоеденного птицами комочка сала на жестяном отливе к лениво раскинувшемуся в лучах солнца озеру.

— Я могу понять, почему Бритт-Мари оставила моего сына, — сказала она коротко. — Я бы тоже так поступила. Но бросить ребёнка — это непростительно. Разве Эрик сделал ей что-то плохое?

Линда проглотила остатки печенья, запив глотком кофе, и откашлялась.

— Мы считаем, Бритт-Мари могла идти по следу Болотного Убийцы. Она никогда не упоминала ничего похожего?

— Да нет же. Я бы не забыла.

— У неё не было ежедневника, или, может быть, она вела дневник? — спросила Ханне.

— Ежедневник? Не думаю. Но если у вас есть желание, можете порыться в её вещах. Она оставила какие-то бумаги и прочее, когда сбежала. Спрошу у Эрика, может быть, он знает, где всё это.

С поразительной ловкостью Май встала из-за стола и сделала пару шагов в направлении прихожей.

— Эрик! — позвала она. — Ты не мог бы подойти?

Они услышали звук приближающихся шагов, и в дверном проеме рядом с Май показался мальчишка-подросток, с недовольной миной на угреватом лице. Его каштановые волосы были коротко пострижены на затылке, а по шее спускались длинными прядями. Руки он держал засунутыми глубоко в карманы.

— Привет, — поздоровалась Линда.

— Привет, — отозвался Эрик, глядя в пол.

— Коробка с вещами твоей матери, — обратилась к нему Май. — Ты держишь её в своей комнате?

— Неа. Валяется где-то в подвале.

— Будь так добр, принеси её сюда.

Эрик пожал плечами и вразвалочку вышел из комнаты.

Май снова заняла место за столом.

— Он всё ещё зол на неё, — пояснила она, когда мальчишка скрылся в подвале. — И я его за это не виню. Так поступить с

ребенком, ей должно быть стыдно за себя. Если вам интересно моё мнение, почему она не возвращается, я вам так скажу: стыд слишком велик.

Через несколько минут вернулся Эрик, неся в руках чёрную коробку из толстого картона, размером чуть больше обувной. Он поставил её посреди стола и тут же отдернул руки, словно обжёгся.

— Можно нам взглянуть? — спросила разрешения Линда, протягивая руку к коробке.

Эрик снова пожал плечами, засунул руки обратно в карманы и скучающим взглядом уставился в окно.

Линда встала на ноги и подняла крышку.

Сверху лежало полицейское удостоверение с фотографией. С картинки на Ханне смотрело улыбающееся лицо Бритт-Мари. Каштановые волосы мягкими волнами обрамляли округлое лицо. Рядом с удостоверением золотом поблёскивала полицейская кокарда, а под ними виднелась толстая стопка документов.

Ханне задержала взгляд на улыбающемся лице. Она помнила горечь в глазах Рогера Рюбэка и затуманенный слезами взгляд Бьёрна Удина, которого вопрос о Бритт-Мари оторвал от просмотра скачек.

«Куда же ты пропала?» — подумала Ханне, внезапно погружаясь в уныние, причину которого не вполне понимала.

Линда принялась с осторожностью выкладывать содержимое коробки на стол.

Сберегательные книжки, страховое свидетельство и водительские права. Справка о состоянии здоровья, письма, членская карточка стрелкового клуба и путеводитель по Мадейре.

Под путеводителем обнаружилась стопка машинописных листов, скреплённых скобкой.

— Я пошёл, а это можете забрать, — сказал Эрик. — Мне это без надобности.

— Я хотела бы, чтобы ты это сохранил, — возразила Май, вручая мальчику стопку машинописных листов. — Это о твоей бабушке.

Эрик опять пожал плечами, но стопку взял.

— Мы вернем вещи, когда закончим их изучать, — сказала Линда, протягивая Эрику визитную карточку.

Ханне тоже запустила руку в карман и вытащила свои личные визитки. Одну из них вручила Май, а другую — Эрику.

Май положила свою на стол рядом с кофейной чашкой. Эрик принял визитку, состроив гримасу, и вышел из кухни.

— Самое позднее — в пять! — прокричала Май ему вслед.

Он не ответил.

Ханне услышала звук застёгивающейся молнии, стук закрывающейся двери и удаляющиеся шаги.

Оставшиеся вновь обратили своё внимание на чёрную коробку.

Ханне указала на белый путеводитель, на котором были изображены высокие горы, подножия которых уходили прямо в тёмно-синее море.

— Вам известно, ездила ли когда-либо Бритт-Мари на Мадейру? — спросила она.

— У неё не было на это средств. Да и времени, с такой-то работой. Правда, Бьёрн получил открытку с Мадейры через несколько лет после того, как Бритт-Мари пропала. Он считает, открытку послала она.

Линда отложила в сторону путеводитель. Под ним обнаружился календарь.

Линда взяла его в руки и принялась листать. Повсюду были короткие записки, касавшиеся преимущественно личных дел, таких как посещение врача или парикмахерской.

Ханне тоже читала заметки, стоя за спиной Линды.

20 апреля: Бьёрн обещал отвести Эрика в парк, но вместо этого уснул на диване. Хуже всего то, что меня это не удивляет.

21 апреля: Была в библиотеке, искала информацию об Элси.

— Кто такая Элси? — спросила Линда, откладывая в сторону календарь.

— Вы не знаете?

Когда ни Ханне, ни Линда не дали положительного ответа, Май заговорила:

— Элси была биологической матерью Бритт-Мари. Она была матерью-одиночкой и была вынуждена оставить Бритт-Мари сразу после рождения.

Она прервалась и поглядела на Линду и Ханне.

— Элси служила полицейской сестрой в Кларе. Она была там, когда обнаружили первую жертву Болотного Убийцы. Там Элси и умерла. Убийца, который всё ещё прятался в квартире, сбросил её с лестницы.

Линда уставилась на Май.

— Я полагаю, в семидесятых полиции была знакома эта история?

— Совершенно верно. Я лично разговаривала об этом с Фагербергом. Это ведь очень странное совпадение.

— Действительно, — согласилась Линда.

Затем она снова перевела взгляд на вещи Бритт-Мари. Вытащила старый потрепанный блокнот и пролистала.

Блокнот был исписан аккуратным почерком, и, как оказалось, речь там шла о нападении и убийстве, совершённых в Эстертуне в 1974 году. Линда остановилась на последней записи, и Ханне её прочла:

Гунилла Нюман, Лонггатан, 27.

Двойная толстая линия.

Своей маленькой группой они собрались в одном из конференц-залов полицейского управления незадолго до Рождества.

На самом деле, в Госкомиссии работало больше сотрудников — там были следователи, криминалисты и даже группа разведки. Ханне не пересекалась с ними, потому что Роббан не считал это необходимым. Он решил, что лучше встречаться в таком формате: он, она, Линда и Лео.

Ханне знала, что всем, кроме неё, в грядущие праздники предстояло работать.

На каникулах Ханне и Уве собирались ходить в гости к родственникам или обедать с друзьями, а Линде, Роббану и Лео тем временем предстоит часами просиживать за рабочими столами в донельзя тесных кабинетах, делая всё возможное, чтобы отыскать Болотного Убийцу.

Роббан долго разглядывал оттиск таблицы с девятью ячейками, положив пластиковый лист на белый фон. В холодном свете люминесцентной лампы его загорелое лицо казалось неумытым, а бледный шрам на щеке выступал более отчётливо.

— Можно говорить о большом сходстве между убийством, совершённым в сороковых годах, и теми, что произошли позднее, — заговорила Ханне. — Но есть и существенные отличия. Например — то, как убийца выбирает жертв.

Женщина, убитая в 1944 году, была замужней и имела восьмерых детей, к тому же, была значительно старше тех, кто стал жертвами Болотного Убийцы в семидесятых годах и сейчас. Помимо всего прочего, она была проституткой. Жертвы 1974 года и нынешние — все матери-одиночки, имели по одному ребенку. Они вели самостоятельное хозяйство и работали полный день. Нападения на них совершались по ночам, но жертва 1944 года была, вероятнее всего, убитая вечером. Место преступления также не совсем совпадает. Район Клара располагался в центре Стокгольма, а Эстертуна — более чем в пятнадцати километрах к северу от города.

Она взяла паузу, а затем продолжила:

— У нас есть данные, свидетельствующие в пользу того, что Анна Хёег была изнасилована? Отчёт судмедэксперта уже поступил?

— Отчёт ещё не готов, но сегодня утром я перекинулся с ним парой слов, — ответил Роббан, пальцем потирая шрам на щеке. — Повреждения влагалища присутствуют, вне всяких сомнений, но они, вероятнее всего, нанесены этой злосчастной шваброй. Следы спермы отсутствуют.

— Отлично, — отозвалась Ханне. — Вот вам одно из важных отличий между убийствами семьдесят четвёртого года и нынешними. У женщины, убитой в семьдесят четвёртом, во влагалище была обнаружена сперма. Но что касается нынешних жертв, судмедэкспертиза подтверждает отсутствие признаков изнасилования.

— И что это нам дает? — спросил Роббан.

Ханне ненадолго задумалась.

— Скорее всего, он больше не способен совершить изнасилование, — ответила она. — Этот факт, вероятно, послужил причиной того, что убийца воткнул рукоятку швабры во влагалище Анны Хёег — он был взбешён.

— Возможно, он стар, — вставила Линда.

— Именно, — подтвердила Ханне.

— Тогда, может быть, он и убил эту Мерту в сорок четвёртом? — предположила Линда. — Ко всему прочему, за то убийство был осуждён невиновный.

— Я бы так сильно не полагался на то фото, — фыркнул Лео. — Как можно признать его невиновным лишь на основании того, что в руках у него была газета за дату убийства? Она ведь могла не быть свежей.

— Ты можешь быть прав, — легко согласилась Ханне, встречаясь взглядом с Лео. — Но проверить это не получится. Расследование было поспешным, и каких бы то ни было технических улик тогда не обнаружили. Но стоит ли ожидать иного от расследования, которое проводилось в сороковые годы?

— Тот факт, что Бритт-Мари Удин приходилась дочерью той полицейской сестре, что обнаружила жертву в сорок четвёртом, имеет какое-то значение для анализа?

— Вообще-то, нет, — отозвалась Ханне. — Это странное обстоятельство, но мне сложно предположить, какое практическое

значение для нашего расследования оно могло бы иметь. Однако это обстоятельство могло дополнительно мотивировать Бритт-Мари к поиску преступника.

— Но если всё же это один и тот же человек, — проговорила Линда, — и он разыскал Бритт-Мари, потому что она — родня Элси. Он хотел заставить её молчать, или...

— Но чего ради? — прервала её Ханне. — Бритт-Мари передали в приёмную семью ещё младенцем. Она не могла знать ничего, что могло бы навредить убийце. Нет, гораздо более вероятно, что кто-то решил скопировать то убийство. Оно ведь широко освещалось в прессе.

— Так мы имеем дело с одним или с несколькими преступниками? — устало протянул Роббан.

— Невозможно сказать, — спокойно произнесла Ханне. — Но давайте предположим, что это один и тот же человек. Насильники крайне редко дебютируют с таким жестоким преступлением, какое произошло на Норра Смедьегатан. Этот тип преступника воплощает в жизнь фантазии, которые до того вынашивал десятилетиями. У большинства имеется за спиной кое-какая уголовная карьера, что означает, что они не могут быть слишком молоды. Давайте предположим, что в сорок четвёртом он всё-таки был молод, скажем, около двадцати. Тогда на момент нападения и убийства в 1974-м ему было бы пятьдесят, а сейчас — около шестидесяти. Да, такой вариант имеет право на существование. Но вот если в сорок четвёртом ему было тридцать, то сейчас должно быть уже около семидесяти, и я не знаю, насколько правдоподобен такой вариант. Очень небольшой процент преступников совершает свои деяния в таком преклонном возрасте, во всяком случае, когда для совершения преступления требуется определённая физическая сила. А если в сорок четвёртом ему было уже сорок, то на сегодняшний день ему должно было исполниться восемьдесят, что само по себе свидетельствует о нелепости такого предположения. К тому же, стоит задаться вопросом, чем же занимался наш преступник в годы между убийствами?

— А как ты сама думаешь? — поинтересовался Лео, скрестив руки на груди в откровенно оборонительной позе.

— Самое простое предположение: сидел в тюрьме, в другом городе или даже за границей, — отозвалась Ханне. — В таком случае

серию преступлений могли спровоцировать специфические события в жизни этого человека. Когда мы говорим о сексуальных преступлениях подобного рода, важно понимать, что обычно их провоцирует переживание преступником оскорбления или отказа. Поэтому между подобными преступлениями могут возникать длительные перерывы, до тех пор, пока преступник не подвергнется следующему оскорблению.

— Оскорбление? Ну не знаю, — протянул Лео и заёрзал на месте. — Звучит чересчур заумно для меня, уж извини. В любом случае, этот человек — сумасшедший.

— Сумасшедший — опасный термин, — выделяя каждое слово, предостерегла Ханне. — Я не думаю, что он является сумасшедшим по определению, с точки зрения закона. Эти преступления потребовали от человека, совершившего их, долгой и кропотливой подготовки. Психопат не способен к подобной деятельности. Такие люди — мужчины и женщины — обычно оставляют множество улик, и их вычисляют довольно быстро.

— Криминалисты ведь обнаружили волокна! — запротестовал Лео.

— Я имею в виду другие улики, — отозвалась Ханне. — Микроскопические следы в той или иной форме оставляет за собой каждый человек. Но здесь важно другое. Его никто не видел. Его никто не слышал. Никто не знает, каким образом он проникал в жилища жертв, и он не оставил ни отпечатков пальцев, ни следов обуви.

— В 1974 году обнаружили и кровь, и сперму, — напомнил Роббан.

— Да, но ведь нам это не сильно помогло, правда? — упорствовала Ханне. — Нам теперь известно, какая у него группа крови, но идентифицировать его мы всё равно не можем.

Лео явно колебался, прежде чем что-то сказать, но его опередил Роббан:

— В таком случае, какова твоя версия?

Ханне заправила за ухо прядь рыжих волос. Сделала глубокий вдох и произнесла:

— Я считаю, что некто скопировал убийство, совершенное в сороковые годы.

— А нынешние убийства, — саркастически произнес Лео, — вероятно, некто скопировал их из семьдесят четвёртого года?

— Ну, нельзя исключить и такую возможность, но мне так не кажется. Способ действия слишком схож. Ханнелора Бьёрнссон ведь была найдена на том же самом месте, что и убитая в 1974 году женщина. Не просто в той же квартире, но непосредственно в том же самом месте этой квартиры. Мы можем исходить из того, что такие подробности были известны лишь самому преступнику и тем, кто принимал участие в расследовании.

— Так кто это? — спросил Роббан и тут же засмеялся собственной плоской шутке.

Ханне убрала оттиск таблицы и положила на его место новую картинку.

— Мужчина, очевидно, так как коллеги в семьдесят четвёртом обнаружили следы спермы. Этнический швед.

Лео поднял руку.

— Откуда нам это знать? Эстертуна кишит приезжими.

— Знать мы не можем, но в пользу этого предположения говорит статистика. Большинство серийных убийц выбирают себе в жертву людей той же этнической группы, к которой принадлежат сами. Я сказала бы, что в семьдесят четвёртом ему было между тридцатью и пятьюдесятью, из чего следует, что на данный момент он уже перешагнул верхнюю ступень среднего возраста. Это также означает, что в сороковые годы он был ребёнком или подростком. Он, конечно, мог прочесть о том убийстве, или наслушаться досужих сплетен, и это, в свою очередь, могло оказать на него влияние. Вероятно, у него имеется уголовное прошлое, и я бы обратила пристальное внимание на информацию об осужденных за сексуальные преступления. Но тут не обязательно должно быть убийство, может быть любое преступление, начиная от домогательств и заканчивая изнасилованием. И искать следует кого-то, кто сидел в тюрьме или жил в другом городе или стране в течение нескольких лет. Я не думаю, что он страдает от серьёзного психического расстройства. Возможно, работает на полставки, или вообще не работает, учитывая, что ему требуется значительное время для поиска и слежки за будущими жертвами. Он, бесспорно, талантлив и, вероятно, обладает специфическими знаниями о методах работы полиции и криминалистической службы. Он ведь

умудрился так долго сохранять преимущество, не оставляя за собой следов.

— Может быть, ему просто везло, — пробормотал Лео, засовывая подушечку снюса в карман короткого пиджака.

— Совершенно верно. Обратите внимание, что я сейчас говорю о предполагаемом преступнике. О том, что статистически наиболее вероятно. Я предполагаю, что социально он изолирован, ведёт жизнь одиночки и имеет комплекс неполноценности. Но атакуя своих жертв, он выпускает ненависть наружу. У него имеется некая привязка к Эстертуне. Может быть, он там живёт, или раньше жил. Или работал. И ещё я считаю, что жертв он присматривал в Берлинпаркен, куда те приходили на прогулку с детьми. То, что у всех жертв были дети, — следствие того, что убийца выбрал их именно в парке.

Она сделала короткую паузу и продолжила:

— То, что они были матерями-одиночками, — вовсе не случайность. Одинокую женщину проще одолеть, чем женщину, которая проживает совместно с другим взрослым человеком. А наш преступник аккуратен и методичен. Он долго планирует свои преступления и, очевидно, наслаждается самим процессом, так как тот является частью его фантазии. Возможно также, что он забирает у жертв что-то вроде трофея, этот тип преступников часто так поступает. Вероятно, он возвращается на места преступлений, чтобы заново пережить это событие. Так что может быть очень полезным установить наблюдение за квартирами жертв.

Линда подалась вперёд и уставилась на Ханне своими странными тёмными глазами.

— Так почему он убивает?

Ханне выдержала театральную паузу.

— Существует вероятность, что он чувствует себя оскорблённым такими женщинами. Они все были молоды и одиноки. Возможно, он искал знакомства, шёл на сближение, но был отвергнут.

— Могли они встречаться в клубе? — предположила Линда. — В «Гран Палас», как говорил Фагерберг?

Ханне покачала головой.

— Если честно, я так не думаю. Если верить тому, что показали родственники и друзья жертв, те не посещали подобные места. К тому же, какова вероятность, что все встреченные им в клубе девушки жили

бы вблизи Берлинпаркен? Нет. Я считаю, общий знаменатель в этом деле — именно парк. Вы нашли ещё какие-нибудь связи между жертвами?

— Нет, — ответил Лео. — Мы всё проверили. Друзей, коллег, контакты в телефонном справочнике. Господи, мы даже выяснили, где они покупали подгузники и чулки! И нет, они делали это в разных местах.

— Но если кто-то не хочет идти на свидание, разве такой мелочи достаточно для убийства? — воскликнул Роббан.

— В большинстве случаев, к счастью, нет, — сказала Ханне. — Но есть люди, которые неспособны принимать отказ в какой-либо форме. Отказ пробуждает в них ненависть такой силы, с какой они не могут совладать. И сам акт насилия для них — это упражнение в ненависти. Я думаю, он ненавидит этих женщин, а возможно, не только их. Может быть, он ненавидит женщин вообще. Он приколачивает их к полу, чтобы наказать, и оскверняет тела после убийства, засовывая в них различные предметы. Рукоятка швабры во влагалище — о чём она может нам поведать?

— Что он хочет наказать их за то, что они — женщины? — предположила Линда.

— Возможно. И за то, что благодаря своей женственности они имеют над ним власть, противостоять которой он не в силах. А о чём нам могут сказать вещи, которые он засовывает жертвам в рот?

— Хочет их заткнуть? — спросил Роббан.

— Как вариант. Заткнуть и унижить. И он всегда выбирает предметы, которые связаны с женщиной и домашним хозяйством, — кухонную утварь, приспособления для уборки, и так далее. И обратите внимание: свои преступления он совершает на глазах у детей своих жертв. Этот факт не может быть случайностью. Он делает так для того, чтобы причинить жертве худшие страдания, чем те, что она испытывает, когда гвозди пронзают её плоть.

— Упражнение в ненависти, — проговорил Роббан, потирая шрам. — Что же нам делать дальше?

Ханне сложила руки на коленях.

— Нужно продолжать работать так, как вы привыкли. Я слишком мало знаю о полицейской работе, чтобы давать советы.

Ханне взяла паузу и, прежде чем продолжить, окинула взглядом сидящих за столом.

— Но мне кажется, вам стоит подумать над установкой наблюдения в Берлинпаркен.

Роббан кивнул.

— Полиция Эстертуны получит подкрепление из патрульного отряда. Настроения в городке близки к паническим. Вам известно, что вчера вечером под окнами полицейского участка в Эстертуне прошла акция протеста?

— Что-что? — переспросил Лео.

— Протестующие утверждали, что полиция выделяет недостаточно ресурсов для раскрытия этого дела, — пояснил Роббан. — Ну а вечерние газеты вы читали?

Все, включая Ханне, кивнули.

В последние несколько дней тема убийств стала ведущей в прессе. Нетрудно понять, почему такие заголовки, как «Болотный Убийца вернулся», «Кто станет следующей жертвой убийцы из Эстертуны?» или «Здесь распяли Ханнелору, 24» наводят страх на горожан.

— Тот мужчина, которого подозревали в сороковых, — вновь заговорила Ханне. — Биргер фон Бергхоф-Линдер. Мне кажется, его тоже стоит разыскать, просто на всякий случай. Нельзя ведь исключать возможность, что он замешан в эстертунских событиях.

Когда Ханне уже собралась домой, к ней подошёл Роббан.

— Всё это очень интересно, — сказал он. — И я всё-таки настаиваю на том, чтобы узнать больше о профилировании. Как насчёт пива?

Ханне взглянула на золотые наручные часы, которые получила в подарок от Уве на день рождения.

Было пять минут седьмого. Уве вернётся домой через час, а до тех пор Фрейд прекрасно побудет один.

— С удовольствием, — согласилась она.

Они выбрали один из баров на улице Хантверкгатан. То было тёмное, дымное полуподвальное помещение. Из динамиков струилась тихая музыка кантри, звук которой смешивался с голосами

посетителей. Повсюду висела толстая зимняя одежда, пахло сигаретным дымом, мокрой шерстью и прокисшим пивом.

— Что тебе взять? — спросил Роббан, сбрасывая куртку, чтобы перекинуть её через спинку одного из высоких стульев.

— Бокал белого, пожалуйста.

Пару минут спустя Роббан вернулся с пивом для себя и бокалом вина для Ханне и сел рядом с ней.

— Как вышло, что ты решила выбрать профилирование в качестве профессии?

— Почему бы и нет?

Роббан бросил на неё пытливый взгляд и сделал большой глоток пива.

— Просто нестандартный выбор, — пояснил он, стирая пену с уголка рта.

— Смотря с чем сравнивать.

Она улыбнулась, и Роббан расхохотался.

— Туше! Но согласись, это не совсем то, чему юные девушки желают посвятить свою жизнь.

— Не знаю. Меня всегда интересовали преступления.

Ханне умолчала о том, что со временем сама пришла к выводу, что её склонность к изучению всего тёмного, больного и искалеченного, вероятно, произрастала из попыток понять собственную мать. Ту, что в один день могла быть ангелом, а назавтра превращалась в дьявола. Ту, что утром могла покупать свежий хлеб и заплетать волосы Ханне, а тем же вечером придушить ручного кролика дочери, только потому, что ей показалось, что зверёк на неё странно смотрел.

Ханне не стала говорить и о другом своем хобби, гораздо более странном. О масках, висевших на стене у неё дома, и о своей любви к Гренландии и инуитам.

— Да, я понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал Роббан. — Я сам, можно сказать, имею особую тягу к серийным убийцам.

— Правда?

Он кивнул, улыбнувшись так широко, что шрам на щеке словно стал глубже, а кожа вокруг глаза натянулась.

— Я думаю, они похожи на зверей. Хищников. Ты согласна?

Ханне задумалась.

Что-то в словах Роббана и выражении его лица заставило её ощутить неприятный холодок у себя на шее.

— Конечно же, меня интересуют серийные убийцы, но также и любые другие виды преступлений и преступников. К тому же, разве мы все — не животные?

Роббан оставил эту тему. Он принялся рассказывать о своей службе в полиции. Как в 1965 году приехал в Стокгольм из Уппсалы, чтобы получить полицейское образование. Как много лет отдал охране правопорядка, но уже с первого дня мечтал служить в уголовной полиции.

— Много было женщин-полицейских тогда, в шестидесятые? — спросила Ханне.

— Не так много, но были. Только в конце шестидесятых им несколько лет не разрешалось нести внешнюю службу.

— Почему?

Роббан скривился и посмотрел на свою кружку, которая успела опустеть.

— По правде говоря, я не помню. Мне кажется, проводили какое-то исследование, которое пришло к выводу, что женщинам лучше служить в следственных подразделениях. Но всё это было так давно, что с уверенностью я сказать уже не могу. Эй, я пойду возьму себе пива. Тебе принести ещё вина?

Ханне посмотрела на свой бокал. В нём оставалась половина.

— Буду благодарна.

Роббан отправился к барной стойке и вернулся несколько минут спустя.

— Ну так как, расскажешь, каким образом составляется этот психологический профиль?

Ханне покрутила в руках бокал и задумалась.

— Это довольно-таки сложно. Я...

— Кстати, — оборвал её Роббан. — Я вспомнил кое-что из семидесятых.

Он снова заговорил о своей службе. Об убийцах, которых он смог изловить, и о тех, кто сумел от него уйти. Об одном товарище, который напрочь спился, и о том, как получил свой шрам — в погоне за обкуренным автоугонщиком. Когда Роббан дошёл до своего назначения комиссаром, его глаза заблестели.

— Самый молодой из всех когда-либо назначенных на подобную должность! — с дрожью в голосе произнес он.

Ханне хмыкнула и покосилась на часы.

— Послушай, большое тебе спасибо за вино, — сказала она. — Но мне пора двигаться домой. Мне нужно вывести собаку.

Как только Ханне произнесла эту ложь вслух, её охватил стыд.

Зачем она солгала? Ей вовсе не нужно было объяснять, зачем ей идти домой. У неё было самое непреложное в мире право покинуть этот бар в любой момент.

— Что? Уже? Но я хотел бы ещё послушать о профилировании, — протянул Роббан, словно они в принципе успели коснуться этой темы, тогда как на самом деле Ханне вынуждена была слушать байки Роббана о его блестящей карьере.

И тут он наклонился вперёд и положил ладонь ей на бедро.

— А ещё я хотел бы узнать больше о тебе, Ханне.

Его рука легонько сжала бедро Ханне.

Это было коварно. Прикосновение Роббана было очень осторожным, и он выбрал идеальную точку — прямо над коленом, не слишком высоко. Дерзко, но на открытое домогательство не тянет. Вполне допустимый дружеский жест между коллегами.

Тем не менее, Ханне сознавала, что это происшествие вобьёт в их отношения клин, который останется между ними навсегда.

Она схватила и уверенно отбросила его руку.

Потом смерила его ледяным взглядом, поднялась на ноги и пошла прочь.

Наступило Рождество.

Ханне отметила праздник дома, на Шеппаргатан, вместе с Уве.

Они сходили в кино на «Поцелуй женщины-паука» и навестили в больнице отца Уве. На второй день Рождества они позвали к себе в гости мать Уве — отведать кофе с традиционными шафранными булочками. Она по традиции посетовала на отсутствие в их доме рождественского убранства, а Уве традиционно же отказал матери в ответ на просьбу выписать ей побольше тех успокоительных таблеток, которые так замечательно помогали уснуть.^[24]

За два дня до Нового Года Уве улетел в Западную Африку на очередной врачебный конгресс. Ханне проверяла контрольные работы, а потом разговаривала по телефону с одним нервным докторантом. Почти опустошив бутылку вина, Ханне неожиданно для себя позвонила матери в Марракеш, где та традиционно проводила Рождество в компании друга-художника. Едва положив трубку на рычаг, она опрометью бросилась в туалет, где её тут же вырвало — и причиной тому было не выпитое вино.

Пятью днями позже домой вернулся Уве, такой же уставший, как и в прошлый раз, и снова с подарком для Ханне: на этот раз ей предназначался антикварный кисет, сделанный руками умельцев народности коса. Ханне отвела ему место на стене рядом с мексиканской маской, украшенной яркими жемчужинами.

На улице было десять градусов мороза, и Стокгольм утопал в глубоком снегу. Ханне нужно было преодолеть небольшой отрезок пути от автобусной остановки до полицейского управления, но даже несмотря на то, что на ней была тёплая овечья дубленка, толстые варежки и вязаная шапочка, она замёрзла. Снегоуборочные машины курсировали по городу взад-вперёд, а автобусы отважно проезжали по обледеневшим мостовым.

Линда уже была на своём месте в небольшом конференц-зале, который отныне закрепился за их следственной группой. Едва завидев Ханне, она вскочила со стула и заключила ту в долгое объятие.

— Ну привет, милая! Как ты?

— Прекрасно, а ты?

— Отлично! Во всяком случае, в Сочельник я выбила себе выходной, так что не жалею.

— Здорово, — обрадовалась Ханне. — Как вы праздновали?

— С сеструхой и её выводком. У неё три пацанёнка-дошкольника, так что, да, можешь себе представить. Всё вверх дном. Но всё равно довольно уютно получилось.

— А что нового в расследовании?

Невзирая на собственное двухнедельное отсутствие в полицейском управлении, Ханне не удалось избежать знакомства с многочисленными публикациями о Болотном Убийце в прессе. Эта тема всё ещё не сходила с первых полос, и, если верить репортажам вечерних газет, улицы Эстертуны с наступлением темноты отныне пусты. Гражданское объединение «Друзья Эстертуны» созвало большой народный сход, в ходе которого были выдвинуты требования о принятии силовых мер либо об отставке действующего руководства коммуны. Или о том и другом одновременно. Однако из статьи было неясно, о каких конкретно силовых мерах шла речь.

Линда тихонько вздохнула.

— Так себе дела. Мы изучили всех осужденных за сексуальные преступления, побеседовали со всеми владельцами недвижимости, выяснили, где хранятся ключи-вездеходы. Ну, ты понимаешь.

Она примолкла, но потом вновь просияла. Усадила Ханне на один из стульев и выудила из зелёной папки какой-то журнал.

— Вот, погляди-ка.

— «Бурда», — прочла Ханне название издания.

С обложки в камеру улыбалась женщина в длинном свадебном платье.

— Можно с тобой посоветоваться? — спросила Линда и, не дожидаясь ответа, принялась листать журнал.

— Я подумываю вот о таком, — продолжала Линда, указывая Ханне на белое платье с кружевным лифом. — Или, может быть... о чём-то таком, — она пролистала ещё несколько страниц и указала на платье схожего фасона с глубоким вырезом на спине.

Энтузиазм Линды обрадовал Ханне.

— Ты планируешь шить сама? — поинтересовалась она, прикидывая по таблице сложность кроя и расход ткани.

— Я? Да ты что, с дуба рухнула? Я едва способна занавеску подшить. А вот сеструха моя шьет. Она обещала.

— Не знаю, что и сказать, — призналась Ханне. — Они оба очень красивые.

Дверь распахнулась, и в конференц-зал вошли Лео и Роббан. Линда поскорее захихнула журнал обратно в папку.

Когда Роббан кивнул, в выражении его лица Ханне почудилась некая отчуждённость. Натянутость, которой прежде не было.

Роббан избегал встречаться с ней взглядом, а когда она брала слово, опускал глаза вниз, упираясь взглядом в полированную столешницу.

Ханне констатировала, что Роббан острее отреагировал на её отказ, чем она вначале предполагала. Возможно, ей следовало разрешить эту ситуацию каким-то иным способом.

«Ну уж нет, — подумала она. — Это он вёл себя мерзко. А не я».

Однако возникшее ощущение неловкости быстро обосновалось в груди, словно невидимый груз, который Ханне безуспешно пыталась сбросить.

Следующие полчаса группа посвятила краткому обобщению всей информации о деле на данный момент, и Ханне вскоре стало ясно, что за время каникул расследование не продвинулось сколько-нибудь далеко. Однако им удалось отыскать небольшую квартирку с видом на Берлинпарк, где отныне разместился наблюдательный пункт. А Линда за это время успела изучить вещи, принадлежавшие Бритт-Мари.

— Самое для нас интересное — это, конечно, её блокнот, — заговорила Линда. — Вообще говоря, в нём не содержится особенно новой информации. Много деталей расследования, но всё это в целом нам уже известно. Из её записей также следует, что Бритт-Мари по собственной инициативе совершила поквартирный обход жителей района. Она, судя по всему, искала матерей-одиночек с маленькими детьми, которые проживали на верхних этажах.

— Потенциальных жертв, — констатировал Лео, засовывая за щёку свой всегдашний снюс.

— Именно. И эта последняя запись как раз об одной из таких девушек. Гунилла Ньюман проживала на Лонггатан, 27. Насколько нам

известно, с ней ничего плохого не произошло, но мне удалось её разыскать. Она живёт в городе, на Рингвеген.

— Отлично, — сказал Роббан. — Поезжай и переговори с ней. А мы продолжим следить за Берлинпаркен. Правда, ресурсов, чтобы находиться там круглосуточно, у нас нет.

— Убитые женщины работали в дневное время, — сказала Ханне. — Мне кажется, наблюдение в парке необходимо только по выходным, а в будни — по вечерам.

— Таков наш план, — коротко отозвался Роббан, упёршись взглядом в белую столешницу. — Но ребята из наружки говорят, что им сложно надолго оставаться в парке — там они привлекают к себе излишнее внимание. Так что по большей части они, к сожалению, находятся в квартире.

— В парке в основном гуляют мамы с детьми, — пояснил Лео. — Ребята ведь не могут сидеть на лавочке, почитывая газетку, когда на дворе десятиградусный мороз. Или, ещё хуже, стоять и пялиться на малышей, как извращенцы.

В конференц-зале стало тихо. Лео немного подтянул свой тощий конский хвост, а Линда задумчиво наклонила голову.

— Ну а я могла бы, — произнесла она, и её тёмные глаза заблестели. — Я могу даже взять коляску, чтобы всё выглядело правдоподобно.

Роббан глубоко вздохнул и принялся растирать виски большим и указательным пальцами одной руки.

— Линда, милая, мы не можем впутывать ребёнка в это дело, ты же понимаешь.

— Но если...

— Нет, — с нажимом произнес Роббан. — Это решено.

— Преступник ни разу не причинил вред ребёнку, — упорствовала Линда. — Я могла бы иногда брать с собой туда младшего сына своей сестры и общаться там с другими мамами. А потом, когда примелькаюсь, я смогу там появляться вообще без ребёнка.

Линда на мгновение замолчала, а потом снова заговорила:

— Или можно вовсе засунуть в коляску несколько одеял. Такие малыши ведь всё время только и делают, что спят.

В тот же день после обеда Линда и Ханне отправились на встречу с Гуниллой Ньюман.

По дороге Линда без умолку болтала о своей сестре и замечательных, но безумно шумных племянниках.

Ханне мычала в ответ что-то нечленораздельное и улыбалась, но никак не могла перестать думать о том, как изменилось по отношению к ней поведение Роббана.

— Послушай, а что стряслось с Роббаном? Что-то случилось? Он показался мне каким-то кислым.

— Полосатый-то? Не, ему просто не по себе от того, что у нас до сих пор нет подозреваемого. На него же давят и начальство, и пресса.

Ханне не стала упоминать об их с Роббаном походе в бар после работы, потому что вся эта ситуация заставляла её чувствовать себя замаравшейся.

Тридцатипятилетняя Гунилла жила в маленькой съемной квартире в районе Сканстуль. Её густые волосы, выкрашенные в блонд, были заплетены в толстую косу, а на мускулистых руках красовались крупные татуировки.

— Мне повезло, — сказала она, когда Линда похвалила квартиру. — Здесь совсем рядом Южная больница, а я там работаю. И есть отдельная комната для Карины — на то время, что она живет у меня. Но почему вы хотите поговорить со мной об Эстертуне, я ведь уехала отсюда почти десять лет назад?

Линда рассказала ей о Болотном Убийце и Бритт-Мари.

— Я видела заголовки, — кивнула Гунилла. — И помню её, эту Бритт-Мари, только я не знала, что она пропала.

— Тогда этого никто не понял, — сказала Линда. — Можешь рассказать, при каких обстоятельствах вы познакомились?

Гунилла изогнула бровь.

— Она позвонила мне как-то вечером и попросила разрешения прийти. Объяснила, что расследует убийство. А потом... Да, она интересовалась, не видела ли я кого-то подозрительного в округе. Или на крыше. Простите, но мне показалось, что это звучит смехотворно. Почему и каким образом я должна была увидеть кого-то на крыше?

— Так ты видела что-нибудь подозрительное?

— Нет. Но она оставила мне свой номер и просила звонить, если я что-то замечу. А ещё она велела мне держать балконную дверь

запертой. Потом прошла неделя или две, я точно уже не помню. Однажды вечером я заметила, что в парке уже долго стоит какой-то человек и пялится в мои окна. Тогда я ей и позвонила.

— Как он выглядел? — спросила Линда.

— Боже мой, я уже совсем не помню.

И мгновением позже:

— Вы же не думаете, что это был он? Болотный Убийца?

— Можешь припомнить точно, какое было число? — вместо ответа задала Линда ещё один вопрос.

Гунилла покачала головой.

— К сожалению, нет. Но в тот вечер она обещала зайти ко мне, если успеет, а больше я о ней ничего не слышала. И никогда больше не видела того человека в парке.

Когда на следующий вечер Ханне оказалась в квартире возле Берлинпаркен, где разместилась наружка, тьма уже окутала Эстертуну своим мягким хлопковым покрывалом.

Когда Ханне позвонила в дверь квартиры на первом этаже, её открыл Лео, кивнул и отступил в сторону, пропуская Ханне внутрь.

— Ты же воспользовалась задним ходом? — поинтересовался он.

— Да, можешь быть спокоен. Меня никто не видел.

Сотрудник службы наружного наблюдения вышел в прихожую и поздоровался. Он выглядел молодо — гораздо моложе и Ханне, и Линды. Его рукопожатие оказалось влажным, а улыбка была немного нервной.

Ханне бросила взгляд в гостиную.

Там было темно, и обставлена комната была так скудно, что казалось, в ней никто не живёт — что, в общем-то, было правдой. У стены стоял потёртый диван, а на полу лежал одинокий коврик. Штатив с камерой стоял у окна, а возле него примостился стул с подушкой на сиденье. На полу рядом лежали бинокль и блокнот.

Ханне направилась прямо к окну и с опаской поглядела сквозь тонкий тюль. По другую сторону стекла раскинулся Берлинпаркен, погружённый в темноту. Свет одинокого фонаря, стоявшего посреди детской площадки, выхватывал из темноты силуэты детей, которые качались на качелях, и их мам, стоявших неподалёку с колясками. В центре группы женщин стояла Линда, напялившая на себя стёганые штаны и пуховик, в которых была похожа на человечка из рекламы шин «Мишлен». Она над чем-то смеялась, привычным движением катая коляску туда-сюда.

— Осталось десять минут, — сказал Лео.

— Заметили что-нибудь интересное? — спросила его Ханне.

Тот покачал головой.

— Народ, конечно, ходит, но мы ни разу не видели в парке какого-нибудь одинокого мужчины.

Минуты убегали. Дети продолжали возиться в снегу, а Линда принялась прощаться с другими мамами. Она помахала им рукой и

направилась к дому, толкая коляску перед собой. Колёса прокручивались в снежном месиве, и Линде приходилось поднимать переднюю часть коляски, чтобы перенести вес на задние колеса и миновать снежный затор.

— Подождите, — воскликнула Ханне, указывая на тёмный силуэт поодаль.

Одиноким человек стоял вплотную к фонарю, и смотрел на парк. Он был высокого роста, худой, а его голову скрывала шляпа.

Лео и паренёк из наружки подошли к окну и прижались к стеклу, чтобы лучше разглядеть незнакомца. Ханне подняла с пола бинокль и осторожно сдвинула тонкую гардину в сторону.

— Это Фагерберг, — произнесла она. — Тот полицейский, что вёл расследование в семидесятых.

— Какого чёрта...

Лео осёкся, но продолжил:

— Что ему здесь понадобилось?

Ханне пожала плечами и отложила бинокль.

Пару минут спустя открылась входная дверь и в прихожей зажёгся свет. Линдины тёплые штаны зашуршали, когда она, держа в объятиях охапку одеял, направилась в гостиную.

— Привет, что ли! — обрадовалась Линда, увидев Ханне, и тут же заключила её в долгое крепкое объятие, пахнувшее снежной свежестью.

Потом Линда бросила охапку одеял на старый диван.

— Осторожнее с ребёнком, — пожурила её Ханне, и Линда громко захохотала.

— Как его зовут? — покосившись на свёрток одеял, спросил парнишка из наружки.

— Его зовут Лео, у него только что прорезались первые зубки, и теперь во время кормления он кусает меня за сосок, — отрекомендовала Линда «малыша».

— Очень забавно, — проговорил Лео, покраснев до ушей, но парнишка едва не сложился вдвое от хохота.

— Ну а ты кто? — спросила Ханне, кивая в сторону Линды. — Для мамаш в парке, конечно.

Линда улыбнулась.

— Линда Свенссон. Двадцать семь. Только что развелась. Безработная, но весёлая.

— А что ты будешь делать, если кто-то из них заявится к тебе в гости?

— У меня ведь есть неофициальная подработка, в одном ресторанчике в городе. Так что меня нечасто можно застать дома.

— Ты просто что-то с чем-то, — скептически покачал головой Лео. — Было сегодня что-нибудь интересное?

— Неа, — откликнулась Линда. — В выходные поглядим. Тогда я смогу одолжить Теодора у сеструхи. При большом скоплении людей я опасаюсь пользоваться одеялами, всегда найдётся какой-нибудь любопытный придурок.

— Так Роббан всё же пошёл на то, чтобы посадить в коляску настоящего ребёнка? — спросила Ханне.

Линда переглянулась с Лео.

— Только в исключительных случаях, — пояснил тот. — И ей нельзя брать ребёнка сюда, в дом. Мы забираем и отдаём Теодора на подземной парковке под универмагом «Консум», под охраной двоих сотрудников наружки.

Он сделал небольшую паузу, а потом продолжил.

— Вся эта операция требует слишком больших кадровых ресурсов. Не знаю, как долго они нам ещё позволят это продолжать.

«Они» — это было, вероятно, руководство службы наружного наблюдения.

Установить подобное наблюдение за местностью было накладно как в финансовом плане, так и в стратегическом: ресурсы, брошенные на наблюдение за парком, могли потребоваться в других местах. Но сейчас, когда расследование продвигалось вперёд примерно с той же скоростью, с какой Линда с пустой коляской форсировала сугробы, всем было совершенно ясно, что это могла быть их последняя соломинка.

— Ты на машине? — спросила Линда, обернувшись к Ханне.

Та покачала головой.

— Меня подбросил Уве.

— Поехали со мной, — предложила Линда. — Я еду в город.

Линда в несколько слоёв намотала на голову толстый шарф, на случай, если столкнётся с кем-то из знакомых мамочек. Потом они

распрощались с коллегами, вышли из квартиры и скрылись через задний ход.

На улицах вокруг было темно и тихо. Пока они шли к машине, снег скрипел и потрескивал у них под ногами.

— Знаешь, они чертовски напуганы, — произнесла Линда.

— Кто?

— Мамашки в парке. Они едва осмеливаются выйти погулять с детьми. Одну из девушек, Ганифе, в парк провожает её шеф. Представляешь? Если бы Роббан всюду следовал за тобой?

«Не очень», — подумала Ханне, но ничего не сказала.

— А другая, Заида, работает в вечернюю смену трижды в неделю. Так ей пришлось взять больничный, потому что ей страшно возвращаться с работы в темноте.

Ханне огляделась.

Вокруг не было ни души, но за освещённым прямоугольником окна она различила силуэт женщины, которая, кажется, наблюдала за ними. Может быть, и другие обеспокоенные жители Эстертуны стоят сейчас у своих окон, глядя в темноту.

Линда отперла авто.

— Прости, — сказала она. — Здесь грязно. Нужно немного прибраться. Подожди чуток.

Линда опустила на водительское сиденье и принялась скидывать одежду, газеты и что-то похожее на бутылку из-под содовой назад.

Ханне терпеливо дожидалась, а когда Линда покончила с уборкой, села в пассажирское кресло рядом с ней.

Линда завела машину и поехала по направлению к центру, объезжая снегоуборочную технику. Они миновали единственный в городке ночной клуб. У входа в это некогда шикарное заведение стояли два темнокожих человека и курили. Неоновая вывеска «Гран Палас» покосилась. Стекло в одной из створок входных дверей было разбито и заклеено серебристой липкой лентой.

— На чём я остановилась? — спросила Линда, выкручивая термостат на максимум.

— Ты говорила, они напуганы.

— Да, спасибо. Они отчаянно напуганы. И злы.

— На кого?

Линда бросила на Ханне удивлённый взгляд.

— На нас, само собой. На кого ж ещё? Они считают, полиция ни черта не делает.

Ханне вернулась домой в начале девятого.

У Уве разыгралась мигрень, и он уже был в постели.

— Так холодно, — пожаловался он, и Ханне нечего было ему возразить, потому что холод проникал сквозь щели в оконных рамах, расползаясь по полу и, в конце концов, проникал даже в кровать. А Уве был к таким вещам более чувствителен, чем Ханне. Холод, влажность, резкие звуки — всего этого Уве не переносил. С ним немедленно приключалась экзема или кашель. Возникал необъяснимый жар или длительный упадок сил.

Но Ханне была сильной.

Она могла спокойно спать под звук отбойного молотка, и несмотря на то, что холод она тоже не любила, могла спокойно работать до тех пор, пока морозные узоры не покроют внутреннюю сторону окна в гостиной.

— Как прошла твоя терапия? — поинтересовалась Ханне.

— Как всегда, — отозвался Уве и снова зарылся головой в подушки.

Ханне ничего не стала говорить. «Как всегда» означало, что речь снова шла о его отце, а у Ханне сейчас не было сил вести о нем беседу. Вместо этого она села на кровать поближе к Уве.

— Мы до сих пор не знаем, кто он, — сказала она. — Болотный Убийца.

Уве издал громкий вздох.

— Ну почему тебе взбрело в голову работать именно с этим? — пробормотал он. — Почему? Чтобы позлить меня?

— Не всё на свете крутится вокруг тебя.

Он ничего не ответил, и Ханне успела подумать, что мигрень приключилась с ним очень вовремя, иначе сейчас между ними произошла бы крупная ссора.

— Хочешь поесть? — спросила она.

— Нет, мне кажется, меня сейчас вырвет.

Она погладила мужа по голове и вышла из спальни, чтобы приготовить себе поесть. Через полчаса она уже сидела на диване с тарелкой пасты и книгой инуитских преданий на коленях.

Прежде чем приступить к изучению особенностей человеческого поведения, Ханне изучала социальную антропологию. Она штудировала Франца Боаса и Бронислава Малиновски и мечтала на год отправиться на север Гренландии, чтобы там проводить практические исследования. Отчасти, вероятно, на неё оказал влияние увиденный в детстве старый документальный фильм — «Нанук, сын холода» — так он назывался. Но в основном это была заслуга её деда.

Карл Ивар Лагерлинд-Шён был легендарным полярником и путешественником. Их старинную усадьбу в окрестностях Гнесты украшали шкуры белых медведей, гарпуны и фотопортреты инуитов. Но более всего своим присутствием украшал эту усадьбу дед-алкоголик, который с большой охотой рассказывал внучке о своих приключениях на просторах Арктики, и пересказывал ей предания инуитов.

Больше всего Ханне любила слушать о том, как море поглотило Седну. Красивая, но тщеславная инуитская девушка Седна сбежала от своего отца с буревестником, чтобы стать его женой. Буревестник обещал Седне, что отнесёт её в чудесную страну, где ей никогда не придётся голодать, их шатёр будет сделан из самой лучшей кожи, а спать Седна будет на мягких медвежьих шкурах. Но когда они добрались до места, оказалось, что жилище сделано из старой рыбьей кожи, которая пропускала холод и ветер, спать пришлось на старой грубой моржовой шкуре, а есть — сырые рыбы потроха.

Весной отец отправился навестить дочь, и увидел, что та была измучена и пребывала в отчаянии. Тогда он убил её супруга и на своей каяке повёз Седну домой. Только птицы решили отомстить за Буревестника. Они наслали на море страшный шторм, и отец решил принести девушку в жертву морю, чтобы успокоить птиц. Он сбросил её в ледяную воду, а когда Седна, вцепившись в борт, не хотела отпускать лодку, отец отрезал ей пальцы. Пальцы канули в морскую пучину и превратились в китов и тюленей. В конце концов море поглотило Седну, и она сделалась там владычицей — богиней моря.

Сильнее всего поразила маленькую Ханне жестокость этого предания: собственный отец бросил Седну в море, обрекая на верную смерть, а потом отрезал ей пальцы, один за другим, словно это были сосиски.

Она хотела знать больше. Она хотела понять, как отец мог так поступить с собственным ребёнком.

Ханне хотела забраться в голову к этому странному папе и прочесть его мысли. Препарировать их. Раскрыть перед собой, словно внутренности во время вскрытия, и под светом прожектора отыскать патологию. Ошибку, из-за которой он стал таким злым.

«Да, — подумала Ханне. — Наверное, всё началось не с мамы. Все началось с Седны, с рассказа о тьме и жестокости. Всё началось с жажды понять, откуда взялась эта тьма».

Так что профессиональная жизнь Ханне, в том виде, в каком она пребывала сейчас, началась с девушки по имени Седна.

В начале двенадцатого Ханне отправилась спать.

Она тихонько легла, не включая свет, и в её мыслях снова возник Берлинпарк: дети, делавшие «ангелов» на снегу и их мамы, переминающиеся с ноги на ногу, чтобы согреться.

Они напоминали Ханне пугливых косуль — невинных, не ведающих о хищнике, что притаился во мраке, считая себя в безопасности в окружении подруг.

Потом Ханне уснула рядом с мужем и не видела во сне ни Болотного Убийцу, ни пресловутого парка.

Проснулась Ханне от холода.

Было так холодно, что она дрожала, пальцы одеревенели и не слушались.

Протянув руку, она пощупала пустую постель и поняла, что Уве ушёл, но едва осязаемое тепло, оставшееся на том месте, где он лежал, свидетельствовало о том, что ушёл он недавно. Часы на прикроватном столике показывали половину четвёртого.

Ханне встала и нащупала на стуле халат. Накинула его, поплотнее запахла и крадучись пошла в кухню. Через закрытую дверь доносился голос Уве, но разобрать, что он говорил, не получалось. Голос возвышался и затихал, на мгновение замолкал и снова принимался говорить.

Ханне подошла вплотную и уже протянула руку к дверной ручке, как вдруг внезапно смогла разобрать слова Уве.

— But I can't. She would kill me, you know. ^[25]

Почему он говорит по-английски?

И тут до неё дошло.

Был только один человек, с которым Уве общался по-английски, и этого человека звали Эвелин. Психотерапевт с Уденплан, у которой в приёмной и впрямь стоял нелепый диван, прямо как в фильме Вуди Аллена. Та самая Эвелин, несколькими годами моложе Уве, «совершенно непривлекательная, однако вполне компетентная».

Ханне застыла на месте, прислушиваясь.

— I understand that you want to keep the baby. I feel the same way.^[26]

Холод разлился в груди Ханне, и комната закружилась волчком вокруг неё. На мгновение Ханне показалось, что она не устоит на ногах, поэтому она покрепче схватилась за ручку двери.

Keep the baby^[27].

Сколько раз между Ханне и Уве происходил разговор о детях? Сколько раз она выслушивала, как он перечисляет аргумент за аргументом в пользу того, чтобы не заводить детей?

И вот она оказалась здесь.

Она оказалась здесь, потому что любила его, а теперь Уве говорит этой Эвелин, чтобы она оставила ребёнка, отцом которого, предположительно, он сам и являлся.

Перед мысленным взором Ханне услужливо замелькали воспоминания. Уве объясняет, что теперь должен чаще посещать своего терапевта, потому что его отец стал чувствовать себя совсем плохо. Уве звонит и говорит, что задержится, потому что сейчас настал критически важный момент в терапии и ему необходим сдвоенный сеанс. Дорожная сумка, в которой лежат зимние вещи, в то время как конференция проходила в Майами. Подарки, которые Уве вручил Ханне по приезду домой, и его грустный взгляд, сопровождавший слова «Красавица Ханне».

Постепенно на смену шоку пришёл гнев.

Ханне рывком распахнула дверь, так что та ударилась о стену, и с воплем ворвалась в кухню.

Когда они вволю накричались, а Ханне, слушая исповедь Уве, ополовинила бутылку вина, она снова забралась в постель и легла рядом со своим спящим мужем. Вокруг было темно, и Ханне окоченела — одновременно от сквозняка и от шока.

Она не могла понять, как же они оказались в этой ситуации. У них была идеальная жизнь. Они любили друг друга — во всех смыслах. А в их равноправных отношениях отсутствие детей было договорным пунктом.

Конечно, они не всегда были друг другу верны и одно время даже практиковали свободные отношения. Но это было до того, как они поженились и Ханне поняла, что не хочет ни с кем делить Уве. К тому же, больше ей совершенно не хотелось спать с другими мужчинами.

Несмотря на отчаяние и гнев, Ханне тут же принялась искать причины, которыми можно было бы оправдать предательство, случившееся на чёртовом диване на Уденплан, в результате которого непривлекательная, но компетентная женщина забеременела.

Может быть, он почувствовал себя нелюбимым, потому что она много работала, невзирая на болезнь его отца? Или её научные достижения заставляли Уве чувствовать собственную ограниченность, поскольку с тех пор, как Ханне защитила докторскую, весь фокус внимания сместился на неё? Вероятно, существовал какой-то лимит в их отношениях, сверх которого нельзя было засорять их собственной персоной?

Может быть, он был немного напуган?

Должно быть, так.

Уве был напуган. Он, к примеру, считал, что маленькие дети таят в себе опасность — для отношений, карьеры и всего прочего, чему он придавал значение в жизни. И он боялся принимать решения, боялся выбирать. Ханне или Эвелин? Ребёнок или его отсутствие? Но есть вещи, которые нужно делать, даже если это сложно, думала Ханне. В противном случае ты не человек, а всего лишь маленькая кучка дерьма, как однажды выразилась Астрид Линдгрэн. [\[28\]](#)

А прямо сейчас Ханне склонялась к тому, что Уве был кучей дерьма. Большой испуганной кучей дерьма.

Следующие три недели не были богаты событиями.

В квартире на Шеппаргатан царил холод, и в переносном значении тоже. Они, конечно, разговаривали друг с другом, но между ними теперь всегда стояла Эвелин со своим дурацким диваном, и эта стена была выше и неприступнее Берлинской. Что было ещё хуже: Уве так и не решил, как он собирается поступить: остаться с Ханне или оставить её, чтобы создать ту семью, которой никогда не желал?

«Мне стоило бы выставить его, — думала Ханне. Не стану же я жить с ним после того, что он натворил?»

Но сама мысль о том, чтобы его лишиться, пробуждала в ней такое отчаяние, что Ханне казалось, она рассыпется на кусочки и больше никогда не сможет себя собрать воедино.

Несколько раз они пытались обсудить ситуацию, но эти попытки всегда заканчивались криками Ханне, а однажды она даже запустила в стену старинной и очень дорогой хрустальной вазой.

Ваза разбилась на тысячу осколков, а на стене отныне виднелась уродливая вмятина, от которой расходились в стороны несколько глубоких трещин. Каждый раз, входя в кухню, Ханне обращала свой взгляд на эту стену и ощущала некое подобие удовлетворения от того, что страдания, которые она испытывала в душе, нашли выход в физической реальности. Словно наличие этой вмятины и трещин доказывало, что горе и гнев жили не только в голове Ханне.

Вечерами она стала выпивать больше обычного. Три бокала, четыре. Иногда больше. В один из таких вечеров она набрала номер Мии и расплакалась. И несмотря на то, что вовсе не собиралась этого делать, рассказала ей всю историю неверности Уве.

Миа, как обычно, оказалась мудрой и понимающей. Она дала Ханне совет подождать, пока к той не придёт окончательное решение. Ханне в ответ пробормотала что-то типа того, что тоже хотела бы жить с женщиной, ведь это, на её взгляд, было легче.

Миа от души расхохоталась и заметила, что Ханне очень мила, когда идиотничает, а если бы она знала, какие между ними разыгрываются драмы...

Потом Ханне легла на диван, укрывшись толстым шерстяным пледом, и тихо заплакала. Она плакала почти беззвучно, потому что

последнее, чего ей тогда хотелось, — это выслушивать утешения Уве. Только когда он уснул, Ханне тоже отправилась в кровать.

Однако временами они пытались сблизиться. Во всяком случае, частично. Когда Ханне проходила мимо Уве в прихожей, он несколько раз ловил её за руку и посылал ей взгляд, исполненный такой печали и нежности, что горячие слёзы тут же вскипали у Ханне под веками. И бывало, встретившись с ним взглядом, Ханне не отнимала у него руку.

Невзирая на царивший в её душе хаос, Ханне продолжала жить. Она преподавала и руководила научной работой студентов в университете. Пару раз в неделю она посещала полицейское управление для участия в совещаниях. Роббан оставался всё таким же кислым. Или озлобленным. Или оскорблённым, Ханне не могла подобрать верное определение. Вот только дружелюбное и немного шутливое настроение, которым их общение было проникнуто вначале, напрочь исчезло. Единственной в группе, кто до сих пор был полон энергии, оставалась Линда. Она в шутку говорила, что ей нравится роль новоиспечённой мамочки, и она даже подумывает перебраться в Эстертуну вместе со всеми своими одеялами. Что там у неё больше друзей, чем в городе, и кто знает — может, со временем она заведет себе ещё больше одеял. Потом Линда громко смеялась.

То, что хоть кто-то в группе оставался в хорошем настроении, было удачей, ибо расследование продвигалось туго. Несмотря на обход квартир, на обзвон телефонных номеров, на все показания свидетелей и недавно открытую горячую телефонную линию, у них всё ещё не было подозреваемых.

Болотный Убийца так и оставался тенью.

А в Эстертуне росла и ширилась паника.

В одиночку женщины больше не появлялись на улицах по вечерам. Они ходили исключительно группами или в сопровождении своих мужей и близких мужчин. Слесари работали сверхурочно, не успевая устанавливать дополнительные замки и дверные цепочки в домах близ Берлинпаркен. Вечерние газеты смаковали ужасающие подробности, в полицейский участок Эстертуны кто-то подбросил свёрток с собачьим дерьмом, а гражданское объединение «Друзья Эстертуны» созвало народный сход на площади, где в очередной раз прозвучали требования об отставке коммунальной администрации. Телевидение, конечно, было тут как тут, документируя события. Брали

интервью у перепуганных женщин и панорамной съемкой давали толпу взволнованных демонстрантов.

Два дня спустя случилось невообразимое — то, что буквально поставило страну на колени, а также повлекло разрушительные последствия для тех, кто расследовал дело Болотного Убийцы.

Вечером 28 февраля 1986 года премьер-министр Швеции Улоф Пальме вместе со своей супругой Лисбет шёл домой пешком по улице Свеавеген в центральном Стокгольме. Они возвращались из кинотеатра. С ними не было телохранителей, и супруги наслаждались прогулкой по городу — как самые обычные жители Стокгольма.

В двадцать три часа двадцать минут на подъеме улицы Туннельгатаан их догнал вооружённый человек. Улоф Пальме получил выстрел в спину, а Лисбет Пальме была легко ранена по касательной. После этого преступник быстро скрылся.

Улоф Пальме скончался на месте происшествия.

Ханне услышала эту новость по радио на следующее утро, и на какое-то время та невидимая стена, что возникла между ней и Уве, словно растворилась, рассеялась, как ночной кошмар в ярком свете утреннего солнца. Они держались за руки и долго разговаривали — о смерти, которая имеет свойство разделять, сеять раздор, рождает ненависть — и в то же время объединяет.

Ханне почувствовала это сразу, как вошла в здание управления на следующей неделе. Там царила новая атмосфера. В коридорах переговаривались шёпотом и обменивались серьёзными взглядами. По лестницам вприпрыжку сновали сотрудники, а на полу в одном из кабинетов виднелись пустые жестянки из-под колы и картонки от пиццы — свидетельства чьей-то сверхурочной работы.

Когда Ханне вошла в конференц-зал, все уже были на своих местах, но сегодня даже Линда выглядела мрачно. Губы её высохли и растрескались, а тонкая кожа под глазами просвечивала голубым. Она больше не шутила о своем «малыше» из одеял или о намерении переехать в Эстертуну.

Лео сидел молча, держа подушечку снюса в руке. Его худое тело согнулось над столом, взглядом он уставился в пол, а жидкие волосы выглядели давно не мытыми и нечёсанными.

Роббан откашлялся.

— По причине, которая всем вам, без сомнения, известна, наблюдение за Берлинпаркен прекращено, — объявил он.

— Я считаю, это большая ошибка, — сказала Ханне. — Он снова нападёт.

Роббан поднял руку, призывая её замолчать, но Ханне упрямо продолжила:

— Стали бы вы прерывать операцию, если бы нападение ожидалось не в Эстертуне, а в одном из благополучных предместий? Если бы Болотный Убийца распинал представительниц высшего класса, а не несчастных одиноких матерей?

— Это не имеет отношения к делу, — отозвался Роббан.

— Правда? Отлично, мне всё ясно. Кучка распятых женщин из нищего района, переполненного приезжими, конечно, ни в какое сравнение не идёт с убийством премьер-министра Швеции.

— Достаточно! — взревел Роббан. — С меня достаточно твоих советов. И твоего так называемого профилирования. Мы угробили на это два месяца работы, и больше я не могу тратить время. К тому же, Хансу Хольмеру с командой нужны парни на подмогу.

Ханс Хольмер — начальник полицейского управления Стокгольма, вот уже неделю как взял на личный контроль расследование убийства Улофа Пальме. Точно сказать, при каких обстоятельствах ему это было поручено, не мог никто, но злые языки поговаривали, что Хольмеру важнее было регулярно появляться на многочисленных транслируемых по телевидению пресс-конференциях, нежели собственно руководить расследованием.

— Это не обсуждается, — припечатал Роббан и впервые за долгое время встретился взглядом с Ханне.

Ханне долго смотрела на него испытующим взглядом. Ей показалось, что в загорелых чертах Роббана проглядывало некое довольство. Ханне вспомнилась дискуссия, которую несколько недель назад вызвали представленные ею выводы. Когда Ханне заявила, что преступник мог ощущать себя оскорблённым своими жертвами.

Ханне тогда отметила хорошо замаскированное сомнение в голосе Роббана:

«Но если кто-то не хочет идти на свидание, разве такой мелочи достаточно для убийства?»

«Ты тоже чувствуешь себя оскорблённым, — подумала Ханне. — Оскорблённым и униженным моим отказом».

— Можешь прийти завтра и забрать свои вещи, — продолжал Роббан, кивая в сторону Ханне. — Впоследствии, я полагаю, нам больше не понадобится твоя...

Он взял театральную паузу и возвёл глаза к потолку.

— ...твоя так называемая помощь, — заключил он.

— Всё ясно, — ответила Ханне.

— Отлично.

В помещении повисла тишина.

Роббан прокашлялся.

— Ты разыскал этого фон Бергхоф-Линдера? — задал Роббан вопрос, обращаясь к Лео.

— Да. Вообще-то, я с ним вчера беседовал. Он работал в Службе Государственной Безопасности — в сороковые это была предшественница СЭПО. Он хорошо помнит события в Болоте, но утверждает, что никогда не подозревался в убийстве и даже не был допрошен. И не помнит разговора ни с каким Фагербергом. ^[29]

— Странно, — сказал Роббан. — Где он сейчас живёт и сколько ему лет?

— Семьдесят шесть. Проживает в небольшой квартире на площади Юрхольм. Но — и сейчас это особенно актуально — вырос он в Эстертунской Усадьбе.

— В Эстертунской Усадьбе?

Роббан подался вперёд всем телом.

— Да, в бывшей дворянской усадьбе, которая была экспроприрована, когда в конце пятидесятых строился центр Эстертуны. Земля определённо принадлежала фон Бергхоф-Линдерам. Им до сих пор принадлежат там обширные угодья. Они десятилетиями ссорятся с коммуной, требуя прекратить эксплуатацию Эстертунских угодий.

— Это может быть просто совпадением, — сказала Линда.

— Я не люблю совпадения, — огрызнулся Роббан. — Но семьдесят шесть лет! Боже мой, вряд ли он может иметь отношение к двум последним убийствам. И даже если он замешан в убийстве в Кларе, срок давности давным-давно вышел.

Роббан немного помолчал.

— Вчера мне звонил Фагерберг, — неожиданно произнес он.

— Чего он хотел? — спросил Лео.

— Он сказал, что много размышлял. Что он пришёл к выводу, что Болотный Убийца рассматривает себя как некий светоч совести, призванный наказывать беспутных женщин. Поэтому он считает, что нам следует сосредоточить поиски на религиозных кругах.

Лео фыркнул.

— Ты спросил, что он забыл около Берлинпаркен?

Роббан кивнул.

— Он подтвердил, что был там. Сказал...

Роббан взял короткую паузу, почесал голову и продолжил:

— ...что боялся, мол, Болотный Убийца поселился у него в голове.

По выражению лица Лео было сложно что-либо понять.

Роббан продолжал.

— Потом я спросил, почему в материалах дела отсутствовала информация о том, что Бритт-Мари приходилась дочерью полицейской сестре, которая обнаружила первую жертву убийства в Кларе.

— И что он ответил? — спросил Лео.

— Что не посчитал этот факт достойным упоминания. Что не видел возможной связи между преступлениями. Но лично мне кажется, что он просто не хотел лишиться инспектора. Потому что если бы этот факт был предан огласке, она больше не смогла бы работать над делом.

— Ну и гнилой старикашка, — прокомментировала Линда.

— Опустим это, — оборвал её Роббан.

Он глубоко вздохнул и потянулся к стопке документов, лежавшей на столе. Пролистал несколько и покачал головой.

— Это звонки на горячую линию? — догадался Лео.

Роббан кивнул.

— Всякая ерунда, если честно. Но мы должны проверить всё. Линда, одна дама из центральной Эстертуны утверждает, что её сосед себя подозрительно ведёт. Включает по ночам громкую музыку и иногда носит какую-то «грабительскую» шапочку. Можешь съездить поговорить со старухой?

— Конечно, — отозвалась Линда, принимая из рук Роббана листок с адресом. — Я займусь этим завтра. Сегодня я записана к врачу.

Роббан кивнул и перевёл взгляд на Лео.

— Один из торговцев рассказал, что какой-то «Вольво Амазон» часто видели на центральной площади Эстертуны. Возьмёшься за это?

Лео взял листок, но отрицательно замотал головой.

— Ты сейчас серьёзно? Если да, то нас ждёт провал. Каковы шансы, что через двенадцать лет преступник будет ездить на той же самой машине? Если в семидесятых это вообще был он.

Роббан положил ручку на стол и принялся массировать виски обеими руками.

— Заткнись, — усталым голосом произнёс он. — Вместо того, чтобы сидеть и жаловаться, хоть один раз займись чем-то полезным, чёрт тебя возьми!

На выходе из конференц-зала Лео поймал Ханне за руку. Глянув через плечо на Роббана, который стоял у окна к ним спиной, засунув руки глубоко в карманы, Лео потянул её в сторону.

— Как ты? — спросил он.

— Нормально.

Он скользнул взглядом по её фигуре и медленно покачал головой.
— Тебе не стоило принимать это на свой счёт. Он бывает редкостной задницей. Он такое проделывает уже не в первый раз.

— Роббан?

Лео заглянул в глаза Ханне и крепко взял её за плечи.

— Ты отлично поработала, Ханне. Понимаешь?

— Угу.

— Ты не заслужила подобного отношения.

Ханне не успела ответить, как к ним подошла Линда.

— Я довезу тебя до дома, — сказала она.

— Это лишнее.

— Успокойся. Мне всё равно нужно к врачу в Йердет, это по дороге.

Взглянув на Лео, Ханне подняла на прощание руку и пошла прочь. Он смотрел ей вслед, пока они с Линдой не пропали из виду.

Едва они оказались на тесной лестничной клетке, Линда принялась браниться.

— Что, чёрт побери, он о себе думает, — бормотала она. — Так бесцеремонно вышвырнуть тебя. Чёртов членосос.

Ханне ничего не ответила.

Когда они сели в машину и отъехали от здания управления, Линда метнула в сторону Ханне быстрый взгляд.

— С тобой всё хорошо?

— Само собой, — автоматически отозвалась Ханне. То, что только что произошло в полицейском управлении, было наименьшей из её проблем.

— А с тобой? — спросила Ханне. — Я имею в виду, ты ведь собралась к врачу.

Линда улыбнулась.

— На все сто. Нужно только проверить интимные запчасти.

Ханне замаялась. Она не могла объяснить, почему не рассказала Линде о предательстве Уве. Возможно, ей было стыдно признаться, что он до сих пор не принял решения.

— Если честно, — заговорила Ханне, — дела у меня неважные.

— Нужно было вмазать ему по морде, — немедленно отозвалась Линда, кивая самой себе и угрюмо глядя на Ханне.

— Нет, — тихо сказала Ханне. — Дело не в Роббане. Это всё Уве.

— Твой муж?

— Он. Его. Его терапевт. У них была интрижка, и теперь она ждёт ребёнка.

Линда резко затормозила позади какой-то фуры и, вихляя, спешно перестроилась в другой ряд.

— Дьявол, — выругалась она. — Ханне, почему ты молчала?

Ханне глядела на машины, которые извивающимся потоком стремились в сумерках к деловому центру.

— Я...

— Он тебя не заслуживает, — горячо перебила её Линда. — Я надеюсь, ты его выставила?

— Нет, но...

— Шутишь? Почему нет?

— Потому что. Ему негде...

— Об этом ему стоило подумать прежде, чем он во всё это ввязался, — оборвала Линда, энергично сигналив ветхому автобусу «Тойота» с разбитым задним фонарём. Потом она сделала глубокий вдох, потянулась вперёд и убавила мощность вентилятора.

Линда накрыла своей ладонью руку Ханне, её прикосновение было тёплым и мягким.

Против воли Ханне почувствовала, как к глазам подступают слёзы.

— Эй, — сказала Линда. — Можешь пожить у нас, если хочешь. У нас тесновато — тридцать шесть квадратов, но ты можешь оставаться сколько пожелаешь.

Ханне молчала.

— Подумай об этом, — продолжала Линда. — И звони когда угодно. Даже посреди ночи, если нужно. Договорились?

— Договорились, — ответила Ханне, ощущая жгучий стыд от того, какую щедрость и сочувствие проявила к ней Линда.

А сделала бы Ханне то же самое для неё?

Когда Ханне пришла домой, Уве уже был там. В гостиной потрескивал в камине огонь, а из динамиков лились звуки джаза. Из кухни доносились ароматы розмарина и чеснока, а на мойке стояла полупустая бутылка кьянти. Рядом с ней лежал штопор, на острие которого всё ещё сидела пробка, словно колбаска для гриля, насаженная на шампур.

Уве подошёл к ней. Он был одет в один из своих пуловеров — лохматый свитер горчичного цвета, который, как было известно Ханне, Уве получил в подарок на Рождество от своей матери много лет назад и который Ханне давно порывалась выбросить.

— Привет, — сказал он, неловко обнимая Ханне.

— Привет.

Она сбилась с толку, как частенько бывало в последнее время. Просто не успевала вписаться в очередной поворот.

«А что, сегодня — день объятий?»

Но прежде, чем Ханне успела что-нибудь сказать, Уве взял её куртку и повесил на плечики. Они прошли в кухню. Уве надел рукавицы и вытащил из духовки стейк из баранины, а затем выложил его на блюдо — остывать. Когда сок капал на горячий противень, тот шкворчал и шипел.

Фрейд завилял хвостом и уселся возле мойки, не сводя преданных глаз с блюда со стейком.

— Я подумал, что нам стоит поговорить, — сказал Уве.

— Ясно, — отозвалась Ханне, глядя на уродливую вмятину в стене.

— Вина?

— Да, спасибо.

Он взял бутылку и плеснул в бокал тёмно-красной жидкости. Потом поставил его перед Ханне, а сам устроился на стуле напротив.

— Эвелин не собирается оставлять ребёнка, — заявил он, и его лицо сморщилось, словно от боли. Глаза увлажнились, а нижняя губа задрожала.

— Вот как.

Уве помолчал пару мгновений и снова заговорил:

— Мы можем попробовать начать всё заново, любимая моя Ханне?

Он протянул к ней руку, и она непроизвольно взяла её. Его ладонь так тепло и знакомо покоилась в её руках. Сухая шершавая кожа, выступающие костяшки пальцев — всё это было такое родное, что Ханне не могла бы сказать, где кончается она и начинается он.

— Мне так жаль, — продолжал Уве, и Ханне решила — вот оно, раскаяние. Однако Уве продолжил свою речь со слезами в голосе:

— Я не понимаю... Она же сказала, что хочет сохранить ребёнка. Я сам этого не хотел, но постепенно стал привыкать к этой мысли.

Сердце Ханне куда-то упало.

Он в самом деле сидит здесь и плачет из-за того, что любовница не желает рожать его ребёнка? Когда сам он сотню раз говорил Ханне, что вообще не хочет иметь детей? Он оплакивает своего нерождённого ублюдка и в то же самое время уговаривает её начать всё заново?

— Мне было так плохо, — продолжал он, громко всхлипывая. — Так ужасно плохо. Тебе не понять, как всё это для меня непросто. Сначала эта беда с папой, теперь история с Эвелин. Господи, я не знаю, как выбраться из этого и жить дальше!

«А я знаю, — думала Ханне. — Я буду жить дальше, и буду жить с тобой, потому что так ведь поступают женщины, верно?»

— Ты считаешь, мне было легко? — спросила она вслух и выпустила его ладонь, думая над словами Линды.

Что Уве её не заслуживал.

Уве зарылся лицом в ладони и снова начал всхлипывать.

— Знаю, знаю, я вёл себя как идиот. Но я не виноват в этом, такой уж я есть. Когда я рос, отца не было рядом, и меня воспитывала гиперпекающая мать. Мне сложно выстраивать границы, ты же знаешь. Но я люблю тебя, Ханне. Я всегда любил тебя.

— Почему же тогда ты трахался с Эвелин?

Уве задрожал, но так и остался сидеть, закрыв лицо руками. На мгновение Ханне ощутила, как сладость триумфа разливается в её жилах. Она была жестока сейчас и знала это. Всё, что она сейчас чувствовала, — пьянящее удовлетворение, которое, подобно алкоголю, овладевало её телом. И подобно алкоголю, это чувство заставляло желать повтора, желать большего.

Ханне устремила взгляд мимо Уве, в гостиную, где на стене висели жемчужная мексиканская маска и южноафриканский кисет — как напоминание о предательстве Уве.

Теперь Ханне знала, что нужно делать.

Она должна сказать, что ей необходимо всё обдумать. Должна заставить его пережить ту же неопределённость, какую пережила она. Он должен узнать, что значит не спать ночами, глядя в темноте на летящие мимо окна снежинки. Терзаться от неведения, придёт ли она домой или предпочтёт провести ночь где-то в другом месте.

Она дала ему всё, чего он просил. Преподнесла саму себя на серебряном блюде, прямо как дурацкий стейк, который сейчас застывал у неё за спиной. Она не стала матерью. Она покорно поддерживала общение с его изысканными друзьями. Ходила на концерты, которые не хотела слушать, и терпела его бесконечный трёп о своём отце.

Ей и в самом деле стоило послать его на все четыре стороны.

Уве выпрямился и вытер слёзы с лица.

— Красавица моя, Ханне, — невнятно пробормотал он.

В это мгновение Ханне поняла, что её внешность — проклятие, потому что она возбуждает в мужчинах вождление, о котором Ханне не просила и отвечать за которое не могла. Так чего на самом деле хотел Уве, и чего хотел Роббан? Человека Ханне или только тело Ханне?

Она взглянула на Уве.

Щеки мокрые от слёз, лицо искажено болью. Волосы завиваются на висках. А глаза — глаза умоляют её точно так же, как глаза их пса, который сидит и нервно подёргивает хвостом, переводя взгляд с хозяев на стейк и обратно.

— Хорошая моя, — жалобно проговорил Уве.

Но Ханне не нашла в себе сил простить и идти дальше.

И не хотела искать, если уж на то пошло.

— Не знаю, — проговорила она. — Я и в самом деле не знаю, есть ли у меня желание продолжать. Я собираюсь поехать в страну басков, погостить у Мии. И я хочу, чтобы ты подыскал себе другое жильё за это время.

К тому моменту, когда на следующий день Ханне в последний раз приехала в полицейское управление, она успела свыкнуться с мыслью о том, что её краткие гастроли в Госкомиссии окончены.

Роббан обошёлся с ней несправедливо, но у Ханне не было иного выбора, кроме как подчиниться. Она даже не рассматривала вариант пойти к его начальству или обратиться с жалобой в отдел кадров. Кто ей поверит, решишь она рассказать о приставаниях Роббана тем холодным декабрьским вечером? А если и поверят, кого это вообще должно волновать? Как женщине, ей следовало отнестись снисходительнее к заигрываниям подвыпившего коллеги.

Во всяком случае, такой женщине, которая выглядела, как Ханне.

Она даже с Уве не могла этим поделиться.

Она не забыла его слов, сказанных в пылу спора.

Ты что, действительно считаешь, что они станут прислушиваться к тебе? Думаешь, их хоть сколько-нибудь интересуют твои прекрасные умопостроения?

Ханне думала о теле Анны Хёёг, найденном в квартире близ Берлинпаркен. Об окровавленном лице и шляпках гвоздей, торчавших из её ладоней. Думала о Бритт-Мари и об Эрике, её угрюмом сыне-подростке, с застывшим на прыщавом лице выражением отвращения, когда он передавал им коробку с вещами своей матери.

...это можете забрать... мне это без надобности.

Ханне захлестнуло такое ощущение горя, что ей стало трудно дышать. Словно грудь стянули ремнями, а острая боль отдавалась в плечи и руки.

Ханне казалось, что она падает. Тонет в морской пучине, как Седна тонула в ледяных северных водах.

Когда Ханне складывала свои вещи в бело-голубой пакет универмага «Консум», её разыскала Линда.

— Поедешь со мной в Эстертуну?

Ханне подняла взгляд на широко улыбавшуюся Линду.

— А зачем тебе туда?

— Нужно проверить сведения с горячей линии. Поехали. Тогда мы с тобой ещё успеем поболтать.

Ханне в задумчивости поглядела на свой пакет.

Если по ком из этого здания она и станет скучать, так только по Линде.

— Хорошо, — согласилась она.

— Как дела дома? — спросила Линда, когда они уселись в машину.

— Она, в смысле, терапевт, не собирается оставлять ребёнка. Уве хочет помириться.

Линда фыркнула.

— Надеюсь, ты не сказала «да».

— Я сказала, что ему стоит подыскать себе новое жильё.

— Ты чертовски правильно поступила.

— А как дела у вас? — спросила Ханне, не в силах много говорить об Уве. — Как подготовка к свадьбе и всё такое? — добавила она.

— О, — воскликнула Линда и принялась взахлёб рассказывать о свадебном путешествии, которое они решили провести в Италии — там заметно дешевле, чем во Франции, а еда почти такая же вкусная. А потом Линда поделилась с Ханне, что недавно была у сестры на примерке платья.

— Мне нужно скинуть пару кило, — засмеялась она, хлопнув себя по животу. — Но платье — сказочное. Представляешь, на него ушло почти десять метров ткани!

— Ух ты, — восхитилась Ханне, разглядывая покрытые снегом ели, которые проносились мимо окна машины. Они были похожи на присыпанные пудрой пряники, расставленные кем-то по стойке «смирно» вдоль шоссе. Вдоль обочин тянулись высокие отвалы грязно-серого снега, похожие на бесконечно длинных змей, ползущих на север.

Линда вдруг посерьёзнела и прикусила губу.

— Чёрт возьми, Ханне. Я буду так сильно по тебе скучать.

— А я по тебе.

— Мы же можем иногда встречаться?

— Конечно, мы с тобой будем видеться, — ответила Ханне, прекрасно зная, что это ложь. У поворота на Эстертуну она сказала:

— Ты не могла бы остановить в центре? Мне нужно зайти на почту.

— Конечно. Я заеду на квартиру, заберу одеяла. Ой, прости, заберу малыша. Иди на почту, встретимся возле полицейского участка. Та тётка, что звонила на горячую линию, живёт неподалёку.

Центр Эстертуны был затянут серой дымкой. Вокруг стояли бункерообразные бетонные строения, а торговцы упрямо толклись на площади, пытаясь бороться с холодом. Люди входили и выходили из магазинчиков, а группа молодых людей оккупировала угол возле туалетной будки. Возможно, Линда именно их имела в виду, рассказывая о том, как здесь продаётся крэк прямо под носом у полиции. Или Ханне — просто жертва предубеждений, которая считала, что самые обычные ребята с периферии обязательно должны торговать наркотой?

Когда Ханне упёрлась взглядом в фонтан перед полицейским участком, она никак не могла отделаться от мысли, сколько раз упругим шагом с развевающимися за спиной волосами проходила этой дорогой Бритт-Мари тем самым летом, почти двенадцать лет назад. А Рогер Рюбэк, стоя у окна, наблюдал, как она идёт через площадь и солнце светит ей в спину, и чувствовал, как в животе у него порхают бабочки.

Рюбэк сказал Ханне, что они были просто друзьями, но Ханне подозревала, что это было не совсем так — слишком много боли отражалось в его глазах.

Линда высадила её возле почты и поехала дальше.

Ханне вылезла из машины и сразу запахнула куртку, но сырость и холод всё равно успели запустить свои щупальца под подол и в рукава. Ханне поспешила в тепло почтового отделения и менее чем за пятнадцать минут договорилась о пересылке своей корреспонденции в страну басков. Она также купила марки и конверты, потому что ей нужно было сообщить коллегам из университета о своём отъезде.

Когда Ханне двинулась к полицейскому участку короткой дорогой через площадь, уже начало смеркаться и крупные хлопья снега беззвучно спускались с тёмного бархатного неба. Ханне спряталась под небольшим козырьком на крыльце участка и стала ждать.

Прошло почти полчаса с тех пор, как Линда покинула её, и она должна была вернуться с минуты на минуту. Линда ведь собиралась

забрать одеяла — а это не могло отнять много времени.

В полицейском участке кипела жизнь. Сквозь стеклянные двери Ханне видела, как ожидают приёма две женщины с талончиками в руках, а у рецепции стоит старик с тростью и шляпой и о чём-то спорит с женщиной в полицейской форме. Чуть поодаль были заняты беседой ещё несколько одетых в форму сотрудников, каждый из которых держал в руках чашку кофе.

Ханне начинала замерзать и принялась переминаться с ноги на ногу. Она снова бросила взгляд на свои наручные часы.

Сорок пять минут. Где её носит? Может быть, Линда имела в виду, что они встретятся не около участка, а внутри? После недолгих колебаний Ханне вошла внутрь.

Линды нигде не было видно, и Ханне решила обратиться к женщине за стойкой рецепции, которая, судя по всему, только что освободилась.

— Здравствуйте. Моё имя — Ханне Лагерлинд-Шён, я из Госкомиссии. У меня здесь назначена встреча с коллегой, Линдой Буман. Вы её здесь не видели?

— Ух ты, Госкомиссия! — округлив глаза, воскликнула женщина. — Нет, никого отсюда мы сегодня не видели. Но подождите немного, я спрошу у коллег.

Она исчезла за дверью и вернулась минутой позже.

— К сожалению, её никто не видел. Передать ей что-нибудь, если она появится?

— Могу я воспользоваться телефоном? — спросила Ханне.

Женщина провела её в комнатку за стойкой и указала на телефон, стоявший на маленьком письменном столике.

Ханне села на стул. Придвинула к себе аппарат и прижала палец к кнопке. Её руки так онемели от холода, что Ханне едва смогла набрать номер. А может быть, это страшное подозрение, которое пустило корни в её сознании, мешало рукам Ханне повиноваться её воле.

После трёх гудков трубку взял Роббан, и Ханне описала ему ситуацию.

— Когда вы должны были встретиться?

Ханне взглянула на часы.

— Она должна была вернуться сюда уже час назад. Я боюсь, что с ней что-то случилось.

— Случилось? Почему с ней что-то должно случиться?

— Она же отправилась в ту квартиру возле Берлинпаркен. Собиралась забрать одеяла. Не знаю, может быть, я напрасно разволновалась, но...

— Чёрт побери, — пробормотал Роббан, когда до него наконец дошёл смысл слов Ханне. — И ты позволила ей пойти туда одной?

Ханне удивилась и рассердилась одновременно.

— Что значит «позволила»? Разве моя работа — говорить Линде, что ей позволено, а что — нет?

Роббан снова выругался.

— Оставайся на месте, — скомандовал он. — Мы едем туда. Я отправлю ещё наряд патрульных.

Но Ханне не смогла сидеть на месте. Её преследовал звонкий смех Линды и взгляд Линдиных тёмных глаз. Её весёлая болтовня про свадьбу и про путешествие в Италию, и про свадебное платье, которое уже почти готово. А потом Ханне вновь подумала о Бритт-Мари.

В следующее мгновение Ханне выбежала из полицейского участка, забыв про конверты и марки.

Снегопад усилился, и Ханне, направляясь к Берлинпаркен, на бегу натянула на голову капюшон, но ветер тут же его сорвал. Ханне поскользнулась на льду и уже падала, но ухитрилась удержать равновесие, схватившись за фонарный столб.

Миновав винный магазин «Систембулагет» она свернула направо и ещё прибавила шаг. Едва не столкнувшись с молодой парой, которая везла детскую коляску, Ханне еле удержалась, чтобы не спросить у них, не видели ли они Линду. Потому что было вполне вероятно, что эта молодая женщина гуляла со своей коляской возле статуи на детской площадке в компании Линды. Но Ханне решила не останавливаться, потому что не могла отделаться от ощущения, что нужно спешить, очень спешить.

Волосы намокли, и талая вода начала затекать ей под ворот свитера, когда впереди среди снегопада замаячили деревья Берлинпаркен. Пальцы Ханне оцепенели от холода, а стопы онемели.

Ханне думала, что Линда могла оказаться на детской площадке. Остановилась ненадолго поболтать с одной из здешних приятельниц и задержалась.

В Италии всё заметно дешевле, чем во Франции, а еда почти такая же вкусная.

Но на детской площадке было темно и пусто.

Рядом с горкой притулился одинокий снеговичок. Вместо носа ему воткнули морковку, а вокруг шеи намотали что-то похожее на старое кухонное полотенце. Качели жалобно поскрипывали на ветру, словно скулил какой-то зверёк.

Ханне, не останавливаясь, побежала к дому, в котором побывала несколько недель назад, распахнула дверь, взбежала по лестнице и упёрлась прямо в дверь квартиры на первом этаже.

На двери не было таблички с именем, но Ханне узнала нужную дверь по небольшой царапине на древесине возле ручки.

Она постучала и стала ждать, но ничего не происходило, и тогда Ханне принялась колотить в дверь.

Стук эхом разносился по пустому подъезду.

Наконец Ханне упала на колени и осторожно заглянула в почтовую щель.

— Линда! — прокричала она. — Ты здесь?

В прихожей было темно, и всё, что Ханне смогла рассмотреть, — придверный коврик, на котором в беспорядке валялись рекламные брошюры, совсем как осенние листья на земле. Ханне показалось, что она слышит тихий скрип, за которым последовал глухой шлепок. Дуновение холодного воздуха вырвалось наружу из почтовой щели, когда Ханне аккуратно опускала заслонку на место.

Поднявшись на ноги, Ханне решительно схватилась за дверную ручку, но дверь подалась совершенно без всякого сопротивления, словно только того и ждала, чтобы впустить Ханне внутрь.

Войдя в прихожую, Ханне тут же оказалась в облаке ледяного воздуха. словно все силы зимы устремились к ней через прихожую этой маленькой квартирки. Ханне нажала на чёрную клавишу старомодного бакелитового выключателя, но под потолком не загорелся свет. Может быть, лампа не горела ещё в прошлый её визит, Ханне не могла вспомнить. Во всяком случае, когда они наблюдали отсюда за мамочками в парке, в квартире было темно.

Ханне с осторожностью прикрыла за собой входную дверь и немного постояла, чтобы глаза привыкли к темноте. До её слуха снова долетел слабый скрип. Из кухни слышен был звук капающей воды и монотонное гудение холодильника.

Ханне сделала пару шагов вперёд. Рекламные брошюры зашуршали, прилипнув к её мокрым подошвам. Сквозь окна гостиной был виден снегопад. И тут Ханне заметила ещё кое-что.

Одно из окон было приоткрыто, и в образовавшуюся щель залетали отдельные снежинки.

Ханне сделала ещё несколько шагов вглубь прихожей — два, три, четыре, но вдруг споткнулась о какой-то предмет на полу. Поморщившись от боли, она опустила взгляд вниз.

Предмет был похож на какой-то инструмент: узкий выгнутый металлический стержень с округлой рукоятью, похожей на небольшую чашку. А рядом — ещё один стержень с маленьким зеркалом на конце.

А потом Ханне парализовало.

На полу возле дивана кто-то лежал.

В полумраке Ханне могла различить контуры человеческого тела. Сцена выглядела почти умиротворённо, будто человек просто прилёг немного отдохнуть. Руки были раскинуты в стороны, а голова немного завалилась набок, но Ханне знала, что это не послеобеденный сон. Она бегом преодолела последние шаги к гостиной и щелкнула выключателем.

В комнате стало светло, слишком светло, ибо от света не укрылось ничто: ни кровь, ни смерть, ни следы проигранной битвы.

Она лежала на полу, одетая в толстый свитер, и голая ниже пояса. Слипшиеся окровавленные волосы превратились в паклю, а черты лица едва можно было различить. Повсюду вокруг неё были большие липкие лужицы крови, которые свидетельствовали о происходившей здесь жестокой борьбе. Из ладоней торчали чёрные шляпки гвоздей, которые были до боли знакомы Ханне.

«Нет», — пронеслось в голове у Ханне, потому что она не хотела, чтобы это было правдой. Этому нельзя было позволить быть правдой. Кто угодно, только не Линда.

Кто угодно, только не Линда.

Но на полу лежала именно Линда, в этом не было никаких сомнений.

Ханне бросилась к ней. Она вспомнила, что читала где-то, что сердце может ещё биться, когда человек уже выглядит мёртвым. Ханне опустилась на пол рядом с поверженным телом, приложила ухо к груди Линды, а пальцы — к её шее. Но она не почувствовала биения пульса и не услышала ударов сердца, не ощутила дыхания. Кожа Линды была до странности холодна и выглядела ещё белее обычного. Она была похожа на хрупкий белый фарфор, контрастируя со всем этим красным и липким вокруг.

Сквозняк захлопнул окно, и оно тут же со скрипом распахнулось настежь.

Ветер ворвался в комнату, принеся с собой несколько снежинок, которые опустились на щеку Линды.

Ханне встала на колени. Слезы обжигали глаза, а комок в горле твёрдым мячиком перекрывал дыхание, не давал сглотнуть.

Что-то торчало изо рта у Линды. Небольшая пластиковая карта, похожая на водительское удостоверение.

Ханне наклонилась, чтобы лучше рассмотреть.

Несмотря на окровавленные липкие волосы, которые покрывали лицо Линды, Ханне смогла разобрать надпись.

«Полиция» — гласили крупные красные буквы.

Кто-то засунул Линде в рот её служебное удостоверение.

Вскоре появились Роббан и Лео. Они вывели Ханне в подъезд и вызвали подкрепление. Прибыли ещё полицейские, и осознание произошедшего потихоньку стало приходить к Ханне, словно пейзаж, проступающий из темноты в рассветный час. Цвета становились ярче, запахи отчётливее. Звуки резали слух, а в ладонях и стопах свербило и жгло, когда холод начал покидать тело Ханне.

Она осела на каменный пол подъезда, привалилась головой к холодной бетонной стене и закрыла глаза.

Из квартиры доносились обрывки разговора.

Инструмент медвежатника. Теперь нам, по крайней мере, известно, как он проник внутрь.

...должно быть, ушёл через окно. Сообщил ребятам из подкрепления и...

«Это правда», — думала Ханне.

Это на самом деле.

Болотный Убийца добрался до Линды.

Её больше не было. Она ушла.

Её поглотила тьма, как Седну поглотила морская пучина.

И в Эстертуну пришла весна.

Из набухших на ветвях деревьев почек распускались нежные зеленые листья. Жители небольшого предместья чересчур поспешно поубирали свои куртки и пальто поглубже в шкафы, вытаскивая на свет божий весеннюю одежду, в надежде на то, что таким образом смогут ускорить наступление теплых дней.

Жизнь шла своим чередом, но Линды в ней больше не было.

Теперь и она превратилась в тень, присоединившись к сонму других жертв Болотного Убийцы.

Жених Линды выбрал для неё надгробие из полированного красного гранита, на котором были выбиты золочёные буквы. Над именем Линды выгравировали изображение маленькой пташки. Отчасти потому, что она любила всевозможных птиц, отчасти —

потому что Конни теперь нравилось представлять, что Линда перевоплотилась в маленькую пичужку — вроде того воробушка, который по утрам прилетал посидеть у него на окошке.

Линдина сестра долго думала, что теперь ей делать с почти готовым свадебным платьем, которое так и висело в спальне, надетое на манекен. Она не могла заставить себя продать платье или отдать его, но и выбросить рука не поднималась. В конце концов она решила повесить его подальше в шкаф, спрятав за зимними комбинезонами мальчишек и футлярами с коньками.

Там платье и осталось висеть.

Несколько месяцев спустя вечерние газеты прекратили писать об убийстве. А телерепортёры, которые раньше так стремились снять специальный выпуск о Болотном Убийце, вместо этого решили состряпать две часовых программы о до сих пор не раскрытом убийстве Пальме.

В здании полицейского управления на острове Кунгсхольмен Роббан с коллегами продолжали работу. Команда пополнилась несколькими новичками — несмотря на то, что полиция всё ещё охотилась на убийцу Улофа Пальме, все были едины во мнении, что ни один убийца полицейского не должен уйти от ответственности.

Они обошли все квартиры в округе, но очень скоро вынуждены были констатировать, что никто из соседей не видел, как преступник вылезает через окно. Они исследовали отмычку, которую преступник использовал, чтобы проникнуть в квартиру, но не обнаружили ни отпечатков пальцев, ни других следов. Они продолжали проверять информацию с горячей линии, но звонки теперь поступали не потоком, как раньше, а скорее спорадически, как редкие открытки от разъехавшихся друзей. Они проверяли новые гипотезы и опровергали старые. Заслушивали новые свидетельства, но не могли найти в них хоть что-то ценное.

Ханне стала одержима идеей проникнуть в сознание убийцы. Она изучила всё, что было возможно, об аналогичных случаях и несколько раз пыталась выйти на связь с Роббаном.

Но ему не нужна была помощь Ханне.

Бьёрн, потерявший одну стопу в результате несчастного случая, валялся на своём черном кожаном диване перед телевизором, заливая пивом отчаяние и непрошенные воспоминания. Все его дни были

похожи один на другой: нужно было наскрести денег на еду и выпивку, но необязательно в таком порядке. Иногда Судден заходил в гости с бутылкой водки. Тот успел провести три месяца в тюрьме за взлом, но Бьёрн не придавал этому факту какого-нибудь значения.

В августе Фагерберг переставил фото своей покойной жены со столика на полку, к другим фотографиям, и убрал свечку. Он всё чаще стал прикладываться к виски, но старался меньше курить, потому что на него напал отвратительный булькающий кашель, напоминавший Фагербергу кашель Пекки Кроока тем жарким летом в семидесятых. Сейчас у него вообще появилось много времени для размышлений, потому что дети заглядывали к нему нечасто, а телевизор он смотреть не любил. И вот теперь, когда он размышлял сидя в кресле, к нему всё чаще стали приходить мысли о Бритт-Мари.

«Ей стоило стать секретарём, — раз за разом думал Фагерберг. — Внешность у неё была приятная, и на машинке она печатала ловко».

Когда мысли Фагерберга не были заняты Бритт-Мари, он думал об Улофе Пальме. Фагерберг был потрясён убийством премьера, но не особенно удивлён, потому что давно чувствовал, что общество сбилось с пути. Фагерберг теперь многих вещей не понимал, многое, по его мнению, просто полетело к чертям, но это событие было другого рода. Это было убийство, а в убийствах Фагерберг кое-что смыслил.

«Они быстро его возьмут, — думал Фагерберг. — Это шизик-одиночка, а делу явно присвоят наивысший приоритет».

Однако Фагерберг ошибался.

Расследованию убийства Пальме суждено было стать самым всеохватным и дорогостоящим в истории Швеции. Оно длилось несколько десятилетий, сотни людей были задействованы в нём, и тысячи томов дела стали результатом этой работы.

А для Болотного Убийцы всё это означало отрядную передышку, ибо даже усердные следователи с Кунгсхольмена не могли оказаться в двух местах одновременно.

Весну сменило лето, а лето постепенно превратилось в затяжную дождливую осень, на пятки которой, словно навязчивый щенок, наступала зима.

Год следовал за годом, ибо время не ждёт никого и ничего.

Мальчишка, носивший в своей душе тьму, вырос в бабкином таунхаусе и превратился в молодого человека. Однажды Май позвонил его учитель. Он считал Эрика талантливым. У мальчишки, определённо, была светлая голова, и лучше всего для Эрика было бы продолжить учёбу в университете, потому что нельзя бросаться таким талантом. Учитель посоветовал Май поговорить с Эриком о его друзьях, а вернее, об их отсутствии. Выяснить, не страдал ли Эрик от депрессии. В его возрасте такое — отнюдь не редкость.

Май, растирая свои худые руки, принялась размышлять, как бы половчее поднять эту деликатную тему в разговоре с Эриком. Но чем больше она об этом думала, тем яснее понимала, что ответа у неё нет, и поэтому попросту решила пустить дело на самотёк.

Май желала Эрику всего самого лучшего — во многом он был её искуплением за жестокость по отношению к собственному сыну. За все часы, что Бьёрн просидел в шкафу, наказанный за то, что не вымыл за собой тарелку. За то, что она отправляла его в кровать без ужина в наказание за невымытые руки. Теперь она сожалела о своей жёсткости, но тогда были другие времена. Послевоенная жизнь была тяжелой, Май была одинока, а Бьёрн рос безнадежно небрежным и неряшливым.

Тьма прорастала в душе Эрика всё глубже с каждым днем, пока, наконец, он не начал физически ощущать её, словно каменное ярмо на своих плечах. Он ненавидел своих одноклассников, свою семью и себя самого. Но больше всех он ненавидел свою мать, которая оставила его и, вероятно, улетела на остров Мадейра посреди Атлантического океана. Именно её Эрик считал тем самым ярмом.

Свою бабушку он ещё мог выносить. Временами в нём даже просыпалась нежность к худой женщине, которая управлялась по дому с пылесосом и веником. Она охотнее готовила еду, чем болтала, и не требовала от него душевных бесед. С Бьёрном Эрик виделся редко, но тот периодически заходил к Май и сыну на чашку кофе. В таких случаях он никогда не был пьян и часто помогал Май с тяжелой работой — отодвигал плиту, чтобы она могла вымыть за ней пол, или ворочал в саду валуны, потому что, несмотря на увечье, Бьёрн всё еще был силен.

С мачехой и младшей сестрой Эрик не поддерживал связь и не скучал по ним.

Когда Эрику исполнилось двадцать лет, стало ясно, что с ним, вероятно, что-то не так. Несмотря на прекрасные оценки в гимназии, он не имел никакого желания продолжать образование, а вместо учёбы устроился работать в промышленное садоводство неподалёку. Он так и не обзавёлся друзьями и всё свободное время проводил в комнате без окон, которую Май оборудовала для него в подвале. Там были холодные белые стены, а из обстановки — кровать, шкаф да CD-проигрыватель. Эрик раз за разом перечитывал историю об Элси, которую написала Бритт-Мари, — ту самую, которая осталась у него, когда Ханне с Линдой забрали остальные вещи матери. Эрик никак не мог выбросить из головы мысль о Болотном Убийце.

У него не было девушки — Эрик знал, что хорошо выглядит, и девушки сами нередко проявляли к нему интерес, вот только он не хотел иметь с женщинами ничего общего.

Только не после того, как с ним поступила мама.

В тридцать лет он так и оставался нецелованным. Что было хуже — той осенью Май диагностировали рак молочной железы, и помощь ей теперь была необходима буквально во всём. Эрик старался как мог, и благодаря его совместным с социальной службой усилиям Май смогла прожить дома дольше, чем кто-либо мог предположить. Весной её стали кормить через назальный зонд, и Май практически всё время стала проводить лёжа на диване в гостиной, положив свои худые ноги на подушку. Эрик с тех пор взял себе за правило есть, спрятавшись за кустами смородины в саду.

Это было ради Май — он не мог есть в её присутствии, зная, что сама она не в силах проглотить и кусочка.

С приходом осени она так ослабела, что уже не могла подняться с кровати без посторонней помощи. Эрик сидел у её постели, приходя вечером с работы. Он брал с собой диктофон и просил её рассказать о своей жизни, и об Элси, и о Бритт-Мари. Май считала всё это немного странным, но делала, как он просил. Несмотря ни на что, у Эрика было право знать правду.

К тому же приятнее было проводить время в обществе.

Так они сидели часами и разговаривали. Эрик принёс из подвала старый фотоальбом, и Май своими исхудавшими пальцами указывала ему на лица на выцветших фотографиях и рассказывала. Там, конечно, были и фотографии Эрика с родителями. Там были фото маленькой

квартирки, в которой они жили, и детской площадки в парке Берлинпаркен, рядом со статуей кормящей матери. Деревья выглядели такими маленькими, что Бьёрн догадался — тогда они были только что высажены, а вот дома совершенно не изменились. От Элси осталась только одна фотокарточка. Это фото было сделано незнакомцем в тот летний день 1933 года, когда она сошла с корабля, который привёз её на шведскую землю.

Да, Май на самом деле старалась рассказать Эрику его историю — историю, которой его лишили. Но под конец она уже не могла даже говорить, и пару недель спустя мирно заснула дома, на своём диване.

После смерти Май дом унаследовал Эрик. Бьёрну и единокровной сестре Эрика достались сбережения Май.

Так она распорядилась.

Бьёрну хватило ровно пяти месяцев, чтобы прогулять материнские деньги: большую часть он проиграл на скачках, но значительная сумма была пропита, не вставая с чёрного кожаного дивана.

Эрик оставил в доме всё, как было при его бабке, и даже спать продолжал в маленькой подвальной комнатке. Он слушал музыку, читал книги и иногда поднимался в гостиную, чтобы посмотреть телевизор.

Однажды он зашёл в спальню Май, где на тумбочке всё ещё стоял пузырёк с таблетками морфина, и высыпал его содержимое себе на ладонь, размышляя, не проглотить ли разом все пилюли.

Потому что ради чего, собственно, было ему жить?

По утрам он пешком ходил на работу в садоводство, где таскал мешки с землей, поливал цветы, стоял на кассе и свозил мусор на компостную кучу. Зимой он продавал ели, амариллис и пуансеттию и расчищал снег на маленькой парковке, принадлежавшей садоводству, пока руки не начинали болеть от напряжения.

Жизнь продолжалась, потому что только это она и умеет.

В 2019 году со дня убийства Мерты Карлссон минуло семьдесят пять лет.

Мир оставался верен себе.

В Сирии гремела война, а в Йемене голодали дети. Президент США Дональд Трамп развязал торговую войну против Китая и вознамерился построить стену на границе с Мексикой. Никто больше

не говорил об озоновых дырах, зато все — за исключением как раз Трампа — говорили теперь о климате. Движение «MeToo» распространялось по миру с быстротой молнии, и теперь многие женщины, попав в ситуацию, похожую на ту, в какой оказалась Ханне почти тридцать лет назад, имели мужество отказать, как поступила в своё время и она.

Болотный Убийца до сих пор таился в тени, а те женщины и мужчины, которые теперь на него охотились, в целом не преуспели в этом деле сильнее своих предшественников. Жертвы его пополнили сонм теней и были преданы забвению. Единственную память о них хранили родственники и друзья. Ноющая пустота постепенно заменила собой боль, с которой те через время научились жить.

Следователи, работавшие над делом, обзавелись детьми и внуками. Некоторые вышли на пенсию, а кто-то уже успел присоединиться к теням из прошлого.

В полиции задули ветра перемен: более сорока процентов абитуриентов в Высшей школе полиции теперь были женского пола, а благодаря новому методу ДНК-анализа в криминалистике произошёл революционный сдвиг.

В полицейском управлении на стокгольмском острове Кунгсхольмен большинство служащих уже и думать забыли о Болотном Убийце. Газеты давно не писали о деле, которое давным-давно «застыло, как вечная мерзлота в Сибири» — по меткому выражению одного полицейского, который как раз занимался подобными «висяками» и уж точно знал, о чём говорил. Коробки с материалами предварительного следствия собирали пыль в подземном архиве, а Роббан давно вышел на пенсию.

Эстертуна пережила настоящий ребрендинг — теперь это предместье сделалось популярным. Арендная плата выросла, и семьи, которые больше не могли себе позволить там жить, отправились искать счастья в других местах, гораздо дальше от Стокгольма. Женщины, с которыми Линда в своё время водила знакомство в Берлинпаркен — Ганифе, Заида и другие — все были вынуждены уехать из Эстертуны.

Кафе и рестораны, в которых подавали экологичную еду и домашнее пиво, оккупировали маленькую площадь, в Берлинпаркен вот уже несколько лет работал круглосуточный детский сад, а в подвале магазина Оленс заработал центр йоги.

В скором времени тайне суждено было раскрыться...

Малин

Стокгольм, 2019

В здании полицейского управления на острове Кунгсхольмен Малин Брундин собрала длинные тёмные волосы в пучок, подхватила свой ноутбук и переставила на рабочий стол. Из-за компьютера виднелась рамка с фотографией Андреаса в полицейской форме, который держал на руках одетого в ползунки Отто, выгнувшегося дугой, словно кукурузная палочка.

Из коридора донеслись шаги, и Малин подняла голову.

В дверях, распространяя по кабинету аромат лосьона после бритья, стоял Манфред Ульссон. Светло-рыжие волосы Манфреда были влажными, как будто он только что вышел из душа или вспотел на жаре по дороге на работу. Его тучное тело было упаковано в эксклюзивный костюм-тройку из тончайшей шерсти цвета морской волны. Туфли были вычищены до блеска, а из нагрудного кармана пиджака выглядывал ярко-розовый шёлковый носовой платок.

— Привет, — поздоровалась Малин, отрывая взгляд от экрана. — Как прошли выходные?

— Плодотворно. Надя делает успехи.

Надя — почти трёхлетняя дочь Манфреда. Около года назад с ней случилось большое несчастье. Она выпала из окна третьего этажа в квартире Манфреда и Афсанех, и долгое время не было ясности, выживет девочка или нет.

Но Надя справилась.

С каждым месяцем она всё больше походила на ту, прежнюю девчушку, какой была до падения. Благодаря занятиям лечебной физкультурой, игровой терапией, и усилиям логопеда Надя заново научилась ходить и говорить, и единственное, что на данный момент беспокоило её родителей — не до конца восстановившаяся мелкая моторика правой руки и небольшое ухудшение слуха на одно ушко.

«Но так ли это важно, учитывая, что они смогли вернуть свое дитя практически с того света?» — подумала Малин, и тут же поёжилась, покрывшись гусиной кожей при одной только мысли о том, что с Отто может произойти нечто подобное. Он ещё не умел ходить, но уже ползал по квартире с невероятной скоростью, стаскивал предметы со

столов и полок и, в общем-то, постоянно находился в смертельной опасности. Они установили безопасные рукоятки на кухонную плиту, наклеили мягкие уголки на журнальный столик, и вообще ходили за ним по пятам во время его путешествий по квартире. Но даже несмотря на всё это, на прошлой неделе Отто ухитрился опрокинуть телевизор. К счастью, он отделался шишкой на лбу, но дорогуший телек, купленный в рассрочку, погиб безвозвратно.

— Мы едем в Эстертуну, — сообщил Манфред, достал из кармана брюк носовой платок и промокнул испарину на лбу.

— В Эстертуну?

— Строители обнаружили человеческие останки при сносе здания.

Манфред свернул с шоссе. Въезд в Эстертуну был со всех сторон окружён кудрявой зеленью; вдоль обочин теснились заросли отцветшего кизила, а из высокой сухой травы глядели свечки люпинов.

— Мне кажется, я здесь никогда не бывала, — сказала Малин, направляя поток кондиционированного воздуха от себя — на ней была тонкая футболка.

— А я бывал, однажды, — отозвался Манфред. Моя племянница учится здесь в школе дизайна, изучает графическую форму. Прошлой весной у них было что-то вроде студенческой выставки. Жить здесь явно стало модно. Только чересчур уж много хипстеров и прочих бездельников.

Они повернули к центру, который ничем не отличался от центра любого предместья — универмаг «Оленс», сетевой супермаркет «Хемшёп», полицейский участок да целая куча лавочек и кафешек, сгрудившихся вокруг площади, на которой, в свою очередь, летние веранды ресторанов соседствовали с лоточниками, предлагавшими горожанам свежие овощи. Центр площади украшал маленький фонтанчик, в неглубокой чаше которого всюду плескались малыши, пока их родители загорали на скамейках.

Манфред свернул на поперечную улицу, проехал еще несколько сотен метров, и остановил машину возле парка, где высокие деревья окружали детскую площадку. Возле качелей стояла скульптура, изображавшая мать с ребёнком на руках. Аккуратные трёхэтажные дома с балкончиками окружали этот небольшой оазис. В углу парка

что-то было обнесено высоким забором. Малин догадалась, что это была стройплощадка.

Они вылезли из машины, и влажная жара тут же обступила их стеной.

Манфред кивнул, глядя на парк:

— Берлинпаркен.

Потом указал на забор:

— А здесь сносят здание. Старый многоуровневый гараж.

Они пошли в сторону забора. У входа в парк на улице стояли полицейские в форме, а неподалёку оказался припаркован микроавтобус криминалистов.

Старший офицер поприветствовала прибывших и вкратце описала ситуацию.

— Снос здания почти завершён, — пояснила она, вытирая тыльной стороной ладони мокрый лоб. — Осталось демонтировать лишь некоторые фрагменты фундамента. Именно там и обнаружили останки.

— В фундаменте? — переспросил Манфред, вытащил платок и тоже промокнул лоб.

— Прямо под бетонной подушкой. В слое щебня и гравия.

Офицер кивком позвала их следовать за собой и отправилась напрямик за ограждение. Перед ними возник огромный котлован. Куски арматуры торчали из разбитого бетона. На дне котлована криминалисты натянули небольшой синий тент — вероятно, над находкой. Рядом стояли два человека в белых комбинезонах и респираторах.

Они спустились по приставной лестнице, немного попетляли между бетонными блоками и наконец добрались до тента, где поприветствовали работавших там криминалистов-техников.

— Можно взглянуть? — спросил разрешения Манфред.

— Валяйте, — отозвался один из людей в белом. — Мы уже здесь закончили. Останки скоро увезут.

— Вы здесь сами справитесь? — поинтересовалась офицер. — Мне нужно сделать звонок.

— Без проблем, — заверил её Манфред.

Они забрались под тент и опустились на колени. Один из техников отправился с ними.

Воздух здесь был горячим и влажным, как в бане, и едва ощутимые дуновения, проникавшие снаружи, не приносили никакого облегчения.

На земле лежал скелет. Отдельные фрагменты одежды и тканей тела ещё оставались на костях ног и походили на лоскуты серой кожи. С черепа свисала прядь спутанных свалявшихся волос.

Малин заскользила взглядом по останкам. Взгляд задержался на туфлях.

— Обувь похожа на женскую, — констатировала она.

— Верно, — согласился техник. — Мы считаем, это женщина.

Неподалёку заработал отбойный молоток, и Манфред закрыл руками уши.

— Вы можете попросить их прерваться? — прокричал он технику, и тот, кивнув, быстро вылез из палатки.

Через минуту вновь установилась тишина.

— Что это? — спросила Малин, указывая на маленький круглый предмет возле черепа.

Манфред достал из кармана ручку, нагнулся и подцепил предмет её кончиком.

— Это кольцо, — заявил он немного погодя. Оно висит на цепочке. Женщина, должно быть, носила её на шее.

Техник снова проник под тент и Малин обратилась к нему:

— Когда построили этот гараж?

— В семьдесят четвёртом. И учитывая, что она найдена здесь, под фундаментом...

— Она оказалась здесь именно в то время, — закончила за него Малин.

— Именно.

Манфред, успевший натянуть пару белых одноразовых перчаток, наклонился, чтобы внимательно рассмотреть кольцо. Он осторожно потёр внутреннюю сторону указательным пальцем и прищурился.

— Если она попала сюда в семьдесят четвёртом, то срок давности уже вышел, — сказала Малин. Даже если это убийство.

— Посмотрим, что скажет судебный эксперт, — пробормотал техник. — Прошу извинить, но здесь чертовски душно. Я выйду на минутку.

И техник снова вылез из-под тента.

Манфред всё ещё пытливо разглядывал кольцо. Потом аккуратно положил его обратно, рядом со скелетом, и, пыхтя от натуги, поднялся на ноги.

— Там есть надпись, — сообщил он, стаскивая перчатки. — «Аксель, 1 мая 1939 года».

Неделей позже Малин, держа в руках стакан смузи, сидела напротив Манфреда в столовой полицейского управления «Сливовое дерево».

— Сотрудница полиции? — переспросила она, делая глоток густого напитка.

Манфред кивнул.

— Бритт-Мари Удин. Ознана по зубной формуле. Пропала в семьдесят четвёртом, её исчезновение связывали с расследованием убийства и покушения на убийство в Эстертуне. Ты слышала, это дело того парня, что...

— Что приколачивал женщин гвоздями к полу, — закончила Малин. — Да, такое сложно забыть. Он ведь ещё и сотрудницу полиции убил, верно?

— Линду Буман. В восемьдесят шестом. Если это был тот же самый человек. Но на это указывает множество фактов. Способ действия идентичный, и одна из жертв в восьмидесятых была убита в той же квартире, что и женщина в семьдесят четвёртом.

— Но с семьдесят четвёртого... — протянула Малин, натягивая тонкий хлопковый пуловер поверх футболки, потому что от кондиционера в помещении становилось прохладно. — Прошло уже сорок пять лет.

— Знаю, — сказал Манфред. — Срок давности вышел, как ты и говорила. Но не для тех убийств, что были совершены в восьмидесятых. Так что их всё еще возможно расследовать, а смерть Бритт-Мари Удин может стать важной деталью мозаики и поможет выяснить истину. Так что...

— Так что её смерть нам тоже необходимо пристально изучить, — закончила Малин.

Манфред поднял взгляд от своей чашки кофе и посмотрел на напарницу.

— Кончай уже договаривать за меня, — сказал он. — Позволь мне самому дойти до точки.

Малин улыбнулась и, глядя на шёлковый платочек, свисавший из нагрудного кармана пиджака Манфреда, словно увядший тюльпан, проговорила:

— Простите, шеф.

Манфред улыбнулся ей в ответ.

Многим коллегам могучий комиссар внушал страх и благоговение, но Малин не относилась к их числу. Они вместе съели уже не один пуд соли, так что Манфред не выглядел в её глазах страшным. Грубоватым, возможно, но только не страшным.

Малин видела, как Манфред плакал, и слёзы на его лице смешивались с соплями, когда с его дочуркой случилось несчастье. Однажды, когда Манфред пытался перелезть через забор и застрял там в самом неприглядном виде, она невозмутимо обработала его раны. Бок о бок они провели сотни часов, распутывая множество запутанных дел.

Манфред откашлялся и поставил свою чашку на стол.

— Я пообщался с Будил Грен.

Будил Грен — начальница Манфреда. Малин её не так хорошо знала, однако у той была репутация компетентного человека. Вот она то, вероятно, наводила страх на подчиненных по-настоящему.

— Нам поручено усилить группу по расследованию нераскрытых преступлений, — сообщил он.

— Нам с тобой?

Манфред утвердительно кивнул.

Малин тихонько захихикала.

— Только честно, как тебе удалось?

Манфред снова улыбнулся, но ничего не ответил.

— А как вообще получилось, что на место обнаружения выехали мы? Это же юрисдикция Эстертунской полиции.

— Скажем так, — проговорил Манфред, — у меня... особый интерес к этому делу. К тому же. Угадай, кто руководит расследованием в группе висяков?

Малин непонимающе покачала головой.

— Гуннар Вийк.

— Лодде? Ты шутишь.

Манфред снова таинственно улыбнулся.

— Малин, рад встрече.

Лодде заключил Малин в медвежьи объятия, всю искря статическим электричеством. Его лохматая седая борода защекотала ей щёки, и до ноздрей Малин долетел слабый, но вполне осязаемый запах пота, который, по всей видимости, исходил от синтетической рубашки, надетой поверх сетчатого бронежилета.

Седые волосы выглядели несвежими, а из-под набрякших век сквозь стекла очков на Малин глядели маленькие тёмные глаза. Живот Лодде заметно выпячивался, брюки были явно коротковаты, и оголяли волосатые лодыжки, обутые в пару истёртых коричневых сандалий.

Да уж, Лодде был верен себе.

Прошло около года с тех пор, как им выпало вместе работать над расследованием убийства в Стувшере, и сейчас при виде Лодде в душе Малин всколыхнулись противоречивые чувства. С одной стороны, Лодде был опытным следователем, этого у него не отнять, с другой же — этот старый перочник оставался всё тем же гомофобом и сексистом, которому не мешало бы принять душ и побрить подмышки.

Малин с Манфредом устроились возле рабочего стола Лодде. Стул Манфреда зловеще затрещал, грозя сломаться под его внушительным весом.

— Дьявольская история, — сказал Лодде, похлопывая руками по папкам в поисках бумаги, которая лежала на столе у него под носом. — Тянется аж с сороковых годов.

— Но если это всё дело рук одного и того же человека... — начала Малин, скручивая волосы в пучок на затылке.

Лодде предостерегающе замахал на неё рукой.

— Да, да. Тогда, вероятнее всего, он уже давно мёртв и похоронен. Но следователи, которые вели дело в восьмидесятых, так не думали. Ханне так не думала.

— Ханне? — удивилась Малин. — Уж не та ли Ханне Лагерлинд-Шён...

— Она самая, — ответил Лодде. — Одно время она работала здесь консультантом. В восьмидесятых, недолго. Пока расследование убийства Пальме всерьёз не набрало обороты. Ханне занималась составлением психологического профиля преступника. И она считала, что все убийства в Эстертуне совершены одним и тем же человеком,

который, вероятнее всего, скопировал преступление, совершённое в сороковых.

— Странные вещи творятся, — произнес Манфред, расправляя складку на своём пиджаке.

Малин поглядела на него долгим взглядом.

— Тебе это было известно? Что Ханне работала над этим делом?

Манфред кивнул, не глядя на неё.

Все они прежде уже работали с Ханне. Она помогала расследовать убийство в родном городке Малин — Ормберге — несколько лет назад. В прошлом году они также находились в тесном контакте с Ханне по поводу убийства в Стувшере, но теперь Ханне отошла от дел из-за поразившей её ранней деменции. Насколько было известно Малин, Ханне так и осталась жить в Ормберге.

Лодде взглянул на папки.

— Убийствам в Эстертуне в восемьдесят шестом был присвоен высокий приоритет. Можете себе представить. Женщина-полицейский убита и изнасилована, и так далее. Поднялась жуткая шумиха. Но следствие по делу Пальме перетягивало на себя все ресурсы, и наше расследование зашло в тупик. Откровенно говоря, этим бедолагам и зацепиться-то было не за что. Не было свидетелей, никакой связи между жертвами не обнаружили, за исключением того факта, что все они проживали вблизи Берлинпаркен и водили детей гулять на одну площадку. С техническими уликами тоже была беда, что никак не способствовало успеху дела. Так что горячее дело вскоре стало холоднее фригидной тёлки. А потом оно и вовсе попало в архив, где годами собирало пыль.

Малин бросила взгляд на Манфреда, который не выказывал никакой заметной реакции на привычный лексикон Лодде.

— Разве в семидесятых не сохранили образцы спермы? — спросил Манфред.

Лодде соорудил гримасу, которую можно было интерпретировать как жалкое подобие улыбки, обнажившей ряд острых зубов желтоватого оттенка.

— Убийство и попытка убийства, совершённые в семьдесят четвёртом, за истечением срока давности уже не могут быть расследованы, и технические улики были уничтожены.

— Уничтожены? — переспросила Малин.

— Да, чёрт побери, — фыркнул в ответ Лодде, не скрывая собственного отношения к данному факту. — Есть на свете идиоты, а некоторые из них ещё и становятся полицейскими. Для таких в аду припасено особое местечко.

— Эти улики были уничтожены автоматически по истечении срока давности? — поинтересовался Манфред.

— Думаю, да, — пробормотал Лодде. — За этим обычно строго следят. Но в полицейском участке Эстертуны тоже что-то оставалось, предметы одежды жертв, например. И они тоже...

Он сделал неопределённый жест рукой.

— Испарились, — подсказала Малин.

— Ну вы же знаете, как бывает с уликами, которые находятся на хранении в местных подразделениях. То они начнут переезжать, то архивы чистить. Пара коробок запросто может пропасть.

Малин кивнула, а Лодде продолжил:

— Но с восьмидесятых сохранились определённые улики. Мы можем их заново изучить. И эту Бритт-Мари Удин можно пристегнуть сюда же. Если она тоже пала жертвой Болотного Убийцы, это будет сенсация. Две женщины-полицейских убиты одним преступником с промежутком более чем в десять лет.

— И ещё несколько других женщин, — напомнила Малин.

— Да, да, — отмахнулся Лодде. — Но есть ещё одно пикантное обстоятельство, о котором вы, возможно, не знаете.

Он продолжил, не дожидаясь ответа.

— Держитесь крепче. Биологическая мать Бритт-Мари Удин обнаружила жертву первого убийства в Кларе. Она служила полицейской сестрой.

— Вот дерьмо, — выругалась Малин.

— А теперь к нам в руки попало вот это.

Он достал два небольших пластиковых пакета. В первом лежало золотое кольцо, а во втором — другое кольцо и тонкая цепочка.

— Первое — обручальное кольцо Бритт-Мари Удин. Оно было надето на её левой руке. Второе кольцо она носила на цепочке вокруг шеи.

— Аксель, 1939, — пробормотал Манфред.

— Угу. Так там написано. Только чёрт знает, кому оно принадлежало. Однако эти вещи должны быть переданы

родственникам. Может быть, это хороший повод с ними поболтать?

Возвращаясь в седьмом часу вечера домой на метро, Малин не переставая думала о кольцах. О кольце на собственном пальце и о матово поблескивавшем золотом колечке в пластиковом пакете. Сойдя на станции Кунгстредгорден, чтобы перейти на другую линию, Малин прошла ровно под тем местом, где прежде на поверхности стояла улица Норра Смедьегатан и где семьдесят пять лет назад встретила свою смерть первая жертва Болотного Убийцы.

Когда поезд подъехал к конечной, Малин чувствовала усталость, но одновременно и странную наполненность событиями прошедшего дня. Встречей с Лодде и знакомством с расследованием, в котором было столько жестокости, столько пробелов, столько вопросов, так и оставшихся без ответа, и столько странных совпадений.

«Мы отыщем его», — подумала Малин. «Мы задолжали это Бритт-Мари Удин и Линде Буман. И всем другим женщинам».

На станции Вестерторп Малин сошла и короткой дорогой отправилась домой, к зданию из красного кирпича пятидесятых годов постройки. Влажная жара, которая, казалось, поднималась от самой земли, хранила запахи асфальта и почвы. Мимо шли люди — собачники, несколько девочек-подростков, которые громко хихикали, уставившись в экран мобильного, двое строительных рабочих по пути со смены, — но Малин их не замечала, потому что перед глазами у неё так и стояли останки из Эстертуны, принадлежавшие женщине, которую когда-то звали Бритт-Мари.

Когда Малин отперла дверь маленькой двушки, Андреас обнаружился в прихожей, уже переодетый в спортивный костюм. Волнистые тёмные волосы, которые он отрастил за время декретного отпуска, на шее были перехвачены шнурком. Из гостиной доносилась музыка из мультсериала «Баббларна». Пока они не могли позволить себе новый телевизор и пользовались планшетом.

— Привет, — сказал Андреас и наскоро чмокнул её. — Нужно бежать. Опаздываю на теннис.

— Хорошо. Отто поел?

Андреас обул теннисные туфли и потянулся за сумкой и ракеткой, которые уже были сложены в ожидании на полу.

— Сорри. Не успел. Мама звонила. Ты же знаешь, какая она, болтает без умолку.

Малин с улыбкой повесила тонкий кардиган на крючок.

Да, она очень хорошо знала, что представляет собой мама Андреаса. Эта маленькая женщина занимала на удивление много места. Она находилась в постоянном движении и непрерывно болтала — о соседе, который никогда не стрижет газон, а в саду складировает уродливые старые покрышки, о своей помидорной рассаде, которая никак не принимается расти, о нынешней молодежи, избалованной и одновременно упущенной взрослыми, занятыми лишь потреблением и самореализацией.

Малин даже завидовала близким отношениям Андреаса с его мамой, потому что со времени убийства в Ормберге сама Малин пребывала в жутком вакууме.

Расследование, в котором тогда участвовала Малин, приняло оборот, который навсегда изменил её жизнь. Малин узнала, что один из её родственников много лет удерживал в своем подвале женщину. Более того — Малин оказалась дочерью той женщины.

Иными словами, та женщина, рядом с которой выросла Малин, та, которую она всю жизнь звала мамой, не была её биологической матерью.

«Как можно доверять вообще кому-то, когда даже самые близкие могут лгать годами?» — думала Малин.

Как после такого вообще жить?

Но Малин всё равно время от времени звонила матери — потому что продолжала думать о ней как о своей матери. Она ведь воспитала Малин и любила её все эти годы. Так что они продолжали видеться на дни рождения и Рождество. Но этой непринужденности — бытовой болтовни обо всём на свете — о назойливых соседях, помидорной рассаде и сегодняшней молодежи — в их отношениях больше не было, и Малин по всему этому скучала до боли.

И ещё Малин знала, что её мама чувствует то же самое.

Малин скучала и по Ормбергу — по дремучим лесам, бездонным на вид озёрам, и по шхерам, вереница которых тянулась бесконечной змеей по тамошним ландшафтам. Скучала по запаху влажного мха и

по широким густым юбкам елей. По утренней тишине, по туману на полях и по суровой безыскусности живущих там людей.

— Повеселись там! — прокричала она вслед Андреасу, когда тот исчез за дверью, закинув на плечо спортивную сумку.

Малин подошла к Отто, который, уставившись в экран планшета, лежал на одеяле и грыз голубую пластиковую игрушку.

— Привет, мамин любимчик! — пропела она, опускаясь на корточки.

Малин поцеловала Отто в щечку и ощутила знакомый младенческий запах вперемешку с рвотным духом — вероятно, он срыгнул на ползунки.

Отто восторженно заворковал:

— Ма, — произнес он. — Ма-ма-мамама.

Раскачавшись, Отто сел, а затем ползком последовал за Малин, когда та отправилась в кухню готовить ему овсяный кисель.

На крыле мойки была брошена буханка хлеба. Малин убрала хлеб обратно в пакет, а потом положила в хлебницу. Потом вернула в холодильник маслёнку, засунула нож для масла в посудомойку и вытерла какие-то липкие жирные пятна с нержавеющей мойки.

Помешивая овсяную пудру в кастрюльке и ощущая, как маленькие пальчики Отто хватают её за ноги, Малин вдруг подумала, как ей повезло. Андреас был замечательным, даже невзирая на его неряшество на кухне. Больше всех на свете Малин любила малыша Отто и надеялась увидеть, как он растёт.

И тут она в который раз подумала о жертвах Болотного Убийцы, которым уже никогда не дано будет всё это пережить.

«Да, мне выпал счастливый жребий», — решила Малин.

На следующее утро они с Манфредом отправились в Эстертуну, чтобы поговорить с Бьёрном Удином — человеком, который когда-то был женат на Бритт-Мари. Он жил на десятом этаже выдавшей виды серой бетонной многоэтажки на окраине городка, куда ещё не добралось благоустройство. Лифт был исписан именами и ругательствами и издавал едкий запах мочи. Прямо под кнопкой аварийной остановки кто-то написал: «Оксана сосёт за бутерброд с колбасой», и услужливо приписал рядом телефонный номер.

— Входите! — прокричал голос, когда они постучались в зелёную дверь. Под почтовой щелью липкой лентой был наклеен листок с

надписью «НИКАКОЙ РЕКЛАМЫ!!!».

Они вошли в тесную прихожую, которая была завалена разнообразными вещами. Там были мусорные мешки, стопки не вскрытой почты и горы пустых бутылок. Из глубины такой же захламлённой гостиной показался человек в инвалидном кресле.

Они сняли обувь и вошли, приветствуя хозяина.

На вид Бьёрну Удину было около восьмидесяти лет. Он был полноват, жидкие седые волосы верёвками свисали на плечи. Он поднялся со своего кресла и протянул трясущуюся руку.

— Да, я могу ходить, — пояснил он, и Малин обдало отчётливым духом перегара. — Но предпочитаю инвалидное кресло, когда нужно спуститься в центр. Очень удобно вешать на него пакеты.

По стенам стояли сложенные в стопки картонные коробки, а возле дивана Малин увидела скопление пустых бутылок из-под алкоголя.

— Спасибо, что позволили нам прийти, — произнёс Манфред, присаживаясь на чёрный кожаный диван, от которого исходил неопределённый запах вьёвшегося табачного дыма и прогорклого масла. Там, где краска стёрлась с дерматина, зияли обширные проплешины, внутри которых остатки тканой основы образовывали пунктирный узор.

Бьёрн Удин пожал плечами.

— У меня не так уж много занятий. Я получаю пенсию по инвалидности. Пострадал при наезде мусоровоза. Потерял ступню. Это случилось чёртову уйму времени назад.

Малин покосилась на ноги хозяина и увидела, что из-под одной штанины выглядывает протез.

— Понимаю, — сказал Манфред. — Мы хотели бы поговорить с вами о Бритт-Мари.

Бьёрн подъехал немного ближе, сложил руки на коленях, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Так это правда она?

Манфред кивнул.

— Неделю назад при сносе здания в Берлинпаркен были обнаружены человеческие останки. Её опознали по старой зубной формуле.

Бьёрн выглядел бесконечно опечаленным.

— Так вот зачем мне звонили из полиции и спрашивали, не знаю ли я стоматолога, у которого она лечилась. Я всегда думал, что...

Он громко всхлипнул.

— Простите, — продолжал Бьёрн. — Прошло много лет, но я всегда думал, что она просто сбежала. И ещё эта открытка с Мадейры. Я уже не вспомню, когда получил её, но в восьмидесятых я отдал её вашим коллегам из полиции. Она была без подписи, но Бритт-Мари всегда говорила, что мечтает там побывать, вот я и подумал...

— Что открытка от неё? — закончила за него Малин, и Манфред бросил на неё неодобрительный взгляд.

— Именно.

— Но если открытку послала не она, кто мог это сделать? — спросил Манфред.

Бьёрн покачал головой.

— Чёрт его знает. Может, это чья-то жестокая шутка.

— Кому было известно о том, что Бритт-Мари мечтала там побывать? — спросила Малин.

— Всем, кто имел уши, — грустно улыбнулся Бьёрн. — Она постоянно об этом твердила.

Морщинистое лицо Бьёрна сморщилось ещё сильнее.

— Как же она оказалась под фундаментом? — спросил он. — Она что, свалилась в котлован? Там было опасно ходить, я говорил об этом ещё тогда, в семидесятых, когда строили тот гараж. Представьте только, если бы какой-нибудь ребёнок с детской площадки перелез через забор и свалился вниз?

— Мы не думаем, что она упала в котлован, — покачал головой Манфред. — Мы считаем, что Бритт-Мари была убита, а затем её тело было спрятано там. Но нужно дождаться официального заключения судебного эксперта. Если она вообще сможет прийти к какому-то выводу. Прошло много лет, я не уверен даже, что удастся точно определить причину смерти.

— Простите, — прервал его Бьёрн. — Но всё это немного неожиданно. Мне нужно выпить.

Он вылез из инвалидного кресла и заковылял в кухню. Распахнулась дверца холодильника и задребезжала посуда.

— Я полагаю, вы на службе? — прокричал Бьёрн.

Малин наскоро переглянулась с Манфредом и закатила глаза.

— Да, — подтвердила она. — Благодарю, но мы лучше воздержимся.

Бьёрн снова появился в гостиной, неся в руках стакан с бесцветной жидкостью, и плюхнулся в своё кресло.

— Будь я проклят, — пробормотал он и почесал макушку.

Потом Бьёрн замолчал, переведя взгляд на своё окно. Там, на подоконнике, рядом с пустой жестяной из-под пива собирал пыль горшок с давным-давно увядшим растением.

— Известно ли вам, кто мог желать Бритт-Мари зла? — осторожно начала Малин.

Бьёрн медленно покачал головой.

— Бритт-Мари была... Она... Она всем нравилась. Кроме, может быть, своего шефа. Не помню его имени.

— Фагерберг? — спросил Манфред.

Бьёрн кивнул, дрожащей рукой поднося ко рту стакан. Немного жидкости выплеснулось, но вместо того чтобы вытереть её, Бьёрн поднес руку ко рту и жадно всосал пролитые капли.

— Верно, — сказал он наконец. — Она звала его Каменнолицым. Этот её начальник был редкостный говнюк.

— Вам известно, что в середине семидесятых Бритт-Мари участвовала в расследовании убийства и нападения в Эстертуне? — спросил Манфред.

— Конечно. Она говорила об этом. Тогда впервые ей было позволено заняться чем-то помимо перекладывания бумажек.

Манфред подался вперёд.

— Она смогла что-то обнаружить до своего исчезновения?

— Например?

— У неё были какие-либо подозрения или соображения относительно личности преступника?

Бьёрн опустошил стакан, фыркнул и со стуком опустил его на журнальный столик.

— Нет. К несчастью. У нас были разногласия с Бритт-Мари прямо перед тем, как она исчезла. Проблемы в браке. По большей части я тогда думал об этом.

Манфред порылся в кармане пиджака и извлек два пластиковых пакетика.

— Мы нашли её обручальное кольцо.

Бьёрн кивнул и заморгал. В глазах его снова заблестели слёзы, и он покосился на пустой стакан, словно размышляя, не стоило ли подкрепить себя дополнительной порцией алкоголя.

— Мы также обнаружили другое кольцо, которое она носила на шее, — продолжал Манфред. — На нем есть гравировка: «Аксель, 1939».

— Это помолвочное кольцо её биологической матери. Её звали Элси Свеннс. Да, Бритт-Мари удочерили. Она всё время носила это кольцо на цепочке вокруг шеи.

Манфред кивнул.

— Та самая Элси Свеннс, которая в 1944 году обнаружила убитую женщину?

— Ага. И сама головы не сносила. Тот парень столкнул её с лестницы, или что-то типа того. Бритт-Мари всегда была под впечатлением от этой истории.

Бьёрн почесал у себя в бороде и заговорил дальше:

— Она даже написала рассказ про свою мамашу.

— У вас сохранились эти записи?

Бьёрн покачал головой.

— Нет, у меня вообще не осталось вещей Бритт-Мари. Анетта сошла бы с ума, если б узнала, что я храню их. Но возможно, что-то осталось у Эрика, моего сына.

— Кстати о вещах Бритт-Мари, — вмешалась Малин. У нас тоже есть коробочка с некоторыми бумагами.

Но Бьёрн снова покачал головой.

— На кой они мне? Отдайте лучше Эрику.

— Вы не хотите передать их ему лично? — сделала Малин ещё попытку.

Бьёрн немного пожевал обветренными губами, словно пребывал в сомнениях, но затем прокашлялся и произнёс:

— Я много лет не виделся с Эриком. Лучше будет, чтобы вы отдали ему эти вещи.

— Бедняга, — пробормотал Манфред, сидя за рулём по дороге обратно в Стокгольм.

Малин не ответила. Как и все полицейские, она повидала много зла. Разумеется, Бьёрн был фигурой трагической. Но он не был более несчастен, чем множество других людей, с которыми Малин сталкивалась по работе. У него, по крайней мере, было жильё, и у него были родные, даже несмотря на то, что он принял решение не поддерживать с ними связь.

Малин снова подумала о своей маме, и в груди у неё засвербило. А потом Малин вдруг озарило — ведь Бритт-Мари была совсем как она! Она не росла вместе со своими биологическими родителями.

Манфред выехал на шоссе и утопил педаль газа до предела.

Малин прижало к прохладной коже сиденья.

— Я был не совсем искренен, когда сказал, что установить причину смерти вряд ли удастся, — заметил он.

Малин взглянула на шефа.

— И что это значит?

Манфред кивнул и перестроился в левый ряд, чтобы обогнать фуру.

— Я вчера общался с судебным медиком. Отчёт ещё не готов, однако на костях черепа она обнаружила переломы, которые свидетельствуют о тупых травмах головы. Она считает, преступник много раз ударил Бритт-Мари головой о какую-то твёрдую поверхность...

— Именно так Болотный Убийца поступал с прочими своими жертвами, — вклинилась Малин.

— Кончай с этим.

— Прости. Но ты так медленно говоришь.

Манфред демонстративно вздохнул.

— Как бы там ни было, — продолжил он, — гиоидная кость тоже сломана.

— По-шведски, если можно.

— Подъязычная кость, что указывает...

— На то... — начала было Малин, но быстро опомнилась.

— На то, что Бритт-Мари могла быть задушена, верно, — продолжал Манфред. — Но подъязычная кость довольно хрупка. Она могла сломаться и самостоятельно. Так что это ничего не доказывает. Но вне зависимости от судьбы этой кости, есть твёрдые доказательства того, что смерть Бритт-Мари наступила вследствие нанесения ей несовместимых с жизнью увечий. Она не просто свалилась в этот котлован, ударилась головой да так и осталась там лежать. Кто-то убил её. И этот кто-то закопал тело в толще щебня, который засыпали в котлован перед заливкой бетонной подушки.

Малин глядела на освещённые утренним солнцем поля, тянувшиеся по сторонам дороги до самого горизонта. Этот холмистый зелёный пейзаж снова заставил Малин мысленно вернуться в Ормберг, и всё её существо затопила жгучая тоска.

— А сейчас станет по-настоящему интересно, — заявил Манфред. — Потому что последняя запись в ежедневнике Бритт-Мари, очевидно, о женщине, которая позвонила и сообщила ей, что заметила подозрительного человека в Берлинпаркен. Та женщина позже показала, что Бритт-Мари обещала ей зайти тем же вечером, если успеет. Мы не можем быть уверены, потому что уже не сможем раздобыть сведения о телефонных переговорах, но это вполне могло произойти именно в день убийства Бритт-Мари.

— Она нашла его, — произнесла Малин, кивая. — Она точно была одержима этим делом, и в конце концов нашла его. И заплатила за это собственной жизнью. Наверное, лучше будет, если я позвоню её сыну и проинформирую его. Мне кажется, нам и с ним тоже нужно встретиться.

Когда Малин с Манфредом вернулись из Эстертуны, Лодде сидел, склонившись, за своим столом, а в руках у него были маникюрные ножницы.

Малин не сразу сообразила, что он подстригал ногти на ногах, и волна дурноты немедленно подступила к её горлу.

— Здорово, — протянул он, тайком запихивая ножницы в ящик стола.

— Привет, — ответила Малин, не в силах оторвать взгляда от обрезков ногтей в форме полумесяца, которые остались лежать на полу. Она чуть было не поинтересовалась, не станет ли Лодде

возражать, если она сменит тампон у него в кабинете, ибо в вопросах отправления личной гигиены Лодде, очевидно, придерживался широких взглядов.

Малин никак не могла его раскусить.

С одной стороны, Лодде был отвратителен. Но, в то же время, он умело включал шарм, когда ему это было нужно. В эпоху своего великодержавия он слыл настоящим казановой, да Малин и собственными глазами видела, как Лодде до такой степени кружил головы свидетельницам, что те теряли дар речи. Ходили слухи, что у Лодде была кратковременная связь с женщиной, с которой он познакомился прошлым летом в ходе расследования убийства молодых людей в Стувшере.

Но это, конечно, могло оказаться очередной уткой, как и многие другие вещи, о которых болтают люди.

Малин ещё раз взглянула на обрезки ногтей, и для себя решила, что все эти слухи — полная чушь.

В следующее мгновение за её спиной возник Манфред.

— Готов? — спросил он.

— Идем, — отозвался Лодде, искоса взглянув на свои пальцы, торчавшие из сандалий. Потом он встал, прихватил со стола папку с бумагами и вышел в коридор.

Будил Грен приняла их в служебном кабинете, окнами обращённом к парку. Вечернее солнце широкими мазками золотило стену напротив рабочего стола. За окном лёгкий ветерок шуршал в кронах деревьев.

Будил шёл шестой десяток, и свои блестящие чёрные волосы она предпочитала оформлять в сдержанную стрижку «паж». На лице Будил отсутствовала косметика, отчего оно выглядело практически девичьим, взгляд её был мягким, но Малин сознавала, что впечатление обманчиво.

— Садитесь, — коротко бросила она, кивнув на стулья напротив своего стола.

Они послушно уселись.

— Я всё прочла, — произнесла она, водружая на переносицу очки, а затем потянулась за стопкой бумаг и своим блокнотом.

— Это какая-то дьявольщина, — заговорил Лодде. — Зимой 1944 года на Норра Смедьегатан в Кларе была обнаружена изнасилованная

и убитая женщина. Преступник...

— Я всё прочла, — повторила Будил, громко стукнув ручкой по столу. Потом она опустила подбородок и стала разглядывать их сквозь стёкла своих очков.

— Расскажите об обнаруженных в Эстертуне останках, — велела она.

Лодде кивнул и закинул одну ногу, облачённую в синтетическую штанину, на другую.

— Останки опознаны как принадлежащие Бритт-Мари Удин. Дочери той самой полицейской сестры, которая обнаружила в Кларе первую жертву Болотного Убийцы. Судебный эксперт констатировал, что её смерть наступила в результате нанесения тяжких повреждений в области головы, а также, возможно, удушения. После этого её тело было спрятано на строительной площадке.

— И вы видите во всём этом взаимосвязь?

— Да, — подтвердил Манфред. — Только не понимаем, в чём она заключается.

— В противном случае мы с вами здесь не сидели бы, — сухо ответила она. — Что у нас с техническими уликами?

Манфред откашлялся.

— С сороковых годов — ничего. То, что было обнаружено в семидесятых — уничтожено, что весьма удручает, так как в тот период следствием были изъяты образцы крови и спермы. Однако образцы крови были проанализированы, и выяснилось, что группа крови преступника — третья положительная.

— А в восьмидесятых?

— Обнаружили волокна ткани. Ничего выдающегося. В основном — шерсть, если я правильно помню. Однако зима была в самом разгаре, так что на каждом первом в то время мог быть шерстяной свитер. К сожалению, на отмычке с последнего места преступления также не обнаружили никаких следов.

Малин принялась размышлять об инструменте, которым пользуются медвежатники, чтобы помочь тем людям, кто случайно захлопнул дверь и оказался снаружи своего жилища. К сожалению, у этого инструмента была ещё и иная сфера применения.

— Почему же он оставил инструмент в квартире? — удивилась Будил, выгнув бровь дугой.

— Туда подроспела Ханне Лагерлинд-Шён, постучала в дверь и вошла. Убийца бежал через окно. Вероятно, у него просто не хватило времени забрать отмычку.

— Наверняка так оно и было, — согласилась Будил. — Ещё что-то есть?

— В восемьдесят шестом под ногтями Линды Буман были обнаружены частицы крови.

Бровь Будил взлетела вверх.

— Так у нас есть кровь?

— Да. Но тогда ещё не делали анализ ДНК, и всё, что смогли определить, — это группу крови. Третья положительная, как и в семьдесят четвёртом. А десять лет назад по поручению группы расследования нераскрытых преступлений материал из восьмидесятых был подвергнут новому анализу, но выделить ДНК-профиль не удалось.

— Но технологии не стоят на месте, — сказала Будил.

— Конечно нет, — согласно кивнул Манфред. — Мы попросили криминалистов ещё раз взглянуть на образец. Они считают, перспективы есть.

— Отлично, — резюмировала Будил. — Какие имеются предложения?

— Мы собираемся переговорить со следователями, которые вели дело в восьмидесятых, — отозвался Манфред.

— Сосредоточьтесь на убийствах, которые были совершены тогда, — велела Будил. — Я считаю нецелесообразным тратить время на преступления с истёкшим сроком давности, даже если их совершил один и тот же человек.

— Разумеется, — заверил Манфред. — Мы уже обсудили это с прокурором.

На коленях Малин завибрировал телефон, и она покосилась на дисплей.

Андреас.

Она тут же вообразила, что с Отто что-то случилось. Малин вспомнила опрокинутый телевизор и здоровую шишку, которая до сих пор украшала гладкий детский лобик.

— Прошу прощения, — сказала она.

— Ответь, — бросила Будил, протягивая руку за стаканом воды.

Малин не имела ни малейшего желания разговаривать с Андреасом в присутствии Будил, но игнорировать её любезное разрешение она тоже не могла. Она не осмелилась бы его проигнорировать. А потому Малин взяла трубку, поднесла к уху и отвернула голову в сторону.

— Мы тебе не помешаем? — сухо спросила Будил в тот же миг, когда Малин ответила на вызов. Малин сразу поняла, что совершила ошибку.

— Да? — шепнула она.

— Отто заболел, — сказал Андреас.

— Заболел?

— У него жар. Тридцать девять градусов. Что мне делать?

— Ты давал ему Альведон?

— Нет. Хорошо, сейчас дам. И ещё кое-что, не забудь, у меня сегодня вечером матч.

— Прости, я сейчас на совещании с...

— Матч в Уппсале, так что ты должна быть дома не позже...

— Мне нужно заканчивать. Я перезвоню.

— Но...

Малин сбросила вызов и повернулась обратно к Будил. Её гладкое лицо было словно высечено из камня и не выражало никаких эмоций, но ручка выбивала по столу нетерпеливую дробь.

— Мне казалось, твой муж сейчас в декретном отпуске, — проговорила Будил.

— Прошу прощения. Мой сын заболел, и...

Голос Малин дрогнул.

Будил неторопливо сняла очки и положила рядом со своим стаканом. Потом она сцепила руки в замок, подалась вперёд и впиалась взглядом в Малин. Девичье выражение лица словно ветром сдуло. Выражение лица Будил стало жёстким и неприступным, а один уголок рта немного приоткрылся, словно для того, чтобы выпустить наружу её неприкрытое недовольство.

— Малин Брундин, не так ли?

Малин кивнула.

— Позволь мне прояснить для тебя одну вещь, Малин. Если ты хочешь работать здесь, в моём отделе, тебе придётся заново расставить приоритеты. В этом здании есть множество вакансий для

компетентных следователей. Тебе стоит их рассмотреть, если тебе сложно совмещать заботу о семье с работой.

С кончика языка Малин готовы были сорваться тысячи ответов, слова только и ждали, что их выпустят на волю. Всё, что нужно было для этого сделать, — это глубокий вдох. Но Малин молчала, словно онемев, потому что глаза Будил горели недобрым огнём.

— Это всё, — отрезала Будил, и взмахом руки обозначила, что все могут быть свободны.

Когда Малин вернулась домой, Андреас стоял в прихожей, держа в одной руке спортивную сумку, а в другой — клюшку для хоккея с мячом.

— Нужно бежать, — сказал он.

— Как дела у Отто?

— Спит, — ответил Андреас, перекинул сумку через плечо и открыл дверь.

— Ты дал ему Альведон?

— Не успел.

Малин чувствовала себя слишком разбитой после общения с Будил, чтобы выяснять, как могло получиться, что Андреас не успел дать ребёнку лекарство, если у него было для этого как минимум сорок минут.

— Будил взбесилась из-за того, что ты позвонил мне посреди совещания, — сказала она вместо этого.

— Будил — тупая пизда. Наплюй.

Он наклонился, чтобы поцеловать Малин, но та отвернулась.

— Пожалуйста, не надо...

Андреас сокрушённо вздохнул.

— Но это же правда. Она самая настоящая тупая пизда, и это всем известно. Послушай, мы поговорим об этом, когда я вернусь. Я тебя люблю, маленькая пу...

— Pussy?

Андреас расхохотался.

— Ты моя любимая пусечка-лапусечка.

Малин не смогла удержаться от улыбки.

— Удачи! Обещай выбить из них всё дерьмо!

Андреас послал жене воздушный поцелуй и растворился в летних сумерках. Малин услышала, как захлопывается дверь подъезда, а чуть погодя заводится машина.

А потом наступила тишина.

Она дала сыну Альведон. Потом прибрала за мужем, который сидел в декретном отпуске. Убрала сыр в холодильник, вытерла пятна

с мойки, закинула в машинку потную спортивную одежду и трусы. Закончив с этим, Малин приоткрыла балконную дверь, чтобы немного проветрить, легла в кровать и принялась размышлять, что же такого натворила, чтобы навлечь на себя гнев Будил.

«Нужно сосредоточиться», — сказала себе Малин. «Нельзя себя накручивать каждый раз, как Отто засопливится. Главное — нельзя позволить личной жизни взять верх над карьерой. Да, действительно, нужно работать усерднее и действовать более профессионально».

На следующее утро Малин вместе с Манфредом поехали в Эстертуну, чтобы встретиться со Свеном Фагербергом и Робертом Хольмом — вышедшими в отставку комиссарами, которые руководили расследованием убийств в семидесятых-восемидесятых годах соответственно.

Логично было бы назначить встречу в участке, но Фагербергу уже стукнуло девяносто, и он просил, по возможности, принять их у себя дома.

Когда Малин позвонила в дверь, ей открыл человек на вид не старше семидесяти пяти. Седые волосы его были похожи на щётку, клетчатая рубашка с коротким рукавом обтягивала выпуклый живот, а круглые щеки пылали нездоровым румянцем. Длинный шрам пересекал его лицо от уголка глаза до уголка рта.

— Роббан, — представился он, широко улыбнулся и протянул руку. — Свену сложновато передвигаться, поэтому он меня делегировал навстречу вам.

Малин и Манфред последовали за Роббаном в маленькую тёмную гостиную. Там пахло табаком и затхлостью. Все лампы были потушены, и Малин скорее ощутила, чем увидела, что на цветастом диване сидел худой человек.

— Здравствуйте, — сказала она. — Можно включить свет?

— Нет, — отчётливо произнес голос с дивана. — Вам известно, сколько нынче дерут за электричество?

Малин подошла к Фагербергу и протянула руку для приветствия.

— Инспектор Малин Брундин, следователь по уголовным делам.

Фагерберг коротко кивнул, не приняв протянутую руку.

Когда глаза Малин освоились в полумраке, она смогла получше разглядеть Фагерберга. На нём были белая рубашка и серый костюм, словно он собирался куда-то идти. Под слишком просторным

пиджаком он был похож на скелет, обтянутый тонкой кожей. За крупным ухом прятался слуховой аппарат, с тыльной стороны ладоней бугрились толстые синие вены, которые, словно угри, змеились под его пергаментной кожей. Кожа на шее обвисла тяжёлыми складками, а длинные загнутые вверх папилломы росли прямо из его ноздрей. Это зрелище Малин мысленно сравнила с сорняками, которые тянулись к солнцу на неухоженной клумбе возле дома.

Однако взгляд Фагерберга сохранил остроту. Он неотступно следил за Малин, пока та, пройдя по комнате, не опустилась в одно из кресел.

— Как у вас тут мило, — сказала она, скользя взглядом по разложенным повсюду подушкам и расставленным на полке чёрно-белым фотографиям.

— Я стараюсь, — ответил он в то же время, как Роббан сел с ним рядом на диван, а Манфред тяжело опустился в кресло.

У Фагерберга с Роббаном в стаканах был напиток соломенного цвета, а посреди стола стояла початая бутылка виски. Возле неё лежали несколько книг. Верхней в стопке была, насколько Малин могла разглядеть, монография легендарного криминалиста и полицейского Отто Венделя «Мёртвые должны заговорить».

— Да, мы тут вспоминали былое, — сказал Роббан, кивком указывая на бутылку и книги. — В восьмидесятых мы пересекались в связи с убийствами. А в девяностых мы состояли в одном охотничьем клубе.

— Мир тесен, — констатировал Манфред.

— Хотите чего-нибудь? — спросил Фагерберг, накрыв одной костлявой рукой другую. Кофе, может быть?

— Нет-нет, — не беспокойтесь, — ответил Манфред. — Пейте виски, вы это заслужили.

— Значит, вы обнаружили инспектора Удин, — пробормотал Фагерберг.

— Да, — отозвалась Малин, вспоминая фотографию молодой женщины, которая лежала в папке на столе. Развевающиеся на ветру тёмные волнистые волосы, широкую улыбку и взгляд, исполненный веры в будущее.

Фагерберг потянул из кармана пачку сигарет и зажигалку.

— Не будете возражать, если я закурю?

— Нет конечно, — заверил Манфред, с вожделием глядя на пачку в руках Фагерберга.

— Должен сказать, меня эта новость повергла в шок, — хрипло произнес Фагерберг, прикуривая сигарету. Когда он втянул в себя дым, пылающее око моргнуло во мраке, а Фагерберг разразился лающим кашлем.

Малин поняла, что Фагерберга подвёл голос, но не была уверена почему — был ли он так сильно расстроен произошедшим с Бритт-Мари, или тому виной был табачный дым, или попросту всё объяснялось его почтенным возрастом.

— Я не перестаю удивляться, что люди творят друг с другом, — подал голос Роббан, опустошив свой стакан. — Когда мы потеряли Линду...

Он замялся, но заговорил снова.

— Да, я тогда всерьёз задумался об увольнении. Тогда я впервые потерял одного из своих парней.

— Одного из своих, — поправил он сам себя, с улыбкой встретившись взглядом с Малин. — Я ведь чувствовал, будто это была моя вина. Моя карьера неуклонно шла в гору. Я пришёл в Госкомиссию, когда мне не было ещё и тридцати. Стал самым молодым из когда-либо назначенных комиссаров, представляете? Всё складывалось несказанно удачно для меня. А потом случилось это. Но тогда я был уверен, что мы его возьмём. Потому что никто не может остаться безнаказанным, убив полицейского, так ведь? Только потом расследование убийства Пальме стало требовать все больше ресурсов, а наше дело так и осталось «висяком».

— С Бритт-Мари всё было иначе, — вставил Фагерберг. — Никто всерьёз не верил в то, что она могла стать жертвой нападения. Она ведь написала письма — и мне, и своему мужу, — в которых выразила намерение уехать. И по правде говоря, я не был удивлён, потому что она не годилась для этой службы.

Фагерберг стряхнул пепел в пустую чашку из-под кофе.

— Что конкретно вы имеете в виду, говоря, что Бритт-Мари не годилась для этой службы? — поинтересовалась Малин.

Фагерберг явно смутился, рот на его бугристом лице вытянулся в тонкую линию. Он сделал глубокую затяжку и, казалось, задумался.

— С тех пор прошло много лет. А тогда система была не готова.

— Не была готова к чему? — упрямо спросила Малин, явно не собираясь менять тему.

Фагерберг заколебался, но всё же решил идти до конца.

— Ко всем полицейским женского пола. Система была не готова, общество было не готово. Сейчас всё иначе. Сейчас, если кто хочет служить в полиции, будет только плюсом, если он баба, педик или мигрант.

Манфред незаметно поднял ладонь, и Малин пришлось проглотить едкий комментарий, уже готовый слететь с кончика языка.

— Как я уже упоминал в нашем телефонном разговоре, мы подозреваем, что Бритт-Мари могла вести... частное расследование, — сказал Манфред.

— Да, она всё никак не унималась по поводу этой своей теории — что преступник проникает к жертвам по крыше, — пробормотал Фагерберг. — Только это был полный вздор. Вы действительно считаете, что её убил Болотный Убийца?

— Действительно, — ответила Малин. — Судебный эксперт обнаружила в задней части черепа переломы, характерные для ударов тупым предметом. К примеру, если бы её головой били о землю, эффект был бы тот же. Точно как и у прочих убитых.

Однако Фагерберг словно пропустил её комментарий мимо ушей. Он всё ещё глядел на Манфреда.

— Вы действительно считаете, что это был Болотный Убийца? — повторил он свой вопрос.

Манфред переглянулся с Малин.

— Я тоже придерживаюсь этой версии, — ответил Манфред.

— Странно, — произнёс Фагерберг и притушил окурок в пустой чашке. — Тогда это такой же серийный убийца, как в Штатах. Сейчас всё зло — оттуда.

Манфред закашлялся.

— То, что биологическая мать Бритт-Мари обнаружила первую жертву...

— Однозначно было чистой случайностью, — оборвал его Фагерберг. — Для следствия этот факт не имел никакой практической ценности. Однако для Бритт-Мари, очевидно, он имел большое значение. Потому она и стала одержима этим делом.

— Вероятно, — сказал Манфред, помолчал немного, и снова заговорил:

— За эти годы вы, наверное, многое успели передумать. Может быть, хотите с нами чем-нибудь поделиться? Чем-то, что не фигурировало в материалах дела?

В комнате стало тихо. За окном светило солнце, и маленькое плодовое деревце тянуло к нему свои ветви. Позади деревца Малин разглядела высокую живую изгородь. Лучезарный летний день снаружи усиливал тягостное впечатление от пребывания в погребе.

— Я уже говорил, и снова повторяю, — скрипучим голосом проговорил Фагерберг. — Я считаю, что убийца хотел наказать беспутных женщин. Они ведь любили ходить по клубам и развлекаться, эти дамочки. Очевидно, они порой приводили кавалеров к себе домой. Возможно, преступник был завсегдатаем подобных увеселительных заведений. Или он был религиозен. Вы проверяли церковные общины Эстертуны?

— Спасибо, — сказала Малин. — Мы об этом подумаем. А что, кстати, случилось с одеждой? Ведь на некоторых предметах одежды жертв в семьдесят четвёртом году были обнаружены следы спермы. Но эти улики не сохранились.

Фагерберг состроил гримасу.

— Если бы вы только знали, сколько всякого дерьма мы каждый год выбрасывали.

— Так вы выбросили одежду?

— Я? — фыркнул Фагерберг. — Маловероятно. Но в какой-то момент один из поборников чистоты и порядка решил подвергнуть архивы чистке и избавился от материалов.

Роббан провёл рукой по густому ёжику седых волос.

— Мне кое-что не даёт покоя. Насчёт временных рамок. Почему именно сороковые, семидесятые и восьмидесятые? Чем убийца занимался в промежутках? Между преступлениями проходили годы, даже десятилетия.

— Если это один и тот же человек, — сказала Малин. — Мы более склоняемся к версии о том, что в сороковых действовал другой преступник.

— Вы говорите «человек», — вздохнул Фагерберг, растягивая свой тонкогубый рот в косой усмешке. — Неужели нельзя уже

определился с тем, что это мужчина? Потому что, насколько мне известно, у женщин не бывает эякуляции и они не могут оставить на месте преступления следы спермы.

Он скрестил руки на груди.

— Но это вопрос времени. Учёные скоро смогут разрешить и его, — добавил он. — Теперь ведь можно и пол самостоятельно выбирать.

Манфред предпочёл проигнорировать комментарий Фагерберга, сочтя за лучшее ответить на вопрос Роббана.

— Убийца мог жить в другом месте или отбывать срок в тюрьме. Или, может быть, он лечился в психиатрической клинике. Мы, конечно, всё это проверим.

— Что ещё вы планируете предпринять? — сухо спросил Фагерберг.

— Мы стараемся распутать каждую ниточку, которая попадает к нам в руки, — ответил Манфред. После обеда, к примеру, мы встречаемся с Ханне Лагерлинд-Шён, профайлером, которая работала над этим делом в восьмидесятых.

Роббан кивнул.

— Ханне. Что с ней случилось, кстати? Я слышал, она не работает из-за Альцгеймера.

— У неё деменция, — ответил Манфред. Она практически утратила способность запоминать то, что происходит в данный момент, но вспомнить то, что происходило в восьмидесятых, для неё не представляет сложности.

Роббан снова кивнул, и взгляд его оживился.

— Она была чертовски стильной, — сказал он. Красотка, только жалила беспощадно, как пчела. Длинные рыжие волосы. Выдающаяся...

Он сложил обе ладони чашечками и приложил к груди.

Фагерберг глухо засмеялся.

— Настоящая пин-ап модель?

— Да на них можно было запрыгнуть и сесть, — не унимался Роббан. — До чего же приятно было на неё смотреть. Но она была замужем. Кстати, она до сих пор замужем?

Малин видела, что Манфреду становится сложно сохранять самообладание. Он сложил свои большие руки на коленях и, прежде

чем ответить, на несколько секунд опустил глаза в пол.

— Нет, они развелись несколько лет назад, и она встретила другого мужчину. Полицейского. Но к сожалению, через пару лет тот умер. Так что сейчас она живёт в маленькой деревушке в Сёрмланде. Но сегодня днем она приезжает в Стокгольм, в Софияхеммет, на какое-то обследование, так что нам нужно постараться встретиться с ней до того. [\[30\]](#)

— Не передавайте ей привет от меня, — сказал Роббан, заговорщицки подмигивая. — Мне кажется, ей было сложно принять тот факт, что о полицейской работе я знал больше её, и что парнями руководил тоже я.

Ханне сидела на стуле, на летней веранде ресторанчика в парке Хумлегорден.

Она не забыла.

Несмотря на то, что теперь она не могла вспомнить, какой сегодня день, Ханне нужно было лишь закрыть глаза, чтобы увидеть Линдино лицо сердечком и её темные глаза, горящие, как кусочки полированного угля. Но Ханне старалась не думать о Линде слишком часто, потому что перед её внутренним взором сразу вставала и другая картина: маленькая квартирка в Эстертуне, прибитые к полу ладони Линды и её разбитое лицо.

* * *

Малин издали заметила Ханне и Берит. На Берит было старое платье, которое Малин хорошо помнила, а её седая челка была заколота детской золотистой невидимкой. Берит помахала им рукой, когда они подошли ближе, а потом встала и поспешила им навстречу.

Ханне немного поколебалась, но последовала за ней.

Берит — пожилая дама, которая прожила в Ормберге уже целую вечность. Она работала в городской администрации, потом в социальной службе, а теперь она помогала заботиться о Ханне. Если верить маме Малин, Берит была чем-то средним между подругой, санитаркой и блюстительницей порядка.

— Здравствуй, девочка моя! — воскликнула Берит, заключая Малин в крепкие объятия, и та сразу ощутила запах кухни и детства. — Поздравляю! В голове не укладывается, что ты уже выросла и превратилась в почтенную даму, и даже стала мамой! Когда ты носила косички, скакала повсюду и таскала яблоки из сада, такого и представить было нельзя. Когда ты уже соберешься навестить нас в Ормберге?

— Сейчас много работы. Но я надеюсь, что скоро.

— Твоя мать показывала фотографии. Он такой сладкий! Его же называли Отто?

Малин кивнула в ответ.

К собственному удивлению, она была рада встрече с Берит. Какое-то время Малин желала только одного — оказаться так далеко от Ормберга, как это возможно, и никогда не возвращаться туда. Тоска по местам детства охватила Малин впервые с тех пор, как она переехала. А сейчас, видя, как Берит улыбается, стоя в лучах солнечного света, Малин словно услышала тихий шёпот дремучих лесов и сверкающих озёр своей малой родины, и ощутила, как в груди разливается непонятная грусть.

Манфред и Ханне обнялись.

— Очень рада встрече, Манфред, — сказала она.

Длинные кудрявые волосы поседели, и выглядела Ханне более хрупкой, чем запомнила её Малин, но держала она себя с достоинством, и улыбалась искренне. Кожа на её открытых руках была сплошь покрыта веснушками. Белая блузка без рукавов выглядела свежеевыглаженной. Белые сандалии на вид были почти новыми.

— Как дела у Нади? — спросила Ханне.

— Хорошо. Она уже практически восстановилась.

Ханне кивнула и приветственно сжала обе его руки. Потом повернулась к Малин и протянула руку ей.

Малин приняла её с улыбкой, прекрасно сознавая, что Ханне её не помнит, несмотря на то, что они работали вместе не далее как прошлым летом.

— Здравствуй, Ханне. Меня зовут Малин Брундин. Мы с тобой уже вместе работали.

Выражение удивления и замешательства завладело лицом Ханне, и к её щекам прилила краска.

— О, прошу прощения, — воскликнула она, прикрыв одной рукой рот, словно пытаясь запихнуть слова назад.

— Мы с тобой говорили об этом в машине, — прошипела Берит, легонько толкая Ханне в бок.

— Ничего страшного, — сказала Малин. — Может быть, присядем?

Они расположились за одним из столиков и заказали каждый по чашке кофе. Манфред добавил к своему заказу кусочек яблочного

пирога с ванильным соусом, из чего Малин сделала вывод, что шеф снова забросил свою диету.

— Наша встреча связана с тем человеком, который приходил вчера? — спросила Берит, косясь на Ханне.

— А кто вчера приходил? — удивился Манфред, отгоняя рукой мошку, которая села на пирог.

Ханне и Берит переглянулись.

— Как его зовут? — спросила Ханне.

— Эрик Удин, — подсказала ей Берит. — Он хотел знать все подробности о том, что творилось в Эстертуне в восьмидесятых. Очевидно, его мама участвовала в расследовании убийства в семидесятых, а потом пропала. Но её нашли под...

— Но, — прервала её Малин, — как он смог вас разыскать?

Ханне с отсутствующим видом покачала головой.

— Ханне Лагерлинд-Шён — не самое обычное имя, — ответила Берит. — Найти нас было не так уж и сложно.

— И что ты ему рассказала? — спросила Малин, глядя на Ханне, взгляд которой всё ещё где-то блуждал.

— О, я...

Она покраснела и схватилась руками за щёки.

— Ты много рассказывала о расследовании, — вмешалась Берит. — И о вас с Уве. Да, ты была на удивление разговорчива. Вы проговорили несколько часов. Но по нему было видно, что он действительно нуждался в этой информации. Ужасно, должно быть, потерять свою маму подобным образом.

Вокруг стола повисла тишина, и Манфред выразительно посмотрел на Малин.

— Хорошо, — сказал он, глядя на Ханне. — Давайте перейдем к делу. Ты хорошо всё помнишь. Я понимаю, как тебе было тяжело, когда погибла Линда.

Ханне уставилась в свою чашку. Её бледные ладони ощупывали мелкие щербинки на краю деревянного стола.

— Есть что-то, что не вошло в материалы расследования, о чём ты, возможно, размышляла впоследствии, и что могло бы представлять для нас интерес?

— Я... Она... Это...

Ханне снова залилась краской и покачала головой.

— Ты же взяла с собой свой старый блокнот, — шепнула ей Берит, снова толкая Ханне в бок.

— Да, точно, — просияла Ханне. Но в следующий миг её взгляд потух, и Ханне притихла.

— В сумочке, — подсказала Берит.

— Точно. Какая я глупая.

Ханне потянулась за сумочкой и вытащила оттуда маленькую книжечку в красном переплёте. Надела свои очки для чтения и открыла первую страницу.

«Нужно сделать» — прочла Малин со своего места напротив Ханне. Потом следовал список различных дел. Номером один значилось «Встретиться с Бьёрном Удином», рядом была приписка — адрес Бьёрна и «спросить, подозревала ли кого-то Бритт-Мари». Следующими по списку были «Позвонить судебному эксперту», «Проверить Ф», «Сравнить с убийством в Техасе в 1983 году и удушением в Лионе в 1978 году».

— Следующая страница, — прервала Берит с явным нетерпением в голосе.

Ханне перелистнула страницу.

«Гипотезы» — прочла Малин. Под этим заголовком мелким почерком была исписана вся страница. По сторонам от написанного чёрной ручкой текста кто-то сделал крошечные пометки красной пастой.

— Вот оно, — обрадовалась Ханне. — Я перечитывала свои старые записи и решила записать свои новые мысли на этот счет. Могу я сначала сама их пробежать глазами?

— Разумеется, — ответил Манфред, заправляя салфетку за воротник, чтобы защитить свой прекрасный пиджак, и впился зубами в кусок пирога.

Берит поглядела на Малин, и той показалось, что во взгляде пожилой женщины сквозила тихая беспомощность.

— Да, — пробормотала Ханне.

А потом:

— Так и есть.

Манфред откусил ещё кусок, обводя взглядом парк, на лужайках которого изголодавшиеся по солнышку жители Стокгольма расстелили

пледы и устроились в купальниках — загорали, читали, устраивали пикники с детьми.

Ханне подняла взгляд и откашлялась.

— Да, здесь речь о том, как он выбирал себе жертв. Мы всегда исходили из того, что он искал молодых доступных женщин. Женщин, с которыми он, вероятно, искал знакомства, и которыми был отвергнут. На этих женщин он впоследствии совершал нападения, чувствуя себя уязвлённым.

— Правда? — спросил Манфред, подавшись вперёд, так что край салфетки повис в опасной близости от ванильного соуса.

Ханне слегка покачала головой и грустно улыбнулась.

— И ещё мы думали, что тот факт, что у всех женщин были маленькие дети, был чистой случайностью, логичным следствием того, что преступник высматривал их на детской площадке. Но я боюсь, что всё могло происходить наоборот.

— Наоборот?

Манфред подался вперёд ещё сильнее, и Малин положила ему на плечо руку.

— Осторожно, твоя салфетка, — предостерегла она, и Манфред немного отстранился.

— Именно. Он выбирал их именно потому, что у них были дети, — пояснила Ханне. Он убивал матерей, а не просто женщин, если вы понимаете, о чём сейчас я веду речь.

За столом снова стало тихо. Манфред положил свою ложку в тарелку.

— Все эти преступления — это упражнения в ненависти, — снова заговорила Ханне. — Я говорила это в восьмидесятых, и на этом я стою сейчас. Преступник, должно быть, ненавидел не женщин в целом, а лишь одиноких матерей с маленькими детьми.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Малин.

Ханне медленно кивнула, сняла очки и посмотрела на неё. В глазах Ханне снова зажёгся огонёк, и голос её оживился.

— Преступления такого рода в первую очередь связаны со стремлением преступника к власти, а не к сексу. Мне думается, начиная с сороковых годов, женщины в нашем обществе всё сильнее укрепляли свои позиции, в отличие от многих других стран и культур. Взгляните хотя бы на женщин на полицейской службе. В сороковых,

когда произошло первое убийство, женщинам ещё не дозволено было становиться полицейскими. Лишь к концу пятидесятых их приняли в систему, но и тогда они сталкивались с противодействием своих коллег мужского пола и собственного профсоюза. А в конце шестидесятых им даже на какое-то время запретили нести наружную службу, что продлилось вплоть до семьдесят первого года, если я не ошибаюсь. Прибавьте ко всему этому развитие общества в целом. Женщины вышли из дома, начали работать, была создана государственная система ухода и присмотра за детьми, разрешили аборт, и так далее. Попробуйте взглянуть на это как на неизбежное разделение власти, которая прежде была сосредоточена лишь в руках мужчин. Наверняка были и есть мужчины, которые не желали и не желают мириться с подобными порядками. Молодые женщины, которые отвергли своих мужчин — по крайней мере, в глазах нашего преступника, — предпочли сами растить детей и работать. И за это, вероятно, он хотел их покарать.

Ханне сделала паузу и сцепила в замок лежащие на коленях руки. Несмотря на летнее тепло, Малин отметила, что тонкая кожа на её руках покрылась пупырышками, а сама Ханне еле заметно дрожала.

— Хорошо, — неторопливо произнес Манфред, — только это звучит немного...

— Притянутым за уши? — подсказала Малин, чем вызвала очередной раздражённый взгляд Манфреда.

Ханне улыбнулась.

— Притянуто за уши для любого постороннего, кто пытается разобраться в этом, совершенно верно. Но для преступника собственные действия абсолютно логичны.

— Ты хочешь сказать, он способен мыслить рационально? — спросил Манфред.

— В чём-то — определённо. Я так думаю. Иначе он бы давно уже попался. В профиле преступника, который я изначально вывела, он описан как отшельник. Социально изолированный человек. Но теперь я в этом не уверена. У него сложная, эмоционально травмированная личность, но этот факт не лежит на поверхности, не бросается в глаза. Я теперь склоняюсь к тому, что он — социально адаптированный человек и, вполне вероятно, живет обычной семейной жизнью.

— Почему? — спросил Манфред.

— Потому что таким образом он избегает неприятностей. Будь он чересчур нелюдимым, он наверняка привлекал бы к себе ненужное внимание.

— Как ты считаешь, каким образом он попадал в квартиры к жертвам в семидесятых? — спросила Малин.

Ханне задумалась, а потом заглянула в свои записи.

— Мне кажется... — запинаясь, произнесла она, — что он проникал к ним по крыше. Но в восьмидесятых он, очевидно, изменил свой подход. Может быть, уже стал староват, чтобы карабкаться по крышам. Тот случай с инструментом медвежатника представляет особый интерес. У кого мог быть доступ к таким вещам?

Ханне, не дожидаясь ответа, продолжала:

— А затем исчезают технические улики из семидесятых. Так ведь и было? По крайней мере, я это записала после нашего телефонного разговора.

Манфред кивнул, подтверждая её правоту.

— Это наводит меня на размышления, — сказала Ханне.

— Какие?

Голос Манфреда был так тих, что его почти не было слышно из-за шума дорожного движения и визга играющих чуть поодаль на большой лужайке детей.

— Я всё ещё уверена в том, что мы имеем дело с разными преступниками, — заявила Ханне, убирая блокнот и очки к себе в сумочку. — Я считаю, что убийство в сороковых было совершено одним человеком, а в семидесятых и восьмидесятых — другим. Этот другой досконально изучил подробности первого дела, и отлично знал, как не оставить после себя следов. У него, возможно, были некие знания по криминалистике, он умел пользоваться отмычкой, и непостижимым образом всегда оказывался на шаг впереди нас. Этот другой смог устроить так, что улики бесследно исчезли. Вот я и думаю: не мог ли он быть полицейским?

Когда Малин вечером вернулась домой, Отто снова был здоров.

«Маленькие дети — одна сплошная загадка», — подумала она, чмокнув его в беззубый улыбающийся рот. Вчера лихорадка, сегодня — здоров как бык.

— Как прошёл день? — спросила она Андреаса, который лежал на диване, уткнувшись в экран мобильного.

— Прекрасно. Ездили на озеро с Педером и Лувой.

Педер был товарищем Андреаса, который в данный момент также пребывал в отпуске по уходу за ребёнком. А Лува, которая, вероятно, была самым толстым младенцем за всю мировую историю, была ровесницей Отто.

Малин подхватила Отто с ковра и прилегла на диван рядом с Андреасом. Тот отложил мобильник на журнальный стол и положил ладонь на пушистую головку Отто.

— Послушай, — сказала Малин. — Неплохо было бы класть Отто на плед, когда он играет на полу. На случай срыгивания. Потому что этот ковёр стоил довольно дорого.

— Ммм, — промычал Андреас. — А как у вас прошёл день?

— Хорошо.

Малин погладила пухлую щечку сына, которая неожиданно оказалась шершавой на ощупь. По какой-то неведомой причине вокруг рта у него выступила мелкая красная сыпь. Малин понятия не имела, что это могло быть, потому что Отто был здоровым малышом, за исключением иногда приключавшегося с ним отита. Малин подумала, что на этой неделе нужно бы свозить его к педиатру, чтобы выяснить, что это за сыпь.

— Мы встречались с Ханне, — добавила она.

Маленькие пальчики Отто вцепились ей в волосы и больно дёрнули прядь. Малин осторожно разжала его кулачок, сняла резинку, которую на такой случай носила на запястье, и собрала волосы в низкий пучок на шее.

— Ханне?

— Да, она, очевидно, работала над этим делом в восьмидесятых.

— Как у неё дела?

Малин поколебалась, прежде чем ответить.

— Честно говоря, видеть это печально. Она совершенно сбита с толку. С ней была Берит. Ханне приходится напоминать обо всем.

Андреас, который тоже успел поработать с Ханне, и к тому же много раз виделся с Берит, легонько погладил жену по спине.

— Это было... — заговорила было Малин.

Но внезапно из глаз у неё брызнули слёзы, совершенно неожиданно. Боль горячей волной выплеснулась наружу, а мысли и воспоминания, спрятанные глубоко в душе Малин, тоже устремились на поверхность.

— Ну-ну, любимая, — забормотал Андреас, сел и обнял жену.

— Прости, — проскулила она. — Всё это просто чересчур. Чёртова Будил со своими претензиями, все эти ужасные убийства и мёртвые полицейские. И Ханне с Берит. И ещё. Эта Бритт-Мари, она ведь была приёмной. И я тут же стала думать о маме, и об Ормберге, и...

— Любимая, — повторил Андреас. — Послушай меня. — Приляг здесь ненадолго, а мы с Отто о тебе позаботимся.

Он забрал у неё из рук Отто и встал на ноги.

Малин послушалась. Выпрямилась, лёжа на диване, и больше не сдерживала слёз.

— Я скучаю по маме, — всхлипнула она.

— Я знаю.

— И по Ормбергу.

— Полежи, — сказал Андреас. — Мы приготовим поесть.

И Малин осталась лежать на диване.

У неё не было выбора — тело обессилело, а слезы всё текли и текли. Малин думала об одиноких матерях. О тех, что вызывали у Болотного Убийцы приступ ненависти только потому, что были одинокими матерями. Думала об останках Бритт-Мари, о кольце, которая та носила на цепочке вокруг шеи; думала о Линде Буман — практически своей ровеснице на тот момент, когда убийца решил распять её на полу.

«Что не так с людьми?» — этим вопросом задавалась Малин. «Права ли была Ханне, говоря, что всё дело во власти? В ускользящей власти и непримиримой ненависти к женщинам,

которые осмелились воспользоваться обретенной свободой. И возможно ли, чтобы во всем этом оказался замешан полицейский?»

Андреас сдержал слово.

Он приготовил спагетти с соусом из мясного фарша, они открыли бутылочку вина и ужинали при свечах, настезь распахнув кухонное окно навстречу летнему вечеру. Отто вёл себя примерно и уснул, едва хрупкая синева сумерек сменилась бархатной августовской темнотой.

Они смотрели кино и болтали обо всём на свете. О Луве, у которой уже прорезались зубы, и о Педере, который хотел купить летний домик на шхерах. О маме Андреаса, которая два раза звонила и жаловалась на соседа, и о зимнем путешествии на Канарские острова — они собирались туда полететь, если будет возможность по времени и по средствам. Потом они занимались любовью в постели, которая отдавала кислым блевотным душком — Отто там срыгнул.

«Как у нас всё здорово», — думала Малин. «Я вытянула счастливый жребий». Пребывая в этой блаженной убежденности, Малин отдыхала душой до самых десяти часов вечера, когда внезапно раздался телефонный звонок.

— Ханне пропала, — запыхавшись выдохнул в трубку Манфред, когда Малин ответила.

— Пропала? — прошептала она. — Но. Как...?

Она встала с постели и пошла с телефоном в гостиную, чтобы не тревожить Андреаса, который после их любовного единения, по своему обыкновению, глубоко уснул.

— Берит споткнулась на лестнице в Софиахеммет, и ей потребовалась перевязка. По этому поводу случился переполох, а когда он утих, оказалось, что Ханне исчезла. Они, разумеется, обыскали всю округу, но не смогли её найти.

— Но... — протянула Малин, чувствуя, что винные пары еще не выветрились, потому что мысли бестолково ходили в её голове кругами, а тупая боль притаившаяся за одним виском, уже давала о себе знать.

— Мы её засветили.

Малин опустилась на диван и натянула пледик Отто на своё обнажённое тело.

— Она же не могла просто испариться. Она совершенно дезориентирована, кто-то должен был заметить её, оценить её

состояние и позвонить в полицию.

— Угу, — неубедительно промычал Манфред. — Сейчас лес позади больницы прочёсывают с собаками. Она могла заблудиться, могла упасть и пораниться.

— Чем мы можем помочь? Где Берит?

— Ночует у родственников в городе. Сейчас мы ничем не сможем помочь. Поисковая партия работает. Нам остаётся только ждать. И надеяться.

— Что-нибудь новое известно? О Ханне? — спросила Малин ранним утром, когда Манфред заехал за ней по дороге из автосервиса, откуда забрал свой автомобиль после обслуживания.

Манфред задом выехал с парковочного места и утопил педаль газа.

— Нет. Её всё ещё нет.

— Но это же совершенно ни в какие ворота не лезет. Человек не может просто взять и исчезнуть.

— Очевидно, может, — пробормотал Манфред.

— Могла она уйти вместе с кем-то?

— И кто бы это мог быть?

Малин пожала плечами, сбросив вниз сумочку.

— А где она жила раньше? До переезда в Ормберг?

— Когда она была замужем за Уве, Ханне жила на улице Шеппаргата. А с Петером они жили в маленькой квартирке в Вазастане. Коллеги побывали по обоим адресам и опросили соседей. Никто там её не видел.

— Ты думаешь, Болотный Убийца вышел на её след?

— Эта версия не слишком правдоподобна, — сказал Манфред, поворачивая на шоссе. — Но она могла пострадать в результате несчастного случая, или с ней мог случиться какой-нибудь приступ. Она ведь такая...

Манфред замялся, прежде чем произнести последнее слово, и Малин пришлось изо всех сил сдерживаться, чтобы не закончить предложение за него.

— ...хрупкая, — договорил Манфред.

На некоторое время в салоне установилась тишина. Малин смотрела на машины, теснившиеся вокруг них на мосту на остров Малый Эссинген. Над водой вилась лёгкая утренняя дымка, в которой растаяла направлявшаяся в сторону моста Вэстербрун моторная лодка, оставляя за собой на зеркальной поверхности воды длинный пенный след.

— Я не поддерживаю гипотезу Ханне. О том, что преступник может быть из полиции, — проговорил Манфред через какое-то время. — Я просто в это не верю.

Малин задумалась.

— Линда Буман, — сказала она. — Её ведь обнаружили с полицейским удостоверением в горле?

— И всё равно я не верю. Преступник мог быть всесторонне образован, начитан, мог иметь доступ к специальным инструментам для вскрытия замков и знать, как не оставить следов. А пропажа улик, которые хранились в участке в Эстертуне, могла быть просто случайностью.

— Наверное, ты прав, — согласилась Малин.

Манфред хмыкнул и надел солнечные очки. Потом бросил взгляд на свои дорогие швейцарские часы.

— Десять минут девятого. До девяти мы успеем заехать домой к Эрику Удину. Будет любопытно послушать, зачем он ездил в Ормберг, к Ханне.

Эрик Удин встретил их в кухне маленького таунхауса на берегу озера Тунашён. На нём была футболка с надписью «Плантбуден», грубые рабочие штаны с большими карманами по бокам и петлями для инструментов на одном бедре. Руки у него были мускулистыми и загорелыми, а тронутые сединой волосы — влажными, словно он только что вышел из душа. [\[31\]](#)

Взгляд Эрика, выдавая его волнение, заметался между Малин и Манфредом, когда те устроились за старомодным кухонным столом.

— Это бабушкина обстановка, — тихо сказал он, заметив, что Малин разглядывает обеденный стол тёмного дерева и старую сахарницу из прессованного хрустала, которая стояла на кружевной скатерти.

— Всё в этом доме — её, — продолжал Эрик. — Я получил дом в наследство после её смерти, и особенно не интересуюсь дизайном, поэтому оставил всё, как было при ней.

— Понятно, — сказала Малин.

Она сделала глубокий вдох и заговорила:

— Нам в самом деле очень жаль, что с твоей мамой произошло такое несчастье.

Эрик кивнул, опустив глаза в пол.

— Спасибо. Но когда она пропала, я был так мал, что даже её не помню, поэтому не могу утверждать, что оплакиваю её. Хотя это так. Если бы она осталась в живых, моя жизнь была бы совсем другой.

Гримаса боли на мгновение исказила его черты, и Эрик скрестил свои загорелые руки на груди.

— И папина тоже, — пробормотал он, отводя взгляд.

Малин вспомнился Бьёрн Удин. Скрюченный старик в инвалидном кресле, который жил в заваленной отходами квартире и без всякого стеснения слизывал с руки пролитый самогон. Вспомнились сухие, как папиросная бумага, листья погибшего растения, остов которого торчал из горшка на подоконнике.

Да, его жизнь, вероятно, тоже повернулась бы иначе, останься Бритт-Мари в живых.

— Он мог бы найти в себе силы заняться чем-то в жизни, — продолжал Эрик. Потому что сейчас, откровенно говоря, он только сидит и пьёт — у себя дома или на дачке у приятеля.

Эрик встал и принялся бродить взад-вперёд по старомодной, но очень опрятной кухне. Остановился, провёл рукой по волосам и несколько секунд помедлил, а потом снова зашагал.

— Простите, я просто... Я был так зол на маму. Все эти годы.

Он вернулся к столу и снова опустил на стул напротив них.

— Я ведь считал, что она сбежала, — говорил Эрик. — Что она не хотела меня воспитывать. Так все думали. А папаша всё болтал об этой открытке, утверждал, что она перебралась на Мадейру. Правда, не могу сказать, верил ли он сам в это. Может быть, он говорил так, чтобы защитить меня. Или себя самого. Наверное, чертовски больно быть вот так брошенным. А теперь открылось это. Я никак не могу осознать. Её и правда убили?

— Мы так считаем, — сказал Манфред. — Ей кто-нибудь мог желать смерти?

Эрик рассмеялся безрадостным смехом.

— Мне было три года, я не имею ни малейшего понятия. Но очень хотел бы это выяснить. Я должен это выяснить. Потому что когда нашли её останки, я будто сам себя потерял. Всё, во что я верил, оказалось ложью. Я теперь не уверен, кто я вообще такой, потому что я больше...

— Не можешь её ненавидеть? — закончила Малин, тут же раскаявшись.

— Именно. И мне так ужасно стыдно за все чудовищные вещи, которые за эти годы я успел о ней передумать.

— Эти мысли не нанесли ей никакого вреда, — сказал Манфред.

Эрик не ответил, только наморщил лоб, и лицо его исказила гримаса.

— Что ты делал в Ормберге позавчера? — словно мимоходом поинтересовался Манфред.

Эрик выглядел удивлённым.

— Я ездил проведать сотрудницу полиции, которая в восьмидесятых работала над делом. Или она не сотрудница. Мне кажется, она психолог, или кто-то вроде. Так или иначе, её зовут Ханне...

— Лагерлинд-Шён, — выпалила Малин, не сдержавшись.

Манфред искоса взглянул на неё и заговорил:

— А зачем ты к ней ездил?

Эрик уставился на свои руки.

— Я пытаюсь... не знаю. Понять. Что случилось с мамой.

— У Ханне деменция, и она уже давно не сотрудничает с полицией.

— Это я понял.

— Как ты её нашёл? — спросил Манфред.

Эрик протянул руку и взял с подоконника пачку пожелтевших листов бумаги, пролистал их и выудил оттуда визитную карточку, а потом положил её на стол.

— Ханне Лагерлинд-Шён, доктор философских наук, — прочла Малин.

— Однажды она вместе с коллегой побывала здесь. Как минимум тридцать лет назад. Так или иначе, тогда она оставила свою карточку. Я нашёл её в подвале.

— Ты видел Ханне или разговаривал с ней после своего визита в Ормберг? — спросил Манфред.

Эрик покачал головой.

— Для чего бы мне это делать?

Манфред не ответил.

— Но я собираюсь встретиться ещё с парочкой пенсионеров, — добавил Эрик. — Имена мне подсказала Ханне. Их зовут Фагерберг и Рюбэк.

Манфред поглядел на Малин долгим взглядом и обернулся к Эрику.

— У тебя, разумеется, есть право разговаривать с кем заблагорассудится. Но мы были бы признательны, если бы в дальнейшем при возникновении каких-то вопросов ты обращался к нам.

Эрик молча кивнул.

— А если ты что-то узнаешь о Ханне, прошу немедленно нам перезвонить. Она пропала.

Эрик остолбенел и встретился взглядом с Манфредом.

— Пропала?

— Да, — подтвердил тот.

Потом Манфред выудил из кармана два маленьких пакетика.

— Мы должны передать тебе эти вещи. Это обручальное кольцо Бритт-Мари, а это — помолвочное кольцо её матери, которое было обнаружено на цепочке вокруг шеи Бритт-Мари. Цепочка тоже здесь.

Эрик протянул руку, и Манфред вручил ему пакетики.

— Кольцо Элси? — шепнул Эрик, глядя на украшения у себя в ладони. Потом сжал кулак так крепко, что побелели костяшки пальцев.

— Бабушка много о ней рассказывала, — пробормотал он, вытирая слезу со щеки.

— И ещё кое-что, — произнес Манфред, наклонился и вытащил из пакета чёрную картонную коробку. Коробку он водрузил на стол.

— Это...?

Эрик притих и положил руку на коробку.

— Это вещи Бритт-Мари. Они лежали в нашем архиве с восьмидесятых. Мы изучили эти материалы, но не обнаружили ничего ценного для расследования. К тому же, у убийства твоей матери вышел срок давности, поэтому мы можем передать тебе эти вещи. Вот наш номер. В случае чего — звони.

— Благодарю.

Эрик часто заморгал и взглянул на них. Несмотря на загар, было заметно, как побледнело его лицо.

Он долго сидел в кухне после того, как Малин с Манфредом ушли. Эрик сидел за столом и глядел на пакетики с кольцами. Потом вытащил их и принялся разглядывать. Изящная гравировка на кольце, которое всё ещё висело на цепочке, гласила:

«Аксель, 1 мая 1939».

Эрик потянулся к чёрной коробке, вспоминая реакцию себя четырнадцатилетнего на визит полиции. Вспоминая слова, которые он выплёвывал, словно наелся чего-то горького.

А это можете забрать. Мне это без надобности.

Эрик аккуратно снял крышку и вывернул содержимое коробки на стол. Среди документов золотом поблёскивала кокарда да торчал край полицейского удостоверения.

Что-то перевернулось у Эрика в душе.

Стопку документов и кольца он перенес в свою подвальную комнату без окон и сложил всё на стол перед компьютером, а потом сел и принялся изучать. Эрик обнаружил письма, членскую карточку стрелкового клуба, квитанции и старый календарь.

Открыв его, Эрик стал осторожно перелистывать страницы.

Почерк был аккуратный и легко читаемый. Короткие записки — как привет из давно утраченной жизни. Этот календарь был во сто крат ценнее обычного, потому что мама Эрика на каждой странице оставляла несколько строк, словно в дневнике.

14 марта: визит к врачу. Купила Эрику брюки, но на обувь денег не хватило.

20 апреля: Бьёрн обещал отвести Эрика в парк, но вместо этого уснул на диване. Хуже всего то, что меня это не удивляет.

10 июня: Май пообещала взять на себя заботу об Эрике в течение дня, когда я выйду на работу. Это не лучший выход, но иного выбора нет.

Потом записи стали встречаться чаще и сделались длиннее, свидетельствуя о её растущем отчаянии.

В конце августа 1974 года Бритт-Мари немного написала о своей работе. Её шеф, Свен Фагерберг, целыми днями заставлял её переключать бумажки, не допуская до следственной работы, но коллега по имени Рогер Рюбэк оказался «добрым и понимающим». Нападение на Ивонн Биллинг 22 августа описано в одном предложении. О Бьёрне, конечно, она тоже писала. О том, как он забрал семейные деньги, играл на скачках, потерял работу и якшался с типом по имени Судден, который явно вызывал у Бритт-Мари отвращение.

И вот запись пятого сентября:

Сегодня возле Берлинпаркен мы обнаружили убитую женщину. Она была распята на полу, совсем как Ивонн! Это чудовищно. Не перестаю думать, мог ли это быть тот же человек, что в 1944-м, хотя Фагерберг утверждает, что это невозможно.

Затем записи становятся короче. Но в одну из сентябрьских суббот Бритт-Мари нарисовала на полях большое сердце, а запись сделала красной ручкой.

Фантастический день. Бьёрн принес мне завтрак в постель, а потом мы пошли в парк и пускали с Эриком мыльные пузыри.

Между страниц была вложена фотография.

Эрик вытащил поблекшую полароидную пластинку и поднёс к свету. На снимке возле песочницы стоял мальчишка. В руке у него была маленькая пластиковая палочка с петлёй на конце, откуда вылезал большой мыльный пузырь. Эрик узнал щекастое лицо, которое когда-то принадлежало ему. Позади мальчика угадывался силуэт Бритт-Мари. Она сидела на корточках, глядя в камеру. Застыв во времени, она широко улыбалась и протягивала руку к сыну.

Эрик закрыл глаза и сжал кулаки. Потом повесил оба кольца на ту же тонкую цепочку и застегнул ее на шее.

Теперь Эрик знал, что нужно делать. Тяжесть тьмы, навалившейся на его плечи, угрожала его раздавить.

— Когда она явится? Я не могу ждать весь день.

Будил постукивала ручкой по столу, глядя на Манфреда и Малин поверх очков для чтения.

— Я сейчас позвоню ей и выясню, — сказал Манфред, доставая из кармана мобильник, но в тот же миг из коридора до них долетел приближающийся звук быстрых шагов.

В конференц-зал вошла высокая женщина с короткими каштановыми волосами, одетая в голубой костюм и лодочки.

— Здравствуйте. Мария Нильссон, ДНК-специалист из НКЦ. Я пришла по адресу?^[32]

Будил жестом пригласила её войти, и присутствующие представились. Поздоровавшись, Малин достала мобильник, чтобы ещё раз убедиться, что он выключен. Откровенно говоря, Малин приняла все возможные меры, чтобы снова не навлечь на себя гнев Будил: она изучила все материалы дела, заучила их предполагаемые дальнейшие действия и дала самой себе зарок действовать настолько профессионально и быть настолько открытой к сотрудничеству, насколько это вообще возможно.

— Прошу, — произнесла Будил, откинувшись на спинку стула и сделала приглашающий жест.

— Благодарю, — отозвалась Мария, доставая свой ноутбук. — Итак, мы провели анализ биологического материала, который был обнаружен на местах преступлений в восьмидесятых. Самое пристальное внимание мы уделили образцам крови, изъятым из-под ногтей Линды Буман. Их анализ уже проводился десять лет назад, но тогда специалисты пришли к выводу, что в образцах содержится недостаточно ДНК для составления генетического профиля. Однако развитие в этой области не стоит на месте. Не далее как...

— Всё это нам известно, — оборвала её Будил, громко стукнув ручкой по столу. — Переходите сразу к выводам.

Мария не смогла скрыть удивления, однако быстро сориентировалась.

— Как пожелаете, — сказала она. — ДНК-профиль, пригодный для сравнения, составить невозможно.

Повисла тишина.

— То есть мы вернулись туда, откуда начали, — произнесла Будил.

— Нет, — ответила Мария. — Это совсем не так. Если бы вы потрудились пару минут послушать, я могла бы объяснить, почему.

Невозможно было не заметить, как в голосе Марии зазвучал металл, и Малин чувствовала определённое удовлетворение от того, как Будил поставили на место.

Мария заговорила, не дожидаясь ответа Будил.

— Когда мы провели анализ образцов крови, обнаруженных под ногтями Линды Буман, мы получили то, что называется смешанной картинкой. Основная часть материала соответствовала ДНК-профилю жертвы, однако присутствовали следы другой ДНК. Поэтому мы провели анализ Y-маркеров. Они содержатся в Y-хромосоме, которая есть только у мужчин, так что с большой долей вероятности принадлежат преступнику. Во всяком случае, они не могли принадлежать Линде Буман, потому что она — женщина.

— Так вы обнаружили ДНК мужчины под ногтями Линды Буман? — спросил Манфред.

— Именно. У человека — двадцать три пары хромосом. Двадцать третья пара определяет пол. В норме женщина имеет пару хромосом, которую мы называем XX, а мужчина — XY. Поэтому мы и решили выделить маркеры Y-хромосомы из материала. И на основании этих маркеров нам удалось составить профиль.

— Так мы можем прогнать его через наш регистр?

В голосе Манфреда звучал энтузиазм. Он подался вперед и оперся локтями о стол.

— Нет, к сожалению, — ответила Мария. — У нас нет Y-хромосомного регистра. В некоторых странах такие базы данных ведутся, но не в Швеции. Что можно предпринять, так это протестировать подозреваемых, используя данный профиль, или проанализировать старые образцы, которые, вероятнее всего, принадлежат тому же преступнику. Но есть одна загвоздка.

— Почему я не удивлена?

На лице Будил читалось разочарование.

— Y-хромосомный профиль наследуется по отцовской линии, — продолжила Мария. — То есть у мужчины тот же профиль, что у его отца, его сына и его внука мужского пола. И так далее.

— Подождите, — попросил Манфред. — Нельзя ли чуточку подробнее?

— Конечно, — тут же согласилась Мария. — Представьте, что мы найдем подозреваемого. У него, в свою очередь, есть отец, брат или сын. Их Y-хромосомные профили в этом случае будут с наивысшей степенью вероятности идентичны. Конечно, исходя только из анализа маркеров Y-хромосомы, нельзя определить, кто именно из этих людей — преступник. Однако часто возможно исключить человека из круга подозреваемых, к примеру, исходя из их возраста — слишком старого или юного, или исходя из того, что на момент совершения преступления человек находился в другом месте.

— Хорошо, — сказал Манфред. — Но какую мы можем извлечь из этого пользу, если профиль нельзя загнать в регистр для проверки? У нас ведь нет подозреваемых, у которых мы могли бы взять тест.

— А вы не думали о типировании более широкой группы лиц? — спросила Мария. — Такое раньше уже делали.

— В Эстертуне проживает более десяти тысяч граждан, — проинформировала Будил, снимая очки, чтобы протереть их о рукав блузки.

— Прошу прощения, — начала Мария, — но я взяла на себя смелость немного ознакомиться с делом. Если вы сделаете выборку всех мужчин подходящего возраста, которые проживали в Эстертуне в актуальные периоды времени, вы получите гораздо более адекватную цифру. Внести в выборку дополнительные ограничения можно с помощью психологического профиля. У вас наверняка есть предположения относительно места жительства преступника, его социально-экономического статуса и т. д. Я не могу сказать, что именно вам надлежит предпринять, я только хочу до вас донести, что на практике это вполне осуществимо.

— Но мы можем подвергать генотипированию только тех, кого имеем законные основания подозревать в совершении какого-либо преступления, караемого тюремным заключением, — напомнила Будил.

— Если целью является проведение ДНК-анализа образцов — да, — быстро согласилась Мария. — И регистрация ДНК-профиля в одном из существующих полицейских регистров.

Малин с новым интересом взглянула на короткостриженую сотрудницу НКЦ. Мария ей понравилась. Не только за то, что поставила Будил на место, а скорее за свою компетентность.

— Мы могли бы провести добровольное генотипирование, — сказала Малин.

— Сначала мы отсеем потенциальных преступников путём сопоставления данных в разных регистрах. Потом направим уведомления заинтересовавшим нас лицам. Поясним, что их ни в чём не подозревают, но тем не менее нам необходимо их опросить и получить пробы ДНК в связи с проведением опроса. Так поступили коллеги из Эстерйотланда, когда расследовали двойное убийство в Линчёпинге.

— На них никто не жаловался омбудсмену? — поинтересовалась Будил.

— Ну, если я правильно помню, то да, — ответила Мария. — Но я сильно не погружалась в юридическую часть вопроса, я здесь, чтобы рассказать, какое можно найти практическое применение тому типу ДНК-профиля, который мы смогли получить. Прошу меня извинить, но сейчас я вас покину, у меня ещё одна встреча в этом здании.

Она встала, убрала ноутбук в портфель и направилась к двери. Держа спину прямо, она бескомпромиссно уставилась на Будил, поднимая на прощание руку.

— Вы знаете, где меня найти, — сказала Мария и вышла.

— Мне тоже пора, — объявила Будил, заправляя свои блестящие черные волосы за ухо. Давайте назначим совещание на завтра, в районе...

Она поскроллила пальцем экран мобильного и наморщила лоб.

— У меня завтра очень плотный график. Может быть, в двенадцать?

У Малин засосало под ложечкой.

Завтра в обеденное время они с Отто должны ехать к врачу — по поводу тех странных высыпаний. У Андреаса назначена встреча с новым начальником, поэтому он поехать не сможет. И даже если бы

Малин решила просить его перенести встречу, сделать это здесь и сейчас было совершенно невозможно.

— У меня в обед встреча, — начала было она.

— Отмени, — ответила Будил, не отрываясь от мобильного.

В груди Малин росло отчаяние. Они так долго ждали талончика к врачу, и Малин прекрасно знала, что Манфред может обойтись на совещании и без неё. Малин только не представляла, как разобраться с этой ситуацией. Или, скорее, как разобраться с Будил.

В конце концов, Малин решила быть честной. Возможно, её вдохновил достойный пример Марии, которая не пожелала играть по правилам Будил.

— В это время я везу сына к врачу, — сказала Малин.

— Мы можем обсудить всё вдвоем, — поспешно вставил Манфред. — Малин, я потом тебя обо всём проинформирую.

— Тогда так, — тихо сказала Будил, что-то строча в своём блокноте.

— Что ты думаешь о возможности мероприятия по генотипированию? — поинтересовался Манфред.

— Нет никаких причин его не проводить, — ответила Будил. — Малин, может быть, ты возьмёшь это на себя?

Малин кивнула, думая, что это в любом случае будет лучше, чем ссылка в бюро находок.

Когда они уже собрались уходить, Будил проговорила:

— Не ты, Малин. Я хочу с тобой поговорить.

Манфред исчез в коридоре и закрыл за собой дверь. Малин осталась стоять перед Будил, словно подсудимый в ожидании оглашения приговора.

— Мне казалось, мы с тобой прояснили разницу между работой и личной жизнью, — с растяжкой произнесла Будил, не отрывая взгляда от шариковой ручки у себя в руках.

— Для меня не проблема сочетать работу с семейной жизнью. И я не считаю запись к врачу в обеденное время признаком непрофессионализма.

Будил отложила ручку и встретила взглядом с Малин.

— У меня самой двое детей, — сказала она. — И я больше десяти лет растила их в одиночку. Я ни единого раза не пропустила важной встречи и никогда не оставалась дома, чтобы подтирать соплевые

носы. Всё дело в отношении. Будь добра изменить своё, иначе мы не сможем работать вместе.

Малин почувствовала, как от стыда и злобы к щекам приливает кровь.

«Откуда взялся стыд?» — подумала она. Неужели ей было стыдно за то, кем она была, чем она была — женщиной с маленьким ребёнком, который иногда болеет и нуждается во врачебной помощи?

Открылась дверь, и внутрь заглянул Манфред.

— Есть новости о Ханне, — сказал он, помедлив. — Я только что получил сообщение. Её вероятное местонахождение локализовано. Малин, ты можешь подойти?

Они сидели перед компьютером в тесном кабинете Манфреда.

— Ещё раз, — попросила Малин, и короткая последовательность кадров замелькала сначала.

У чёрно-белого изображения с камеры наблюдения отсутствовал звук. На экране появилось помещение небольшого магазинчика товаров первой необходимости. Обзор на торговый зал шёл от кассы.

Вдоль полки с напитками взад-вперёд ходила женщина, словно чего-то искала. Она остановилась, оправила блузку и немного пригладила волосы. Потом огляделась по сторонам, явно колеблясь. Через несколько мгновений она протянула руку за бутылкой воды и медленно побрела к выходу.

Нажав на кнопку, Манфред остановил воспроизведение.

— Здесь кассирша поняла, что она собирается уйти не заплатив, — пояснил он, и снова нажал на воспроизведение.

Кассирша покинула свое место за кассой и побежала вслед за женщиной. Они обменялись несколькими словами и вернулись к кассе. Женщина порылась в сумочке, достала банкноту и заплатила. Потом пошла к двери и вышла наружу.

— Это она, — прошептала Малин. — Это Ханне.

Манфред хмыкнул.

— Кассирша не сказала, куда она отправилась?

— Нет. По её словам, Ханне выглядела сбитой с толку, когда та её остановила. Но Ханне ни словом не обмолвилась о том, куда шла. А кассирша и не спрашивала. Но когда услышала по радио об исчезновении женщины, то решила позвонить в полицию.

Они немного помолчали.

— На первый взгляд, рядом с ней никого нет, — нарушил тишину Манфред.

— Да. Но нельзя исключать, что кто-то мог ждать её снаружи. Где конкретно находится этот магазин?

— В Эстертуне, у самой площади, — ответил Манфред. — Практически на пороге полицейского участка, рядом с автобусной остановкой.

Малин указала на счётчик времени в нижнем углу кадра. Он показывал 18:23.

— Почти два часа прошло с момента её исчезновения. Этим цифрам можно доверять?

— Да. Коллеги проверяли. Эстертунская полиция собирается изъять записи со всех камер на объектах торговли вокруг площади. Ещё они должны опросить всех уличных торговцев, сотрудников магазинов и ресторанов. Нужно также охватить водителей автобусов и такси.

— Есть результаты?

— Пока нет. Но она ведь должна была каким-то образом туда добраться. Если только...

— Если только кто-то не привёз её туда на машине, — констатировала Малин.

Она остановила взгляд на изображении нечёткой фигуры, застывшей в дверях магазина и во времени.

— Что тебе понадобилось в Эстертуне, Ханне? — пробормотала Малин.

— Да, — эхом отозвался Манфред. — Какого чёрта тебе там понадобилось?

Малин глядела на звёзды. Мама обычно говорила ей, что это крошечные дырочки, сквозь которые можно разглядеть сияние небесных чертогов.

Их мерцающий свет, отчётливые, но лишённые резкости силуэты деревьев на фоне тёмно-синего задника — неба — всё это так ясно виделось Малин сейчас, когда она тайком курила на пороге кирпичного дома в Вестерторпе.

Андреас обязательно заметит. Но не всё ли равно?

У Малин выдался в самом деле дерьмовый день. Будил её презирала, а Ханне до сих пор не нашлась. Тот факт, что её запечатлела видеокамера в Эстертуне, не упрощал задачу, а скорее наоборот.

Да, Малин решила, что заслужила сигаретку.

Она подумала об Эрике Удине, который встречался с Ханне за сутки до её исчезновения.

Случайность ли это?

Малин в это не верила — так или иначе, все эти события были взаимосвязаны.

Она представила себе, как Эрик в одиночестве сидит, разглядывая золотые кольца, которые столько лет пролежали под гаражом в Эстертуне, пока на поверхности проходила равнодушная к ним жизнь. Малин представила, как Эрик кладёт кольца на свою мозолистую ладонь, а потом убирает их в карман грубых рабочих штанов, словно это карамельки, которые он решил приберечь на завтра.

Эрик производил странное впечатление, но Малин не могла бы объяснить почему. Он был погружён в печаль, но его печаль была необычной. Он словно был истерзан ускользающим и вновь наползающим отчаянием. Это отчаяние пряталось за его загорелой кожей, и лишь бегающий взгляд выдавал его. Это была какая-то безымянная, невыплаканная боль.

А ещё этот дом.

Складывалось впечатление, что ты возвращаешься на тридцать лет назад во времени: сахарница из прессованного хрусталя, кружевная скатерть. Старомодная мебель, цветочные гардины с оборками.

«Почему он остался там?» — думала Малин, туша окурок о фонарный столб. «Почему просто не продать дом и не переехать в квартиру?»

Перед мысленным взором Малин вновь возникла Ханне.

Она стояла в лучах солнца в парке Хумлегорден. Ветер развеивал её волосы, и на губах играла искренняя улыбка. Глаза её блестели, и блузка была отглажена.

«Мы отыщем тебя», — подумала Малин. «И возьмём Болотного Убийцу».

Андреас обнял Малин, когда она вернулась домой.

— Ты курила, — констатировал он, озабоченно наморщив лоб.

— Адский выдался денёк, — в своё оправдание ответила Малин.

И рассказала мужу обо всех событиях минувшего дня.

Андреас изо всех сил старался окружить её заботой. Он заварил чай, и заверил Малин, что Отто сыт, и что перед сном он поменял сыну подгузник. Андреас слушал не перебивая, а когда Малин замолкала,

осторожно задавал вопросы. Потом он распахнул окно, впуская в дом все ароматы тёплой летней ночи. Он даже разрешил Малин выкурить ещё сигарету, если ей захочется.

Андреас всё делал правильно, но тяжесть, сдавливавшая грудь Малин, не отпускала. Что-то зажалось её, словно в тисках, не давая даже заплакать.

— Наплюй на Будил, — сказал Андреас. — Завтра она об этом и не вспомнит.

— Ты так думаешь?

Андреас промолчал. Вместо ответа он снова наморщил лоб и поглядел в открытое окно.

— Что Ханне делала в Эстертуне? — спросил он.

— Да, это вопрос на миллион. Может быть, она поехала туда по собственной инициативе. Может быть, она встретила кого-то, кто её туда привёз.

— Но кого? Кто вообще знал о том, что вчера она должна была быть в Стокгольме?

— Никто, — ответила Малин, но тут же исправилась:

— Или... Берит же знала. И, вероятно, Эрик Удин, потому что он приезжал к ней в Ормберг за день до этого.

— Вы что, не можете отследить её мобильник?

— У неё нет мобильного.

Они замолчали. Где-то в темноте послышались приближающиеся шаги, звук которых затем растворился в ночи. Издали, со стороны шоссе, доносился шум дороги, да где-то лаяла собака.

— Вы должны собрать эту мозаику, — сказал Андреас. — Возможно, вам следует обратиться в СМИ, разместить её фото. Кто-то должен был её видеть.

— Мне казалось, ты в декретном отпуске, — вздохнула Малин.

Андреас тихонько рассмеялся.

— Бывших полицейских не бывает. Пойдем, пора ложиться.

И они пошли в спальню. Малин осторожно ступала между валявшихся на полу подушек и игрушек, но всё равно случайно задела ногой пустую бутылочку, которая укатилась к самому порогу. Когда она добралась до кровати, Андреас бережно снял с неё одежду и откинул одеяло в сторону.

— Ложись, — прошептал он, и Малин не стала протестовать, а сделала, как велел муж.

— Ты знакома с Нахид? — спросил Манфред.

Малин покачала головой и поздоровалась с молодой стройной женщиной, которая сидела перед компьютером рядом с Манфредом.

— Нахид Свенссон, — представилась та, смахивая прочь упавшую на лицо прядь длинных чёрных волос.

— Нахид — лучший специалист по регистрам и базам данных в Управлении, — пояснил Манфред.

Нахид улыбнулась шире, чем требовалось.

— Он так шутит. Но я правда думаю, что всё это круто.

— Какая удача! — воскликнула Малин, притащила один из стульев для посетителей к столу и тоже села.

— Мы подумали, — заговорил Манфред. — Что начать стоит с выборки мужчин, которые проживали в Эстертуне в середине семидесятых и в восьмидесятых.

Малин кивнула.

— Если исходить из того, что в 1974-м ему должно было быть как минимум шестнадцать, то родился он в 1958-м или раньше.

— А если это всё-таки тот же человек, что в сороковых? — спросила Малин.

— В таком случае он тоже попадает в критерии поиска. Мы же ищем мужчин, рождённых в 1958-м и ранее, из числа проживавших в Эстертуне на момент совершения убийств в семидесятых и восьмидесятых. Но если убийца — тот, кто действовал в сороковых, велика вероятность, что он уже давно мёртв.

Малин снова кивнула.

— И сколько получается таких?

— Посмотрим, — ответила Нахид. — Мне нужен один день. Если получится очень много, можно будет сузить критерии поиска. Но вы в любом случае получите общий список, с которого можно будет начать. А если никого не найдёте, потом можно будет снова расширить критерии.

Нахид встала и взяла под мышку свой ноутбук.

— Тогда я приступаю.

— Зажги! — сказал Манфред.

Малин кивнула ей на прощание, и Нахид упругой походкой зашагала по коридору.

Манфред откинулся в своём офисном кресле, соединил руки в замок, сложил их на своём большом животе и посмотрел на Малин.

— Как ты?

— Ничего, — отозвалась она, сознавая, что всё совсем не так хорошо, как хотелось бы.

— Хм, — промычал Манфред.

— Послушай, мы разгребём это дерьмо, — ободряюще произнёс он чуть погодя.

Малин снова кивнула.

— Есть что-нибудь новое о Ханне?

— Нет, — со вздохом отозвался Манфред. — Её не нашли больше ни на одной записи с камер. И никто из водителей автобусов и такси, которых опросили коллеги, её не вспомнил.

Манфред медленно покачал головой.

— А с Берит ты разговаривал? — спросила она.

— Я виделся с ней рано утром. Она в полном смятении. Считает, конечно, что это её вина.

— Бедняжка Берит, — пробормотала Малин, думая о седовласой старушке, которую знала с детства. — Так что она рассказала тебе?

— Берит велела Ханне подождать на скамейке в парке, пока её перевяжут в Софиахеммет. Но когда через некоторое время Берит вернулась, Ханне там уже не было.

Малин прикрыла глаза и попыталась представить себе эту сцену: Ханне солнечным днём сидит на скамейке в парке и ждёт. Она щурится от яркого света, и щеки у неё покраснелись от жары. Тонкие пальцы обнимают сумочку, лежащую на коленях.

Только вот что произошло потом?

— Я переговорил с прокурором, и с Будил тоже, — продолжал Манфред. — Мы разместим в СМИ фотографию Ханне и откроем горячую линию.

Малин еле заметно улыбнулась, вспомнив вчерашнее предложение Андреаса.

— Что такое? — спросил её Манфред.

— Ничего. Просто вчера Андреас предложил то же самое.

— Ну, это тебе не ракеты строить.

Малин кивнула.

Манфред был прав, это не космическая наука. Это старая добрая полицейская работа.

— Но если кто-то действительно забрал её прямо оттуда, — тихо проговорила она, — и увёз в своей машине, и...

Она оставила предложение неоконченным.

Манфред долго ничего не говорил, прежде чем наконец собрался ответить:

— Всё так, — сказал он. — Но я не верю в это. Только Берит, Ханне и мы знали о том, что у неё назначено обследование в Софияхеммет.

— А как же Эрик Удин? Мне показалось, Ханне его очень заинтересовала.

— Берит сказала, что в разговоре не упоминалось посещение больницы. Говорили только о событиях восьмидесятых. К тому же, зачем кому-то устранять Ханне? Она не представляет угрозы. Я знаю, что ты сейчас думаешь о Болотном Убийце, но если честно, Малин, Ханне не обладает какой-то сенсационной информацией. Ты ведь сама слышала её рассказ. Если бы выведенный ею психологический профиль попал в точку, убийцу взяли бы ещё в восьмидесятых.

Малин задумалась.

— Представь, что Малин оказалась права, и в деле замешан полицейский, — сказала она, немного погодя.

После того, как Малин свозила Отто к врачу, получила рецепт мази от какой-то болячки под названием «импетиго» и вернула сына Андреасу, она вернулась в Управление. Послеполуденное солнце ещё припекало, кроны деревьев ещё жизнерадостно зеленели, но появившийся в воздухе намёк на прохладу и длинные тени, ползущие по пыльным улицам, шептали на ухо о том, что осень была уже не за горами.

Манфред ухитрился уговорить Будил перенести встречу на час позже, и Малин как раз успела принести себе чашку кофе и прихватить покрытый коричневыми пятнами банан из фруктовой корзины, прежде чем войти в кабинет своей начальницы.

— Я перейду сразу к делу, — заявила Будил, когда все сели. — Вы считаете, что исчезновение Ханне Лагерлинд-Шён имеет отношение к

делу?

— Нет, — сказал Манфред. — Вернее, всё зависит от того, что ты имеешь в виду. Я считаю, она каким-то образом самостоятельно добралась до Эстертуны. Вероятно, она была дезориентирована, и помнила наш разговор о расследовании. Сейчас мы размещаем в СМИ её фотографию. Будем надеяться, кто-то её видел или говорил с ней.

— Хорошо, — коротко отозвалась Будил. — Тогда оставим пока этот вопрос.

— Как продвигается работа над этими списками, которые вы собирались получить?

— Над этим работает Нахид, — ответил Манфред. — Я только что говорил с ней. Она считает, нам придётся проверить примерно семьсот человек.

— Боже мой, — простонала Будил, закатывая глаза.

— Лодде поговорил с коллегами в Эстертуне, — продолжал Манфред. — Они могут обеспечить проведение процедуры генотипирования.

— Боже мой, — повторила Будил. — Во что это мы ввязались?

— Мы пошлём этим людям уведомления по почте, — сказал Манфред, не замечая её состояния.

— Утвердите текст письма у прокурора, и пусть его изучат юристы из Управления, — напомнила Будил. — Мы ни в коем случае не должны никому угрожать принудительными мерами. В тексте должно быть ясно изложено, что это исключительно добровольная процедура. Я не потерплю, чтобы на меня жаловались омбудсмену, это ясно?

Манфред кивнул.

— Лодде над этим работает.

— Что в остальном?

Манфред немного подался вперёд, словно для разбега.

— Мы заново проанализировали технические улики, обнаруженные в восьмидесятых. К сожалению, ничего нового не выяснили, помимо этого ДНК-профиля. Поэтому мы опросили тех, кто руководил расследованием в семидесятых и восьмидесятых, и некоторых родственников.

Будил хмыкнула.

— Вы разыскали бывших подозреваемых?

Манфред вздохнул.

— Это одна из деталей, которая делает наше расследование таким необычным. В деле в принципе отсутствуют подозреваемые, если отбросить все сигналы полученные за эти годы от общественности. В сороковых в совершении убийства подозревался некий мужчина. Да, помимо того, кто был осуждён. Некого Биргера фон Бергхоф-Линдера видели с убитой женщиной вблизи её квартиры тем вечером, когда произошло убийство. Что интересно — семейство фон Бергхоф-Линдер владеет обширными земельными наделами в районе Эстертуны. Однако этого человека так и не удалось связать с убийством, и он уже давно мёртв.

— Сколько ему было лет, когда в восьмидесятых убийства возобновились?

Будил постукивала ручкой по столу.

Манфред поднял глаза к потолку и потёр подбородок.

— Мне кажется, семьдесят шесть.

Будил немного помолчала.

— Итак, генотипирование — наш лучший шанс? — проговорила она.

— Да.

— Тогда решено, — сказала Будил, и нетерпеливо взмахнула рукой, обозначив окончание аудиенции.

Они вышли из кабинета, и Малин вдруг сообразила, что Будил не только ни разу на неё не взглянула за всё время встречи, но и ни разу не обратилась к ней.

То, что Будил её презирает, Малин уже было ясно. Но почему? Что Малин такого ей сделала, кроме того, что была тем, кем была, на том месте, где она была?

Один день сменялся другим, дни складывались в недели. Миновало уже полмесяца, а Ханне так и не нашлась.

Малин посвятила почти всю неделю проверке старых сигналов от населения и сопоставлению данных о фигурантах дела с регистром совершённых преступлений. Однако часы работы за компьютером прошли впустую — Малин ничего не смогла обнаружить.

В середине сентября стартовала процедура генотипирования.

Берёзы и липы в лесах в окрестностях Эстертуны начали переодеваться в жёлтое, а на площади вокруг фонтана после грозы стало темно и пусто. Малин и Лодде покинули участок, увидев первых желающих пройти регистрацию и сдать биоматериал.

— Чёрта с два мы его так схватим, — сказал Лодде, утапливая педаль газа своей обувью в сандалию ногой, и выезжая по направлению к Стокгольму.

— Зачем ты так говоришь? — спросила Малин, надевая солнечные очки, чтобы спрятаться от осеннего солнца, которое висело, огромное и оранжевое, как апельсин, между грозowymi тучами и горизонтом.

— Чёрта с два виновный добровольно явится и позволит взять свои биоматериалы, — проговорил Лодде, расстегнул верхнюю пуговицу синтетической рубашки с коротким рукавом, оголив пучок седых волос, покрывавших основание шеи.

— Но в таком случае мы сможем разыскать тех, кто не явится.

Лодде фыркнул.

— Посмотрим ещё.

— У нас ведь нет особенной альтернативы, — сказала Малин.

— Я всё ещё считаю, что нам следует обратить пристальное внимание на полицейских, участвовавших в расследовании этого дела, — сказал Лодде. — О Ханне так ничего и не известно?

— Нет, — подтвердила Малин, вспоминая их встречу в парке Хумлегорден.

Но не слова Ханне так отпечатались у Малин в памяти, а её улыбка, её длинные седые волосы и ещё взгляд Ханне, который

обретал совершенно особенный блеск, когда она говорила о Болотном Убийце.

«Никакое генотипирование не поможет нам её найти», — подумала Малин, и за стёклами очков позволила себе закрыть глаза, чтобы спрятаться от этого апельсинового солнца.

Публикация фотографий Ханне в газетах не принесла желаемого результата. Конечно, люди стали звонить, но большинство сообщений были, как обычно, расплывчатого или откровенно странного характера. Бизнесмен, находившийся с визитом в Стокгольме, обратил внимание на растерянную пожилую женщину, которая рылась в мусорных баках на Стуреплан. Семья с детьми по пути на свой чартерный рейс вроде как видела Ханне в поезде, направлявшемся к аэропорту Арланда. Она была одета в платье с открытыми плечами, а в руках у неё была поношенная икеевская сумка, будто бы набитая полотенцами. А молодой человек с подтверждённой наркоманией упорно утверждал, что видел Ханне в компании неустановленного мужчины в лесу, в окрестностях Эстертуны. Когда молодой человек подошёл ближе, они быстро скрылись среди деревьев.

— Этот Роберт Хольм, — пробурчал Лодде, и в мыслях Малин возник образ растолстевшего мужчины с уродливым шрамом через всю щёку. Это он пил виски в тёмной гостиной Фагерберга, и рассуждал о своих успехах в следственной работе так, будто это были кубки, выигранные им в споривных соревнованиях.

— Он редкостный говнюк, — продолжал Лодде. — Тебе известно, что в девяностых он был временно отстранён от службы за домогательства к коллегам женского пола?

— Это ещё не означает, что он — убийца.

— Нет, но это означает, что он не уважает женщин, а эта черта роднит его с нашим преступником.

Малин подумала, что если бы они решили проверить всех мужчин, которые неуважительно относятся к женщинам, им хватило бы работы до самой смерти. И что Манфред, должно быть, прав, когда говорит, что теория об убийце-полицейском притянута за уши. Не потому, что полицейский не смог бы расхаживать повсюду, направо и налево убивая женщин — совсем нет — но потому, что ничто конкретно на это не указывало. Кроме, может быть, того факта, что убийца всегда был на шаг впереди, и не оставлял улики.

Но для этого вовсе не обязательно быть полицейским. Достаточно среднего уровня интеллекта, аккуратности и изрядной порции удачи.

Через неделю гражданское объединение «Друзья Эстертуны» организовало информационное собрание в здании церковной общины неподалёку от Эстертунской церкви. На повестке было обсуждение планируемого переустройства парка Берлинпаркен, а также права на продажу спиртных напитков и режима работы ресторанов вокруг центральной площади. Однако полицию тоже пригласили — рассказать об исчезновении Ханне.

День был лучезарно красив, воздух чист и прозрачен. По высокому безоблачному небу пролетала стая направлявшихся на юг перелётных птиц в форме идеального клина. Кроны деревьев в свете мягкого осеннего солнца отливали золотом и охрой, а лёгкий ветерок приносил с собой запахи преющей листвы.

Малин и Манфред загодя явились в здание общины.

Малин остановилась на крыльце, повернув лицо к солнцу, одёрнула пиджак на груди и глубоко вдохнула осень.

Появлялись отдельные люди, приветственно кивали и исчезали в низком бревенчатом строении.

Через несколько минут по гравию, которым было засыпано пространство перед зданием, прошуршали шины такси.

Сквозь стекло на заднем сиденье Малин разглядела чей-то призрачный образ.

— Фагерберг? — удивился Манфред, затушил сигарету о перила и засунул окурок обратно в пачку. — Что он здесь делает?

— Он же здесь живёт, — отозвалась Малин. — Наверное, его интересует, что творится в округе.

Шофёр помог Фагербергу выйти, а потом достал из багажника ходунки.

Фагербергу потребовалась уйма времени, чтобы преодолеть небольшое расстояние от машины до здания. Шаги его были мелкими и нетвёрдыми, на собранном лице читалась решимость. Время от времени он останавливался, словно для того, чтобы полюбоваться видом. Фагерберг был в шляпе и сером костюме, которые ничем не отличались от тех, что были на нём в день их встречи.

Малин приветственно подняла руку, то же самое сделал и Манфред.

Фагерберг коротко кивнул и сделал ещё несколько нетвёрдых шагов к пандусу рядом с лестницей.

— Пойдите! — воскликнула Малин, и поспешила к нему на помощь.

— Забери эту чёртову штуковину! — прошипел Фагерберг, кивая на ходунки. Потом отшвырнул их в сторону, ухватился костлявой рукой за перила и стал медленно подтягивать себя к пандусу.

Малин подхватила ходунки и повезла вслед за Фагербергом.

— Так вы — член объединения? — спросила она у одетой в костюм спины Фагерберга. Тот остановился, и Малин заметила, как тяжело опускаются и поднимаются его плечи в такт дыханию. Потом он обернулся и уставился на Малин. Выражение его лица не поддавалось толкованию. Пергаментная кожа отливала желтизной, а с одного уголка рта, словно прозрачный червячок, свисала нитка слюны.

— Я стараюсь быть в курсе того, что происходит вокруг, — проворчал он.

Малин кивнула.

— Кстати, благодарю за наш разговор, — сказала она. — Забавно, что вы с Роббаном оказались знакомы.

Фагерберг уже отвернулся, но Малин услышала, как он что-то бормочет.

— Простите, я не расслышала!

— Роббан, — фыркнул старик. — Любитель выпить. Знатный охотник. На разную дичь. Но он не из тех, кому звонят первому, когда пахнет жареным, если инспектор Брундин понимает, о чём я.

Малин обернулась и глянула на Манфреда, который стоял на шаг позади. Тот коротко кивнул, показывая, что всё слышал.

Они вошли в здание, где народ уже начал рассаживаться на складных стульях, которые стройными рядами были выставлены перед импровизированной сценой. В предпоследнем ряду сидел мужчина лет семидесяти — восьмидесяти, с бородой и седыми волосами, которого Малин не узнавала. Однако, когда он обернулся, Манфред поприветствовал его кивком.

Они поздоровались с организаторами — мужчиной и женщиной на седьмом десятке — которые разрешили им занять самые дальние места с краю, пока обсуждаются другие пункты повестки.

Малин и Манфред устроились рядом с престарелой женщиной в толстом пальто и девицей с дредами, доходившими почти до талии.

Через несколько минут началось собрание.

Вопросов слушатели задавали на удивление много, и тон их заметно посуровел, когда представитель коммуны объявил, что большинство старых деревьев в Берлинпаркен должны быть снесены и заменены новыми. Манфред покосился на Малин, незаметно подняв одну бровь. Она, пользуясь случаем, сделала несколько снимков аудитории, на случай, если какая-нибудь подозрительная личность решила прийти и послушать, что скажут об исчезновении Ханне.

Через двадцать минут настала их очередь.

Они вышли на сцену. Манфред настроил проектор, рассказал об исчезновении Ханне и продемонстрировал фотографии.

Когда Малин взглянула на экран у себя за спиной и увидела на нём улыбку Ханне, она вдруг ощутила комок в груди.

Пожилая дама встала и прервала Манфреда посреди предложения.

— Я прожила здесь всю жизнь, — произнесла она хриплым голосом. — И это не первый раз, когда с женщинами в Эстертуне происходят несчастья. Это исчезновение имеет отношение к Болотному Убийце?

Манфред заколебался, не зная что сказать. Он перенёс вес с одной ноги на другую и одёрнул пиджак.

— Нет, насколько нам известно. Ханне Лагерлинд-Шён страдает деменцией, и мы больше всего обеспокоены тем, что она могла стать жертвой несчастного случая.

— Несчастный случай, так я и поверила, — фыркнула дама и села на своё место.

— Нет никаких причин переживать...

— В восьмидесятых ваши тоже так говорили, — выкрикнул с места сидевший в самом дальнем ряду мужчина лет шестидесяти, одетый в стёганый охотничий жилет. — Если бы Эстертуной не управляли так безответственно, сегодня перед нами не стояли бы проблемы такого рода.

— Это лучше обсудить с представителями коммуны, — вставил один из организаторов, который стоял, прислонившись к стене.

— Можно подумать, меня кто-то станет слушать, — отозвался мужчина.

Манфред проигнорировал его и завершил презентацию демонстрацией номера горячей линии.

Публика зашумела, и Малин увидела, что многие забивают номер в память своих телефонов или календарей.

После того как собрание завершилось, они немного постояли на солнце, на засыпанной гравием площадке перед зданием. Вышла женщина-организатор, пожала им руки и поблагодарила за участие.

— Что за человек говорил о безответственном управлении? — спросил Манфред. Женщина отпустила руку Манфреда и неуверенно улыбнулась.

— Педер фон Бергхоф-Линдер, — сказала она. — Он ходит на все собрания. И всегда говорит одно и то же.

— Он сын Биргера фон Бергхоф-Линдера? — уточнил Манфред.

— Да. Его единственный ребёнок, если я не ошибаюсь.

Манфред коротко кивнул, и женщина удалилась по направлению к парковке.

В следующий миг появился бородатый мужчина и поздоровался с Манфредом за руку.

— Сколько лет, сколько зим, — произнес он.

— Да уж, — согласился Манфред, оборачиваясь к Малин.

— Ты же не знакома с Уве, бывшим мужем Ханне?

Малин отрицательно покачала головой и протянула бородачу руку.

Несмотря на то, что рукопожатие было мимолётным, Малин успела почувствовать, что ладонь у Уве влажная. Она взглянула на него с новым интересом — седые волосы вились у висков, а на лбу выступили крошечные капельки пота.

Уве скользнул по ней взглядом, который навеял Малин аналогию с перекупщиком, придирчиво оценивающим машину или велосипед.

— Ты сейчас живешь здесь? — спросил Манфред.

— В Эстертуне?

Произнося название предместья, Уве сморщил нос.

— Ну что ты, конечно, нет, — ответил он. — Но я очень переживаю за Ханне, так что когда я прочёл в интернете о собрании, тоже решил приехать.

Он повернулся к Малин.

— Вы тоже знакомы с Ханне?

Малин кивнула.

— Мы работали вместе, не слишком долго. Это было уже после того, как она заболела, так что... Да. Она меня не смогла вспомнить, когда мы с ней виделись в последний раз.

— Это страшная болезнь, — сказал Уве. — Я сам работал в сфере психиатрии, я знаю, о чём говорю. Сейчас, вероятно, не лучшее время для того, чтобы это обсуждать, но наш развод случился именно из-за её болезни.

— О, — кивнула Малин.

— Кто бы мог подумать, что это зайдёт так далеко...

Он сделал рукой неопределённый жест и осёкся.

— Вы были женаты, когда она участвовала в расследовании убийств в Эстертуне? — спросила Малин.

— Да, были. Но после убийства той девушки из полиции Ханне некоторое время жила в стране басков. Она была просто раздавлена, бедняжка.

— Можешь предположить, зачем она отправилась в Эстертуну тем вечером? — спросил теперь уже Манфред.

Уве потряс головой.

— Не имею ни малейшего понятия. В последние годы мы особо не контактировали. Да, к сожалению, у нас не было детей, так что после развода ничто больше нас не связывало.

Взгляд Уве сделался пустым и потерялся где-то в желтеющей листве деревьев.

— Но её исчезновение, возможно, всё-таки каким-то образом связано с Болотным Убийцей, — снова заговорил он. — Она ведь была словно одержимая. Вдоль и поперёк перечитала все протоколы предварительного следствия, и много лет днём и ночью названивала этому Роббану.

Уве замолчал и покосился на парковку.

— Она как будто считала, что сама сможет распутать этот клубок, — добавил он.

В краткой реплике Уве Малин уловила пренебрежительный тон, и тут же разозлилась. Потому что Ханне, вероятно, была самым мудрым человеком из всех, кого знала Малин, несмотря на то, что проиграла войну с деменцией.

Ожил мобильник Уве.

— Простите, — произнес он. — Дайте мне минуту.

Он ответил, отошёл в сторону и встал под деревом, чтобы поговорить.

— Чёртов кусок дерьма, — процедил Манфред сквозь зубы. — Они развелись вовсе не из-за болезни Ханне. Он был кобелём, и ей стоило давным-давно его оставить.

Уве вернулся, засунул мобильник в карман и обернулся к Манфреду.

Тот улыбался.

— Так о чём мы говорили?

— Я спрашивал, — ответил Манфред, — была ли у Ханне какая-то теория относительно Болотного Убийцы.

Уве натянул на себя горчичного цвета пуловер, который держал под мышкой с тех пор, как они вышли с собрания. Потом одной рукой поправил волосы и стал размышлять.

— У неё была масса теорий. Какие-то дикие предположения. Я знаю, она подозревала, что убийца был знаком с методами работы полиции или что-то смыслил в криминалистике.

И в этот миг Малин вдруг вспомнила.

Она не могла понять, почему ей раньше не пришло это в голову, но от внезапного прозрения по коже у нее пробежали мурашки, а ветерок, ласково касавшийся обнажённой шеи, вдруг показался ледяным.

— И Свену Фагербергу, и Роберту Хольму было известно, что Ханне собиралась посетить Софиахеммет, — выпалила Малин, когда Манфред выезжал с парковки за церковью.

Манфред бросил на неё быстрый взгляд.

— Мы ведь разговаривали с ними в то утро, перед встречей с Ханне, — продолжала она. — И мы сами им сказали, что собираемся с ней встретиться днём, до назначенного ей времени в Софиахеммет.

На короткой аллее Манфред прибавил газу и выехал на пустынную просёлочную дорогу, освещаемую бледным утренним солнцем.

— Ты же всерьёз не думаешь, что кто-то из них стоит за этим? Фагербергу скоро стукнет сто, а Роббан...

Он не стал договаривать.

— Я ничего не думаю. Просто говорю, что они знали, что в тот день мы должны были встретиться с Ханне.

Манфред надолго замолчал.

Малин задумалась.

— Всё-таки я думаю, что никто из них здесь ни при чём, — сказал он. — А если бы даже это было так, у них не было никаких причин увозить Ханне или вредить ей. Ну же, Малин, она не представляет угрозы. Она не обладает какой-либо важной информацией. Ты же сама помнишь, что она говорила во время встречи? Одни разрозненные теории и мысли. Абсолютно ничего из этого не указывает на реального преступника.

Манфред выехал на шоссе и прибавил газу.

— Если только мы чего-то не упускаем, — проговорила Малин.

— Например? — спросил Манфред безо всякого выражения в голосе.

Малин поглядела на плоские поля, которые расстилались по обеим сторонам шоссе. В отдалении, на пастбище у озера паслись лошади. Высокие ели отражались в блестящей тёмной глади.

— Мне всё равно кажется, что нужно за ними понаблюдать.

Манфред пожал плечами.

— Займись этим сама, только не посвящай этому делу слишком много времени. Потому что это ни к чему не приведёт.

Тем вечером Малин вернулась домой позже обычного. Всю вторую половину дня она провела перед экраном компьютера, пытаясь схематически резюмировать жизни Свена Фагерберга и Роберта Хольма, или, по крайней мере, их карьеры. Эта работа оказалась сложнее, чем Малин себе представляла. Ей пришлось заручиться разрешениями прокурора и отдела кадров, чтобы получить доступ к необходимой информации. Но бюрократические жернова поворачивались медленно, так что Малин ещё не дождалась недостающих фрагментов мозаики.

Когда она пришла, Андреас стоял в прихожей. Он был в спортивной одежде, и держал в руках клюшку для хоккея с мячом.

— И сегодня тоже? — протянула она, замечая собственный недовольный тон.

— Мы договорились с ребятами только час назад. Всё нормально?

— Само собой, что всё нормально. Просто хотелось бы иногда с тобой видеться.

Он открыл дверь и нагнулся, чтобы её поцеловать, но Малин увернулась.

Вообще-то она ничего не имела против тренировок Андреаса, просто она так отчаянно устала...

— Послушай, — сказал он. — Я ведь могу остаться дома, если хочешь.

— Нет, езжай. Отто поел?

Андреас кивнул.

Я его накормил и передел, — отчитался Андреас с плохо скрываемой гордостью, и даже приосанился. Он спит.

— Спасибо, — Малин выдавила из себя улыбку. — Но может, не стоит его так рано укладывать? Он ведь проснётся среди ночи.

— Он устал, — сказал Андреас, посылая ей воздушный поцелуй, и исчез в подъезде, захлопнув за собой дверь.

В маленькой квартирке стало тихо, и Малин отправилась в гостиную. Она подбирала с пола игрушку за игрушкой, складывая их в корзину, которая стояла возле непомерно дорогого разбитого телевизора. На новом ковре валялась детская бутылочка, из горлышка

которой подтекал овсяный кисель. Вокруг неё уже образовалось большое липкое пятно.

Малин чертыхнулась сквозь зубы, подняла бутылочку и унесла в кухню. Там на разделочной доске валялась палка колбасы. В неё всё ещё был воткнут нож, словно Андреас собирался отрезать кусочек, но передумал прямо в процессе.

Малин достала пакет, завернула колбасу и убрала в холодильник. Потом взяла из раковины губку, чтобы стереть пятно киселя с ковра, но вовремя заметила, что та вся перепачкана маслом и чем-то ещё непонятным, по запаху подозрительно напоминающим обкаканые подгузники Отто.

В тот же миг из спальни донёлся вопль:

— ААААооооааа.

— Чёрт побери, — пробормотала она, плюхнувшись на кухонный стул, так и не выпустив из рук грязную губку. Потом она разжала пальцы, и губка вывалилась на пол, а Малин закрыла лицо руками.

«Я хочу уснуть» — подумала она. «Уснуть и не просыпаться».

Будил стояла у окна спиной ко входу, когда Малин и Манфред вошли в её кабинет. Она была одета в чёрный костюм с облегающим пиджаком, а её гладкие волосы цвета воронова крыла играли бликами в нежных лучах утреннего солнца.

— Садитесь, — не поворачиваясь, бросила она.

Они повиновались.

Она ещё довольно долго стояла у окна, и Малин успела вопросительно посмотреть на Манфреда, но тот только пожал плечами.

Наконец, Будил вздохнула и медленной изящной походкой направилась к своему столу. Остановилась возле стула, взяла бутылку, налила воды в стакан, и потом, наконец, села.

— Буду с вами предельно откровенна, — начала она. — Это расследование затягивается, а у меня нехватка кадров. Если в ближайшее время вы не совершите какой-то прорыв, я буду вынуждена перенаправить ресурсы.

Она задумчиво погладила указательным пальцем своё жемчужное кольцо, и снова заговорила:

— Что-нибудь новое?

Манфред прочистил горло.

— Полиция Эстертуны провела забор биоматериалов у двух сотен человек, и около сотни проб уже прошли процедуру генотипирования.

— И ни одного совпадения?

— Ни одного, — подтвердил Манфред.

Будил кивнула и сделала глоток воды.

— А что с теми, кто не явился?

— Мы начали изучать тех, кто получил приглашение более двух недель назад, но до сих пор не явился. Мы прогнали их данные через регистр совершённых преступлений. Обнаружилась пара любопытных личностей, которые известны местной полиции уже давно. Некий Ханс Дальберг, которого привлекали за домогательства, и Суне Уддгрэн, по прозвищу Судден, осуждённый за взлом. Мы собираемся уделить им пристальное внимание.

Будил медленно покачала головой.

— Вы и вправду верите, что мы раскроем дело?

Манфред заёрзал на месте.

— Это невозможно предугадать. Но нет никаких причин прерывать процесс тестирования сейчас, когда он в самом разгаре. Ты же знаешь, «висяки» расследуются по-другому. Они требуют времени.

Будил надела очки для чтения и стала просматривать бумаги, лежавшие перед ней на опрятном столе.

— Мне любопытно... — произнесла она.

Будил взяла театральную паузу, опустила подбородок и уставилась на них сквозь стёкла своих очков.

— Мне любопытно, так ли на данный момент этому расследованию необходимы три человека, — договорила она.

— Мы с Лодде работаем и над другими делами, — уточнил Манфред.

— Да, — неспешно протянула Будил. — Однако мне придётся одолжить у вас Малин.

— Простите? — переспросила Малин.

Будил поглядела на неё без всякого выражения.

— Мне нужен представитель нашего отдела в новом вердегрунд-проекте. [\[33\]](#)

— Что? Это шутка?

Будил не спеша сняла очки. Положила их поверх стопки документов и воззрилась на Малин.

— Ты считаешь работу по описанию коллективных ценностей шуткой, Малин?

— Нет... Вообще-то, да. Я так считаю. Во всяком случае, пока по улицам разгуливает серийный убийца.

Малин почувствовала, как Манфред больно сжал её предплечье, и поняла его намёк. Но на этот раз она не могла заставить себя молчать. Всё, чего хотела Будил, — это любым возможным способом насолить ей, а этого Малин стерпеть не могла. Это травля, это злоупотребление властью в самой изощренной форме. Малин лучше уволится, чем станет проводить бесконечные часы в конференц-зале за обсуждением равноправия, профессионализма и прочих бессмысленных слов, переливая из пустого в порожнее в компании какого-нибудь распухшего от финансовых вливаний вердегрунд-консультанта.

— Решение принимать не тебе, — сказала Будил. — К тому же, в группе нам может пригодиться... младший стажёр.

— Но я... не хочу, — упорствовала Малин, прекрасно сознавая, что выглядит как упрямый ребёнок.

Будил бросила взгляд в блокнот и что-то написала на одном из документов.

— Это совершенно не зависит от твоего желания. Проект стартует через пару недель. Ты получишь персональный вызов. Разумеется, эта работа не будет отнимать всё твоё время, но тебе следует подготовиться к тому, что в ближайшие месяцы ты будешь работать здесь, в этом здании.

— Но...

Малин утратила дар речи. Из всего, что могла изобрести Будил, такой вариант был самым непредвиденным.

— Советую тебе попытаться увидеть положительную сторону, — спокойно продолжала Будил. — К примеру, тебе проще будет совмещать работу и семейную жизнь. Это же неплохо?

Она повернулась к Манфреду, не дожидаясь ответа от Малин.

— Есть что-то ещё относительно расследования, что мне необходимо знать?

Манфред покачал головой.

— В данный момент мы изучаем личные дела и послужной список некоторых сотрудников полиции, которые работали над этим делом в семидесятых и восьмидесятых, — сказала Малин.

— Что? — переспросила Будил. — Почему я об этом слышу впервые?

Вмешался Манфред:

— Это не совсем корректная формулировка. Мы проверяем всех, кто имел какие-либо отношения с жертвами, а поскольку две из них являлись сотрудницами полиции, мы также не можем оставить без внимания их коллег и друзей.

— Ханне полагала, что полицейский мог оказаться причастным к делу, — настаивала Малин.

— Ханне Лагерлинд-Шён? — удивилась Будил, приподняв аккуратно выщипанную бровь. — Наш сбежавший профайлер?

— Ничто не указывает на то, что в деле замешан полицейский, — быстро сказал Манфред.

— Надеюсь на это, — сухо ответила Будил. — Потому что окажись это правдой, я должна была бы узнать об этом первой.

Она махнула рукой, сигнализируя, что разговор окончен, и вновь обратилась к стопке бумаг.

— Какого чёрта ты вытворяешь? — прошипел Манфред сквозь зубы, затолкав Малин в свой кабинет и захлопнув дверь. — Ты сама себе роешь яму, неужели не ясно?

— Я не желаю участвовать в этом идиотском вердегрунд-проекте.

— Да всем наплевать на описание коллективных ценностей, включая Будил. Тебе нужно будет только ходить туда и отбывать там время, понимаешь?

— Да, но...

— Никаких «но». И с какой стати ты вдруг решила шерстить Фагерберга с Хольмом?

— Ты же сам разрешил мне копнуть поглубже их прошлое.

— Сядь уже, ради Бога, — фыркнул Манфред, указывая рукой на одинокий стул посреди кабинета.

Малин опустилась на стул и глубоко вздохнула.

— Если мы с тобой что-то обсуждаем между делом, это ещё не значит, что ты должна доводить это до сведения Будил, — отрезал Манфред, и принялся бродить взад-вперёд. Лицо его побагровело, и Малин стала опасаться, как бы дело не закончилось инфарктом.

— Но...

— Нет, — взревел Манфред, закрывая руками уши. — Ничего больше не желаю слышать.

Малин сидела и молча вслушивалась в его напряжённое дыхание. Наконец Манфреда отпустило. Он подошёл к своему креслу и с глубоким вздохом опустился в него.

В кабинете установилась тишина.

— Прости, — пробормотал Манфред.

— Она ненавидит меня. Что я ей такого сделала? — спросила Малин.

Манфред покачал головой.

— Вот именно, — продолжала Малин, — что ничего я ей не сделала, но тем не менее она делает всё возможное, чтобы макнуть меня в дерьмо.

— Возможно, она чувствует исходящую от тебя угрозу.

Малин закрыла глаза и рассмеялась, но когда смех утих, она почувствовала, как под веками вскипают жгучие слёзы.

С какой бы стати Будил чувствовать угрозу со стороны Малин?

Младшего стажёра, как она сама выразилась?

Внезапно Малин на ум пришли слова Ханне. О том, что всё дело во власти и её распределении. А потом ей вспомнились собственные слова Будил.

...У меня самой двое детей. И я больше десяти лет растила их в одиночку. Я ни единого раза не пропустила важной встречи и никогда не оставалась дома, чтобы подтирать сопливые носы.

Так всё дело в этом? Будил желает быть единственной облеченной властью женщиной в отделе? Она так тяжело боролась за то положение, которое занимает сейчас, что готова на всё, лишь бы его сохранить?

— Куда же делась женская солидарность? — прошептала Малин.

Манфред ничего не ответил. Вместо ответа он спросил:

— Что за дерьмо ты там накопила на Фагерберга с Хольмом?

Малин сморгнула слёзы и сделала глубокий вдох.

— Роберт Хольм проходил службу в Стокгольме в середине семидесятых и восьмидесятых.

Манфред откинулся на спинку кресла, и оно жалобно закрипело. Потом он поднял глаза к потолку.

— Вряд ли в его послужном списке найдётся что-то стоящее, — сказал он.

— В 1992-м он, по видимому, на некоторое время был частично лишён жалования после того, как две коллеги женского пола заявили о его домогательствах. Но тогда их слова были против его слова, и в итоге он сохранил должность.

— Что ещё ни о чем не говорит.

— А Фагерберг, — продолжала Малин, — вообще интересный тип. Он ведь работал в Эстертуне в семидесятых — восьмидесятых.

Манфред шумно вздохнул и расстегнул пиджак, который заметно натянулся у него на животе.

— Малин, милая...

— Послушай. Когда в сороковых произошло первое убийство, он работал в центральном Стокгольме.

Манфреду потребовалось несколько секунд, чтобы отреагировать.

— В Кларе?

— Нет, в седьмом округе. Эстермальм. Но он должен был слышать об убийстве Мерты Карлссон. Тем не менее, прошло немало времени, прежде чем Фагерберг и его подчинённые смогли провести параллели, о чём свидетельствуют отчёты.

— Я тебя услышал, — пробормотал Манфред.

— И что это означает?

— Что я по прежнему не вижу ничего, что указывало бы на причастность Фагерберга либо Роббана. Ты нашла ещё какую-нибудь связь между ними и жертвами?

Малин вспомнила истощённое тело Фагерберга и крошечные шажочки, которые он делал, вцепившись в ходунки на пороге здания церковной общины в Эстертуне.

— Нет, — сказала она. За исключением того, что Фагерберг был однозначно знаком с Бритт-Мари и, согласно собранной информации, недолюбливал её.

— Но зачем? — выдохнул Манфред, закидывая ногу на ногу. — Зачем кто-то из них стал бы насиловать и убивать женщин?

— Мы имеем дело не с обычным человеком, Ханне тоже так считала. У него явно есть мотив, но не факт, что мы этот мотив понимаем. По крайней мере, пока.

— Это означает, что мы должны положиться на старую добрую полицейскую работу, и ещё на время, — с нажимом произнёс Манфред. — На сбор технических улик и свидетельских показаний. И так далее.

Он был прав, и Малин это знала. Но она так отчаянно хотела верить, что Ханне посетило озарение и что недостающие фрагменты мозаики скрывались в её потрёпанном красном блокноте, просто этого никто ещё не понял. И что ужасающие преступления, которые оставались нераскрытыми в течение десятилетий, всё ещё можно было раскрыть — только бы отыскать те кусочки мозаики.

— Конечно, — вслух сказала она. — Но я всё равно считаю, что нам нужно ещё раз встретиться с мужем Бритт-Мари.

— С Бьёрном Удином? Для чего?

— Для того, чтобы подробнее расспросить его об отношении Бритт-Мари к Фагербергу. И узнать, была ли Бритт-Мари знакома

с Робертом Хольмом.

Манфред вздохнул.

— Нет. Это ни к чему не приведёт. Я абсолютно уверен, что ни Фагерберг, ни Хольм в деле не замешаны. А если окажется так, то я обещаю съесть свою старую меховую шапку, по рукам?

Малин не послушалась Манфреда, потому что никак не могла избавиться от ощущения, что они упустили что-то важное.

На другой день после разговора с Будил Малин позвонила Бьёрну Удину.

Он взял трубку после трех гудков.

Голос у него был тягучий и с хрипотцой, так что Малин тут же решила, что Бьёрн пьян.

— Здорово, — сказал он, когда Малин представилась.

Что-то дребезжало в трубке, словно Бьёрн мыл посуду.

— Я хотела спросить, не согласитесь ли вы ответить ещё на пару вопросов. Мне необходимо кое-что прояснить.

— Само собой, спрашивай.

Малин бросила взгляд на свои записи.

— Если я всё верно поняла, у Бритт-Мари сложились не самые дружеские отношения с её шефом, Свеном Фагербергом.

В трубке стало тихо.

— Верно, — ответил Бьёрн. — Он вызывал у Бритт-Мари отвращение.

— Хорошо, — сказала Малин, ставя галочку на полях блокнота. — А как складывались отношения с прочими коллегами? Она была знакома, к примеру, с полицейским по имени Роберт Хольм?

— Роберт Хольм?

Бьёрн закашлялся и шумно прочистил горло.

— Ему было около тридцати на момент исчезновения Бритт-Мари.

— Он работал здесь, в Эстертуне?

— Нет, он работал в Государственной Комиссии.

Снова наступила тишина. Малин слышала в трубке тяжёлое дыхание.

— Нет, сожалею, но я никогда не слышал этого имени. Хотя, конечно, Бритт-Мари сталкивалась со многими полицейскими, имен которых не упоминала в разговоре со мной. Но слово Госкомиссия я запомнил.

— Почему же?

— Потому что её шеф, этот...

— Фагерберг, — подсказала Малин.

— Точно. Он не хотел их вмешивать в расследование. Хотел раскрыть дело сам.

Прорыв случился ясным осенним днём две недели спустя.

Малин висела в телефонной очереди, пытаясь дозвониться в районную поликлинику, чтобы проконсультироваться насчёт недавнего отита у Отто — четвёртого по счёту — когда Манфред распахнул дверь и просунул в кабинет своё покрасневшее лицо.

— Он у нас в руках! — с дрожью в голосе заявил Манфред, щёки которого пылали от возбуждения.

Малин бросила трубку, вскочила и поспешила вслед за Манфредом по коридору. Ей приходилось напрягаться, чтобы идти вровень с таким крупным мужчиной.

— Рассказывай!

— Генотипирование. Мы нашли совпадающий профиль. Некий Ларс Санделл, родился в 1957.

— Никогда не слышала этого имени, — сказала Малин. — Он фигурировал в расследовании?

— Насколько мне известно — нет, но материалы с семидесятых ещё не оцифрованы, так что это предстоит перепроверить.

Они добрались до кабинета Лодде, который сидел, скрючившись, перед компьютером. Очки балансировали на кончике носа Лодде. На нём был вязаный зелёный свитер, а сандалии Лодде сменил на добротные коричневые ботинки.

— Что у тебя? — пропыхтел Манфред, падая на стул.

Малин присела рядом.

— Эмм, — протянул Лодде. — Ларс Санделл. Шестьдесят два года, согласно базе — безработный. Ранее работал на почте. Зарегистрирован у своей матери, Уллы Санделл, урождённой фон Бергхоф-Линдер, по адресу: 18, Берлинсвеген, Эстертуна.

— Фон Бергхоф-Линдер! — воскликнула Малин. Биргера фон Бергхоф-Линдера ведь подозревали в сороковых.

— Да. Тётка, очевидно, его младшая единокровная сестра.

— А её сынишка, этот Ларс? — спросил Манфред. — Что у нас на него есть?

Лодде откашлялся.

— Несколько лет назад осуждён за побои. Никаких сексуальных преступлений. Единственная проблемка — когда в восьмидесятых пошла вторая волна убийств, он проживал в Даларне. Если тут всё верно, стало быть.

— Сколько, ты говоришь, ему лет? — спросил Манфред.

— Шестьдесят два.

— В шестьдесят два года он прописан у своей мамы? — поражённо переспросил Манфред.

— Ага. Кажись, он прожил у неё всю жизнь. Но в девяностых у него точно было собственное жильё в Эстертуне.

Манфред покачал головой.

— Шестьдесят два года, — повторил он. Значит тогда ему было...

— Когда в Эстертуне произошли первые убийства в 1974-м, ему было 17, — сообщила Малин, и Манфред в который раз бросил на неё раздражённый взгляд.

— Довольно юн для такого преступления, — проговорил он. — Даже слишком юн.

Малин хорошо помнила, что сказала им эта удивительная женщина — специалист из НКЦ, сумевшая поставить Будил на место, словно та была непослушной школьницей.

— Разве эта разновидность ДНК-профиля наследуется не по отцовской линии? — спросила она.

— В точку, — ответил Лодде. Только папашка сыграл в ящик аж в 1982-м. Это никак не мог быть он, потому что кровь под ногтями Линды Буман была обнаружена в 1986-м. А братьев или детей у нашего милого Ларса нету.

В кабинете установилась тишина, пока собравшиеся осознавали произошедшее.

Они наконец его нашли.

После нескольких десятилетий работы над делом у полиции впервые появился подозреваемый.

И не просто подозреваемый — а фактически человек, чья кровь была обнаружена на теле одной из жертв.

Людам выносят обвинительный приговор и по гораздо менее веским основаниям.

— Ни черта себе! — выпалила Малин, у которой перехватило дыхание.

— Технология анализа ДНК — это, блин, реальное чудо, — проворчал Лодде, почёсывая бороду. — Мы послали за ним наружку. С прокурором и Будил встречаемся через двадцать минут.

Он осёкся и повернулся лицом к Малин:

— Да, Малин... Ты не идешь. Тебя ждёт какое-то вердегрунд-заседание, что бы это ни значило.

— Нет, — отрезала она, когда они покинули кабинет Лодде. — Ни за что.

— Я проинформирую тебя по итогам, — сказал Манфред, и по его голосу чувствовалось, что он сыт по горло.

— Ты шутишь? Я должна сидеть и обсуждать вердегрунд, когда мы наконец нашли убийцу, на которого так долго охотились? Ты считаешь, это нормально?

— Совершенно неважно, как я считаю. Иди туда, поговорим позже. Мы всё равно сегодня его не возьмём.

Тяжесть, от которой сложно стало дышать, сдавила грудь Малин. Манфред остановился и посмотрел на неё. Положил свои большие ладони ей на плечи и заглянул в глаза.

— Делай, как я сказал. Этот бой тебе не выиграть.

В его голосе сквозила усталость, но на лице ещё читались следы того же восторга, который ощущала сама Малин.

Она смирилась. Альтернативы не было. Как бы Малин это ни претило, только решения принимала именно Будил. А эта тупая пизда с чёрным пажом на голове и в жемчужном колье решила, что Малин должна присутствовать на этом шутовском заседании.

— Окей, — против воли пробурчала Малин.

Манфред коротко кивнул и исчез в коридоре.

Заседание оказалось ровно таким же бессмысленным, как предполагала Малин. Молодой человек в тёмном костюме, который, скорее всего, и был консультантом, продемонстрировал презентацию в пауэр-пойнте и пояснил присутствующим, как они совместными усилиями станут шлифовать и оттачивать существующие

коллективные ценности, а затем имплементируют их в рабочий процесс, чтобы достичь общего конструктивного видения.

Малин сидела молча, скрестив руки на груди и крепко сжав челюсти. Она представляла себе, как не спеша выливает латте консультанта прямо на его дорогой костюм, а потом выходит из конференц-зала, но послушно сидела на стуле, внимая набору бессмысленных вердегрунд — тезисов.

«Не для того я пошла в полицию — думала Малин. — Не для того нас финансируют налогоплательщики, чтобы мы здесь страдали такой ерундой».

— Но что на самом деле означает равноправие? — спросил человек в костюме, придав лицу задумчивое выражение.

— Равные возможности, — предложила высокая женщина в двойке, которая, как было известно Малин, работала в правовом отделе.

— Да, но для кого? — вопрошал консультант.

— Для всех, разумеется, — быстро исправилась женщина.

— Не могли бы вы рассказать подробнее? — не унимался консультант, отпивая глоток латте.

— Значит, — начала женщина, одернув пиджак. — возможности равны, невзирая на то, мужчина вы или женщина, приезжий или кто-то ещё.

Консультант улыбнулся.

— Интересно. Первым номером идут мужчины и женщины. И это не случайно, потому что большинство людей реагируют именно так, когда им задают этот вопрос — они думают о равноправии полов. Но фактически в этом направлении мы проделали уже долгий путь. Поэтому важно учитывать и другие особенности, которые могут стать причиной дискриминации, — такие как вероисповедание, функциональная вариативность, половая идентичность и...

— Мы вовсе не проделали этот путь, — оборвала его Малин.

Возникла пауза.

— Ладно, это интересно, — произнёс консультант и воззрился на неё. — Что же вы об этом думаете?

— Что я думаю? Я думаю, что в полиции женщины до сих пор подвергаются дискриминации.

Консультант с энтузиазмом закивал.

— Именно поэтому наша работа столь важна, — произнёс он с нажимом, опуская свою кружку с латте. Несколько капель светло-коричневой жидкости пролились на стол.

— Правда? — без всякого выражения спросила Малин.

Консультант, по-видимому, не уловил её настроя.

— Да! Ведь только получив информацию о проблеме, можно выработать её решение! Если мужчина подвергает дискриминации женщину только из-за того, что она — женщина, то это...

— А кто сказал, что это обязательно мужчина?

Консультант притих.

— Ничего не изменится от того, что мы здесь сидим и обсуждаем эту лажу, — продолжала Малин.

— Отлично, — похвалил консультант. — Прекрасно! Дайте волю своим эмоциям!

— Это не самая лучшая идея.

— Позвольте нам об этом судить, — сказал консультант, опустил на стул и выжидательно поглядел на Малин.

Его лицо было таким гладким и юным, и он был так полон энтузиазма, что Малин устыдилась своего поведения.

— Хорошо, — сказала она. — Как поступить человеку, если к нему несправедливо относится начальство по той причине, скажем, что этот человек — девушка?

— О чём вы?

Консультант выглядел сбитым с толку, и взгляд его метался от Малин к другим участникам заседания.

— Кому я должна жаловаться? И какое наказание ждёт человека, который кого-то дискриминирует?

— Наказание? — распахнув глаза, переспросил консультант. — Наша цель ведь не какое-то внутреннее судилище. Мы должны поощрять людей к дискуссии и ставить перед ними вопросы.

— В таком случае, всё это пустые слова. Если не существует системы, которая обеспечивает наказание для тех, кто ведёт себя как кучка дерьма, — всё это бессмысленно. И в таком случае мне не интересно дальнейшее участие в этом проекте.

Малин поднялась со своего места. Ноги у неё дрожали так, что пришлось ухватиться за край стола. Но дышать стало немного легче.

— Если всё это — пустой трёп, мне это не интересно, — повторила Малин, и выпрямила спину.

А потом покинула помещение с высоко поднятой головой.

Когда она явилась в кабинет Манфреда, он был один. Он сидел, склонившись над компьютером, и мямлял в руках пустую сигаретную пачку.

— Как прошло? — спросил он, не оборачиваясь.

— Довольно неплохо.

— Я же говорил. Мы собираемся брать Санделла завтра. Он, очевидно, немного чужак. Социопат. Никаких подтверждённых близких отношений, помимо отношений с матерью, мало друзей. Длительные больничные.

— Ты помнишь оригинальный профиль, который составляла Ханне? — спросила Малин.

Манфред развернулся в кресле и медленно кивнул.

— Конечно, помню. Сдаётся мне, он — тот, кого мы искали.

Будил остановила Малин в коридоре, когда та уже собралась идти домой.

— Малин, можно тебя на пару слов?

Малин пожала плечами и последовала за Будил в её кабинет.

— Будь добра, закрой дверь, — сказала Будил, направляясь к своему столу.

Каблуки её туфель выбивали дробь, сквозняк от приоткрытого окна развеивал за её плечами блестящие тёмные волосы. По кабинету плыл лёгкий аромат духов.

Будил была идеальна. Отшлифована, как бриллиант. Ни одной трещинки на безупречном фасаде. Но там также не было и следа какого-либо чувства — ни тепла, ни сострадания.

«Она просто кремень, — подумала Малин. — Интересно, как она стала такой?»

Малин закрыла дверь и подвинула стул для посетителей поближе к столу, чтобы сидеть на расстоянии вытянутой руки от Будил.

Будил с удивлением посмотрела на неё, сняла пиджак и повесила на спинку стула. Расправив бант на шелковой блузке кремового цвета, она наморщила лоб.

— Я разговаривала с Марит из отдела кадров, — сообщила Будил, заглянув в свой блокнот. — Очевидно, ты решила покинуть вердегрунд-заседание, не дожидаясь его окончания?

— Я больше не состою в этой группе.

— Что, прости?

Будил уставилась на Малин, высоко подняв брови.

— Я больше не состою в этой группе, — повторила Малин.

Крошечный мускул в уголке глаза Будил дрогнул, и рот её сузился.

— Не тебе принимать подобные решения.

— Как раз мне.

Рот Будил приоткрылся, но не издал ни звука. Потом она сомкнула губы, и установилась тишина. Малин не спеша встала на ноги.

— Я не для того пришла служить в полиции, чтобы просиживать стулья в конференц-залах и рассуждать о равноправии, в то время как мой собственный шеф подвергает меня дискриминации просто за то, что я — женщина.

Взгляд Будил словно застыл, а тонкие бледные пальцы стали нервно перебирать в воздухе, как будто ощупывая некий невидимый предмет.

— Теперь вам придётся подыскать другого представителя для этой группы, — продолжала Малин. — А если я замечу ещё хоть одну попытку надавить на меня с вашей стороны, я доложу о вашем неподобающем поведении Ньюмарку. И сообщу в профсоюз.

Ньюмарк был непосредственным начальником Будил и, к тому же, курировал всё Национальное оперативное управление.

— И ещё привлеку СМИ, — добавила Малин. — Мы друг друга поняли?

Будил молчала.

— Отлично, — сказала Малин. — Значит, в этом вопросе мы достигли общего конструктивного видения.

— Что ты сделала? — переспросил Андреас, плотно закрывая дверь в спальню, чтобы не разбудить Отто.

Малин скинула туфли, повесила куртку на крючок и бросилась в объятия мужа.

— Это было так неописуемо прекрасно, — шепнула она, прикусив мочку его уха.

Андреас тихонько засмеялся и погладил её по спине. Потом рука его скользнула ниже и легла ей на ягодицу.

— Ты сумасшедшая, — пробормотал он.

— Не думаю. У меня такое чувство, что теперь она оставит меня в покое.

— Надеюсь, что ты права.

— Идём, — провозгласила Малин, хватая Андреаса за руку. — Хочу это отпраздновать.

Они пошли в кухню, где, как обычно, неубранными оставались батон и масло. Но Малин было наплевать. Как и на разбросанные по полу игрушки, и на пустую бутылочку, валявшуюся под обеденным столом.

— Сегодня — лучший день в моей карьере, — сказала Малин. — Сначала мы нашли Болотного Убийцу, а потом я заставила заткнуться эту тупую пизду.

Андреас ничего не ответил, только лукаво поглядел на жену.

— Как насчёт спагетти с соусом из мясного фарша? — спросил он.

— А ты что, умеешь готовить что-то другое?

— Нет.

— Вот и прекрасно!

— А немного красного?

— Ты просто читаешь мои мысли.

Волшебный вечер оправдал все ожидания Малин.

Они ели и пили вино за маленьким деревянным столом в кухне, приоткрыв окно навстречу осенним сумеркам, и Отто ни разу не проснулся. А потом они любили друг друга в постели, усыпанной крошками от сухих хлебцев — что в любой другой день привело бы Малин в ярость. Но сегодня ничто не могло прогнать тёплое ощущение счастья, поселившееся у Малин в груди.

Когда Андреас уснул, она осталась тихонько лежать под одеялом, глядя в темноту. Она злорадно вспоминала тонкогубый рот Будил, который открывался и закрывался, не производя ни звука. Её бледные пальцы, перебиравшие воздух. А потом Малин вспомнила о Болотном Убийце. Обо всем и обо всех, кого он уничтожил. О Бритт-Мари, которая никогда не была знакома со своей настоящей матерью, совсем как Малин. О Линде и о других женщинах. Но дольше всех Малин вспоминала Ханне. Широкую улыбку, покрытые веснушками руки и острый ум.

— Завтра мы его возьмём, — шепнула она в темноту, ни к кому конкретно не обращаясь.

* * *

В то мгновение, когда Малин, прижавшись к Андреасу, провалилась в глубокий сон без сновидений, умерла Ивонн Биллинг — женщина, которая выжила после нападения Болотного Убийцы в Эстертуне сорок пять лет назад.

Она скончалась после повторной попытки самоубийства. Её сын Даниэль, которому уже исполнилось сорок семь, держал мать за руку, когда её сердце перестало биться, и констатировал, что Болотный Убийца забрал ещё одну жизнь. Даниэль ничего не помнил о той ночи, когда на его мать было совершено нападение, но временами ему снился человек без лица, одетый во всё чёрное. Несколько минут спустя Даниэль против воли выпустил руку матери и аккуратно положил её на казённое одеяло в жёлтую клетку.

Толстые белые рубцы, оставшиеся от вбитых в ладонь гвоздей, всё ещё отчётливо проступали на бледной коже.

* * *

А в доме у озера Тунашён в своей подвальной комнатке без окон сидел Эрик Удин. Во впадинке у него на шее, на по-прежнему загорелой коже покоились принадлежавшие Бритт-Мари гладкие тёплые колечки.

Все стены комнатки были теперь оклеены бумагами — документами, газетными вырезками, ужасающими фотографиями жертв Болотного Убийцы, которые Эрик разыскал в интернете, несмотря на то, что их там не должно было быть.

Эрик разглядывал старинную фотокарточку Элси. Стоя у пристани на променаде Страндвеген она выглядела такой счастливой и улыбалась солнцу. На ней была шляпка, в руках она держала дорожную сумку, а под мышкой — свёрнутую в трубочку газету.

Эрик изучил это фото с помощью лупы. Он даже ухитрился частично разобрать заголовок в газете, которую Элси держала под мышкой:

...сёстры Папин...

Эрик чувствовал, что кусочки мозаики встают на свои места. С каждым днём всё отчётливее проступал контур Тени. Но несмотря на это тьма не желала его отпускать.

Эрик пошёл в чулан, где в коробках были сложены старые бумаги Май, от которых он не нашёл в себе сил избавиться. Эрик часами методично просматривал документы, письма, рукописную статистику результатов скачек, которую, вероятно, вёл Бьёрн, и старые квитанции.

В самом низу одной из коробок Эрик обнаружил письмо, а в другой коробке — старый паспорт. Он дважды перечитал письмо и пролистал паспорт. Смахнул пыль и поднёс его к свету.

Штемпель был таким нечётким, что его невозможно было разобрать.

Эрик притащил лупу и сел за стол. Он долго смотрел на красные буквы, поворачивая паспорт так, чтобы свет падал на него под разными углами.

Потом Эрик дрожащими руками положил паспорт на стол и уставился на фото истерзанного тела Ханнелоры Бьёрнссон.

Малин разбудил шум дождя, барабанившего по стеклу. Утро было серым, словно застиранная половая тряпка, и струйка холодного воздуха просочилась к ним под одеяло. Неясный луч света пробивался из-под неплотно опущенных рулонных штор, освещая в беспорядке рассеянные по полу разноцветные игрушки.

На часах была половина седьмого, но Малин уже окончательно проснулась.

Жгучее нетерпение разливалось по телу — от груди к рукам и ногам, словно члены Малин наполнились содовой шипучкой.

Сегодня они возьмут его.

Малин встала, стряхнула со спины несколько прилипших крошек от раздавленного хлебца, накинула халат и отправилась в кухню, готовить завтрак. Хлеб зачерствел после многочасового пребывания на воздухе, а масло растаяло, но Малин даже этого не заметила. И даже когда в душе вдруг пошла холодная вода, Малин продолжала невозмутимо напевать, потому что мыслями уже была на рабочем месте, в Управлении.

Прежде чем уйти, Малин коснулась губами лобика спящего сына. Его редкие волосики вспотели и прилипли к вискам, а ротик приоткрылся. Дрожь счастья пробежала по телу Малин, когда она дотронулась до нежной детской кожи.

Так она и ушла, тихонько прикрыв и заперев за собой дверь.

— Нам неизвестно, где он находится, — угрюмо проговорил Манфред, расстёгивая пуговицы тёмно-серого пиджака. Сегодня он надел бабочку в крапинку, что делал лишь в исключительных случаях. Из нагрудного кармана выглядывал подходящий шёлковый платок.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Малин.

— Во всяком случае, наружка его потеряла. Но разумеется, он вполне может оказаться дома у мамы.

— Не доверяю я этим лентяям, — пробурчал Лодде. — Небось умотали на свою законную «прописку», или на профсоюзную встречу, или что-то типа того. В моё время всё было иначе. Тогда люди сидели на попе ровно, пока не закончится смена.

— Что будем делать? — поинтересовалась Малин.

— Продолжать в соответствии с планом, — отозвался Манфред. — Прокурор принял решение о задержании и обыске. Едем туда после обеда, чтобы проконтролировать, на месте ли он. Если он дома, вяжем его и даём отмашку криминалистам.

— А если его там не будет? Потолкуем с тёткой?

Манфред ответил кивком.

— У нас нет другого выбора.

Раздался стук в дверь.

— Да? — отозвался Манфред. Дверь слегка приоткрылась, и в образовавшуюся щель заглянул один из молодых следователей.

— Прошу прощения, — сказал он. — Звонил Эрик Удин. Он просил вас к нему заехать. Он хочет вам что-то показать. Сказал, что это важно.

— Хорошо, — ответил Манфред, и дверь закрылась.

Однако мгновением позже снова распахнулась.

— Да, ещё кое-что. Вчера вечером на горячую линию позвонил какой-то тип. Он видел женщину, похожую на Ханне, в дачном массиве Эстертуны несколько недель назад.

— Несколько недель назад? Почему же тогда не позвонил?

— Об исчезновении Ханне он услышал от соседа, который ходил на встречу, организованную объединением...

— Друзья Эстертуны, — закончила Малин, и следователь кивнул.

— Заедем туда по пути домой, если успеем.

После обеда они выдвинулись в Эстертуну. Малин поехала с Манфредом, а Лодде — следом. Дождь лил с прежней силой, и густой туман словно одеялом накрыл заболоченные поля по обеим сторонам шоссе.

Ехали в тишине, которую нарушали только шум двигателя и ритмичные поскрипывания дворников.

Когда они въезжали в Эстертуну, сквозь исполосованное дождём стекло Малин разглядела гигантское бетонное основание водонапорной башни, но её вершина тонула в плотном тумане.

— Грёбаная погодка, — выругался Манфред, сбрасывая скорость.

И тут же добавил:

— По крайней мере, теперь ты можешь оставить «полицейский след».

Малин подумала о Свене Фагерберге и Роберте Хольме.

— Ты просто рад, что не пришлось жевать меховую шапку.

— Нет. Я рад, что за всем этим не стоит кто-то из наших коллег.

Они проехали по центру Эстертуны. Отважный торговец с площади убирал овощи под навес своего маленького киоска, мужчина с зонтом пробежал мимо — вероятно, спешил на автобусную остановку.

Сквозь завесу дождя проступили контуры полицейского участка, и Малин подумалось, что доброе имя Бритт-Мари наконец-то будет восстановлено.

Манфред свернул возле Берлинпаркен.

Высокие деревья уже сбросили большую часть листвы, но трава оставалась зелёной и сочной. На том месте, где раньше был многоуровневый гараж, теперь чернел большой квадратный кусок земли. Несколько детишек из детского садика, одетых в непромокаемую одежду и светоотражающие жилеты, карабкались по стенке маленького скалодрома у статуи кормящей матери. Полная женщина в таком же жилете курила под навесом у игровой площадки.

Манфред свернул в маленький переулок.

— Переулок Берлинсвенген, — объявил он. — Это здесь.

Манфред поставил машину у края тротуара и заглушил двигатель. Через минуту прямо за ними припарковался Лодде.

Улла Санделл открыла практически одновременно с тем, как Малин нажала на кнопку звонка, словно давно наблюдала за ними в дверной глазок, стоя у себя в прихожей. На ней был бесформенный домашний халат, из-под подола которого торчала пара тощих ног. Ноги были обтянуты толстыми телесного цвета колготками, которые сильно морщили на шиколотках. У жидких рыжих волос отросли седые корни, а бледно-голубые глаза смотрели испуганно.

— Да? — сказала она, прикрывая ладонью кнопку тревожной сигнализации, которую держала в другой руке.

— Улла Санделл? — спросила Малин.

Женщина кивнула.

— Мы из полиции.

Они предъявили удостоверения.

Улла внимательно их изучила, прежде чем ответить.

— Да? — повторила она.

— Мы разыскиваем вашего сына, Ларса Санделла, — сказала Малин.

— Его нет дома. А по какому вы поводу?

— Вы позволите нам войти? — спросил Манфред, умалчивая о том, что фактически у них было разрешение на проведение обыска.

Улла снова покосилась на удостоверения, одёрнула дрожащей рукой свой халат и тяжело вздохнула.

— Думаю, это уместно.

Квартира напоминала жилища всех жертв убийцы возле Берлинпаркен — чётко вымеренная функциональная архитектура, продолговатая гостиная с большими окнами и маленькая, но практичная кухня в глубине.

В гостиной стояла мебель, слишком крупная для этой комнаты. На полу лежал потёртый персидский ковёр, а стены были украшены старыми чёрно-белыми семейными фотографиями, выполненным маслом изображением какой-то усадьбы и парой портретов серьёзных мужчин, сидящих за письменным столом.

— Констебли желают выпить кофе? — спросила Улла, с сомнением глядя на визитёров.

— Спасибо, не откажемся, — ответил Манфред. — Можно нам присесть?

Улла кивком указала на диван, а сама устроилась в одном из кресел, обтянутых цветочной тканью.

— Ларс, — произнёс Манфред, когда все устроились. — Вам известно, где он находится?

Улла покачала головой.

— Нет. Но ему ведь уже шестьдесят два. Он сам о себе заботится.

— Да, это понятно, — продолжал Манфред, — но нам необходимо переговорить с ним по срочному поводу, дело не терпит отлагательств.

— Не терпит отлагательств? — переспросила Улла, распахнув свои выцветшие глаза. — Он же не взялся за это снова?

— А он часто так делает? — спросил Манфред.

— Он хороший мальчик, — пробормотала Улла, — но иногда слишком доверчивый. Он был таким всегда.

— Единственный ребёнок? — спросил Лодде, глядя на свадебную фотографию, которая стояла в рамке на комод, у стены. На фото была

юная Улла Санделл и улыбающийся мужчина в костюме. Улла держала за руку маленького мальчика, также одетого в костюм.

— Да, — не сразу отозвалась Улла. — Но о чём вы хотите с ним поговорить?

— Ларс фигурирует в одном из наших расследований, и нам необходимо задать ему несколько вопросов, — уклончиво ответил Манфред.

— Ясно, — сказала Улла, по всей видимости, удовлетворившись объяснением.

— У вас есть предположения, где бы он мог быть? — спросила Малин.

Улла заколебалась. Костлявыми пальцами она принялась смахивать с халата несуществующие крошки.

— Он иногда навещает приятеля в Тэбю. Мне кажется, его зовут Леннарт. Леннарт Оскарссон. Но я не могу сказать точно. И мобильник у Ларса разбился, так что связаться с ним я не смогу. Или он потерял его? Не помню. Нет, всё-таки разбился — несколько дней назад Ларс собирался сдать его в ремонт. Да, это ведь не в первый раз. Месяц назад Ларс уронил его в ванной. Я говорила ему не брать телефон в ванную, но он и слушать не желает.

Манфред бросил на Малин короткий, но явно растерянный взгляд.

— Ещё кое-что, — сказала Малин. — Я вдруг поняла, что ваш родственник, Биргер фон Бергхоф-Линдер, во время войны служил в госбезопасности.

— Биргер? — переспросила Улла и часто заморгала. — Да, в молодости он был каким-то там агентом. А потом его отправили послом в Вену. Но Биргер был вспыльчив, я думаю, на дипломатической службе он тоже долго не продержался. Он ведь ввязался в драку с...

Она осеклась и посмотрела на Манфреда. Кончиком языка облизнула губы.

— Только... какое всё это имеет отношение к Ларсу? Я вообще сомневаюсь, что они были знакомы.

— Вы слышали об убийстве в районе Клара в 1944-м? — спросила Малин. — Проститутка была убита и приколочена к полу гвоздями.

— Прямо как в Эстертуне? — вытаращив глаза, спросила Улла. — Нет, я о таком не слышала.

Малин заметила, что Манфред собирается уходить.

— В таком случае, не будем злоупотреблять вашим вниманием. Вы знаете, когда Ларс вернётся?

— О, он никогда не задерживается дольше, чем на одну-две недели, — ответила Улла с кроткой улыбкой.

— Чёртово дерьмо! — проворчал Лодде, когда они вышли на улицу. — Что будем делать? Отложим обыск?

Манфред кивнул и встал поближе к стене дома, чтобы спрятаться от дождя.

— Нельзя его спугнуть. Продолжим наблюдение, и возьмём его сразу, как он объявится.

Малин, прищутив глаза, поглядела на дом, где в одном из окон маячило бледное лицо. В следующий миг лицо исчезло, и гардина вернулась на своё место.

— Думаешь, она его предупредит? — спросила Малин.

— Старуха-то? — спросил Лодде. — Я бы не удивился. Нам стоит заехать в участок и поискать координаты этого Леннарта Оскарссона.

Манфред повернулся к Малин:

— Заедешь к Эрику Удину по пути в Стокгольм — взглянуть на то, что он хотел нам показать? Можешь взять мою машину.

Уже начинало смеркаться, когда Малин припарковалась возле таунхауса у озера Тунашён. Глина на подъездной дороге застыла на холоде. Ветер гнал опавшую листву с газона к тщательно ухоженной туевой изгороди. Несколько отдельных капель дождя упали на щеку Малин, пока она звонила в дверь.

Звук был высокий и режущий, он навеял Малин мысль о дверном звонке, который установила у себя дома её мама, когда начала терять слух.

Ничего не происходило.

Малин позвонила ещё раз, но ответом ей была тишина. Она полезла в карман, извлекла мобильник и набрала номер Эрика Удина.

Звонок был переадресован на голосовую почту.

Малин записала короткое сообщение и положила трубку.

Потом она осторожно толкнула дверь. Та распахнулась без всякого усилия, и Малин сделала несколько шагов внутрь, а потом закрыла за собой дверь.

— Эрик? — прокричала она. — Это Малин Брундин из полиции.

Из кухни доносилось тиканье стенных часов и глухое бормотание холодильника.

— Эрик, ты здесь?

Она вошла в кухню.

Погружённое в сумрак помещение выглядело точно таким, каким она его запомнила: потёртая мебель и тяжёлый стол тёмного дерева. Кружевная скатерть и сахарница из прессованного хрустала. Мойка сверкала чистотой, а в воздухе витал тонкий аромат кофе.

Малин отправилась в гостиную, где обстановка также была чистой, опрятной и потрясающе старомодной. На диванах теснились вышитые подушки и несколько пледов, а на книжной полке стояли книги и фотоальбом.

— Эрик! — прокричала она в очередной раз, и пошла дальше, в маленькую спальню, которая располагалась за стеной.

Там стояла высокая кровать, застеленная цветочным покрывалом и украшенная подушками в тон. На небольшом прикроватном столике

стояли пузырьки с лекарствами. Сложенные ходунки стояли прислонёнными к стене.

«Должно быть, это бывшая комната Май», — догадалась Малин, и поёжилась — ведь с тех пор, как она умерла, прошли годы.

«Почему Эрик не избавился от её вещей? И где спит он сам?»

И тут Малин вспомнила о дверце в прихожей. Может быть, там и была его комната?

Она вернулась в прихожую и открыла дверцу. За ней оказалась лестница, ведущая в подвал.

— Эрик! Ты дома?

Шаг за шагом Малин спускалась всё глубже в темноту, потом нащупала выключатель и нажала на него.

Подвал оказался жилым. На полу лежал линолеум, а стены были покрашены в голубой цвет. Одну из стен украшали две картины, на обеих были изображены шхеры. В углу маленькой прихожей Малин заметила открытую дверь. За ней оказался чулан. На полу там повсюду были разложены какие-то бумаги, а сложенные картонные коробки были собраны в стопку у стены.

Малин пошла в другую сторону и, остановившись перед очередной дверью, постучала.

— Ты здесь? Ау!

Никто не ответил, и Малин вошла.

Комната была погружена во тьму.

Малин протянула руку к выключателю и щёлкнула.

Кровать, гардероб и письменный стол с компьютером. Груды документов на полу. Взгляд Малин упал на стену над письменным столом, и она подошла ближе.

— Shit, — прошептала она. ^[34]

* * *

Манфред ехал по шоссе, увеличивая скорость. Он включил дворники и потянулся за бутылкой воды.

— Что-то во всём этом не сходится, — заговорил Лодде. — Согласно нашим сведениям, когда в восьмидесятых пошла вторая волна убийств, этот Ларс жил в Даларне.

— ДНК не лжёт.

— В 1974-м, когда было совершено нападение на первую женщину в Эстертуне, ему было всего семнадцать, — продолжал Лодде странно приглушённым голосом. — Как, чёрт побери, он ухитрился спланировать и осуществить преступление?

— Его кровь была под ногтями Линды Буман.

Лодде фыркнул.

— Может быть, это какой-нибудь родственник. Разве не так она сказала, этот специалист по ДНК, что это может быть родственник мужского пола?

Манфред глядел на блестящую под дождём чёрную ленту дороги, ведущую в город. Уже стемнело, и над полями клубился густой туман.

— Это мог быть только он. Его отец мёртв, а братьев или детей у него нет.

— Всё равно я считаю, мы что-то упустили, — упрямо сказал Лодде, достал мобильный и взглянул на часы.

— Когда помер его папашка? — спросил Лодде внезапно.

— В восемьдесят втором. А что? — спросил Манфред, отпивая глоток воды.

— Хмм, — промычал Лодде, выудил из кармана зубочистку и принялся методично ковырять в зубах.

— А мы уверены в том, что он настоящий отец Ларса?

— Что ты имеешь в виду?

— Дома у старухи я обратил внимание на свадебное фото. Я понял, что на фото — она. А на руках у неё маленький мальчик.

В машине стало тихо.

— Дьявольщина, — пробормотал Манфред. — Ты же не думаешь, что...

— Я думаю, нам нужно встретиться с ней ещё раз.

Манфред взглянул на часы.

— Сейчас?

— Мы быстро обернёмся.

Манфред глубоко вздохнул.

— Хорошо, — сказал он, вглядываясь в темноту в поисках следующего съезда.

Улла Санделл открыла дверь в ту же секунду, как Манфред прижал палец к дверному звонку, точно так же, как менее часа назад, когда они побывали здесь впервые. Она сменила застиранный халат на платье с цветочным узором, а сверху накинула коричневую кофту, которая выглядела не по размеру большой. Манфред догадался, что кофта принадлежала сыну.

— Да?

— Простите за беспокойство, фру Санделл, — сказал Лодде с широкой улыбкой. — Мы хотели бы задать вам ещё несколько вопросов.

Она явно засомневалась, но всё же посторонилась и впустила их в тёмную прихожую.

— Ларс — хороший мальчик, — повторила она. — Я всё ещё не понимаю, о чём вы собираетесь с ним говорить.

И она, покачиваясь, пошла в гостиную. Кофта болталась у неё на плечах, словно на вешалке.

Манфред был подавлен. Что бы ни натворил её сын, вряд ли это была её вина.

Улла уселась в то же кресло, что и днём, держа свой костлявый палец на красной тревожной кнопке. Слово взял Лодде.

— Фру Санделл, — начал он. — В каком году вы вышли замуж?

Глаза её расширились от удивления, а взгляд неуверенно забегал по чёрно-белым фотографиям, которыми были увешаны стены.

— В каком году?

— Летом шестидесятого.

— Ларсу было три года?

Улла с сомнением кивнула.

— Прошу извинить за мой вопрос, но я должен его задать, — произнёс Лодде с несвойственным для себя тактом. — Кто был отцом Ларса?

Улла закрыла глаза и поспешно затрясла головой.

— Курт — единственный отец, который был у Ларса. Он его усыновил, когда мы поженились.

— Понимаю, — сказал Лодде, наклонился вперёд и положил руку на предплечье Уллы, а потом легонько погладил большим пальцем её морщинистую кожу.

— Мы не стали бы беречь старые раны, не будь в том острой необходимости, но нам необходимо знать, — продолжал он.

Слёзы показались в уголках глаз Уллы. Они покатались по её сморщенным щекам, и Улла зашмыгала носом. Одновременно она слегка покраснела, глядя на руку Лодде, которая всё ещё не отпускала её.

— Констебли должны понимать, что тогда было другое время, — заговорила она. — Это был такой скандал. Я ведь из хорошей семьи, и когда я оказалась в таком положении, мне было всего семнадцать. Мы, наши семьи, решили, что лучшим в той ситуации будет, если мои родители помогут растить Ларса. Но потом я встретила Курта, и всё встало на свои места.

Улла вытерла слёзы тыльной стороной своей дрожащей ладони.

— Я не понимаю, какое значение это имеет сейчас, — прошептала она.

— Кто биологический отец Ларса? — спросил Лодде.

Улла вздохнула.

— Мы сейчас не общаемся. Он платил алименты, во всяком случае, поначалу. Потом деньги стали приходить нерегулярно. Но у меня ведь был Курт, так что я не могла жаловаться.

Она немного помолчала и снова заговорила:

— И Ларс всегда считал Курта своим отцом, как мы и хотели.

— Кто? — повторил свой вопрос Лодде, придвинувшись ещё ближе.

Улла медленно покачала головой.

— Я не думаю, что будет какой-то вред, если я скажу сейчас, спустя столько лет. Но вы должны мне пообещать сохранить это в тайне. Ларс ничего не знает.

Как только Малин прыгнула в машину, она утопила педаль газа до упора и проехала пару сотен метров прочь от дома Эрика. Потом остановилась, дрожащими пальцами вытаскила мобильный телефон и набрала Манфреда.

После пяти гудков вызов прервался. Малин снова набрала номер, но Манфред так и не взял трубку, так что она решила надиктовать сообщение.

— Привет, это Малин. Послушай. Я побывала у Эрика Удина. Его не было дома, но я кое-что нашла. В подвале. У него там вся стена обклеена вырезками о Болотном Убийце. Фотографии, интервью, статьи. Очень странно. Так делают только безнадёжные психопаты. Перезвони, когда прослушаешь. Я еду в участок.

Несколько тяжёлых капель ударились о ветровое стекло. Малин смотрела в темноту и думала об Эрике. Как он ходил взад-вперёд по кухне, бормоча, что не знает, кого ненавидеть теперь, когда он узнал правду о своей маме.

Потом Малин пришло на ум определение из профиля, созданного Ханне: эмоционально травмированная личность; ненавидит не женщин в целом, а именно матерей.

«Он вписывается по всем параметрам», — подумала Малин. «Все эти годы он ненавидел свою мать, потому что считал, что она его бросила».

Но Эрик не мог иметь отношения к убийствам и нападению в семидесятых, потому что тогда ему было всего пара лет от роду. А в середине восьмидесятых ему было четырнадцать. Но ведь четырнадцатилетний подросток не мог быть серийным убийцей?

Или мог?

Малин уставилась в темноту, утирая со лба капли дождя.

Слева простиралась гладь озера. Немного впереди справа виднелся контур дачного массива. Там в темноте светилось одинокое окошко.

«Ханне», — подумала она, внезапно вспомнив о сигнале, поступившем на горячую линию. О том, что женщину, похожую на

Ханне, видели поблизости.

Когда Малин припарковала машину на небольшой разворотной площадке возле дач, дождь уже кончился, но туман никуда не делся. Он стелился над масляно-блестящей гладью озера, клубился вокруг ив, которые росли у кромки воды, и расползался всё дальше по берегу.

Малин посмотрела на дачи.

Около тридцати маленьких домишек, не намного больше детских игровых домиков, теснились на берегу между пляжем и трёхэтажными жилыми домами, которые отмечали границы Эстертуны. Домишки были окружены маленькими палисадниками, во многих из которых виднелись аккуратные насаждения и грядки. Большинство дач были законопачены на зиму — ставни закрыты, двери заперты засовами, а садовая мебель выстроена вдоль стен.

Не видно было ни души.

Малин пошла на свет, исходивший из окна домика посреди массива. Свернула с дорожки в чей-то сад, перелезла через пару заборов, и оказалась на нужной лужайке.

Несмотря на темноту, Малин обратила внимание, в каком запущенном состоянии находился дом. Краска местами облезла, а на крыше не хватало черепицы. Водосточная труба отвалилась со своего места под крышей и валялась на земле. Огромные нестриженные кусты, казалось, занимали собой всё пространство садика.

Малин не спеша стала пробираться к домику по высокой мокрой траве. Она петляла между разросшихся кустов и аккуратно перешагивала разбитую черепицу. В нескольких метрах от домика стояла старая ржавая бочка, наполненная кусками обугленной древесины, а чуть поодаль в земле виднелась глубокая яма. В земляной холмик возле ямы кто-то воткнул лопату.

Малин преодолела две ступеньки крыльца и постучала в дверь. Никто не открыл, и Малин ударом сшибла покосившуюся дверь с петель, а потом вошла внутрь.

В домике было на удивление тепло. Тепло исходило от маленькой дровяной печурки в углу. Её явно кто-то недавно растопил. На кухонном столе одиноко стояла настольная лампа с зелёным абажуром. Посреди комнаты валялся перевернутый деревянный стул с перекладинами, а рядом были разложены инструменты, словно кто-то

собрался его чинить. На полу возле стула лежал открытый пакет с шоколадными маффинами.

— Ханне! — громко позвала Малин, прежде чем идти дальше.

Слева от печурки показалась дверь.

Малин аккуратно её приоткрыла. За дверью оказалась крошечная спальня. Стены там были оклеены обоями с цветочными гирляндами в зелёно-золотых тонах. Полотнища обоев повсюду отстали от стен и висели длинными лентами, которые слегка трепыхались на сквозняке. Прямо на полу лежал покрытый пятнами матрас.

Внезапно почувствовав, что за ней кто-то наблюдает, Малин резко обернулась. Однако позади неё никого не оказалось.

Там не было ни Эрика, ни незнакомца с ножом, ни безликого монстра, преисполненного безграничной ненависти.

Она вернулась к входной двери, открыла её и вышла на крыльцо. Пока её глаза привыкали к окружающей темноте, а предметы вновь обретали контуры, влажный промозглый воздух тут же проник сквозь свитер Малин, и она поёжилась от холода.

К домику примыкала какая-то пристройка. Малин включила свой карманный фонарик и отправилась к этой кособокой хижине, тщательно выбирая, куда ставить ногу. Тем не менее, она ухитрилась наступить прямо на упавшую черепицу, и жуткий треск прорезал тишину осеннего вечера.

Малин немедленно выключила фонарь, замерла и прислушалась.

Ничего.

Только ветки кустов легонько царапали стёкла, да упрямо стучали попадавшие в прорехи на крыше капли дождя.

Прежде чем пойти дальше, Малин засунула руку в карман и достала мобильник, чтобы отключить звук. Затем так тихо, как только могла, она прокралась к пристройке. Там было две двери — на одной из них висела треснувшая табличка с сердцем, а вторая была заперта на тяжёлый навесной замок.

Малин пошла к запертой двери. Она принялась озираться вокруг, одновременно обшаривая руками пространство за наличником. Ей за шиворот немедленно посыпались листья и хвоя. Нагнув голову, чтобы отряхнуть мусор, Малин заметила у стены разбитый горшок с давно погибшей пеларгонией. Она наклонилась и пощупала влажную землю

в горшке. Потом присела на корточки и осторожно провела рукой вокруг доньшка.

И там — под большим черепком — лежал ключ.

Фагерберг одиноко сидел в своей гостиной, держа в руке стакан виски, и размышлял над своей долгой жизнью.

— Две вещи хотелось бы мне увидеть перед смертью, — произнёс он, серьёзно кивая портрету жены. — Как возьмут Болотного Убийцу и как найдут того, кто застрелил Улофа Пальме. Именно в таком порядке, если будет позволено.

Фагерберг думал об Эрике Удине, который побывал у него на днях. С лихорадочным взглядом тот задавал Фагербергу весьма конкретные вопросы и усердно записывал ответы.

Фагерберг теперь знал, что поимка преступника — дело времени.

Потом он поставил стакан на стол и взял в руки книгу Отто Венделя «Мёртвые должны заговорить». Он хотел ещё раз прочитать о граммофонном убийстве. Из всех историй потрепанной старой книжки это была самая любимая история Фагерберга.

Но едва он взял книгу в руки, как его пронзила резкая боль за грудиной. Фагербергу показалось, будто невероятная тяжесть упала ему на грудь, или будто его обмотали невидимой липкой лентой, так что невозможно стало дышать.

«Не время, — сказал себе Фагерберг. — Не сейчас».

И потянулся за телефоном, чтобы вызвать помощь.

* * *

Эрик Удин находился всего в нескольких сотнях метров.

Перед ним расстилалась блестящая черная гладь озера.

Эрик глядел на воду, на стоявшие вдоль берега деревья. Каждое лёгкое дуновение ветра вызывало шорох среди зарослей тростника.

Внезапно Эрику показалось, что всё вокруг затрепетало, и он ощутил порыв ветра. Через несколько мгновений это повторилось снова.

«Дыхание Эстертуны, — подумал он. — Почему я не замечал его раньше?»

Эрик пытался понять.
Понять он, вероятно, мог бы, но принимать правду не хотел.
Глядя на мобильник у себя в руках, Эрик думал о сообщении от той сотрудницы полиции, которая привезла ему кольца.
Стоило ли звонить ей сейчас?
Было слишком поздно.
В груди у Эрика защемило от отчаяния. Ноги несли его к дачному массиву.
Ему оставалось сделать только одно.

* * *

Дверь со скрипом отворилась, и Малин скользнула внутрь. Пахло дровами и ещё чем-то затхлым. Этот запах Малин распознать не смогла.

Она закрыла за собой дверь, включила фонарик и огляделась.

Пространство было вытянутым и узким. На полу лежал толстый слой опилок. Вдоль стены напротив Малин по обеим сторонам маленького окошка стояли штабеля дров. Перед дровами высилась покрытая старым истрёпанным брезентом непонятная куча, из-под которой торчали толстый край прозрачной пластиковой плёнки и несколько досок.

Слева, чуть поодаль, Малин заметила зелёную нейлоновую сумку.

Малин подошла к сумке и заглянула внутрь. Там лежали смятая простыня и маленькая красная записная книжка.

Книжка показалась Малин странно знакомой, и когда к ней пришло прозрение, Малин в ужасе остолбенела.

Она бросилась на колени и схватила книжку. Ощувив пальцами прохладу переплёта, она дрожащей рукой раскрыла первую страницу.

Почерк был аккуратный и до боли знакомый.

«Ты была здесь, Ханне», — подумала Малин, и желудок немедленно скрутило. Малин положила фонарик на старую чурку, чтобы поближе рассмотреть содержимое сумки. Луч света выхватил из сумрака кусок пластиковой плёнки, которая торчала из-под брезента, и Малин застыла на месте.

Что-то виднелось под слоем плёнки.

Малин нагнулась ниже, чтобы рассмотреть, что это.

Сначала мозг отказывался воспринимать информацию, и всё, что видела Малин, было бледной бесформенной массой. Но потом Малин поняла.

Из-под плёнки виднелись очертания человеческого лица.

Рот был открыт, черты искажены, кожа утратила цвет. Тем не менее, ошибки быть не могло. Наружу торчала прядь седеющих рыжих волос, а под подбородком виднелся воротничок белой блузки.

Ханне.

Малин инстинктивно попятилась, хватая ртом воздух. Она врзалась во что-то мягкое и, ещё не успев обернуться, ощутила запах пота.

Человек в чёрном капюшоне стоял прямо у Малин за спиной.

Его одежда была мокрой, и волосы мокрыми верёвками свисали на лицо, которое угадывалось под тёмной тканью. В руках человек держал большой молоток. Тот матово поблёскивал в свете фонарика.

Малин отступила на несколько шагов, споткнулась о тело, завёрнутое в плёнку, и выставила вперёд руку, пытаясь защититься.

Человек стоял совершенно неподвижно, за исключением ритмично поднимавшейся и опускавшейся грудной клетки.

Тело Малин сковало шок, сердце бешено забило в груди, а во рту мгновенно пересохло, когда она осознала, во что ввязалась.

— Дьявол! Что ты здесь делаешь? — прорычал человек.

— Я...

Он замахнулся молотком.

— Нет! — Малин с криком согнулась, но недостаточно быстро.

Удар пришёлся ей в висок, и пол стал стремительно приближаться к её глазам.

«Нет, — пронеслось у неё в голове. — Не я. Не сейчас. Не так».

И на сетчатке Малин возникла беззубая улыбка Отто.

Манфред прослушал сообщение от Малин, лишь когда они с Лодде вернулись обратно в город.

— Остановись, — велел Манфред.

Лодде недоверчиво поглядел на него.

— Здесь?

— Да, здесь.

Лодде резко затормозил и остановился возле тротуара. Ехавший позади автомобилист зло засигналил, а велосипедист, проезжая мимо, постучал рукой по крыше их машины.

Манфред снова поднёс мобильник к уху.

— Почему...? — начал было Лодде, почёсывая растрёпанную бороду, но Манфред предостерегающе поднял руку:

— Тихо. Мне нужно связаться с Малин.

Ещё один автомобилист засигналил сзади.

— Здесь стоять нельзя, — заворчал Лодде. Манфред его проигнорировал. Через несколько секунд он оторвал мобильник от уха и взглянул на Лодде.

— Час назад Малин оставила сообщение. Подвал Эрика Удина оклеен вырезками об убийствах. Его жилище похоже на жилище долбаного психопата.

— Но...

Лодде притих.

— А теперь я не могу дозвониться до неё.

— Эрик же слишком молод! Когда убили Линду Буман, ему было ведь всего четырнадцать-пятнадцать?

Лодде перевёл дух и снова заговорил:

— К тому же. Странные вещи творятся. Я помню...

— В данный момент мне наплевать, кто это, — оборвал его Манфред. — Я просто хочу дозвониться до Малин.

— Она сказала, куда собиралась ехать?

— В управление. Но в таком случае она уже взяла бы трубку.

— Я позвоню, узнаю, не видел ли её кто-то из коллег, — сказал Лодде, вытаскивая из кармана поношенной ветровки свой мобильник.

Манфред забарабанил пальцами по ветровому стеклу, размышляя, пока Лодде беседовал со следователями.

— Нет, — сообщил Лодде, закончив переговоры. — Она не возвращалась. Но прошло ещё не так много времени. Может, она остановилась перехватить бургер, или...

— Мне это не нравится.

— Может, по пути домой она решила проверить тот сигнал?

— Сигнал?

— Ну да, был же какой-то тип, который сказал, что видел женщину, похожую на Ханне, в дачном массиве, — сказал Лодде. — Это же рядом с домом Эрика?

Манфред помнил тот день, когда они побывали в таунхаусе Эрика. Как тот ходил по кухне взад-вперёд, обхватив голову руками.

«Что такое он там говорил о своём отце?»

...сейчас, откровенно говоря, он только сидит и пьёт — у себя дома или на дачке у приятеля.

— Поворачивай, — скомандовал Манфред. — Нам нужно назад, в Эстертуну, и побыстрее.

* * *

Эрик пошёл короткой тропой по мокрой траве, и ему пришлось продирается через колючий кустарник. Ветки царапали ему щёки, но Эрик не обращал на это внимания.

Эрик заметил, что вдоль дома всё ещё торчат отцветшие люпины, и разросшиеся до гигантских размеров манжетки, и герань, которую давно нужно было срезать. В следующий миг он едва не угодил в глубокую яму, и сразу забыл о растениях.

Эрик толкнул дверь и вошёл в пристройку. В нос ему сразу ударил запах гниения и опилок. Посреди комнаты на полу сидел человек в чёрном капюшоне, спиной к выходу. Карманный фонарик, лежавший на чурке возле него, освещал гротескную сцену: окровавленный молоток, который человек держал в руках, и лежавшую навзничь женщину, рядом с головой которой расплывалась лужа свежей крови.

Её лицо распухло, каждый раз, как она делала вдох, раздавался хрип, и в уголке её рта пузырилась кровь.

Это была она, та женщина из полиции, которая приходила к Эрику и отправила ему сообщение.

Человек на полу обернулся, снял капюшон и посмотрел на Эрика.

Эрику хватило мгновения, чтобы осознать, что все его самые страшные опасения подтвердились, но это мгновение, казалось, длилось целую вечность. Время тянулось, удлинялось до предела, как резина, а Эрик пытался воспринять увиденное. Но несмотря на то, что истина лежала прямо перед ним, на полу, жестокая и неоспоримая, Эрик всё ещё не желал верить.

Летели секунды.

— Я знал это, — наконец прошептал Эрик.

Почти всю свою жизнь он прожил с мыслью, что мама бросила их. Что это мама виновата в том, что в жизни Эрика не было любви, что она была скудна, как каменистая равнина. А после того, как останки матери были обнаружены под гаражом в Берлинпаркен, Эрик убедил себя, что вся вина за его боль лежит на безымянном монстре, на Болотном Убийце.

Тогда он решил докопаться до правды.

Эрик думал, что стоит ему разгадать эту тайну — и он освободится от тьмы.

— Я знал это, — повторил он.

— Э... э... то, — заговорил его папа. — Я не имею к этому отношения. Это же хибара Суддена. Я нашёл её здесь, и...

— Это ложь, ложь, и ещё раз ложь.

— Нет. Я пришёл сюда, а она...

— Молчи! — завопил Эрик, и слёзы хлынули потоком у него из глаз. — Ты можешь просто заткнуться? Я знаю, что ты сделал. Я знаю, что это был ты, всё это время. Всё, что ты говорил мне, — ложь.

— Нет, я...

Бьёрн поглядел вниз и свободной рукой потёр культю ноги. Длинные седые пряди скрыли его лицо.

Эрик знал, что нужно уходить. Что его отец опасен, по-настоящему опасен. Но Эрик не мог сойти с места, потому что овладевшее им отчаяние было парализующим. Нет, Эрик не испытывал страха — потому что слишком мало ценил собственную жизнь.

Он перебирал в памяти все случаи, когда держал на ладони пригоршню таблеток Май, раздумывая, не положить ли конец этому дерьму. Даже тогда ему не было страшно, только немного тревожно от ощущения незавершённости. Эрик чувствовал, что должен был что-то свершить.

Нет, он не боялся смерти.

Он боялся жизни, а это страх совершенно иного рода.

— Я не... — начал Бьёрн.

— Закрой рот! Заткни свою пасть! — закричал Эрик. — Ты убил их...

Рука Бьёрна замерла в движении и так вцепилась в протез, что тот съехал на сторону.

Эрик поглядел на его ногу.

— А твоя нога, — произнёс он. — Так называемый несчастный случай. Я изучил каждый день, каждый час, каждую минуту той зимы в восьмидесятых. Тебе ампутировали ступню ровно через две недели после убийства Линды Буман. Никакой грёбаный мусоровоз на тебя не наезжал. Ты повредил ногу, когда вылезал из окна той квартиры в Берлинпаркен. А инструмент медвежатника тебе Судден подогнал, так ведь?

— Нет, всё было не так.

Голос Бьёрна понизился до шёпота.

— Ты не поехал в больницу, потому что боялся, что тебя заподозрят, разве нет? А когда ты всё-таки пошёл к врачу, ступню уже было не спасти. И это была большая удача, потому что ты больше не мог бегать по улицам и убивать людей.

Стало тихо.

— Всё было ложью, — прошептал Эрик. — Я нашёл письмо от твоего бывшего работодателя. Сокращение, говоришь? Так ты объяснил всё бабушке? Чёртов лгун! Ты угрожал убить свою начальницу, потому что не выносил её. За то, что она женщина. Поэтому тебя вышвырнули.

Эрик замолчал, потому что тьма стала такой непроглядной, такой душающей, что засасывала в себя даже слова, словно морская пучина.

— Ты украл у меня жизнь, — простонал Эрик, — и даже не можешь признаться в этом.

Бьёрн сидел молча, опустив голову. Рукой он всё ещё держался за культу.

Эрик обратил взгляд на женщину, которая раскинулась на покрытом опилками полу. Дыхание её стало реже, лицо побледнело, а в уголке рта больше ничего не пузырилось.

Эрик знал, что должен задать этот вопрос, хоть знал ответ заранее.
— Ты и маму тоже убил?

Бьёрн ничего не ответил.

— Я отыскал твой старый паспорт, — продолжал Эрик. — Там стоял штемпель с Мадейры. На нём значится май 1977-го. Ты сам послал оттуда открытку, чтобы отвести от себя подозрения, так ведь?

Бьёрн молчал.

В душе Эрика ширилась и рвалась наружу тьма. Вся боль, которую он пытался заглушить так долго, что она стала частью его существа, теперь угрожала разорвать его на кусочки.

Наконец Эрик понял, как можно избавиться от боли. Он шагнул к своему отцу и вырвал у него из рук окровавленный молоток.

Человек, в чьей душе жила тьма, поднял молоток, чтобы убить своего отца.

Я поднял молоток, чтобы убить своего отца.

Охотник за тенью

Меня зовут Эрик Удин, и эту книгу написал я.

Мой отец — убийца.

Это он убил мою маму, и это он убил других женщин.

Папа уникален в том плане, что представляет собой образец самого типичного убийцы — и одновременно самого нетипичного.

Типичного — потому что убил свою жену.

Нетипичного — потому что он — серийный убийца, а это такая редкая порода, что почти не встречается. Почти — ведь за несколько десятилетий мой папа погасил пламя жизни шести женщин.

Его ненависть представляется мне безграничной, а так как я знаю о ненависти всё, мне кажется, я имею право высказаться по этому поводу. Ненависть, которую мой отец носит в себе, направлена против женщин.

Против таких женщин, как мама, которая строила карьеру, в то время как у папы на работе его смогла обскакать женщина, которая, выражаясь его языком, не могла «разобрать машину и собрать её заново с закрытыми глазами».

Таких, как Май, его собственная мать, которая воспитывала его в одиночку — строго, но добросовестно, несмотря даже на то, что, сама того не зная, предала его, отправив к тётушке-алкоголичке и её мужу-садисту в Ничёпинг тем «ужасным летом».

Иногда мне кажется, что папа каждый раз заново убивал свою маму. Что на самом деле он ненавидел именно бабушку, а все остальные были всего лишь её безликими инкарнациями.

Бабушка часто рассказывала про «ужасное лето». Она считала, что все папины проблемы коренились именно там, но лично я в этом не уверен.

Возможно, с ним было что-то не так с самого начала. Что-то, что невозможно описать словами.

Возможно, правильного ответа нет.

Психологи считают, что в его случае движущей силой была власть. Что сексуальное насилие было всего лишь вектором, благодаря

которому он мог осуществлять свою власть над женщинами и на короткое время побеждать собственную немощь.

Они говорят, что виноваты в этой его немощи несчастливое детство вкупе с психологической травмой, которую он получил в пятилетнем возрасте.

Они согласны с Ханне в том, что невозможно осознать мотив папиных преступлений, не дав себе прежде труда понять, какие перемены произошли в обществе. Как женщины сделали шаг в профессиональную жизнь. Предоставили детей чьим-то заботам и принялись карабкаться по карьерным лестницам так, как прежде во все времена это делали мужчины.

Очевидно, у большинства мужчин не возникало с этим проблем. А если проблемы и возникали, то эти мужчины справлялись с ними как-то иначе — они не убивали женщин.

Но папа оказался исключением.

Ненависть, уже охватившая его душу, направила свой разрушительный вектор против женщин, которые, в силу разных причин, самостоятельно воспитывали детей: или потому, что так хотели, или имели такую возможность, или были вынуждены.

Совсем как бабушка.

Что касается метода... этого ритуала с вбиванием гвоздей... Мне кажется, его следует понимать метафорически. Женщина должна знать своё место. Её нужно остановить. Она должна оставаться дома.

Так что могло быть логичнее, чем приколотить их к полу гвоздями?

К тому же, он ведь слышал разговоры о настоящем Болотном Убийце и читал мамин рассказ об Элси. Мне кажется, эта история разбудила в нём что-то, создала в глубине его души определённый резонанс. Чистый и ясный звук среди какофонии и хаоса действительности.

Простое и одновременно ужасающее решение проблемы.

Он высматривал их на детской площадке в Берлинпаркен. Очень может быть, что в это время он гулял со мной. Что я сидел в коляске и смотрел на женщин, которых мой отец впоследствии убил. Что они угощали меня лимонадом и булочками, а я играл с их детьми. Что их тёплые руки гладили меня по голове, когда я падал с качелей. Что они

считали папу симпатичным, интересным, очаровательным — так о нём отзывались люди.

В его планы не входило, что мама станет одной из его жертв, но она сама вышла прямо к нему там, в парке. Не сделай она этого, возможно, её жизнь так и текла бы своим чередом, и лето неумолимо превратилось бы в осень, а потом над Эстертуной сгустилась бы зимняя мгла.

Мне любопытно, мог ли между мамой и веснушчатым даларнцем вспыхнуть роман? Смог бы Фагерберг наконец относиться к ней как к равной, невзирая на то, что каждая клеточка в её теле была неправильной, обладая неверным генетическим кодом?

Но этого нам никогда уже не узнать.

После исчезновения мамы мы переехали в бабушкин дом. Я, конечно, ничего о том времени не помню, но впоследствии я понял, что она чувствовала себя обязанной помочь. Она вела дом и держала папу в ежовых рукавицах. Даже если бы он снова почувствовал потребность убивать, мне кажется, тогда у него это не получилось бы чисто физически, потому что бабушкино недрёманное око всегда было направлено в его сторону.

Я ничего не знал о том, что папа впервые стал отцом, ещё сам будучи подростком, и что, соответственно, у меня был старший единокровный брат. Это была тщательно охраняемая семейная тайна. Папа не рассказывал этого даже маме, а бабушка унесла секрет в могилу. Но теперь я понимаю, что папа именно по этой причине иногда запускал руку в мамины накопления — нужно было платить алименты.

Потом появилась Анетта, и родилась моя младшая сестра.

Шли годы, и, быть может, постепенно папа пришёл к мысли, что всё нормально. Что он — нормальный. Но он снова лишился работы, Анетта устала от его вечного пьянства, и в середине восьмидесятых ушла от него.

И вновь он оказался в свободном падении. И убийства возобновились. В это время я жил у бабушки. Возможно, она инстинктивно понимала, что я плохо уживался с папой и Анеттой, и что с её сыном что-то было не в порядке. Возможно, я был её искуплением за то «ужасное лето».

После того, как папа лишился ступни, он стал всё глубже погружаться в свою трясику. Целыми днями он сидел перед телевизором с бутылкой в руке, поглощённый собственной тьмой.

И его тьма стала моей.

Если Элси была семенем, а Бритт-Мари — деревом, осью колеса, вокруг которой завертелась эта странная история, — то я оказался хилым маленьким отростком, который проклюнулся на теневой стороне, где ничего нормально не растёт.

Такое наследие я получил от папы.

А от своего наследия не убежишь, как бы быстро ты не бежал.

Возможно, описывать события словами — полезно. Может быть истории — или слова — освобождают нас от груза.

Только когда я сам вырос, моя ненависть обратилась в потребность понять. Я просил бабушку рассказать о маме и папе. Я прочёл машинописный рассказ об Элси и настоящем Болотном Убийце, который мама записала в семидесятых и который бабушка заставила меня сохранить, когда полиция забрала мамины вещи в середине восьмидесятых.

Этот рассказ стал первой главой моей книги, я лишь внёс минимальные корректировки в текст.

Остальное дописал я сам.

Я реконструировал ход событий так достоверно, как мог, опрашивая тех, кто имел отношение к истории. Я перелопатил горы диссертаций, газетных статей и официальных документов. Изучил протоколы предварительного следствия и журналы следователей и несчётные часы провёл в библиотеках и архивах.

Но самые важные части мозаики встали на свои места благодаря маминым записям и фотографиям, а ещё благодаря встрече с Ханне в Ормберге, когда она столь щедро поделилась со мной историей своей жизни. С другими я тоже говорил. Фагерберг с Рюбэком, на удивление, были настроены позитивно, и ничего не имели против того, чтобы рассказать мне то, что сами знали.

Я ухитрился даже выйти на Августа Буберга — одного из констеблей, которые работали в сороковых вместе с Элси. Этот почти столетний человек, живущий в доме престарелых в Мариефреде, рассказал мне о смерти Элси и о борьбе системы с женщинами-полицейскими в конце пятидесятых. Буберг упомянул, что его бывший

шеф, старший констебль Седерборг, обещал скорее съесть свой старый шлем, чем позволить ещё одной женщине в полицейской форме ступить на порог четвёртого полицейского участка.

Но охотнее всего Буберг говорил об Элси.

— Я ведь был очарован ею, — признался он, и глаза старика заблестели. — Очарован сильнее, чем женатый человек может себе позволить быть очарованным коллегой, если вы понимаете.

Одно было мне ясно с самого начала: это не будет история о папе, потому что он этого не заслуживает. Эта история не встанет в один ряд с писульками, от которых меня тошнит, — с теми, что возводят монстров в один ранг с рокзвёздами: В голове серийного убийцы, Разговор с серийным убийцей, Охота на... и бла-бла-бла.

Нет.

Это должна быть история о тех, кто пытался его остановить. О женщинах, которые превратились в тени, и которым не дано было прожить свои жизни. О них, угасших, словно свечи, на сквозняке из открытого окна — о Бритт-Мари, Ханне, Линде и других.

Я всецело погрузился в эту историю, я охотился на неё, пока она не поймала меня.

Я стал охотником за тенью.

Всеми доступными способами пытался я разобраться во всём этом, потому что инстинктивно чувствовал: только так я смогу себя спасти. Я добровольно признаю, что порой кое-что додумывал. Но это лишь для того, чтобы сделать непонятное понятным, чтобы облечь непостижимое в слова.

«Разве я вообще способен написать такую историю?» — думал я.

«Могу ли я записать её?»

В моих жилах течёт его кровь и, к тому же, я — мужчина, совсем как он.

Я долго над этим размышлял. Рассматривал проблему под разными углами, крутил её и вертел, пока наконец не пришёл к выводу, что это не имеет никакого значения. Мы, люди, такие же животные, как и все прочие. Против всех, кто представляет собой угрозу, мы применяем силу, потому что можем и потому что желаем этого. Вне зависимости от пола — совсем как начальница Малин.

Только об одном написать я не решился — о том, как мой папа убил маму.

У меня не получилось — было слишком больно. Но как раз в этом, наверное, нет ничего странного — ведь мой папа убил маму, и похоронил её под строящимся многоуровневым гаражом.

Я напишу это ещё раз:

Мой собственный папа убил мою маму, и спрятал её тело под строящимся гаражом.

Я пытался, даже не один раз, но не смог, не посмел, не захотел писать о том, что произошло тем дождливым вечером, когда мама отправилась проверить сообщение Гуниллы Ньюман о том, что в парке стоял человек и разглядывал её окно.

Единственным утешением мне служит тот факт, что мама своим появлением, вероятно, спасла жизнь Гунилле. Ценой собственной смерти она сохранила чужую жизнь.

Я хотел бы, чтобы мама об этом знала.

Вам, наверное, любопытно, что же дальше происходило в дачном домике в Эстертуне. Как всё закончилось для Малин. Сдался ли я под напором тьмы, или те слова, что я уже начал складывать в историю, стали для меня плотом, на котором я смог выплыть оттуда?

Так вам интересно, убил ли я своего отца?

Стал ли я таким же, как он?

Кем написана книга, которую вы читаете — палачом или жертвой?

Молоток, который я держал в руке, казался мне неопишимо тяжёлым, словно кувалда. С него капала на пол кровь.

Мой папа — убийца — сидел на полу передо мной, и лицо его было испачкано кровью.

Женщина на полу лежала совершенно неподвижно. Если она ещё и была жива, то по ней этого было не понять. Лицо её было бледным, глаза — закрытыми.

— Почему? — прошептал я, опустил молоток и крепко прижал его обеими руками к груди, как ребёнка.

Папа ничего не ответил, и во мне снова пробудился гнев. Я замахнулся молотком, приняв твёрдое решение убить его, так же, как он убивал женщин, — беспощадно и без колебаний.

А потом очень быстро одно за другим произошли сразу несколько событий.

Когда я поднимал руку с молотком, то случайно зацепил цепочку, которую носил на шее. Цепочка порвалась, и кольца Элси и Бритт-Мари упали на пол, в опилки. Я наклонился, чтобы их поднять, но, бросив случайный взгляд на собственное отражение в оконном стекле, остолбенел.

Человек, которого я увидел в отражении, был моим отцом. Ненависть так сильно исказила мои черты, что моё лицо стало похоже на его. В глазах стояла тьма, тьма сочилась из уголка презрительно изогнутого рта.

Я бросил взгляд на кольца, которые так и не поднял с пола, и подумал о маме и об Элси. О том, как их жизни были походя отобраны мужчинами, которые не могли или не хотели обуздать свою ненависть. Эта мысль захватывала моё сознание всё сильнее.

«Всё циклично, — подумал я. — История повторяется, снова и снова».

Просто мы этого не видим.

Но то, чего мы не замечаем в потоке дней, становится очевидным через годы, когда мы оглядываемся назад.

И я после долгих поисков истины об убитых в Эстертуне женщинах это понял.

«Я могу остановить этот цикл насилия и ненависти», — подумал я.

Я сделал выбор. Не быть орудием тьмы, не передавать эстафету. В то мгновение у меня была власть поступить так. Такой шанс бывает лишь однажды.

Послышался приближающийся вой сирен. Он разорвал тишину в ключья, напомнив мне о жизни, которая продолжалась снаружи.

Я опустил руку и выпустил рукоять молотка. Он упал на пол, и я закрыл глаза.

Все последующие дни я по многу часов проводил с Манфредом и его коллегами, снова и снова пересказывая странную историю, которая началась в Стокгольмском районе Клара в сороковые годы прошлого века, а завершилась в дачном домике, в Эстертуне, семьдесят пять лет спустя.

Мы собрали воедино почти все кусочки мозаики. Единственное, чего мы никогда не узнаем наверняка, — это кто убил Элси той лютой военной зимой в сорок четвёртом. Но лично я убеждён, что это был Биргер фон Бергхоф-Линдер.

К тому моменту, как нашлась Ханне, она была мертва уже как минимум две недели. Судебные эксперты обнаружили на её черепе повреждения, которые с высокой вероятностью свидетельствуют о том, что причиной смерти стал удар молотком. В бочке возле дома были найдены обугленные фрагменты её туфель и сумки. А яма в саду, вероятно, должна была стать могилой Ханне.

Больше не осталось никаких вопросов, никаких тайн, только страшная правда.

Папа был нем как рыба.

Он не сказал ни слова о своих преступлениях. Ни намёка на признание не вырвалось из его рта.

Через четыре дня я смог навестить Малин в больнице. Когда я пришёл, она лежала в постели с перебинтованной головой. Рядом с ней сидел Андреас, а Отто ползал вокруг кровати по полу и изучал палату.

— Простите, — сказал я, стуча в и так открытую дверь.

— Входи, — отозвалась Малин с улыбкой.

Андреас подошёл и протянул мне руку.

— Ты же...?

— Эрик, — подтвердил я, пожимая руку.

— Спасибо, — сказал он, и глаза его наполнились слезами. — Не знаю, как мы сможем тебя отблагодарить.

Я улыбнулся.

— Я хотел узнать, нельзя ли недолго побеседовать с Малин, — сказал я.

— Само собой, садись.

Андреас выпустил мою руку.

— Мы с Отто пойдем немного перекусим, — сказал он, обращаясь к Малин. — Купить тебе чего-нибудь?

— Спасибо, ничего не нужно, — ответила она.

Андреас подошёл к кровати, подхватил Отто с пола, наклонился к Малин и легонько чмокнул её в лоб.

— Я тебя люблю, — сказал он. И вышел.

Я закрыл дверь, подошёл поближе к кровати и устроился на стуле рядышком. Мы немного поговорили о том непостижимом, что с нами произошло.

— Одного я не могу понять, — сказал я. — Как Ханне оказалась в этой хижине?

Малин несколько раз моргнула и грустно улыбнулась.

— У Ханне была деменция, — сказала она.

Я кивнул, потому что это уже было мне известно.

Она продолжила:

— Она обычно записывала в блокнот свои текущие дела. Чтобы ничего не забыть, чтобы иметь хоть какую-то твёрдую опору, структуру в жизни, несмотря на свое заболевание. А в тот день, когда она исчезла, у неё в сумочке была с собой старая записная книжка, которую она вела, когда в восьмидесятых участвовала в расследовании этого дела. И...

Малин замолчала, и по её щеке скатилась слеза, оставив на загорелой коже светлую дорожку.

— Знаешь, какая запись была первой в той книжке? — спросила она.

Я покачал головой.

— Зайти к Бьёрну Удину, Стургатан, 12, четыре лестницы.

— Так ты хочешь сказать...

Малин закрыла глаза и кивнула.

Я поглядел в окно и представил себе Ханне тем тёплым летним днём. Я как будто увидел, как она сидит на солнышке, на скамейке перед больницей Софияхеммет, и дрожащими руками достаёт свою книжку, чтобы прочесть собственноручно написанную инструкцию.

А потом?

Она сама смогла сесть на нужный автобус? Или встретила добродушных людей, которые объяснили ей, как добраться до дома Бьёрна?

И что произошло, когда она туда добралась?

— Я думаю, она пришла к твоему отцу домой и стала задавать серьёзные вопросы, — сказала Малин, словно прочитав мои мысли.

— Не думаю, что они были просто серьёзными. Они явно были острыми, как бритва, если у меня сложилось о Ханне верное впечатление. — Считаешь, она подобралась к истине слишком близко?

— Уверена в этом. Конечно, обманом заманить её в хижину не составило ему труда. Там он её, вероятно, некоторое время держал живой. Может быть, просто не знал, что с ней теперь делать. Она ведь не вписывалась в типичный портрет его жертвы.

Малин всхлипнула, и я протянул ей платок.

— Я хочу кое о чём тебя попросить, — сказал я, доставая ручку и бумагу.

И я рассказал Малин о своих планах.

В другом крыле больницы лежал Свен Фагерберг, окружённый аппаратами, которые контролировали его пульс, дыхание и насыщение крови кислородом. От электроники исходил слабый шум и пиканье.

На стуле рядом с кроватью, закинув ногу на ногу, сидел Манфред. Он, в отличие от остальных, чувствовал себя здесь привычно, потому что в прошлом году его собственная дочь провела несколько месяцев в палате интенсивной терапии после того, как серьёзно пострадала в результате несчастного случая.

Несмотря на это, а возможно, именно по этой причине, от зрелища измождённого тела Фагерберга в окружении поддерживающих жизнь аппаратов Манфреду было не по себе.

— Я подумал, вам будет интересно узнать, как мы его взяли, — закончил Манфред свой рассказ о поимке Бьёрна Удина.

Фагерберг приподнял одно веко. Его лицо было пепельно-серым, а оставшихся сил у него едва хватило бы, чтобы выговорить несколько слов.

Его покрасневший глаз поглядел на Манфреда.

— Ей нужно было стать секретаршей, — прошептал Фагерберг и закрыл глаз.

— Простите, — переспросил Манфред, нагнувшись над умирающим, чтобы лучше расслышать его. — Кому?

Но Фагерберг уже провалился в глубокий сон, чтобы больше не проснуться.

В последующие дни я ещё два раза навещал Малин, и мы беседовали по многу часов. Она помогла мне отыскать последние кусочки мозаики.

Окончание истории я дописал самостоятельно.

Словно пальцы сами знали, что нужно делать, когда касались клавиатуры. Словно это знание жило в моём теле. Слова рождались прямо у меня на глазах, поселялись на экране, складывались в предложения и абзацы, и постепенно стали моим плотом.

Он не был слишком красив, но свою функцию выполнял.

И тьма отступала с каждым написанным мной словом.

Свой рассказ я закончу здесь, в подвале, сидя за компьютером.

С того дня, как был схвачен мой отец, прошло три месяца.

Я переехал наверх, в бабушкину спальню, выкинул всю старую мебель и купил новую, а теперь я собираюсь позвонить сестре. Может быть, время ещё не упущено, и мы сможем наладить какие-то отношения. Но я изо всех сил стараюсь привести ожидания в соответствие с реальностью. Мы не виделись много лет, и я не могу вспомнить, когда последний раз сказал ей доброе слово.

Честно говоря, я сомневаюсь, что вообще когда-нибудь это делал.

Я виню в этом свою тьму, и папу, но, определённо, во всём случившемся есть и моя вина. Я ведь мог сделать выбор идти дальше ещё много лет назад, но я этого не сделал. Поэтому я считаю, что в качестве одного из этапов своего излечения я должен попытаться простить себя.

Я размышляю над тем, стоит ли связаться и с единокровным братом. Но я ещё не принял решения — он ведь всё ещё считает своим отцом Курта Санделла, и порой мне кажется, что лучше всего будет позволить ему сохранить эту убеждённость. Ларс ведь никого никогда не просил втягивать его во всё это.

Моя история подходит к концу.

Я закрываю глаза и вижу Элси Свеннс, мою бабушку, с которой всё началось. Волшебное семечко, из которого со временем выросла эта необычайная история, несмотря на то, что сама Элси стала тенью.

Но так как история циклична, пусть она закончится там, где начиналась.

Я протягиваю руку за единственной уцелевшей фотокарточкой Элси — солнечным днём она стоит на променаде Страндвеген и улыбается незнакомому фотографу — и кладу руки на клавиатуру.

* * *

Тёплым весенним днём 1933 года Элси впервые ступила на шведскую землю. Над Европой клубилась тьма. В Германии президент Гинденбург был вынужден отдать пост государственного канцлера Адольфу Гитлеру. Была основана Гестапо, начались бойкоты еврейских лавок, и был открыт Дахау — первый концентрационный лагерь.

В то время, как Элси садилась на корабль в Финляндии, в Берлине полыхал книжный пожар. Искры взвивались высоко в воздух, пока огонь пожирал запрещённые книги. В Норвегии Видкун Квислинг совместно с Юханом Бернхардом Юртом только что основали местную нацистскую партию.

Но Элси видела перед собой только Стокгольм.

Остановившись на площади Ньюбруплан, она замерла, очарованная открывшимся пейзажем. Вдоль причала выстроились гружёные лесом и льдом баржи, а рядом судна поменьше мирно покачивались в спокойной воде. В городской суете проезжали трамваи и пролётки. Вокруг было больше людей, чем Элси когда-либо видела. Там были типичные жители Стокгольма — мальчишки-разносчики, домашняя прислуга, домохозяйки. Писатели, ремесленники, машинистки. Благородные господа, легконогие дамы, несмышлёные детишки, играющие в догонялки прямо на трамвайных путях. Гуляющие семейства, которые направлялись в сторону острова Юргорден, да разнорабочие, которые мельтешили возле барж на пристани.

И среди всей этой толпы стоит она — не ведая о грядущей войне, не зная, что встретит мужчину, родит ребёнка и столкнётся с убийцей,

который отнимет её жизнь холодной зимой десятью годами позже.

Она выглядит немного растерянно. На ней плащ, а в руках — потрёпанная дорожная сумка. Всё богатство Элси — одежда, которая на ней надета, да и та порядком изношена. Да ещё старая сумочка из коричневой кожи.

Под мышкой Элси держит свёрнутую в рулон газету, которую только что читала. В ней — обстоятельный репортаж о том, как во Франции сёстры Кристина и Леа Папин хладнокровно убили своего работодателя и его дочь и вырвали им глаза.

Но Элси уже почти забыла историю сестёр-убийц. Она повернула лицо к солнцу, закрыла глаза и потянула носом воздух. То был дух древесины и аромат «Аква Вера» от господина, который прогуливался мимо.

Элси верит, что всё будет хорошо. Да и зачем бы ей думать о плохом? Ей выпало жить в эпоху возможностей. Всё стало возможно, даже для такой простой деревенской девчонки, какой была Элси. Она получила право голоса, могла пойти работать, у неё за плечами было неоконченное сестринское образование, и на стокгольмском острове Сёдермальм её ждала комната, которую Элси сняла у одной семьи. А уже на следующей неделе ей предстояло приступить к работе в «Даларнском Замке» — так называли лечебницу для душевнобольных на острове Кунгсхольмен.

Поэтому Элси улыбается.

Она ещё долго стоит на солнце, пребывая в уверенности, что жизнь прекрасна.

От автора

Хочу выразить огромную благодарность всем тем, кто помогал и вместе со мной работал над «Охотой на тень», и прежде всего — своему редактору Катарине и своему издателю — Саре из «Wahlström & Widstrand», а также моему агенту Кристине и её коллегам из агентства «Ahlander Agency». Также хочу поблагодарить сотрудников полиции, с которыми мне посчастливилось пообщаться: Сив Кастемарк, Стиг Грамеус, Эва фон Фогельсанг и Оса Турлэф. Также хочу сказать спасибо Мартине Нильссон из Криминалистического отделения Стокгольмского полицейского региона, которая поделилась со мной своими знаниями о ДНК, а также судебному медицинскому эксперту Мартину Ксатлосу, который дал мне описание некоторых вопросов судебной медицины. Наконец, благодарю мою семью и друзей за понимание и поддержку во время работы над книгой. Без ваших любви и терпения никакой книги бы не было.

«Охота на тень» — это роман, который потребовал много исследовательской работы, но я хочу подчеркнуть, что иногда в художественных целях позволяла себе вольно обходиться с фактами. В тех же целях я оставила за скобками большую часть информации об организации и методах работы полиции. Никто из моих персонажей не имеет реального прототипа в лице женщин-полицейских, с которыми я беседовала в ходе работы над романом. Вся история Болотного Убийцы — выдумка, как и предместье Эстертуна, которого в действительности не существует. Однако существовал реальный преступник, которому дали такое прозвище — «Болотный Убийца».

Осенью 1966 года Ханс «Петух» Мармбу убил трёх человек, двое из которых были обнаружены в районе Болота. Но это, как говорится, уже совершенно другая история.

Камилла Греббе.

Примечания

1

Клара — нижняя часть острова Норрмальм в Стокгольме, получила своё название от Церкви Св. Клары; в настоящее время название Клара является синонимом старого города.

Barnrikehus — вид социального жилья для многодетных и малообеспеченных семей из рабочего класса, впервые появилось в Стокгольме в 1935 году.

Рёмер — бокал для вина из цветного стекла, как правило, коричневого или зеленого. Заведение «Три Рёмера» являлось одним из самых известных в Стокгольме, и находилось на одном месте с 1688 г. вплоть до 1962 г.

Центральная тюрьма Лонгхольмен — исторически одна из крупнейших в Швеции, построена в 1874–1880 гг.

Шведский певец, автор песен, актёр и сценарист, род. в 1947 г.

6

*Жилищное агентство распределяет жильё между очередниками, исходя из срока пребывания в очереди.

Феномен Баадера-Майнхоф, также Иллюзия частотности — когнитивное искажение, при котором недавно узнанная информация, появляющаяся вновь спустя непродолжительный период времени, воспринимается как необычайно часто повторяющаяся.

8

Марка сигарет.

Премия «Фемина» — французская литературная премия, учрежденная в 1904 году по инициативе сотрудниц женского журнала «Счастливая жизнь». По замыслу основательниц, премия должна была составить альтернативу исключительно мужской Гонкуровской премии.

FIV aktuellt — шведская газета, изначально новостное издание, затем трансформировавшееся в газету порнографического содержания для мужчин.

ABC stad — историческая градостроительная концепция в Швеции, благодаря которой снизилась загрузка метрополитена. В пригородах, построенных в соответствии с данной концепцией, рабочие места находились в непосредственной близости от жилых кварталов.

Телевизионный драматический сериал Би-Би-Си, который демонстрировался с 1971 по 1980 гг.

Страховка, покрывающая расходы, которые могут понести граждане в связи с рождением ребёнка; включает в себя как денежные пособия, так и частичное возмещение расходов на лечение и медикаменты, а также проезд в общественном транспорте.

Имеются в виду различные протестные выступления молодежи в разных странах мира (Франция, Италия, Польша, Югославия, Бельгия, Финляндия, Швеция) в 1968 году, во многом эти протесты были направлены против участия США в войне во Вьетнаме, но также протестующие боролись за права человека, против расизма, выступали в поддержку феминизма и защиту окружающей среды.

Беппе Вольгерс (1928–1986) — шведский писатель, поэт, переводчик, лирик, актёр, артист.

Финское ругательство — злой дух, чёрт.

Modus operandi — способ действия (*лат.*).

Aftonbladet — одна из крупнейших газет в Швеции

Юхан Хальворсен (1864–1935) — норвежский скрипач, композитор и дирижёр.

20

Станция метро в Стокгольме.

Снюс — вид некурительного табачного изделия. Представляет собой измельчённый увлажненный табак, который помещают между верхней губой и десной на длительное время, при этом никотин поступает в организм. Известен в Швеции с 1637 года, в основном производится и употребляется именно там. В ЕС (кроме Швеции) с 1992 года запрещена продажа снюса.

Карбонизированная бумага для пишущих машинок — бумага в виде отдельных листов, обратная сторона которых покрыта специальным пигментным слоем для получения копий.

Уичоли — индейский народ, проживающий в западной и центральной Мексике.

Бразильско-американский драматический фильм 1985 года, реж. Эктор Бабенко.

Но я не могу этого сделать. Она убьёт меня, ты же знаешь.

Я понимаю твоё желание сохранить ребёнка. И хочу того же самого.

Сохранить ребёнка.

Астрид Линдгрен, «Братья Львиное Сердце».

Säkerhetspolisen SÄPO — Служба государственной безопасности Швеции.

Частная больница в Стокгольме, на острове Юргорден, связана с университетским колледжем Софияхеммет. Построена в 1889 году. Связь с королевской семьёй восходит к 1884 году, когда в университете ещё продолжалось обучение медсестёр, спонсируемое королевой Софией.

Название садоводческого магазина.

NFC — Шведский национальный криминалистический центр, ранее известный как SKL — Национальная Лаборатория Криминалистики.

Шведская концепция, впервые определённая в конце 1990-х годов для описания общей этической основы для коллективов. Примерами коллективов являются нации, учреждения, организации и общественные движения.

Дерьмо.